XX ВЕК ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

СЕКРЕТНО

ССР

Владимир Крючков

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

№ 0016

Крючков

ФАМИЛИЯ,

Владимир Александрович

ИМЯ, ОТЧЕСТВО

XX
ВЕК
ГЛАЗАМИ
ОЧЕВИДЦЕВ

Владимир Крючков

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

часть вторая

МОСКВА «ОЛИМП» АСТ 1996

ББК 66.3(2Рос)
К85
УДК 323(470)

Серия основана в 1995 году

В 2-х частях

Художник

ВИКТОР КРЮЧКОВ

К 3230000000

ISBN 5-7390-0322-9(Олимп)
ISBN 5-88196-825-5(АСТ)

Глава 1

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

К началу 1991 года кризис охватил все сферы жизни общества и государства. Остро давали о себе знать межнациональные отношения. Увеличилось противостояние в Прибалтике. Сепаратистские силы действовали здесь открыто, игнорировали законы СССР, нагнетали обстановку, увеличивалось число провокаций против советских воинских частей, иноязычного населения.

Информация из Литвы, Латвии, Эстонии поступала тревожная. Силы, стоявшие на позициях сохранения Прибалтийских республик в составе Союза, явно подрастерялись, до конца не понимая, что происходит, какова позиция Москвы. А ведь они представляли большинство населения.

В Латвии на долю иноязычного населения приходилась примерно половина, из них бóльшая часть — русские. В Эстонии иноязычные составляли более одной трети граждан, причем на северо-востоке республики почти 90 процентов жителей были русскими. В Лит-

ве русские, другие этнические группы, в частности поляки, составляли почти 20 процентов от общего числа граждан, проживающих в республике. Но не только иноязычные выступали за сохранение Союза, не мыслили своей жизни вне его. Такие же настроения были характерны и для большей части коренного населения. Сепаратистские настроения возникали не в массах, они инициировались сверху представителями определенных элитарных групп, националистически и в силу разных причин антисоветски настроенных лиц, в частности из числа так называемых бывших.

Несмотря на всплеск национализма, существующую здесь почву для его проявления, созданную пропагандистскими усилиями антисоциалистических сил, в целом социальное положение в Прибалтике характеризовалось относительной стабильностью. Однако в любой момент ситуация могла качнуться в ту или иную сторону, правда, без решающего смещения доли противников и сторонников Советского Союза.

Анализ показывал, что в целом по стране в районах политической напряженности людей по их настроениям можно было бы условно разделить на три группы.

Первая, примерно 5 — 10 процентов, активно выражала свое негативное отношение к Союзу, социалистическому общественному строю.

Вторая, до 15 — 20 процентов, твердо выступала за Союз, за социалистический выбор. Эта часть населения также активно отстаивала свою позицию, проводила митинги, собрания, вела разъяснительную работу.

Третья часть — приблизительно 70 процентов, вела себя пассивно, выжидала, подавалась в ту или иную сторону, короче говоря, служила резервом для тех и других.

Более глубокий анализ, однако, показывал, что в вопросе о Союзе пассивная часть населения, без сомнения, склонялась в большей мере в пользу его сохранения. Таким образом, сепаратизм использовался политиканствующими деятелями для подавления воли большинства и навязывания ему образа жизни, не имеющего ничего общего с его желанием и интересами.

Прежде чем дать характеристику и оценку состоянию советского общества и государства накануне драматических

событий, представляется полезным остановиться на действиях отдельных сил, которые сыграли определяющую роль в ухудшении обстановки в стране и довели ее до того бедственного состояния, в котором мы оказались. Полагаю, что август 1991 года нельзя считать каким-то рубежом, который поделил историю на «до» и «после». Не принижая влияния августовских событий, все же думаю, что нельзя рассматривать эти несколько дней 1991 года как водораздел, до которого развитие ситуации в нашей стране продолжалось в одном измерении, а после — в другом.

События, произошедшие в нашей стране с 1985 года, и особенно в 1988 — 1990 годах, имели свое логическое продолжение после августа 1991 года. Они продолжаются и сегодня, поэтому на все случившееся следует смотреть как на единый сценарий трагедии, разыгравшейся в Советском Союзе. В водоворот событий были вовлечены все значимые социальные, политические и иные силы общества. Произошла широкая политизация масс. Их участие в социально-политических сдвигах было весьма заметным в центре и на местах, правда, в регионах степень активности на первых порах была значительно ниже. У разных сил были различные цели и способы их достижения. Однако для так называемых демократических сил — хотя и в разной мере для отдельных их составляющих — были характерны экстремизм, максимализм и даже нечистоплотность.

Так называемое демократическое движение было активной разрушительной силой. Этот расплывчатый термин призван был обеспечить широкую крышу для самых различных оппозиционных течений. Движение вобрало в себя лиц, вышедших, по сути, из полулегального состояния, в условиях которого они действовали во времена Хрущева, Брежнева и в последующие годы.

В общем потоке «демократического движения» оказались силы, выступавшие с противоположными взглядами на государственность, общественный строй, на мировоззренческие подходы в идеологии, и вместе с тем в нем были лица, намеревавшиеся лишь подправить национальную политику, устранить допущенные ошибки и перегибы. В движение включилось целое направление сторонников восстановления морально-правовой справедливости в отношении

отдельных категорий лиц, пострадавших от репрессий в разные годы советской власти.

В «демократическом движении» принимали участие лица, которых вообще не устраивала экономическая политика, кто ставил своей целью установление нового экономического порядка, проведение новой экономической политики; там же были и те, кто хотел только усовершенствовать ее в рамках социалистического выбора.

В движении шумно заявляла о себе целая плеяда западников — рьяных сторонников переориентации Советского Союза во внешней политике на «цивилизованный» капиталистический Запад, на одностороннее разоружение, мир любой ценой.

Таким образом, в «демократическом движении» были представлены социальные группы различных оттенков оппозиционных течений и взглядов.

Одних не устраивало общество в принципе, другие выступали за его обновление, третьи вообще не видели особых проблем, но считали, что общество нуждается в совершенствовании, развитии и потому требует определенных перемен. Тогда мало кто из социологов полагал, что очень скоро речь пойдет о замене социалистического общества на капиталистическое, а точнее, о разрушении союзного государства и ликвидации социализма.

Наиболее активное участие в «демократическом движении» принимали лица, представлявшие политологию. И среди них также были сторонники разных взглядов, однако главная борьба разгорелась вокруг проблемы — какой должна быть политическая система.

На первых порах голоса о переходе от социализма к капитализму звучали довольно редко и робко, были единичными. Выступать в этот период с этих позиций значило не встретить понимания. Однако в 1989 — 1990 годах с антисоветскими, антисоциалистическими лозунгами оппозиция выступала уже в открытую. Вскоре вся система Советского государства, система народовластия оказалась под огнем острых огульных нападок.

Характерной особенностью так называемых демократических сил была их разрушительная деятельность. Огульная критика СССР как формы государственности, отрицание ус-

пехов, спекуляция на репрессиях, необъективное сравнение с тем, что было до Октября 1917 года и что стало при советской власти, сопровождались обещаниями в короткие сроки обеспечить высокий жизненный уровень для всех советских людей. Бóльших радетелей народных интересов, чем «демократы», трудно было себе представить! Для специалистов, сведущих лиц предлагаемые «программы» являлись очевидным блефом, однако они были оформлены в красивую упаковку, звучали привлекательно, обещали быстрое наступление «рая», что, естественно, не могло не привлекать.

Оппозиция апеллировала не только к примерам из прошлого. Манипулируя положением дел, она без особого труда наглядно показывала, что перестройка не сулит ничего хорошего, потому что она-де пытается лишь приукрасить фасад, несколько подправить то, что есть в стране, тогда как требуется слом всего механизма и совершенно новые пути развития.

Подобная пропаганда имела успех хотя бы потому, что у основных действующих лиц перестроечного процесса — Горбачева, Яковлева — действительно не было четкой программы перемен, совершенствования, развития. Их действия носили импульсивный характер, несли разрушение, не содержали понятных людям созидательных целей. Поэтому и так называемые демократы, и вдохновители перестроечного процесса в сути своих устремлений и действий сошлись.

И те, и другие стояли на позициях разрушения политической системы, экономического механизма, идеологии и методологии государственного устройства. Если «демократы» совершали прямые нападки на КПСС и не скрывали своей цели — разрушения партии, то Горбачев и Яковлев подрывали ее изнутри, подготавливая планы раскола, создания на ее основе по меньшей мере двух партий: одной — «догматической», коммунистической, следовательно, не их партии, другой — социал-демократической, под себя.

К середине 1991 года Горбачев и Яковлев сошлись в основополагающем: вместо КПСС должна быть другая партия, социал-демократическая, встроенная в многопартийную структуру. Это общее в идеологии, замыслах и практи-

ческой деятельности Горбачева и Яковлева, с одной стороны, и представителей «демократического движения» с другой, привело к тому, что весной 1991 года нападки на Горбачева, как по команде, практически прекратились. Будучи во главе государства и партии, он искусно выполнял роль разрушителя, что полностью отвечало устремлениям заинтересованных в этом сил в Советском Союзе и за его пределами.

В Комитет госбезопасности и в его местные органы поступала оперативная информация на этот счет, она не вызывала сомнений. Я стремился докладывать ее Горбачеву, в чем мне помогал Болдин. Делился этими сообщениями с Шениным. Явно просматривалась зловещая роль Яковлева.

Последний в беседах со своими единомышленниками все чаще стал ссылаться на свои договоренности с Горбачевым. Мои попытки поговорить с Горбачевым заканчивались или пустыми отговорками, или уклончивыми обещаниями разобраться. Неискренность Горбачева сомнений не вызывала. Лидер партии действовал против партии, Президент Союза разрушал Союз.

Яковлев же набрал силу, расставлял своих друзей «демократов» на ключевые посты прежде всего в средствах массовой информации, все больше наглел, бил своих противников, политически уничтожал их.

В 1989 году обострились отношения Яковлева с Лигачевым и в СМИ началась травля последнего. В 1990 году осложнились отношения Яковлева с Рыжковым, и контролируемое Яковлевым телевидение обрушилось на Рыжкова. К 1991 году антисоветчики довели до нужной «кондиции» Горбачева, и печать оставила его в покое. Можно привести и другие примеры.

По мере развития так называемых перестроечных процессов в стране появлялось все большее число разнообразных политических, общественных течений, заметных деятелей, возглавлявших их или принимавших в них активное участие.

В 1989 году впервые дало о себе знать пока неприметное, неширокое движение, которое возглавил Владимир

Вольфович Жириновский. Образованная им Либерально-демократическая партия сначала не привлекала большого внимания и, казалось, совсем затерялась среди группы небольших общественных течений и партий, которые не делали и вряд ли сделают, как тогда казалось, «погоду» в политической жизни Советского Союза. Но, если не выделялась партия в целом как таковая, то все громче начал заявлять о себе ее лидер Жириновский. Он давал эффектные интервью, выступал со статьями, привлекавшими к себе внимание, делал резкие, неординарные заявления.

Но, пожалуй, один аспект обращал на себя внимание — это подчеркиваемый патриотизм Жириновского и стремление видеть Родину могучей, сильной во всех отношениях, готовность и желание добиваться этого. Деятельность Жириновского, его партии не привлекала внимания КГБ СССР с точки зрения безопасности государства, потому что ничего противоправного в ней не было. Критика в адрес властей, высшего руководства центра была не вызывающей, не содержала каких-то настораживающих нападок, хотя заявка на серьезное место в общественной жизни страны со стороны Либерально-демократической партии, ее лидера Жириновского не могла не привлечь внимания своей размашистостью и претензией на ведущую роль.

В начале 1991 года Жириновский обратился ко мне как председателю Комитета госбезопасности с просьбой принять его и представителей некоторых других партий для беседы по проблемам, которые, по его мнению, заслуживают внимания и небезразличны для государства.

Такая встреча с лидерами так называемого блока центристских партий у меня состоялась. На ней присутствовали Жириновский, В. В. Воронин, председатель центристского блока политических партий и движений, и еще ряд общественных деятелей.

Беседа затрагивала широкий круг вопросов. Собеседники высказывали свою точку зрения на положение в государсве, подчеркивали приближающуюся опасность, указывали на кризисные явления во всех сферах общественной жизни и говорили о своем желании помочь стране выйти из этого положения, подчеркивая при этом, что нельзя не считаться с тем политическим движением, которое они возглавляют.

На мой вопрос о численности Либерально-демократической партии Жириновский ответил, что точных данных пока нет, но это многотысячный отряд единомышленников, представляющий довольно сплоченное ядро, что его ряды с каждым месяцем пополняются и в перспективе он, Жириновский, будет иметь массовую партию. Он подчеркивал, что выступает за единый Советский Союз, за укрепление его внешнеполитических позиций, за улучшение социально-политической обстановки в стране, за строгий правовой порядок, и в частности, за усиление борьбы с преступностью, которая все в большей мере беспокоит советских людей.

В ходе беседы Жириновским был затронут и национальный вопрос. Я понял, что его взгляды расходятся с той политикой по национальной проблеме, которую называли ленинской. Он выступал за строгую централизацию политической структуры в стране, в которой главным был бы не национальный аспект, а территориально-административное устройство, учитывающее интересы унитарного централизованного государства в большей мере, чем это имело место до сих пор.

Я обратил внимание на эрудицию, начитанность и образованность Жириновского, на четкость его суждений, хотя вовсе не хочу сказать, что со всеми его взглядами был согласен. Нельзя было не заметить наличия у этого человека цели, которой он будет служить всеми способами и методами, настойчивости, которую он наверняка проявит в реализации своего политического курса. Он не скрывал расхождений по отдельным вопросам с присутствовавшими на встрече собеседниками, но подчеркнул, что они объединились для достижения общих целей и что это вовсе не означает, что у них один взгляд, одна политика, одна программа действий. Жириновский бесспорно был интересным собеседником с неординарными суждениями, проявлял готовность обсуждать любые проблемы, не скрывал своего непонимания отдельных аспектов внутренней и внешней политики Горбачева.

Во время беседы он затронул и «русский вопрос», подчеркнув, что является приверженцем «русского подхода» к решению проблем. Рассуждая о соотношении национального и интернационального, ясно дал понять, что считает главным в решении всех проблем «русский угол».

Я рассказал Горбачеву о состоявшейся встрече и рекомендовал ему обратить внимание на Жириновского, который мне показался деятелем не без перспектив. Немногочисленность Либерально-демократической партии, заметил я, вовсе не означает, что у нее нет будущего, потому что ее лозунги — с точки зрения патриотизма, стремления видеть Советский Союз более могучим, привлекательным — позволят этой партии значительно расширить социальную базу.

Я не предлагал Горбачеву встретиться с Жириновским, но советовал ему не упускать из виду этого деятеля и его партию и поручить товарищам из ЦК КПСС наладить более активные контакты с представителями Либерально-демократической партии, поскольку подобное политическое явление имеет основу для существования, чего нельзя не учитывать в практической деятельности.

Горбачев не согласился со мной и, как мне показалось, довольно легкомысленно отмахнулся от сказанного, заметив, что в нынешней ситуации появляется множество всевозможных политических групп и течений, однако далеко не у всех имеется будущее, и к их числу он отнес ЛДПР Жириновского.

Хотел бы внести ясность в один вопрос. Он нет-нет да и возникает на страницах печати и особенно подогревается ее «демократической» частью. Это вопрос о так называемых отношениях между Жириновским и Комитетом госбезопасности.

Со всей ответственностью завляю, что никогда Жириновский не использовался Комитетом госбезопасности, не привлекался к выполнению каких-либо поручений, тем более, не был осведомителем, агентом и тому подобное, как иногда некоторые пытаются утверждать. Комитет госбезопасности также не вел разработки Жириновского, не вел оперативной работы по его партии, потому что не видел для этого оснований.

О деятельности Либерально-демократической партии и ее руководителя Жириновского Комитет госбезопасности не писал специальных записок в ЦК КПСС, а затем Президенту СССР Горбачеву, потому что мне, как председателю КГБ, не докладывались материалы, которые указывали бы на какую-либо противоправную деятельность Жириновского,

тем более с точки зрения интересов безопасности государства. Так что подобные утверждения есть попытка определенных сил опорочить Жириновского и бросить на него незаслуженную тень.

Жириновский внушительно заявил о себе и о своей партии в августовские дни 1991 года и после них. Я считаю, что он проявил себя как патриот, как государственник, для которого была небезразлична судьба нашего общества и государства. Хорошо понимая, в каком тяжелом положении мы оказались, он поддержал действия Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР по выводу страны из кризиса, по сохранению нашей державы, наведению порядка, и считаю, что занял в этом вопросе принципиальную позицию.

Жириновский решительно выступил против развала Советского Союза, против Беловежских соглашений. Он осудил «шоковую терапию» в экономике. У него необычные взгляды на выход нашей державы из того кризиса, в котором мы оказались, на решение проблем государственного устройства, национальный вопрос, укрепление международного положения прежде Советского Союза, а сегодня России. Его оригинальность очевидна, он не скрывает своих убеждений, взглядов, своих форм и методов решения проблем и заявляет об этом открыто. Его стремление вывести страну из глубокого кризиса не остается не замеченным самими гражданами, в частности России, и поэтому встречает с их стороны понимание и поддержку. Его преимущество на выборах 12 декабря 1993 года и результаты выборов 17 декабря 1995 года не являются случайными и заслуживают самого внимательного изучения и выводов.

Считаю, что Жириновский блестяще провел предвыборную кампанию 1993 года, реализовал ряд эффектных мероприятий, в максимальной мере учел настроения, пожелания, чаяния отдельных категорий населения России, в точных, метких и привлекательных лозунгах обозначил свое отношение к нуждам граждан России. Жириновский, бесспорно, является политиком, с которым нельзя не считаться.

Правда, политическая жизнь России исключительно сложна, многоаспектна и в значительной мере непредсказу-

ема. Меняются настроения людей, их взгляды, их отношение к отдельным лидерам. Свое дело вершит пропаганда средств массовой информации, которые ежедневно обрушивают на наши бедные головы мощнейший поток лжи, полуправды, с определенными целями подобранной и дозированной информации. Все это перемешивается и порой дает результаты, которые заранее трудно, а порой просто невозможно предсказать.

В какую сторону качнется стрелка весов, как сложится дальнейшая политическая карьера Жириновского, сказать трудно. Но одно ясно — он еще не сказал своего последнего слова. Под влиянием каких-либо факторов он может потерять миллионы своих сторонников, но может приобрести их еще больше и в тех слоях общества, где раньше у него их не было. Во всяком случае, на антикоммунистической ниве он ничего не приобретет, а потеряет много.

И еще одно немаловажное обстоятельство, которое стало в нашей общественной и государственной жизни большим дефицитом: Жириновский держит слово, а если меняет позицию, то умело и смело объясняет это.

В заявлениях и поступках Жириновского, к сожалению, очень часто проявляются максимализм и экстремизм. В большой политике это не может не настораживать. Правда, за экстремистскими заявлениями от Жириновского, как правило, следовали пояснения. Они вносили определенную ясность, но не всегда снимали вызываемую ими настороженность.

К числу примечательных представителей общественно-политической жизни есть все основания отнести Александра Николаевича Крайко. Доктор физико-математических наук, десятки лет занимается точными науками и в этой области преуспел. На его счету серьезные научные работы, он щедро делится своим опытом и знаниями с молодыми учеными, помогает им стать специалистами в своем деле. В политику пришел в 1988 году и в следующем был избран народным депутатом Союза ССР. Был членом Верховного Совета, в работе которого принимал самое активное участие. Начал общественно-политическую деятельность с участия в

демократическом движении; был, можно сказать, одним из ведущих демократических деятелей. Входил в состав межрегиональной депутатской группы, на первых порах выступал с острой критикой порядков в нашей стране, резко критически отзывался о высшем руководстве, — словом, поначалу казался примерным «демократом».

Я как-то сразу приметил Крайко и обратил внимание на отсутствие в его речах, печатных выступлениях демагогии и дешевого популизма. Помню довольно длительную свою беседу с ним в начале 1991 года. Заметны были глубина и широта его суждений, переживание за положение дел в стране, опасения за судьбу Родины, конструктивный подход к вопросам, которые затрагивались по ходу беседы.

Разговор носил товарищеский характер, и я позволил себе задать несколько, на первый взгляд, неэтичных вопросов. В частности, спросил у Александра Николаевича, чем объяснить, что он может позволить себе появиться на Съезде народных депутатов, на Верховном Совете без пиджака и галстука, в сорочке с коротким рукавом — все это как-то не принято в официальной обстановке и вызывает язвительные замечания в его адрес. «Что это, — спросил я, — бравада или демонстративное пренебрежение этикетом?»

Собеседник ответил, что все объясняется просто: он физически неважно чувствует себя в строгой одежде; одеваясь легко, он стремится облегчить работу сердца. Никакой другой причины нет.

Интересны были рассуждения Крайко об экономике, истории нашей страны, о сложившейся ситуации. Он сказал, что является сторонником советской власти, но при одном условии — если она будет совершенствоваться, а не пребывать в «замороженном» состоянии. Решительно высказывался за сохранение Союза и его дальнейшее развитие.

В области международной жизни выступал за упрочение позиций Советского Союза. По всем этим причинам, заметил он, в своем дальнейшем пребывании в межрегиональной группе не видит смысла, потому что все чаще расходится с ее членами по принципиальным вопросам состояния и развития нашей державы.

Личное знакомство с Крайко помогло мне понять, насколько ошибочно и вредно смотреть на «демократов» чо-

хом. Под влиянием обстоятельств в их лагерь попали разные люди, многие из них оказались там случайно. Ни совесть, ни патриотизм, ни воспитание не позволят им навечно связать с «демократами» свою судьбу, рано или поздно они порвут с порочной политикой и обретут верный путь. Крайко показался мне именно одним из таких, и я не ошибся. Действительно, к лету 1991 года он порвал с «демократическим движением» и встал на путь патриотической борьбы за Советский Союз, за державу.

Крайко был одним из тех, кто активно выступал против незаконного привлечения к уголовной ответственности членов ГКЧП и тех, кто его поддержал.

Из «Матросской тишины» я слышал его голос на митингах, которые собирались у стен тюрьмы для выражения солидарности с ее узниками. Я безмерно благодарен ему за телеграммы и письма, которые он присылал в «Матросскую тишину» с выражением поддержки политических заключенных. После августа 1991 года Крайко активно включился в патриотическое движение и показал себя как большой государственник, для которого интересы Родины превыше всего. Его выступления в печати, редкое, по известным причинам, участие в телепередачах неизменно говорят о его принципиальных позициях, убежденности, стремлении отстоять интересы Союза, а затем и России. Он смел и даже резок в суждениях, последователен в отстаивании позиций, которые считает верными. Оставаясь в так называемом демократическом движении, он мог бы сделать «блестящую карьеру», но это никогда не было для него смыслом жизни.

В конце 80-х годов заставило заговорить о себе еще одно имя: Татьяна Ивановна Корягина. Доктор экономических наук, ученая с именем, она ворвалась в общественно-политическую жизнь страны как активная участница «демократического движения», как резкий критик советской действительности, недостатков и пороков нашего общественного строя, непримиримый борец с правонарушениями, убежденный сторонник демократических преобразований, в которые она верила и считала их необходимыми для страны.

Пожалуй, по остроте речей, выступлений в печати, по

телевидению с критикой действий нашего советского руководства, порядков в нашей стране, в защиту «ущемленной» России Корягина в то время мало кому уступала. Все ее высказывания в адрес Горбачева, призывы к походу на Кремль, удары по КГБ, по его председателю Крючкову, у которого якобы «руки в крови», и многое подобное не сходило с уст Корягиной, казалось, было смыслом ее жизни. Она активно поддерживала «разоблачительные» речи следователей Генеральной прокуратуры Гдляна, Иванова, помогала Калугину в кампании по избранию его народным депутатом Союза. В 1989 году, став народным депутатом РСФСР, Корягина активно включилась в борьбу с «ненавистным» центром.

Но одна особенность в общественно-политической деятельности Корягиной не могла оставаться незамеченной: на протяжении всей своей политической деятельности она решительно и последовательно выступала против коррупции, действий преступных элементов по расхищению общественной и государственной собственности, выступала за строгий правопорядок в экономике. В ее речах проскальзывала обеспокоенность положением дел в народном хозяйстве и озабоченность по поводу надвигавшегося на страну кризиса.

В 1991 году Корягина стала все чаще и острее говорить о теневой экономике в Советском Союзе, указывала на опасность этого явления и необходимость принятия решительных мер по его пресечению.

Эта тема в то время неоднократно поднималась мною, как председателем Комитета госбезопасности. Я выступал со статьями, давал интервью, в которых указывал на то, что теневая экономика наносит серьезный ущерб нашей стране и что с этим злом надо вести решительную борьбу.

Летом 1991 года я решил воспользоваться совпадением наших взглядов на теневую экономику, на необходимость борьбы с коррупцией и встретиться с Корягиной для того, чтобы обстоятельно с ней поговорить.

Поделился своим мнением с Горбачевым. Последний к этому отнесся прохладно, можно сказать, без одобрения, потому что в выступлениях Корягиной Горбачеву доставалось, пожалуй, больше всех. Он был для Корягиной главной мишенью, отчего испытывал к ней острую антипатию. Авгу-

стовские события помешали мне реализовать свое намерение, и моя встреча с Корягиной так и не состоялась, но эти же события и свели нас на одной линии политической борьбы.

Развитие обстановки в стране после августа 1991 года вернуло Корягину на путь борьбы за Советское государство. Она, как мне кажется, окончательно разобралась в ситуации, в причинах несчастий, обрушившихся на нашу державу, не приняла ликвидацию Советского Союза, беловежский сговор, решительно воспротивилась волюнтаристской, порочной политике Гайдара в экономике. Словом, отошла от российского руководства, с которым на первых порах была заодно.

Проявилась и мощно показала себя во всем политическом блеске настоящая Корягина — патриот державы, сторонник социалистического выбора, защитник интересов народных масс. Теперь она решительно осуждает правовой беспредел, разоблачает политику российского руководства, ввергнувшего страну в пучину всестороннего и глубочайшего кризиса, вступила в борьбу с теми, с кем недавно была в одних рядах.

В частных разговорах и в публичных выступлениях Корягина не раз высказывала сожаления по поводу того, что прежде находилась в рядах так называемых демократов, разрушавших Союз, толкнувших своей деятельностью страну в водоворот кризиса и в конечном счете содействовавших развалу великой державы. Однако вся ее последующая деятельность дает ей моральное право освободиться от этого комплекса. Человек может ошибаться, но важен общий баланс его деятельности. А этот баланс у Корягиной позволяет судить о ней как о большом патриоте, честном гражданине, человеке, находящемся на переднем крае борьбы за спасение России, за возрождение Союза, за честь и достоинство своего народа, так грубо попранные нынешним режимом.

В итоге Корягина оказалась в числе тех членов Верховного Совета Российской Федерации, которые до конца боролись за интересы России, за российскую конституцию против тех, кто в сентябре — октябре 1993 года совершил государственный переворот в России. Находясь в сентябрьско-октябрьские дни в здании Верховного Совета Российской

Федерации, Корягина пережила всю горечь тяжких испытаний, которые обрушил на нее и ее товарищей режим, расстрелявший «Белый дом» из танковых орудий. В результате она сохранила свое достоинство и завоевала признательность той части российского общества, за которой будущее.

Есть личности, которые приобретают прочную и широкую известность, входят в историю не по одному какому-то поводу, а благодаря своей многогранной деятельности, своему таланту. Они отличаются особой колоритностью, к ним проявляется особый интерес. К числу таких людей я отнес бы Юрия Петровича Власова.

Примечательно складывалась его судьба. Поначалу, казалось бы, он пошел по военной стезе. Затем перешел в большой спорт и в 1960 году стал олимпийским чемпионом, мировым рекордсменом, самым сильным человеком на планете.

Советские люди переживали за Власова и гордились его спортивными успехами. В конце 60-х годов он стал заниматься литературным творчеством, а в конце 80-х энергично включился в большую политику.

В 1989 году избирается народным депутатом СССР и активно участвует в работе межрегиональной депутатской группы, стоявшей во главе «демократического движения». Пожалуй, Власов был одним из «колючих» «демократов». Его нападки на КПСС, на строй, на советский период, и особенно на КГБ, отличались непримиримостью, крайними оценками, разрушительными призывами. Но во Власове неизменно были заметны ум, образованность, способность подняться до обобщения, самостоятельность в суждениях. Он был горд, высоко ценил свои честь и достоинство.

Как-то на Съезде народных депутатов у трибуны возникла очередная свалка между народными избранниками, и Горбачев, призывая к порядку, обратился к Власову как физически сильному человеку с просьбой утихомирить поскандаливших депутатов. Сидевший в первом ряду Власов всем своим видом показал пренебрежение к этому бестактному жесту Горбачева, не повел бровью, демонстративно скрестив руки на груди.

Горбачев «умылся», Власов одержал моральную победу, показав, что он человек и не желает ронять своего достоинства.

Но вот пришел август 1991 года, свалилась на нашу голову Беловежская пуща, развалился Союз, в пропасти нищеты оказался народ, «демократы» обнажили свои истинные цели, и с той поры Власов каждым своим шагом, словом заявляет, что он ничего не хочет иметь общего с губителями Отечества. Почти четыре года талантливое и острое перо Власова разоблачает, вскрывает истинное обличье разрушителей Советского Союза, а сегодня России, борется за настоящее и будущее сограждан, делая это страстно, в полную меру своей совести, души и горячего сердца.

Об одном дне, связанном с Власовым и ставшем для меня памятным, я хотел бы рассказать. 11 июля 1992 года в газете «Правда» были помещены мое открытое письмо Ельцину, написанное из «Матросской тишины», и статья Власова «И святые нас не осудят». В своем письме я постарался разоблачить ложь Ельцина в том, что Союз развалили якобы гэкачеписты, Власов же сильным словом бил по ельцинскому режиму за совершение им преступлений против России. «Режим демократов, изгнивая и отравляя все вокруг невиданной коррупцией, открытым хищничеством, — писал Власов, — распахивает ворота в тоталитаризм — люди доведены до высшей степени отчаяния и гнева».

Власов решительно защищал национальную идею, подчеркивал огромное значение патриотизма, отождествляя его с любовью к Родине. Вскрывая подлинный характер проводимых в России реформ, Власов писал в статье: «Говорят, реформы для народа, но реформы, которые разоряют до нищеты государство и уничтожают народ, называются одним словом: преступление».

Власов называет демократов «безумными в своем большинстве», обвиняет их в том, что они «превращают Россию в скопище людей, пожирающих суррогат культуры с Запада... Мы предали свою страну. В обмен получили демократию». Власов приходит к выводу, что «путь демократии разрушителен для России... Демократия оказалась лишь кратковременным, чрезвычайно болезненным, печальным опытом».

Я перечитывал и перечитывал эту статью и испытывал огромное удовлетворение от того, что в борьбе за Отечество наши пути сошлись. За истекшее время в печати появились новые публикации Власова — одна сильнее другой. Они принесли их автору новую славу, четко обеспечив ему достойное место сегодня и в будущем.

Так сторонники патриотического движения, государственности в России пополнились еще одной примечательной личностью. В 1993 году Власов одержал уверенную победу на выборах в Государственную Думу.

Можно было бы значительно продлить перечисление лиц, общественных и политических деятелей, которые играли заметную роль в жизни Советского Союза того времени. Но и названных имен с характеристикой их деятельности, взглядов достаточно для представления, насколько сложной была политическая жизнь в стране, какой проявлялся огромный разброс мнений, сколь широка амплитуда целей, взглядов и путей их достижения. И во всем этом не было ничего цементирующего, не было цельной политики, привлекательного для общества подхода к решению проблем.

Большой корабль — Советский Союз — шел без руля и ветрил, да к тому же и раскачиваемый всевозможными силами, а самое главное — теми, кто был наверху. Партийный, советский и хозяйственный актив, в составе которого были опытные специалисты, знатоки своего дела, профессионалы, ученые, политики, социологи, руководители промышленных, сельскохозяйственных и научных предприятий и центров, — все пребывали в состоянии неопределенности, сбиваемые с толку мощной пропагандистской машиной разрушения и бездействием парализованного механизма руководства и управления страной.

Картина омрачалась то там, то здесь кровавыми конфликтами, правда, пока еще относительно небольшими, которые разбрасывали людей по разные стороны баррикад, обрекая их на бессмысленные междоусобицы, никому не нужные борьбу и жертвы. Все это стремительно и неотвратимо вовлекало огромное государство в водоворот непредсказуемых событий.

...Разрушительные процессы все сильнее давали о себе знать. Промышленное производство после 1989 года резко пошло на спад. Сельскохозяйственное производство также сокращалось, стала хиреть наука. Поскольку сокращался общий объем производимого продукта, то уменьшалось и богатство державы, что немедленно и в первую очередь сказывалось на образовании, медицинском обслуживании, жизненном уровне.

Появились серьезные трудности в снабжении населения промышленными и продовольственными товарами, хуже стал работать транспорт всех видов. Все это глобально отразилось на порядке в стране, стала расти преступность, общество залихорадило.

Оказались бесхозными, беспризорными, брошенными на произвол судьбы, на волю стихии оплеванные местные органы власти — Советы. С одной стороны, они подвергались резким нападкам, с другой — не получали никакой поддержки. Если раньше опорой им были партийные организации, то после отмены 6-й статьи Конституции СССР они ее лишились.

В средствах массовой информации подвергались все большему развенчиванию высшие законодательные органы. Они собирались, работали, принимали решения в условиях сильнейшей обструкции и нападок со стороны прессы. Часть депутатов дрогнула, растерялась, опустила руки, не знала, как себя вести. И по сути, обрекла себя на бездействие.

У «демократических» критиков появилось больше оснований преподносить в неблагоприятном свете работу органов советской власти, раздувать тезис о якобы неспособности высших законодательных органов принимать нужные решения. Таким образом, оказалась парализованной не только исполнительная власть, но и высшая законодательная власть страны. Видел ли все это Горбачев? Разумеется, не мог не видеть.

Как-то в мае 1991 года я, как всегда, поздно возвращался домой, и мне в машину позвонил Горбачев. Он сказал, что прочитал информацию КГБ из Вашингтона о предстоя-

щем развале Союза, о том, что у нас совсем плохо обстоят дела, и бросил фразу: «Кому нужно так нагнетать атмосферу?»

Я попросил разрешения перезвонить по приезде на квартиру для того, чтобы в более надежной обстановке сделать некоторые пояснения к прочитанной им телеграмме. «Ну что ж, давай позвони», — недовольно согласился он.

По приезде я доложил ему, что информация достоверная, получена от надежного источника. Речь идет об оценке западными, и в том числе самыми высокопоставленными американскими, лицами ситуации в Советском Союзе и что, по их убеждению, дело неуклонно движется к концу существования Советского Союза, причем произойдет это в самые ближайшие месяцы.

«И ты веришь этому? Мало ли что они говорят!» — сказал Горбачев с каким-то деланным неудовольствием.

«Хотел бы не верить, но считаю информацию заслуживающей внимания, она подкрепляется другими сообщениями, в том числе агентурными, да и самое главное — всей нашей действительностью», — возразил я.

«В общем, прошу не драматизировать, не поддавайся панике и ты!» — закончил он.

На следующий день я вернулся к этому разговору, хотел его продолжить, но встретился с непониманием: «Дел по горло, давай поговорим попозже».

Спустя примерно час попросил меня подъехать к нему. Я захватил телеграмму и еще пару аналогичных сообщений и спустя 10 минут был в здании ЦК КПСС у него в кабинете.

Заметив у меня папку с документами, Горбачев сказал, чтобы я не открывал ее. «У меня один совершенно конкретный вопрос». Он встал и, глядя куда-то в сторону, спросил: «Что там за возня идет на Ставрополье вокруг моего имени?»

Я ответил, что ничего конкретного не знаю. «Надо бы разобраться, кто этим занимается, откуда исходит? Охотников бросить тень на мое имя найдется немало», — полувопросительно-полутребовательно заключил он. Тем не менее я показал на папку и спросил, когда можно вернуться к ее содержимому. В ответ неопределенное: «Потом».

Горбачев окончательно встал на путь разрушения Союза, на путь слома общественно-политической системы, на путь устранения КПСС с политической арены как единственного в тех условиях фактора стабилизации. К тому времени Горбачев уже ненавидел партию, а партия ненавидела его. Все творимое в стране отвечало его задумкам. События развивались по его сценарию или по плану, с которым он согласился, и потому любое сопротивление не входило в его расчеты.

К лету 1991 года Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, некоторые другие и «демократическое движение» составляли уже один фронт борьбы против тех, кто пытался отстаивать интересы советской государственности, выступал за сохранение и совершенствование рычагов управления экономикой страны, кто по-прежнему хотел видеть Советское государство сверхдержавой.

Говорят, что члены партии в то время растерялись. Ну разве не растеряешься в ситуации, когда ее лидер занимает позицию, с которой партия, подавляющее большинство ее членов не согласны, поскольку она совершенно не отвечает интересам государства? Разве не растеряешься, когда лидер партии призывает бить по ее штабам, когда его устами на нее взваливаются все грехи и она оказывается виновной уже в том, что не поспевает за всеми пируэтами, выкрутасами своего руководителя?

Нужно было видеть раздраженную реакцию Горбачева, когда на Пленуме ЦК кто-нибудь пытался возразить Генеральному секретарю и остановить страну на краю пропасти.

Несмотря на серьезные ошибки, упущения, перегибы, которые допускало руководство партии в период рождения и существования советской власти, положительное в ее деятельности перевешивало, было определяющим: Октябрьская революция, победа в гражданской войне, преодоление разрухи, победа в Великой Отечественной войне, быстрое восстановление разрушенного войной хозяйства, развитие промышленности и сельского хозяйства, науки, культуры и в итоге — превращение нашей страны из отсталой царской России, какой она была до 1917 года, в великую мощную державу. Во всем этом неоспоримая заслуга партии, десятков

и десятков миллионов ее членов, неизменно находившихся на переднем крае.

Благодаря пропаганде «демократических» средств массовой информации такие морально-нравственные категории, как патриотизм, государственность, преданность Родине, стали объектом нападок, откровенных издевок. Выступления в защиту Союза, целостности государства воспринимались в штыки. Как-то на Верховном Совете СССР Горбачев бросил фразу: «Тоже мне, нашлись ура-патриоты!»

Под влиянием общей обстановки в стране разрушительные силы начали действовать даже в сфере религии. Активизировались различные секты, в свое время запрещенные. Православие оттеснялось на задний план, стало терять позиции, особенно в западных областях страны. Отрицательно сказывались на положении православной церкви некоторые черты, характерные для ее деятельности, такие как склонность к консерватизму, к невосприятию, игнорированию нового в области культуры, науки, социально-политической мысли.

Средства массовой информации в своей подавляющей части подпали под влияние «демократических сил», стали их вотчиной, внесли существенный вклад в разрушительные процессы. Опубликование статьи в защиту Союза, его целостности становилось проблемой. Многие важнейшие стороны нашей истории преподносились в искаженном виде: оказывается, как хорошо жили люди при царском режиме до 1917 года и как плохо стали жить при советской власти!

Годы советской власти стали изображаться как сплошная черная полоса. Антисоветчики подняли руку на победу в Великой Отечественной войне, утверждая, что Советский Союз чуть ли не сам спровоцировал войну. Победы, которыми мы гордились, стали изображаться как сражения, в которых успех достигался лишь ценой неимоверных жертв. Работа тыла искажалась, рисовалась в черном цвете: напряженный, самоотверженный труд миллионов людей, их стремление внести вклад в победу над фашизмом, оказывается, всего лишь результат принуждения со стороны тоталитарного режима.

В безудержном потоке нападок на Сталина смешали с

грязью имена многих выдающихся советских военачальников. Укрепление позиций Советского Союза в Восточной Европе, на Дальнем Востоке изображалось как экспансионизм. Не было ни одной области жизнедеятельности советского общества и государства, которая не подвергалась бы нападкам, искажению и очернению.

Советская внешняя политика оценивалась как не отвечающая интересам страны. Получалось так, что именно Советское государство породило «холодную войну» и было виновным в международной напряженности.

Укрепление политических и иных позиций СССР в странах Латинской Америки, Африки, Азии, обретение в их лице друзей, взаимовыгодных партнеров в торгово-экономических отношениях преподносилось как гегемонистские устремления имперского государства.

Укрепление обороноспособности Советского Союза, оказывается, было напрасной тратой средств, одним лишь бременем для советской экономики, поскольку, мол, у СССР не было реальной внешней угрозы.

Начало 1991 года выдалось тяжелым. Январские события в Литве, и в частности, в Вильнюсе, явились отражением спровоцированного кризиса в республике, охватившего все стороны жизни литовского общества.

Многочисленные случаи нарушения прав человека, попытки решить проблему обретения независимости Литвы, не считаясь с законными интересами Союза, с обязательствами перед ним, с волей и интересами значительной части населения самой республики, ухудшение экономического положения и, как следствие, снижение жизненного уровня и другие негативные явления породили глубокий и всесторонний кризис. Усилилось противостояние политических сил, их позиции, взгляды становились все более полярными.

В сложном и небезопасном положении оказались союзные структуры, воинские подразделения, находившиеся в республике. Особенно участились провокационные, подстрекательские выступления против советских военнослужащих, сотрудников КГБ и МВД СССР. В ход было пущено

все — пикетирование, блокада учреждений, попытки насильственного проникновения в служебные помещения, произвол в отношении военных и членов их семей. Подвергались яростным нападкам пограничники и сотрудники таможенных служб. Регулярными стали акты вандализма в местах захоронений советских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, и просто иноязычных граждан. Все это было чревато социально-политическим взрывом и вспышкой кровопролития.

Ситуация требовала принятия экстренных мер. Была усилена охрана помещений органов КГБ Литвы, в основном за счет погранвойск. С этой целью в конце 1990 года в республику была введена дополнительная рота пограничников. Кстати, этого оказалось достаточно, чтобы разрядить обстановку вокруг здания КГБ Литвы.

Все эти меры принимались с санкции высшего руководства страны. Более того, и я, и мои заместители на различных совещаниях не раз подвергались критике за «бездействие» перед лицом угрозы неконституционного выхода Прибалтийских республик из состава СССР. Причем такого рода обвинения бросал сам Горбачев. Однако эти бравые фразы звучали все более и более лицемерно: когда вставал вопрос о конкретных мерах, то в ответ от Горбачева было слышно одно и то же: «Изучайте, не спешите, готовьте предложения, в свое время определимся».

Я выдерживал линию — Комитет госбезопасности силовыми методами будет действовать лишь в том случае, если получит соответствующее указание. Именно в этом плане — не предпринимать никаких самостоятельных силовых акций — я ориентировал не только своих заместителей и начальников соответствующих подразделений Комитета, но и представителей на местах. Слишком свежи были еще события в Тбилиси и Баку, после которых Горбачев ловко ушел из-под огня критики под предлогом своей якобы неосведомленности, отдавая на растерзание исполнителей своих же приказов. В то же время КГБ СССР был готов защитить законность в Литве, причем особых трудностей тогда это не представляло.

В декабре 1990 — январе 1991 года обстановка в Вильнюсе достигла высшей точки накала. Было ясно, что сам по

себе кризис не разрешится. Политическое противостояние самых различных политических сил — от созданного патриотическими силами Комитета спасения до оппозиционного «Саюдиса» — выражалось уже не только в лозунгах, но и грозило вот-вот выплеснуться на улицы, перейти в вооруженные столкновения.

Начался отток части некоренного населения республики. В то же время те, кто остался, подвергались грубой дискриминации, которая, с учетом численности одного только русскоязычного населения (около 18 процентов), грозила привести к полному расколу в обществе.

По поступавшим сообщениям можно было с уверенностью прогнозировать, что грядет развязка, причем с самыми непредсказуемыми последствиями. До нее оставались буквально считанные дни. Обо всем этом Комитет ежедневно докладывал руководству страны. Аналогичная информация поступала от военных и по линии МВД СССР. Например, Борис Карлович Пуго говорил, что ему с каждым днем все труднее сдерживать ситуацию, сил явно недостаточно, а напряженность растет со всех сторон.

Ситуация в Литве, да и вообще в Прибалтике, обсуждалась на высшем уровне ежедневно. Это были рабочие обсуждения, совещания, обмен мнениями у Президента СССР в узком составе, оперативные встречи представителей правоохранительных органов, силовых министерств. Всеми давалась однозначная и весьма тревожная оценка. Существовало понимание того, что если срочно не принять предупредительных мер, то последствия могут быть самыми тяжелыми. Во всяком случае, избежать кровопролития не удастся.

В конце декабря 1990 года ситуация, в частности в Литве и Латвии, была предметом неоднократного обсуждения в узком составе у Горбачева. Сходились во мнении, что перед лицом грубого попрания существовавших законов, нарушения общественного порядка, угрозы государственной безопасности Литвы, Латвии, Эстонии и Советского Союза в целом возникла настоятельная необходимость в адекватных мерах, которые позволили бы предупредить кровопролитие и серьезную дестабилизацию обстановки в Прибалтике.

Было также очевидно, что экстремистские силы, в частности в Литве, не остановятся ни перед чем ради достиже-

ния своих целей, тем более что они почувствовали поддержку со стороны руководства республики, в частности Председателя Верховного Совета Литвы Ландсбергиса, который являлся их вдохновителем. В действиях экстремистских сил не было и намека на желание решить возникшие проблемы политическим путем. Речь шла только о насилии, им нужна была кровь. Москва обвинялась во всех грехах, изображалась источником враждебности по отношению к литовскому народу.

О Советском Союзе, а заодно и о России говорили как о чужеродном, враждебном государстве. По всему было видно, что оппозиционные силы получили извне индульгенцию действовать и добиваться своих намерений явочным порядком, силовым путем.

Телевидение, радио, значительная часть газет и журналов выливали на жителей Литвы поток лживых инсинуаций, подстрекательских заявлений, призывов действовать, отомстить за репрессии в прошлом, добиваться «свободы» для литовского народа. За годы советской власти в Литве было, оказывается, все плохо, достижения народа за последние 40 лет или замалчивались, или извращались. А ведь они были поистине великими. Сбитые с толку люди не понимали, что происходит. Они ждали четкой позиции Москвы, надеялись на ее помощь.

В конце декабря 1990 года на совещании у Горбачева было принято решение применить силу против действий экстремистов в Латвии и Литве, пытавшихся явочным порядком сменить общественный строй, покончить с советской властью и выйти из Союза. Горбачев вел себя решительно, но это не прибавило уверенности в нем.

Кстати, на этом совещании был и Шеварднадзе, он поддержал силовой вариант, заметив: «Надо что-то делать». Горбачев дал указания Язову, Пуго и мне ускорить подготовку конкретных мероприятий, но к вечеру того же дня всем нам было дано уточнение: «Вы особенно не горячитесь, поделикатнее изучите, все взвесьте, потом еще раз обсудим». По словам Болдина, до этого у Горбачева состоялся продолжительный разговор с Яковлевым.

...Резкое обострение обстановки вынудило Президента СССР М. Горбачева 10 января 1991 года обратиться непосредственно к Верховному Совету Литовской Советской Социалистической Республики. В обращении говорилось: «Надо смотреть правде в глаза и видеть истинные причины создавшегося положения. Они коренятся в грубых нарушениях и отступлениях от Конституции СССР, Конституции Литовской ССР, попрании политических и социальных прав граждан, в стремлении под лозунгом демократии провести в жизнь политику, направленную на восстановление буржуазного строя и порядков, противоречащих интересам народа». Далее в нем отмечалось, что ситуация, по существу, заходит в тупик. Необходимость выхода из создавшегося положения диктует, подчеркивалось в обращении, принятие незамедлительных мер. В связи с этим Верховному Совету республики было предложено безотлагательно восстановить в полном объеме действие Конституции СССР и Конституции Литовской ССР, отменить ранее принятые антиконституционные акты. Заканчивалось обращение предупреждением в адрес Верховного Совета Литовской ССР о необходимости понимать всю меру своей ответственности перед народом республики и Советского Союза.

Однако это обращение не возымело своего действия. У литовского руководства была полная уверенность в том, что Москва не пойдет ни на какие решительные действия с целью реализации предупреждений, содержащихся в обращении.

В этих условиях 10 января Горбачевым было дано указание министру обороны Язову, министру внутренних дел Пуго и мне, как председателю Комитета госбезопасности, применить силу и направить в Вильнюс небольшую группу спецподразделения КГБ СССР, известного как группа «Альфа». Группа должна была действовать в зависимости от обстановки совместно с подразделениями МО и МВД СССР.

В ночь на 13 января 1991 года дружина Комитета национального спасения из числа местных жителей направилась к телецентру. К месту событий были подтянуты армейские подразделения, части МВД СССР и бойцы указанной спецгруппы КГБ численностью около 30 человек.

Благодаря вмешательству армейцев и группы «Альфа»

удалось предотвратить столкновение дружины с противоборствующими силами, что неминуемо обернулось бы куда большей кровью. В задачу группы спецназа КГБ, действовавшей, как ей было предписано, в тесном взаимодействии с армейской частью и подразделением МВД СССР, входила защита здания телецентра и разъединение противоборствующих сил, предотвращение их прямых столкновений.

Немногим более двух часов потребовалось для овладения вильнюсским телецентром. При прохождении к центру наши армейцы, группы военнослужащих МВД СССР и «Альфы» подверглись неспровоцированному нападению со стороны хулиганствующих элементов, по ним стреляли с крыш близлежащих домов, в результате пострадали гражданские лица и военнослужащие.

К августу 1991 года Прокуратура СССР практически закончила расследование и установила виновность гражданских лиц, учинивших беспорядки в районе телецентра. Так же было установлено, что бойцами группы «Альфа» не было сделано ни одного выстрела.

В ходе ночной операции погиб лейтенант Виктор Шацких. До сих пор не все ясно с обстоятельствами его смерти. Трагедия произошла, когда группа выдвигалась на отведенные ей позиции к зданию телецентра. Шацких шел замыкающим и был поражен выстрелом в спину. Какое-то время он продолжал идти, ощущая жжение в спине. Шацких доставили в больницу, чувствовал он себя не так уж плохо. Несмотря на просьбу наших представителей, их в больницу к нему не пустили. На следующий день из больницы сообщили, что рана оказалась якобы смертельной и он умер.

Органами союзной прокуратуры проводилось расследование, но никакого сотрудничества с местными властями наладить так и не удалось. Обстоятельства, связанные с гибелью Виктора Шацких, тщательно скрывали от нас, интересующих сведений и документов мы так и не получили.

Лейтенант Виктор Викторович Шацких посмертно награжден орденом Красного Знамени. Награда была вручена его родителям в Комитете госбезопасности. Был он настоящим русским парнем, любящим и любимым в семье, пытливым, умным, хорошим товарищем и другом, общительным. Он избрал службу в подразделении по борьбе с терро-

ризмом осознанно. Понимал опасность службы, но не остановился перед этим, будучи мужественным и смелым от природы человеком. Высокая правительственная награда была первой и последней в его жизни. Уверен, что придет время, и памятники таким, как Виктор Шацких, появятся на их родной земле и там, где они проявили мужество и отдали свои жизни за интересы Отчизны.

В декабре 1990 года IV Съезд народных депутатов СССР принял постановление о проведении всесоюзного референдума по вопросу о Союзе.

Сама постановка вопроса о Союзе носила провокационный характер, в нем не было никакой нужды, для широких масс этот вопрос не существовал, они не выступали против Союза, более того, у людей вызывало удивление, а то и возмущение, когда кто-либо высказывал сомнение в необходимости сохранения Союза. Союзное государство устраивало подавляющее большинство граждан, и его существование воспринималось как естественное состояние.

Разрушители Союза готовили его развал со всех сторон, им было важно обозначить хотя бы сам вопрос. Съезд, я считаю, попался на эту удочку, и Верховному Совету ничего не оставалось, как назначить дату проведения референдума — 17 марта 1991 года, когда он и состоялся.

Уместно напомнить вопрос, вынесенный на референдум: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которых будут в полной мере гарантироваться права и свобода человека любой национальности?»

Особой агитации с призывом дать положительный ответ на поставленный вопрос не было. Напротив, активнее действовали противники Союза. Однако народ сам решал, какой ответ следует дать.

В ряде республик — Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии, Армении, Грузии официальными властями референдум игнорировался. И тем не менее более 76 процентов граждан страны, участвовавших в голосовании, дали на вопрос положительный ответ. Такого результата не ожидали ни оппози-

ция, ни сами власти. Он превзошел все самые оптимистические прогнозы.

Но, к сожалению, и этот капитал не был использован. В период подготовки к референдуму и его проведения обращала на себя внимание удивительная пассивность властей, и в частности, Президента Горбачева. Тогда у меня закралась мысль, а в последующем она еще более утвердилась, что Горбачев или не верил в положительные результаты референдума, или, более того, опасался их.

Подготовка к новому Союзному договору шла полным ходом. Идея была брошена в массы, доведена до сведения общественности, и Горбачев считал, что на смену существовавшему Союзу должен прийти новый союз или какое-то образование республик, входивших в СССР, но с другой формой и содержанием. О каком-то прочном союзе Горбачев и не помышлял. Он не мог не понимать, что страна идет не к федерации, в лучшем случае — к конфедерации, которая не будет жизнеспособной и, следовательно, долговечной. Почему? На этот вопрос уже дан ответ историей, результатами развития положения в стране за последние годы.

Горбачев сознательно шел на разрушение федеративного государства. Он не мог не отдавать себе отчета в том, что предполагавшееся новое союзное образование было бы несравнимо слабее прежнего Союза. Это было абсолютно ясно всем как в Союзе, так и за его пределами.

В то время руководство страны еще не утратило контроля над определенной частью средств массовой информации, располагало значительным пропагандистским аппаратом, структурами власти в центре и на местах для проведения более активной кампании в пользу сохранения Союза, однако ни одна из этих возможностей по-настоящему не была задействована. В то же время рабочие, крестьяне, значительная часть интеллигенции активно выступали за сохранение Союза. Это было проявлением их личной убежденности в необходимости сохранения СССР, за пределами которой нетрудно представить себе самые мрачные перспективы.

Столь внушительная победа союзных сил на референдуме нисколько не обрадовала Горбачева. Для него это означало новые заботы, необходимость вести борьбу с теми, кто

выступал за разрушение Союза, а это никак не входило в его планы.

Итоги референдума были уникальной и, пожалуй, последней возможностью отстоять Союз, остановиться на пути его разрушения, дать отпор антидержавным настроениям и, опираясь на политическую поддержку большинства, широкой социальной базы, повести работу и борьбу за развитие и укрепление Союза. Иной путь вел к катастрофе, что и случилось в декабре 1991 года в результате беловежского сговора. И если Горбачев не имел к нему прямого отношения, то подготовке условий для него активно способствовал и потому несет прямую ответственность за разрушение Союза.

А тем временем обстановка в стране день ото дня ухудшалась, и тенденция к ее обострению превратилась в устойчивый процесс. С повестки дня не сходил вопрос о возможности введения чрезвычайного положения в некоторых регионах, отдельных отраслях народного хозяйства, стране в целом.

В последние два года такая возможность, причем совершенно конкретно, обсуждалась не раз. Иногда ситуация оказывалась буквально на грани взрыва. К этому добавились еще забастовки.

Забастовки шахтеров больно ударили не только по угледобывающей промышленности, но и по ряду смежных отраслей, по экономике в целом. Производство падало, снабжение ухудшалось, недовольство масс нарастало день ото дня. То здесь, то там стали появляться параллельные структуры власти, и к ним переходили управленческие функции. Центр терял рычаги управления.

Политическая и экономическая нестабильность достигла такой глубины и масштабов, что страна становилась неуправляемой. Все острее давали о себе знать горячие точки, их возникало все больше, конфликты в них сопровождались человеческими жертвами.

В этих условиях правоохранительные органы были не в состоянии поддерживать общественный порядок. Уголовные дела по правонарушениям формально возбуждались, но

проводить по ним следствие было невозможно из-за протестов «общественности», травли в средствах массовой информации, угрозы силового воздействия на органы внутренних дел, прокуратуры и суды.

Принимаемые указы Президента, постановления Кабинета Министров попросту игнорировались. Действовали лишь два взаимоисключающих фактора: с одной стороны, под лозунгом демократизации общества раздавались требования о демонтаже существовавших государственных структур, развала Союза и т. д., а с другой, все настойчивее слышались призывы к наведению элементарного порядка, восстановлению законности, защите граждан от захлестнувшей страну преступности.

Появились беженцы из Прибалтики, Молдавии, других регионов. Это был зловещий признак надвигающейся большой беды, но центром и ему не было придано должного значения.

В 1991 году «демократы» стали в открытую поднимать вопрос о перемещении русскоязычного населения из союзных республик в Россию, а также о выезде граждан других этнических групп из разных регионов страны в свои национальные районы. Подсчеты показывали, что переселение могло коснуться 60 миллионов человек, проживавших в Союзе вне своих национальных образований.

Под предлогом «заботы» о русских Ельцин стал приглашать их в Россию, обещая гостеприимство и всякие блага. Особенно усердствовала в этом Г. Старовойтова.

Как-то в здании Верховного Совета СССР я случайно встретился с ней и задал вопрос: «Вы серьезно думаете, что возможно такое великое переселение? Ведь у государства не хватит на это средств — оно разорится. Не говоря уже о сломанных человеческих судьбах. Дойдет дело до передела границ, и вместо дружбы народов мы получим войну между ними».

Она ответила: «А что же делать, если люди разных национальностей не могут вместе жить?»

Я сказал, что не надо поддерживать национализм, что это не политика, а безумие, и что надо остановить Ельцина. Немного подумав, Старовойтова произнесла: «Вы, пожалуй, правы. Я поговорю с Борисом Николаевичем».

Ну что ж, теперь миллионы людей, беженцев пожинают плоды преступной, античеловеческой политики.

Как я уже упомянул, постоянно стоял вопрос о введении чрезвычайного положения на территории всей страны или в ряде регионов либо, как вариант, президентского правления. Этот вопрос не просто обсуждался, Горбачевым давались конкретные поручения по подготовке соответствующих материалов.

В течение 1990 года на этот счет неоднократно давались указания в связи с событиями в Южной Осетии, Прибалтике, в частности по Литве и Латвии. В 1991 году подобные распоряжения отдавались Президентом Союза в связи с событиями в Азербайджане, Армении и Молдавии. В ряде регионов из-за беспорядков и забастовок ситуация накалялась до предела. Поэтому поручения носили вполне конкретный характер: подготовка проектов соответствующих постановлений, обращений, перечень организационных чрезвычайных мер.

Были дискуссии по Грузии. Комитет госбезопасности полагал, что следует проявлять выдержку и терпение, нельзя опережать события, процессы в этой республике должны до поры до времени развиваться естественным образом, а ситуация созреть до конструктивного выхода из кризиса. Вместе с тем важно было не оставлять без разоблачения антисоветские, антисоциалистические тенденции и всячески поддерживать здоровые силы, ни на минуту не прекращая работу по разоблачению националистических устремлений.

Проявлять выдержку предлагал я и в отношении Молдавии. Среди части населения этой республики наиболее активно подогревалась эйфория в вопросе молдавско-румынских отношений.

Сторонники объединения Румынии и Молдавии, а точнее, присоединения Молдавии к Румынии, пытались убедить население Молдавии в преимуществах и благах, которые принесет «воссоединение румынского и молдавского народов». Молдаванам сулили многое: обретение «великой родины», повышение жизненного уровня, быстрый подъем промышленности и сельского хозяйства, расцвет науки,

культуры и многое другое. При этом тщательно скрывалась разница в жизненном уровне Румынии и Молдавии, причем далеко не в пользу первой.

Расширение возможности в общении жителей Румынии и Молдавии, по оценке Комитета госбезопасности, должно было очень быстро привести к выяснению ситуации, получению жителями Молдавии объективного представления о том, как живут румыны: лучше или хуже. Наш расчет оказался точным: так оно и случилось.

Что касается истории, то Молдавия, находясь в составе Румынии, никогда от этого не выигрывала. Ее население попадало в положение угнетенной части народа. Национальная культура, промышленность и сельское хозяйство находились в застое. И напротив, расцвет Молдавии обеспечивался тогда, когда она входила в состав России. Такова историческая правда и действительность сегодняшнего дня, от которых никуда не уйдешь.

Я далек от мысли бросить тень на Румынию и румынский народ. Дело в реальности, с которой нельзя не считаться. Думаю, что эйфория прошла, значительная часть молдавского народа убедилась, где и с кем ему лучше. Поэтому, мне кажется, трагической ошибки пока удалось избежать.

Не раз обсуждалась и ситуация в Москве. Были задумки ввести в столице президентское правление.

Горбачев вообще в разговорах постоянно подчеркивал, что пойдет на все, чтобы не допустить развала страны, выхода республик из Союза. Он неоднократно просил подумать над тем, как бороться с националистическими силами и настроениями в республиках. Собственно говоря, ничего нового члены ГКЧП и не придумали — все решения, действия и воззвания шли именно в русле тех проработок, которые по заданию самого же Горбачева готовились в 1990 — 1991 годах.

А тем временем обстановка все больше накалялась. Тревогу вызывали крайние экстремистские силы, открыто призывавшие идти на Кремль и на Лубянку. Все больше раздавалось и прямых угроз в адрес высшего руководства, в том числе и самого Президента.

Ясно, что пустить развитие событий на самотек было нельзя. Надежды на мирное урегулирование не оставалось — с каждым днем становилось все хуже и хуже, а действовавшие в разрушительном направлении экстремистские силы, в среде которых было и немало народных депутатов различных уровней, продолжали активно подливать масла в огонь.

Еще более настораживающая информация поступала в Комитет госбезопасности по оперативным каналам. В ходе проведения контроля, в частности слухового, по конкретным оперативным разработкам в поле зрения попадали лица из различных политических партий, организаций и движений, намерения и действия которых были явно направлены на разрушение общественного строя, ослабление государственности, правопорядка, на развал Союза. Их действия были настолько серьезны и опасны, что проходить мимо них органы госбезопасности были не вправе.

Начиная с конца 1988 — начала 1989 годов масштабы антисоветской деятельности приняли достаточно широкий и угрожающий характер. Одна из причин — полная безнаказанность, вседозволенность, бездействие законов. Но был очевиден и другой вывод — экстремистские действия кем-то подогревались, подпитывались, поощрялись сверху, что, конечно, затрудняло борьбу с ними.

Просматривалось явное и неявное взаимопонимание и взаимодействие экстремистских сил с членами тогдашнего руководства А. Яковлевым, Э. Шеварднадзе. По крайней мере, бездействовали член Политбюро, секретарь ЦК КПСС В. Медведев, заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС В. Ивашко, и некоторые другие лица рангом пониже. У этих людей, в свою очередь, был «надежный» тыл в лице Горбачева.

Уже в те годы между словами и делами Горбачева очевидна была нестыковка. Слов о намерении защитить партию и государство, не допустить развала Союза и тому подобных в речах Горбачева было в избытке. Это, конечно, сбивало с толку, тем более что даже в частных разговорах Горбачев, казалось, стоял на принципиальных позициях го-

сударственника, возмущался по поводу экстремистских высказываний и действий, грозился принять меры, но на следующий день все спускал на тормозах, убаюкивал окружающих словами, что «экстремисты ничего не сделают», все образуется, пошумят и перестанут.

А тем временем США продолжали наращивать усилия по проникновению в Советский Союз и оказанию на его политику выгодного для себя влияния. В начале мая 1990 года Советом национальной безопасности США был утвержден специальный план мероприятий по СССР, в котором, в частности, уделялось особое внимание поддержке оппозиционных сил в нашей стране. И это несмотря на то, что к тому времени Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи уже не стало. СССР, подчеркивалось в плане, по прежнему оставался «самой серьезной угрозой национальной безопасности США». Особые надежды американцы возлагали на советскую «политику гласности и открытости».

Невольно возвращаешься к тем временам, и в памяти всплывают имена тех, кто проводил линию на разрушение Союза, а сейчас многие из них у власти, занимают официальные посты, действуют открыто и во многом уже реализовали свои планы.

Все более широкий круг советских представителей опекался американскими спецслужбами. И это проявлялось не только в бескорыстных знаках внимания. Так, организацией неоднократных поездок Г. Боровика и Г. Арбатова в США в 1988—1990 годах активно занимался заместитель директора торговой палаты Сан-Франциско Гарри Орбелян, по имевшимся данным находившийся в тесном контакте с американскими спецслужбами. Он оказывал «гостям» финансовую поддержку: оплачивал проживание в дорогостоящих гостиницах, подарки, поездки по стране, круизы на яхтах и т. д.

В мае 1990 года во время проведения в Майами (США) семинара «Советско-американский диалог» ЦРУ вывело на советскую делегацию, участвовавшую в работе семинара от Комитета защиты мира, лидера антикубинской делегации М. Каноу и помогло установить тесные контакты с ее руководителями Г. Боровиком и Ф. Бурлацким.

В апреле 1990 года в городе Уоррентон (штат Вирги-

ния) прошла конференция по вопросу о сопоставлении показателей экономики СССР и США. С советской стороны в числе других в конференции участвовали народные депутаты СССР академики О. Богомолов и В. Тихонов, с американской — представители исследовательских центров и эксперты ЦРУ. В своих выступлениях советские представители оперировали подробнейшей информацией о положении дел в нашей стране. Американцам был дан совет: усилить давление на Горбачева, который, по мнению академика Богомолова, в связи с тяжелым положением дел в стране может пойти на значительные уступки Вашингтону. Совет американцы расценили как весьма ценный. Столь же высоко была ими оценена многоплановая информация о развитии политической и социально-экономической обстановки в СССР.

Можно назвать немало других общественных и государственных лиц, которые совершали поездки в капиталистические страны и пользовались там услугами, оплачиваемыми принимающей стороной. Многие из наших представителей получали приличные гонорары за выступления в средствах массовой информации, в различных аудиториях, бесплатно находились на отдыхе или проходили курс лечения. Нередко поездки совершались с женами и детьми.

Хотелось бы обратить внимание на строгий порядок регламентации деятельности парламентариев и государственных служащих, к примеру в США. В 1978 году там был принят даже специальный закон об этике госслужащих. Они обязывались представлять отчеты о своих доходах и расходах. В начале 1991 года конгрессменам было запрещено получать гонорары за выступления в средствах массовой информации, лекции и т. д. Установлен строгий порядок в обращении с подарками. Конгрессмен вправе оставить себе памятные подарки на сумму не более 300 долларов в год, куда входит также оплата развлечений и отдыха. Еще более строгий подход установлен к соблюдению режима секретности и использованию информации, составляющей государственную тайну.

Народные депутаты Союза, России и даже некоторых местных Советов стали объектами работы, прежде всего определенных кругов США и их специальных служб. Причем среди «демократов» в ходу было утверждение, что А. Яковлев

для экономических и правительственных кругов США является «личным гарантом политики Горбачева». А что касается стратегической цели, то единомышленник А. Яковлева, один из руководителей региональной депутатской группы, Ю. Афанасьев, еще в 1990 году определил ее как повторение во многом «плана Бальцеровича» в Польше. Ю. Афанасьев не скрывал, что на самом деле этот план был разработан в Международном валютном фонде. Он же отмечал, что подобный план перехода к рыночным отношениям МВФ обычно проводит в слаборазвитых странах с целью локального укрепления замкнутой валюты и окончательной денационализации экономики. Тогда же родилась идея, а точнее, она была запущена к нам организацией «Бнай-Брит», объявить русское национальное движение фашистским как по задачам, так и по идеологии.

Удары по союзному центру наносились с нескольких направлений. Еще в 1989 году в экспертных группах Совета национальной безопасности США стали обсуждать идею о создании на российской почве параллельного союзному политического и экономического центра. Эта идея отозвалась двумя годами позже.

В феврале 1991 года о ней активно заговорили в окружении Ельцина. К этому времени относится начало практической разработки варианта такого «центра» в лице Ельцина и Верховного Совета РСФСР. При анализе политико-экономического содержания параллельного центра использовали суждения Г. Попова, незадолго до этого побывавшего в США. Там Попов имел контакты с государственным секретарем Бейкером, с его экспертной группой, был принят специалистами из ЦРУ и аналитиками из госдепартамента. Главным компонентом этого замысла являлось создание на территории Советского Союза разорванных, разделенных между собой рынков с равной ориентацией на российский и международный рынки. По задумкам авторов плана это означало бы необратимый развал «советской империи». Так впоследствии оно и получилось.

Американцы в то время опасались, что Горбачев не все может сделать, поскольку ему будет трудно одолеть «консервативный» госаппарат и армию. За Ельциным, по их утверждению, стояли советники и актив межрегиональной депу-

татской группы, которые мыслили и действовали в рамках американских разработок. Для достижения своих целей «демократы» считали наиболее подходящим вариантом развития событий на территории Советского Союза «гражданскую войну малой интенсивности».

Любопытна точка зрения американцев на противостояние Горбачев — Ельцин и вообще на этих двух деятелей. По их мнению, Горбачев стремился осуществить партийную капитализацию, в кратчайшие сроки сформировать класс крупных собственников, в том числе из числа верных ему функционеров КПСС и представителей военно-промышленного комплекса, сохранив при этом в какой-то мере власть центра. Ельцин же был готов распродать инофирмам землю и крупную собственность, став при этом полновластным диктатором в России после развала Союза.

В Америке считали также, что Ельцин патологически мстителен, с доминированием Горбачева не смирится и для сведения счетов с ненавистным союзным центром скорее пойдет на положение марионетки МВФ.

Огромную роль в разрушении Союза играл этнический фактор. В июне 1991 года бывший заведующий отделом межнациональных отношений «Независимой газеты» Э. Паин, одновременно являвшийся экспертом центра независимых экспертиз при фонде «Культурная инициатива» (Фонд Сороса), не скрывал, что финансирование сбора информации по межэтническим конфликтам в СССР в значительной мере идет через Фонд Сороса. Предполагалось поставить под международный контроль положение нацменьшинств, подведя под это соответствующее экономическое обоснование: на территории нацменьшинств, автономий находятся значительные сырьевые запасы. Именно их начнут разрабатывать иностранные корпорации, что будет расцениваться как гарантия кредитов, полученных под программы МВФ. В 1993 году Паин стал членом Президентского совета России.

В июне 1988 года в Институте социальных экономических проблем в Ленинграде проходил так называемый «семинар 38-й комнаты». Выступая на нем, известная «демократка» Старовойтова изложила позицию по национальным отношениям, как она выразилась, радикального крыла пере-

стройки, которое в Политбюро ЦК КПСС представляет А. Яковлев. По словам Старовойтовой, «радикальный вариант» решения национального вопроса появился на базе конфиденциальных бесед Яковлева в Эстонии с некоторыми руководителями партийного аппарата этой республики.

Этот вариант предусматривал сознательную установку на ослабление межнациональных связей в пользу развития национального самосознания. Цель — ослабление, децентрализация межнациональных связей с тем, чтобы национальные администрации имели возможность вести паритетные дипломатические переговоры с центром.

Старовойтова отмечала, что Эстония должна послужить полигоном для испытания идеи Яковлева по децентрализации. Тогда же по совету Яковлева в Эстонии были организованы протесты населения против разработки в республике месторождения фосфоритов. В случае победы «радикального варианта» было запланировано создание смешанного эстонско-шведского предприятия по добыче фосфоритов.

На упомянутом семинаре Старовойтова обозначила еще один полигон борьбы по децентрализации межнациональных связей — это Армения — через осложнение обстановки в Нагорном Карабахе. По ее признанию, об осложнении ситуации в этом регионе она знала заранее, еще за два года. По заявлению Старовойтовой, самое важное — победа армян над азербайджанцами, поскольку это означало бы первую, главную и решительную победу над ленинско-сталинской национальной политикой.

Армянская проблема имела для «демократов» большое значение по ряду причин. Так, по мысли некоторых участников ленинградского семинара, необходимо развенчать договор В. И. Ленина с Кемалем Ататюрком, что создаст возможность перехода к критике Ленина: «Не во всем был прав, так, может, и ни в чем не был прав».

Обострение обстановки в Азербайджане и вокруг него, по замыслу инициаторов этого плана, приведет к напряженности в республиках Средней Азии, где имеется благоприятная почва для проявления исламского фундаментализма.

Дестабилизация экономики путем безудержного проведения реформ была главнейшим направлением разрушительной деятельности «демократов». Под давлением начав-

шихся в 1989 году забастовок власти вынуждены были пойти на отмену ограничений роста зарплаты в сочетании со значительным снижением налогов на прибыль; пятипроцентный налог с продажи неминуемо должен был подвергнуться критике со стороны рабочих, а что касается повышения цен на товары, то эта мера как рычаг регулирования исключалась путем требования замораживания цен на регионально-территориальном уровне. Все это призвано было убедить забастовочное движение в том, что с позиции нажима на правительство можно достичь многого. В результате денежная масса не только не уменьшится, а, наоборот, увеличится, что спровоцирует очередной круг инфляции. Следствием раскручивания инфляционной спирали неизбежно станет полная ликвидация стабильности экономики в госсекторе и в народном хозяйстве. В итоге последует ухудшение экономического положения, усиление недовольства рабочих, спад же производства приобретает хронический характер. Налицо порочный круг со всеми вытекающими губительными последствиями.

По информации из кругов, близких к американской администрации, относящейся к началу 1991 года, Вашингтон рассчитывал на Горбачева в решении по крайней мере двух задач: главная — подписать соглашение о сокращении стратегических вооружений, и неглавная — приватизация экономики. После решения этих задач Горбачев мог бы с «чистой совестью» уйти в отставку и затем сколько надо отдыхать и лечиться за рубежом. Горбачев стратегически был полностью ориентирован на Буша. Это просматривалось во всем его поведении, в разговорах с работавшими рядом с ним лицами, не оставалось это не замеченным и на Западе. «Буш влиятельный политик. Надо держать курс на него», — бросал он. Попытки насторожить Горбачева встречали ухмылки и возражения. «Буш не подведет. Да меня и не обманешь».

В начале 1991 года под давлением государственников он был вынужден убрать Яковлева из Президентского совета, однако спустя три месяца под нажимом уже американцев сделал его своим старшим советником, поручив ему проведение капиталистической экономической реформы в СССР. Это позволило Яковлеву переключиться на внутреннюю по-

литику, что в тех условиях было, безусловно, наиважнейшим. В основе лежал курс на развал Союза и смену федеративного устройства на конфедеративное в лучшем случае. Для этого надо было нанести новые удары по КПСС. Их организатором являлся Яковлев. В последнее время он особенно и не скрывал этого. Между Горбачевым и Яковлевым произошла полная смычка и в стратегии, и в тактике, ведь хозяин у них был один — Вашингтон.

К первой половине 1991 года деструктивные силы сомкнулись в одном потоке, образуя единый антисоветский фронт. Он был достаточно организован, направлялся из одного центра, действовал уверенно и целеустремленно.

С одной стороны, активно и достаточно умело использовал допущенные за годы советской власти серьезные ошибки, серьезные просчеты, а с другой — вовсю прибегал к демагогии, популизму, обещаниям обеспечить мощный подъем промышленности, сельского хозяйства, в кратчайшие сроки резко поднять жизненный уровень населения. У носителей таких пропагандистских идей, казалось, не было иной заботы, кроме блага народа, тружеников, которых-де грабили и унижали все 70 лет, лишали свободы, человеческой жизни, права распоряжаться собственной судьбой. Теперь, мол, наступило время полной свободы и решительного подъема благосостояния людей. Словом, райской жизни для них.

Надо сказать, что значительная часть народа поддалась на эту лживую пропаганду, поверила или очень захотела поверить обещаниям, тем более что все это облекалось в красивые фразы, привлекательные по форме и содержанию.

Активно муссировался вопрос о так называемых привилегиях и льготах. На фоне действительных трудностей, бытовых неудобств, которые испытывали советские люди, дефицита отдельных продовольственных и промышленных товаров, упор в пропаганде на «привилегированное» положение, «роскошную» жизнь партийно-государственной элиты не пропадал даром, давал свои плоды.

Конечно, в вопросе о привилегиях и льготах для определенных групп лиц можно было кое за что зацепиться. Чле-

ны высшего партийного руководства пользовались бесплатными дачами, обслуживающим персоналом, льготными путевками для отдыха и лечения, хорошо оборудованными лечебными заведениями, но все это было государственное. При уходе на пенсию руководители получали довольно скромное содержание, возможность проживать в общих дачных поселках. Никто из них за время занятия высшего поста в партии, как правило, не строил себе дач. По морально-нравственным нормам это было не принято. За ними не сохранялись льготы, которые существенно отличались бы от пенсионных условий широкой категории лиц.

Разговоры о высоком материальном обеспечении партийных работников, сотрудников государственных органов — это сказки, сочиненные с определенной целью. Их заработная плата мало чем отличалась от среднего заработка, пенсионное обеспечение не разнилось со средним уровнем; многие сотрудники, о которых идет речь, испытывали материальные затруднения, и если не уходили с партийной работы на другую, то исключительно по моральным соображениям, не считая этичным ставить вопросы «меркантильного» характера на первый план.

До сих пор можно поражаться одному — клеветнические утверждения на этот счет не встречали должного отпора, разъяснений: кому-то, наверное, так было нужно.

Фронтальное наступление экстремистских сил имело мощное идейное сопровождение. Огульная критика обрушилась на марксистско-ленинское учение. Во всех бедах, больших и малых, винили учение наших основоположников. Конечно, Маркс, Энгельс, Ленин, несмотря ни на что, сохраняют подобающее им место в истории человечества. Эти гении, титаны человеческой мысли, устоят и останутся гигантами. Можно на какое-то время бросить на них тень и даже опорочить, но лишь на какое-то время.

Сколько раз Маркс, Энгельс, Ленин подчеркивали, что не занимаются разработкой рецептов на длительную перспективу, что их учение привязано к реальным условиям, к конкретной жизненной сфере, что оно диалектически не может стоять на месте, должно постоянно развиваться. Марк-

систско-ленинское учение по своему значению эпохально, т. е. сочетается с определенной эпохой, определенным периодом жизни человечества, и потому его конкретное воздействие ограничивается определенным временным отрезком исторического развития.

Да, есть основополагающие положения марксистско-ленинского учения, но сколько раз корифеи науки предупреждали о творческом подходе к теории, необходимости применять ее с учетом страны, конкретных условий, состояния общества, уровня развития производительных сил и многих других социальных, политических и экономических категорий.

Можно только подивиться тому, как волкогоновы ниспровергают Ленина, как пытаются представить этого гения, признанного друзьями и врагами, объявленного человеком XX века номер один, недостаточно умным и образованным. Да, Волкогонов войдет в историю, но как человек, покусившийся отказать Ленину в гениальности и потому будет не велик, а смешон.

По нарастающей шли нападки на Октябрь 1917 года. С позиции конца 80-х — начала 90-х годов стали судить обо всем, что произошло в далеком 1917 году. Каких только эпитетов не приклеили этой Великой революции! И преждевременна, и переворот, и заговор кучки авантюристов, и антинародная по своему характеру, и так далее.

Для человека, диалектически мыслящего, разбирающегося в исторических категориях, ясно, что такой подход к Великой Октябрьской революции — это все равно что сетования на наступление дня после ночи.

Революция свершилась. Она была закономерным, неизбежным явлением. Это исторический факт. В ней принимали участие десятки миллионов людей. В ее водоворот в той или иной мере были вовлечены десятки стран мира.

Революция в корне перевернула жизнь огромного государства и придала его развитию принципиально новое направление. Спустя каких-то двадцать — тридцать лет после Октябрьской революции Советский Союз стал второй державой в мире. Несмотря на серьезные издержки в своем становлении, добился столь значимых результатов, что заставил считаться с собой весь остальной мир.

Сокрушители Октября не обеспечат себе вечности. Их взгляды и действия уйдут в тень истории, канут в Лету, потому что они по методологии и содержанию антинаучны, антиисторичны, не выдерживают критики разума, испытаний временем. Октябрь заявлял и заявляет о себе не только свершениями в странах, вставших на социалистический путь развития, но и переменами в капиталистическом мире.

Без учета идей и дел Октября сегодня не развивается ни одно государство. Конечно, Октябрь не будет иметь аналогов, потому что изменились времена, условия, нет таких обществ, каким было российское до 1917 года. Но это нисколько не принижает его исторической значимости. Об Октябре будут помнить точно так же, как люди помнят о выступлении рабов под руководством Спартака, о Великой французской революции 1789 года, антифеодальных революциях во многих странах мира.

Острым направлением деструктивных сил был антисоветизм. Стремление сокрушить становилось всеобъемлющим, но политическая система была важнейшей целью, неотъемлемой частью планов разрушения Союза, словом, всей общественно-политической системы.

Роль Советов в преобразовании отсталой России в великую державу — Советский Союз — была многогранна, весома, основополагающа. Это проявилось не только в мирные периоды жизни Советского государства, но во все переходные, поворотные моменты, периоды тяжких испытаний, сложнейших и острых ситуаций. Именно Советы позволили вовлечь в управление страной миллионы и миллионы трудящихся, многие тысячи представителей советского народа включились в управление государством и обеспечили поступательное движение промышленности, сельского хозяйства, науки. Советы обеспечивали социальную ориентированность политики, являлись для того времени оптимальной, рожденной жизнью формой проявления народовластия. И это при том, что в условиях однопартийной системы, в условиях, когда руководящая роль принадлежала одной партии, Советы, естественно, не могли себя проявить во всем своем потенциале.

Изменение общественного строя предусматривает смену политических институтов, и только в этом ключе следует рассматривать острые нападки на Советы как политическую форму власти. Наряду с прямой дискредитацией начались предложения по такому их радикальному «усовершенствованию», что от народовластия в форме Советов не осталось и следа.

Разрушение Советов проводилось путем создания органов власти, как по существу, так и по форме радикальным образом отличавшихся от советских. Так, появился институт мэрства, сначала в Москве, потом в Ленинграде и других городах. Явочным порядком стали внедряться губернаторы, был установлен институт глав администраций в краях, областях и ниже.

К моменту появления новой Конституции Российской Федерации в результате голосования 12 декабря 1993 года власть Советов была уже фактически ликвидирована, а те ее представители, которые еще пытались работать в соответствии с действовавшей тогда Конституцией, подвергались преследованиям, что позволяло учинять правовой беспредел практически на всей территории России.

Численный состав законодательных органов на местах и в центре резко сократился. Угодных в меньшем числе отобрать легче. Членство в законодательных органах всех ступеней стало профессиональным, оплачиваемым, в значительной мере зависимым от исполнительных властей. Это, разумеется, не могло не сказаться на существе их работы.

В 1989 году, когда процесс разрушения Советов только начинался, мало кто представлял, к каким последствиям это может привести. Но инициаторы, устроители этого прекрасно понимали, к каким целям они идут.

После проведения выборов Президента Российской Федерации 12 июня 1991 года и избрания на этот пост Б. Ельцина развал Советов вышел на финишную прямую. Вопрос заключался лишь в технике и в сроках его завершения. Причем все это творилось вопреки действовавшей тогда Конституции Союза, Конституциям союзных республик, всему законодательству. Уже одно это давало Президенту Союза право принимать все необходимые меры для защиты общественного строя.

...Одним из разрушительных направлений действий экстремистских сил были удары по экономике. С особым остервенением били по институту планирования, централизованным началам в народном хозяйстве, всевозможным общенациональным, местным государственным и общественным фондам для социальных нужд. Короче говоря, речь шла, хотя об этом не говорилось открыто, об устранении из жизни государства социально-ориентированной экономики.

Все это облекалось в одну форму, в один туманный лозунг: «Даешь рыночные отношения!» Под этим лозунгом крушили экономику, разрушали управление ею, рвали горизонтальные и вертикальные связи. Ввели бартер, то есть, по сути дела, узаконили натуральный товарообмен в масштабах всего государства, что немедленно подорвало денежно-финансовую систему, открыло возможности для спекулятивных сделок и воровства. Разрушив централизованные начала и не создав правового механизма управления экономикой, регулирования ее в новых условиях, породили местничество, что лило воду на мельницу местного сепаратизма, рвачества, разрушения механизма взаимодействия. Стали жить по принципу: спасайся, кто может.

Попытки эффективно задействовать такой мощный регулятор, как ценообразование, встретили решительную обструкцию со стороны так называемых демократических сил. Соответствующие меры напрашивались сами собой.

Весной 1990 года Председатель Совета Министров СССР Николай Иванович Рыжков обратился в Верховный Совет Союза с предложением несколько подкорректировать цены на хлеб, увеличив их в 2—3 раза с полной компенсацией потерь, которые понесут трудящиеся.

Ни в одной стране мира так дешево не стоил хлеб и хлебобулочные изделия, как в Советском Союзе. С ним стали обращаться как с бросовым товаром. Это при том, что страна в иные годы закупала за рубежом до 45 миллионов тонн зерна, а был год, когда пришлось закупить за границей 50 миллионов тонн зерна.

Разумное предложение Совета Министров по корректировке цен на хлеб и хлебобулочные изделия было «зарублено», не прошло на Верховном Совете. То был удар не по Со-

вету Министров, а по экономике Советского Союза. Об этой истории нельзя вспоминать без иронии, видя, какой беспредел в ценах творится в настоящее время.

В то время между официальной властью и воинствующей экстремистской оппозицией произошло своеобразное «разделение труда». Последние усиливали нажим, требовали от правительства все новых и новых уступок, критиковали за низкий уровень жизни, за недостатки в снабжении промышленными и продовольственными товарами, за состояние дел с обеспечением населения жильем, громко бичевали недостатки в медицине и образовании. Все валили на Октябрь и его последствия. Щедро рассыпали обещания превратить жизнь в рай в случае прихода к власти оппозиционных сил.

Власти же ушли в глухую оборону, отбиваясь робко, стараясь не отстать от оппозиции, сами бичевали себя и все, что было до них при советской власти, помогая тем самым оппозиционным силам в разрушительных действиях. Стремясь смягчить обстановку, правительство пошло на предоставление ряда льгот, повышение заработной платы отдельным категориям лиц, не имея на это никаких материальных возможностей.

В 1990 — 1991 годах инфляция стала набирать темпы. Обозначился заметный дефицит товаров, значительная часть рынка попала в руки спекулянтов, цены на многие промышленные и продовольственные товары неимоверно возросли. А производство тем временем начало сокращаться, что приводило к новым трудностям в обслуживании населения, нехваткам, очередям, как бы демонстрировало «справедливость» критики оппозиции.

В конце 1990 года Н. Рыжков ушел с поста премьер-министра. Причины две: он не устраивал Горбачева и вторая — перенесенный инфаркт. Горбачев, безусловно, воспользовался болезнью Рыжкова и решил от него освободиться, чего уже давно желал и в узком кругу не скрывал этого. Горбачев считал, что Рыжков мешает ему проводить гибкую политику, договариваться с оппозицией, более «успешно» вести дело к рынку, углублять перестройку. Короче говоря, реа-

лизовать планы, которые к тому времени сформировались у Горбачева и к осуществлению которых он так стремился.

Понимал это и Рыжков, однако физическое состояние не позволяло ему активно включиться на этом этапе в борьбу, а тем более энергично выступать против курса Президента.

Горбачев поставил вопрос об освобождении Рыжкова на одном из закрытых заседаний Совета Федерации. Участники его согласились с уходом Рыжкова с поста Председателя Совета Министров СССР и, к удивлению Горбачева, единодушно высказались за назначение на пост Председателя Совета Министров Валентина Сергеевича Павлова.

Потребность в новой политике в области экономики, в денежно-финансовой системе, необходимость выработки новых направлений по налаживанию к тому времени уже расстроенного народного хозяйства требовали свежего человека, и таким наиболее подходящим человеком всем казался Павлов. Он, действительно крупный финансовый специалист, хорошо разбирался в экономике, четко видел трудности, возникшие в ней. Он не отбрасывал с ходу все то положительное, что было в народном хозяйстве, и в частности, в управлении и до перестройки, и в начальный период перестройки, выступал за рыночные отношения, но с необходимым умеренным подходом к этой проблеме. Он умел основательно аргументировать свою позицию и дешево не покупался, когда раздавались популистские требования.

Павлов, безусловно, был союзником, государственником, понимал значение вертикальных и горизонтальных связей, целесообразность сохранения единого экономического комплекса, так что выбор его кандидатуры был не случаен.

Лично я до назначения Павлова на пост руководителя правительства знал его мало. Общение с ним на расширенных совещаниях, на заседаниях в узком составе, где обсуждались наиболее важные, подчас деликатные вопросы, укрепило мнение о нем как о человеке, бесспорно, компетентном, знающем дело, стоящем на принципиальных позициях. Он не скрывал, что мы вступили в полосу глубокого кризиса, и этот кризис будет углубляться, если не принять мер по исправлению создавшейся ситуации.

Скоро стало совершенно ясно, что Горбачев говорит и думает одно, а у Павлова — другая, здравая позиция, направленная на выход из кризиса. Это отличие во взглядах Горбачеву явно не понравилось, в лице Павлова он не приобрел послушного руководителя правительства, готового действовать так, как пожелает Горбачев, как последнему заблагорассудится.

Павлов попытался предпринять ряд мер по выводу страны из кризиса. Замена старых крупных купюр в денежном обращении на новые явилась одной из мер Павлова, и она была разумна. Это было одним из шагов на пути оздоровления экономики, мера, вызываемая потребностями и необходимостью, во всяком случае — началом движения вперед.

Павлов прекрасно отдавал себе отчет в необходимости использования важнейшего рычага, каким являлось ценообразование. Он открыто заявлял о том, что переход от строго централизованной плановой экономики к рыночным отношениям должен занять куда больший отрезок времени, чем некоторые полагают. Павлов не разбрасывался безосновательными обещаниями.

Разительно контрастировала манера ведения заседаний Кабинета Министров Горбачевым и Павловым. Выступления Горбачева отличались аморфностью, неопределенностью, вилянием, неточностью в изложении своей позиции и фактической ситуации в стране. Выступления же Павлова были содержательными, компетентными, логичными, нередко концептуальными, с предложениями конкретных мер по выводу из кризиса. Сравнения были явно не в пользу Горбачева, что раздражало последнего, особенно если иметь в виду его самолюбие.

Весной 1991 года началась новая серия забастовок шахтеров. Прекращение добычи угля, задержки его поставок потребителям отрицательно сказывались на работе многих отраслей промышленности. Появились ощутимые трудности в энергетической области.

Требования шахтеров были непомерными, предлагаемое ими повышение заработной платы было непосильным для государства. Кроме того, оно немедленно вело к разрыву в уровне материального обеспечения шахтеров и других ка-

тегорий рабочих, что, бесспорно, в недалеком будущем должно было инициировать выступления остальных категорий, занятых в промышленности, не говоря уже о бюджетных.

В этих условиях позиция Павлова была правильной: с одной стороны, вести переговоры с шахтерами, доказывать им неприемлемость требований, идти на частичное удовлетворение этих требований в разумных пределах, с другой — давать отпор демагогии, популизму и показывать народу с помощью средств массовой информации, куда мы придем, если встанем на путь полного удовлетворения подобных требований.

Павлов пытался сохранить необходимый уровень управляемости народным хозяйством, не сходить с реальных позиций и идти с правдой в народ. Горбачев же, как всегда, занимал «гибкую» позицию, в стремлении избежать противоборства говорил о возможности принятия популистских требований. В узком же кругу признавался, что это смерти подобно.

Его позиция на переговорах с любой стороной неизменно была беспринципной, гнилой. На первой фазе — решительный отказ, угрозы применения санкций и так далее, а затем демонстративные уступки, отступление и удовлетворение значительной части заведомо невыполнимых требований. Причем нельзя было не видеть, что в итоге кризис будет лишь углубляться.

В случае с шахтерами Павлов, прекрасно отдавая отчет в том, что за этим последует, пытался придерживаться решительных взглядов, предупреждал, иногда даже нервничал, что вообще-то ему неприсуще, однако, будучи какое-то время в плену иллюзий относительно позиции Президента, сдерживал себя в надежде, что рано или поздно Горбачев поймет ситуацию и займет оптимальную позицию применительно к сложившимся условиям.

В марте 1991 года в Москве состоялась своеобразная «проба мускулов». Организаторы так называемого демократического движения решили провести демонстрацию силы. Лозунги, объявленные заранее, — «На Кремль», «Долой Президента», «Долой правительство» — характеризовали намерения не каких-то отдельных лиц, а всего движения в целом. Создавалась опасная обстановка.

В этих условиях в целях предотвращения нежелательных эксцессов было решено принять необходимые меры, в том числе и силового порядка. Как всегда, Горбачев, дав согласие на это, ушел в сторону, и все необходимые меры пришлось взять на себя Павлову.

Было принято соответствующее решение правительства, к Кремлю подтянуты воинские подразделения. Оппозиции показали, что она встретится с силой, если вздумает пойти на Кремль. Этого было достаточно для того, чтобы в Москве не был нарушен порядок. Оппозиция не решилась пойти на экстремистские действия и отступила.

Но через несколько дней демократическая пресса обрушила град критики в адрес правительства за приведение в готовность отдельных воинских частей и возможность, в случае необходимости, их задействования. Павлов не дрогнул, а Горбачев стал оправдываться, высказывать сожаление по поводу этих мер. «Слушайте, зачем нам нужна демонстрация силы? Надо договариваться», — настаивал он на заседании в Кремле. Но ведь если бы правительство в тот момент бездействовало, трудно сказать, как сложилась бы ситуация и какой бы оборот приняло развитие событий в Москве.

Периодически Горбачев продолжал давать указания о подготовке на случай особой ситуации мер чрезвычайного порядка и как будто поддерживал Павлова, который понимал, что, в случае необходимости, власть надо защищать. Но это были лишь слова Горбачева, мер не следовало, что только усиливало неверие в его способность предпринимать что-то решительное и действенное. Подобное поведение ввергало властные структуры в беспомощное состояние.

А тем временем, вследствие сокращения производства в промышленности и в сельском хозяйстве, пошли в ход остатки золотого запаса страны. В поисках выхода из создавшегося положения Павлов принимал меры к получению зарубежных кредитов для закупок продовольствия и крайне необходимых промышленных товаров.

В частности, была предпринята попытка приобрести оборудование для нефтяной промышленности и на этой базе обеспечить, по крайней мере, если не подъем ее, то хотя бы сохранение добычи нефти на уровне 1990 года. Кое-ка-

кие кредиты Советский Союз получил, но они не спасали положение, давали лишь небольшую, временную передышку.

А что дальше? А дальше, при последующем падении промышленного и сельскохозяйственного производства никакие кредиты нас уже не спасли бы. Нужны были радикальные, прежде всего политические и экономические, меры, которые могли бы задействовать собственный потенциал и со временем создать здоровую основу для выправления экономики.

Так, шаг за шагом к лету 1991 года создалась ситуация, когда хаос и кризис в стране усиливались, углублялись, расширялись, а Горбачев, будучи облеченным огромной законодательной и исполнительной властью, не шел ни на какие меры, позволившие бы затормозить эти негативные процессы. Он был целиком и полностью поглощен проектом нового Союзного договора и увлек в эту область бесплодных ожиданий всю центральную власть.

Для всех, как с той, так и с другой стороны, было абсолютно ясно, что новый проект договора, разрушая Союз, ничего конструктивного взамен не предлагает. Если он будет подписан, то гибель Союза неотвратима. Чтобы попытаться спасти положение, требовались иные подходы.

Эти мысли витали в воздухе, они были очевидны для всех. Нужно было неординарное решение.

В порядке иллюстрации действий деструктивных сил мне представляется целесообразным остановиться несколько подробнее на истории, связанной с Гдляном и Ивановым. Оба они работали в Генеральной прокуратуре Союза ССР в качестве следователей и вели расследование по так называемому «узбекскому делу», связанному с приписками, хищениями в особо крупных размерах рядом должностных лиц в Узбекистане. В 1988 году — начале 1989 года в своей деятельности они вышли за рамки Узбекистана и развязали шумную кампанию нападок на Горбачева и других представителей высшего руководства страны.

То, что уголовное дело по факту расхищения государственного и общественного имущества могло выйти за рамки

Узбекистана — вещь вполне допустимая. Узбекистан был частью Советского Союза, имел широкие связи с другими республиками, хлопок поставлялся в ряд регионов Советского Союза, и на этом канале могли действовать преступные группы, совершать хищения хлопкового сырья в крупных размерах. Но одно дело предполагать, а другое — доказывать, разбираться в причинах.

Со ссылкой на Гдляна и Иванова в средствах массовой информации замелькали намеки, заявления, «факты» о даче взяток узбекскими ответственными работниками ряду должностных лиц центральных властей в Москве, причем высшего эшелона. Все это перепечатывалось, тиражировалось, распространялось, обрастало слухами, появились внушительные мифы. Фантастические суммы взяток, подношений поражали воображение людей, причем никаких конкретных доказательств не приводилось.

Гдлян и Иванов пространно намекали на то, что обладают доказательствами и в любое время могут представить их, однако не кремлевским властям, а тем, кто может объективно разобраться в этом. Все это неоднократно было предметом рассмотрения на Съездах народных депутатов СССР, на Пленумах ЦК КПСС, на различного рода совещаниях.

Не буду называть фамилий, о которых шла речь, дабы не реанимировать эту клевету. Но факт остается фактом: честные люди требовали разъяснений со стороны властей, другие же с ходу использовали эти сведения для подрыва авторитета руководителей страны и нанесения очередного удара по Кремлю.

Спустя примерно месяц после назначения меня председателем Комитета госбезопасности ко мне пришла группа следователей из следственного отдела КГБ, которая принимала участие в расследовании «узбекского дела», и сделала заявление. По их словам, в группе, которую возглавляли Гдлян и Иванов, творятся безобразия: имеют место массовые нарушения уголовно-процессуального кодекса и других советских законов, фабрикуются дела против неугодных лиц, причем определенной политической ориентации, и что в этих условиях продолжать работу в упомянутой группе следователям Комитета госбезопасности представляется нежелательным. «Дело непременно может кончиться сканда-

лом, — заявили они, — со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Для меня такое заявление было новостью. Еще до вступления на пост председателя КГБ я слышал о Гдляне и Иванове, и у меня было мнение о них как о лицах, которые ведут непримиримую борьбу с крупными хищениями и коррупцией и потому заслуживают к себе соответствующего уважения. То, что рассказали следователи, в корне меняло картину.

Я позвонил тогдашнему Генеральному прокурору Союза ССР Александру Яковлевичу Сухареву и, сославшись на озабоченность следователей, сказал, что в будущем прокуратуре придется обходиться, видимо, без участия КГБ. Во всяком случае, добавил я, требуется какое-то время для того, чтобы я, как председатель КГБ, разобрался и принял решение о нашем участии или неучастии в расследовании «узбекского дела».

Спустя пару дней Сухарев позвонил мне по телефону и сказал, что, к сожалению, у него тоже есть аналогичная информация. Он попросил не отзывать следователей органов госбезопасности, продолжать работу, но согласился сократить их число. Он также попросил помочь разобраться с этим делом, с законностью действия Гдляна и Иванова, высказал пожелание обмениваться мнениями, потому что нарушение законности по столь громкому уголовному делу может повлечь за собой неприятности, а самое главное — привести к наказанию невиновных лиц.

Я тогда был далек от мысли видеть в Гдляне и Иванове лиц, совершавших преступления, но информация показалась мне серьезной.

Немало арестованных по уголовным делам, которые вели Гдлян и Иванов, содержались длительные сроки без законных на то оснований. Установить это трудностей не представляло. Один из подследственных содержался под стражей с грубейшим нарушением всех уголовно-процессуальных норм более семи лет, и дело не только не было передано в суд, но по нему даже не было завершено предварительное расследование. Одиннадцать (!) подследственных в ходе следствия покончили жизнь самоубийством, причем в

отношении четырех из них было доказано, что они были убиты.

Генеральный прокурор Сухарев проявлял большое беспокойство по поводу состояния дел, но находился в исключительно трудном положении. С одной стороны, он не получал поддержки от Горбачева, а с другой — подвергался резкой критике в средствах массовой информации за якобы потворство коррупционерам и расхитителям государственного имущества.

Вскоре в силу каких-то неведомых причин обвинения Гдляна и Иванова в адрес Горбачева сошли на нет и, по существу, прекратились. Из списков «коррупционеров» были исключены отдельные «демократы» и лишь в отношении Лигачева критика не прекращалась ни на минуту.

В ходе глубокой и всесторонней проверки, проведенной сотрудниками Генеральной прокуратуры Союза, обвинения в адрес многих лиц были отведены, дела прекращены, а те, кто содержался под стражей, освобождены.

Кстати, во второй половине 1990 года на основе полученных сведений в ходе проверки работы Гдляна и Иванова и возглавляемой ими группы следователей было возбуждено уголовное дело по факту нарушения законности, но до завершения оно так и не дошло, расследование по нему было прервано после августовских событий 1991 года.

По данным следователей КГБ, работавших в одной следственной бригаде с Гдляном и Ивановым, да и некоторых других следователей и прокурорских работников, оснований для обвинений высоких московских должностных лиц не было, обвинения носили голословный характер. Вскоре стала понятна и подоплека такого поведения Гдляна и Иванова.

Выяснилось, что в ходе расследования по так называемым «узбекским делам» ими были допущены грубейшие нарушения, в результате которых за решеткой оказалось немало невиновных лиц, тогда как истинные преступники почему-то оставались на свободе. Мягко говоря, небрежно обращались в следственной бригаде и с изъятыми ценностями...

Гдлян и его помощник не могли не знать о том, что Комитет госбезопасности располагает большим «компрома-

том» на них, что о незаконных деяниях группы неоднократно докладывалось руководству страны. Поэтому они и выбрали верный с их точки зрения способ защиты — обвинить в коррупции самого Горбачева и других высших руководителей страны. А для того чтобы еще больше обезопасить свой тыл, они выбивали (причем часто в буквальном смысле этого слова) из подследственных по «узбекскому делу» показания против Лигачева и других руководителей страны.

С согласия Горбачева телефонные разговоры Гдляна и Иванова были взяты на контроль, который полностью подтверждал информацию о неблаговидной деятельности этих лиц.

Впоследствии, когда у Гдляна и Иванова появилась возможность обнародовать «материалы» на Лигачева и других лиц из числа высшего партийного руководства, они не сделали этого, даже свернули свою шумливую программу. А ведь грозились предать гласности запрятанные где-то в надежных тайниках «доказательства».

К августу 1991 года мы подошли с проектом Союзного договора, противоречащим и Конституции СССР, и итогам референдума о Союзе. Есть смысл поподробнее остановиться на проблеме Союза — теперь уже бывшего. Можно и нужно было поступиться многим — отказаться от жесткой централизации и всеобъемлющего планирования, однопартийной системы, предоставить реальные права и полномочия союзным республикам, решительно изменить соотношение властных, управленческих прерогатив между центром и местами, пойти на радикальные изменения в социально-политическом строе, в частности сделать крен в сторону рыночных отношений, предоставить право на жизнь всем формам собственности, осуществить в строго определенных рамках приватизацию и многое другое. Главный исторический итог развития нашего тысячелетнего Отечества — Союз, единое государство, подлежал сохранению во что бы то ни стало.

К сожалению, несчастье, обрушившееся на нашу страну, прошло весь путь до трагического финала и завершилось развалом совсем недавно мощного союза народов, проживавших на территории Советского государства.

Просматриваются разные точки зрения на распад Союза. Есть такие, кто однозначно одобряет подобный конец, считая, что покончено с империей угнетения, социальной и исторической несправедливостью, политическим диктатом, источником тоталитаризма. Таких меньшая часть. Другие исходят из того, что развал Союза всего лишь этап на пути обновления союзной федерации, пройдет время, и Союз будет воссоздан еще более могучим, чем прежде. Думающих так оптимистов немного, большинство людей спустились с небес на грешную землю и стали реалистами.

Основная масса отдает себе отчет в том, что произошла трагедия, что положение само собой не поправится. В полной мере люди пока не осознали, не ощутили наступивших и грядущих тяжелых последствий для народов и каждого гражданина в отдельности, драматического момента в истории нашего государства. Но процесс осознания трагизма идет, он уже охватил широкие слои общества. Более глубокое осознание происходящего займет определенный исторический отрезок времени.

Умонастроения претерпевают качественные изменения, однако пока трудно сказать, в каком направлении они пойдут в ближайшее время — то ли по пути союзного радикализма, то ли возобладает та точка зрения, что надо не форсировать возврат к прошлому, а отдаться на волю вяло текущего развития событий. Разумеется, найдутся и противники воссоздания Союза в любом его виде. Они не составят сколько-нибудь значительного числа людей, будут заявлять о себе скорее не явно, а исподтишка. Вероятнее всего, будут присутствовать все обозначенные направления, что сделает перспективы развития событий еще более непредсказуемыми.

Во всяком случае, попытки решить эту проблему исключительно революционным путем, методом силовых действий чреваты опасными последствиями гражданской войны с неизбежными жертвами, разрушениями. Подобный вариант развития может отбросить общество назад, принять неконтролируемый характер, привести к жесткой поляризации противоборствующих сторон. Можно попытаться восстановить Союз силой, но кто возьмет на себя ответственность просчитать минусы и плюсы. Предпочтительным и,

пожалуй, единственно верным представляется другой вариант: эффективная политическая и экономическая деятельность, последовательно нацеленная на восстановление Союза.

Что позволяет рассчитывать на успех второго варианта?

На протяжении многих лет мне довелось общаться с самыми различными представителями национально-территориальных образований, бывать на местах, знакомиться с жизнью их регионов, промышленностью, сельским хозяйством, культурой, историей. Тяга к Союзу советских народов присуща подавляющему большинству людей, проживающих в больших и малых национальных образованиях.

Есть ряд стержней, цементирующих народы. 25 — 30 миллионов русских, проживающих в большем или меньшем числе практически повсюду, являются наиболее активными носителями идеи единения. С настроениями русских не могут не считаться. Они занимают важные позиции во всех сферах жизни, а кое-где без их знаний и опыта просто не обойтись.

Помимо русских, в различных регионах бывшего Советского Союза проживают представители других некоренных национальностей, они не могут выступать против Союза, они за единение, за федеративное устройство, ибо понимают, что в огне сепаратизма быстро сгорят, будут бессильны выстоять в борьбе с националистическими проявлениями. Они понимают свою обреченность при таком развитии событий.

За 70-летнюю историю Советского государства, да и в предшествующие периоды, все его районы и отдельные территории настолько переплелись между собой, срослись всевозможными нитями, что для них деление по национальному признаку стало противоестественным делом.

Для предотвращения нежелательного, губительного для Союза развития нам не хватало не так уж много — политической воли, терпимости, последовательности, принципиальности, короче говоря, четкой линии.

Конечно, со временем историки, будущие политики во многом разберутся, сделают соответствующие выводы. Грядущие поколения наверняка окажутся умнее и рациональнее и, возможно, поразятся, как мы легко позволили развалить

Союз. Но к сожалению, Союз будет, несомненно, труднее воссоздать, чем развалить.

У руководства не хватило решимости опереться на мнение большинства советских людей, а у горбачевцев не было и желания! Возникает безответный вопрос: почему не выполнена воля большинства народов, высказанная на общесоюзном референдуме?

До самого последнего времени в России вообще не возникало вопроса о Союзе, единстве, территориальной целостности самой России, межнациональных границ в ее рамках. Идеи суверенитета, независимости, возможность самостоятельного развития России возникли не в глубине души народной, а были привнесены сверху, навязаны насильно.

Правда, Россия не была первопроходцем, она следовала за некоторыми другими союзными республиками, открывавшими «парад суверенитетов». Однако сила воздействия российского примера ни с чем не сравнима. Мало кто предполагал, что за разрушением союзной федерации последует кризис, развал федерации России.

Процесс пошел, он набирает темпы и, если не произойдет чуда, то последствия его окажутся катастрофическими. Национальные образования начали путь к суверенитету и даже отделению от России, их инициативу подхватили края, области, малочисленные народности. Страна оказалась перед выбором форм и средств, с помощью которых можно было бы остановить развитие разрушительных процессов.

Как-то у меня состоялся примечательный разговор с народным депутатом СССР Евдокией Гайер, нанайкой по национальности. Депутатом она была избрана от Приморского края. Это был первый представитель нанайской народности в высшем законодательном органе страны; энергичная, активная, беспокоилась за дело, не терпела несправедливости, была настойчива в достижении цели. В предвыборной борьбе она победила местных соперников, выделяясь еще одним качеством — заботой о людях, и особенно о военнослужащих. Последнего ее конкуренты явно не учли, а ведь одним из проигравших ей выборы был командующий Дальневосточным военным округом.

Так вот, в разговоре Гайер жаловалась на несправедливость, в том числе и историческую, по отношению к нанай-

скому населению. По ее словам, огромные земли на Дальнем Востоке, в том числе Хабаровский край, принадлежали нанайцам, являются их родиной. Шесть тысяч нанайцев (такова их численность) именно здесь жили испокон веков, занимались промыслом и ничего не получили взамен отнятых у них земель. Речь шла о внимании, которое следует уделять нуждам ее соотечественников.

В ноябре 1990 года появилось еще одно территориальное образование — Нанайский национальный округ. Это была, надо полагать, первая ступень на пути к более серьезной цели.

Хотим мы того или нет, но вопрос о нанайцах прозвучал, то есть он обозначен. В каком направлении он будет развиваться? То ли нанайцы во главу угла поставят национальный аспект и будут исходить из этого, а представители других национальностей с ходу будут отвергать любую постановку вопроса о национальных интересах? То ли с самого начала эта проблема будет замечена и заинтересованные стороны постараются решить ее оптимальным путем?

Среди нанайцев и представителей других национальностей, проживающих в этом районе, могут появиться экстремисты, которые станут на далеко не безобидный путь. Тогда он неизбежно приведет к осложнениям, и трудно сказать, чем все это завершится.

Если любую проблему, связанную с той или иной национальностью, рассматривать под углом сугубо этнического аспекта, то трудно сказать, удастся ли найти решение, обеспечивающее спокойную жизнь и возможность проживать в одном регионе представителей различных этнических групп. Шесть тысяч нанайцев и полтора миллиона представителей других национальностей — цифры несопоставимые, но какой острой стороной может обернуться вся эта проблема!

Американский путь разрешения такого рода проблем в отношении некоторых этносов, например индейцев, для нас, конечно, не годится. Он бесчеловечен. Это геноцид, истребление, жертвы и кровь.

Российской политике геноцид никогда в принципе не был свойствен. Не подходит это теперь и для нас. Следовательно, путь — в поиске решения, удовлетворяющего инте-

ресы всех групп населения, проживающих в одной местности. Одинаковые возможности и полное исключение дискриминации, экстремизма в словах и действиях.

Определение границ исключительно по национально-этническому принципу таит в себе много опасностей, но как сделать, чтобы это поняли и согласились с этим стороны, противостоящие друг другу? Вполне возможно, что в Советском Союзе не был найден оптимальный вариант решения национального вопроса по форме и существу, и нам еще предстоит сделать это.

Мне представляется, единственно верное решение — это одинаковые гарантированные права для человека любой национальности, где бы он ни проживал. Человек — высшая ценность. Никакие национально-территориальные образования не могут служить источником ущемления личности.

Число самостоятельных национальных государств будет, надо полагать, расти, словно снежный ком. Подобный факт развития был просчитан американцами еще в 1989 году. По их прогнозам, пик распада или ослабления Союза и России, в частности, приходился где-то на рубеж нынешнего и следующего веков. Реальность внесла существенные коррективы в их расчеты. В Советском Союзе никто из политиков или ученых подобных прогнозов не делал: все внимание сосредоточивалось на критике, пересмотре, разрушении.

Комитет государственной безопасности бил тревогу. Он направил руководству страны не одну тревожную информацию по национальной проблеме. Ни одна из них не стала, к сожалению, предметом специального глубокого разбирательства.

Можно с большой долей уверенности предположить, что после создания самостоятельных национальных образований на пути их объединения серьезной преградой станут опять же субъективные факторы. Пришедшие к власти руководящие деятели и группы вряд ли пожелают распрощаться с приобретенными правами, властными и иными возможностями.

Как-то я принимал высокопоставленного американца (это было в начале 1991 года). Состоялся довольно откровенный разговор, в том числе и по национальной проблеме.

Я поинтересовался его мнением на этот счет. Ответ показался мне примечательным со многих точек зрения. По его твердому убеждению, если бы в Соединенных Штатах Америки в период становления государства пошли советским путем, то Соединенных Штатов уже бы не было. «Нации растащили бы нас», — сказал он.

В истории США не раз возникали вопросы о создании замкнутых, как в Советском Союзе, национально-территориальных образований, но всякий раз такие решения не проходили из-за опасности, которую они таили в себе. Более того, в США даже постановка вопроса о возможном пересмотре границ штатов является составом преступления. Мои ссылки на различия американских и советских условий, на невозможность у нас иного подхода к национальной проблеме были выслушаны собеседником без какой-либо реакции и, по-моему, без понимания.

Не раз бывая в республиках Средней Азии, я нигде не сталкивался с сепаратистскими устремлениями. По крайней мере, до 1990 года стремление жить в Союзе, укреплять федерацию было четким. Более того, в последнее время просматривались нескрываемые опасения за Союз.

Особенно заметное беспокойство высказывалось в Таджикистане. К. Махкамов, будучи еще премьер-министром республики, в 1989 году в откровенной беседе говорил о невозможности жить вне Союза. Таджикистан получил от советской власти такую помощь, участие и содействие, без которых его нынешний уровень развития был бы немыслим. По его словам, Таджикистан, оставшись один, без Союза, не выживет, подвергнется натиску извне, прежде всего со стороны Афганистана. Он был оптимистически настроен в отношении будущего республики в привязке к Союзу.

Прорабатывались планы развертывания новых производств, главным образом трудоемких, учитывая избыток рабочей силы и ограниченность обрабатываемых земель. До самого последнего момента Таджикистан не предпринимал шагов к независимости, не цеплялся за суверенность, и независимость республики была провозглашена лишь под влиянием общей ситуации в стране и нажимом националистических сил. То же самое можно сказать о Туркменистане,

тяга которого к Союзу, единению с ним на федеративной основе была естественной.

До последнего твердо на позиции сохранения Союза стоял Узбекистан. В 1990 — 1991 годах во время коротких встреч в Москве и Ташкенте с Президентом Узбекистана Каримовым часто заходил разговор о судьбе Союза. Каримов болезненно реагировал на всякого рода упоминания об ослаблении не только Союза, но даже центра. Он выступал за расширение полномочий республик, и вместе с тем за сильный полноправный центр, за сохранение полнокровных вертикальных и горизонтальных связей.

Мне казалось, что он испытывал серьезные опасения за перспективы Узбекистана остаться вне Союза, не скрывал своего непонимания позиций и действий центра, подчеркивал, что Узбекистан не готов к чрезмерным темпам «демократизации», выступал за постепенные перемены.

В 1990 году на одном из заседаний Совета Федерации встал вопрос о возможных различиях в жизненном уровне республик, что неизбежно при рыночных отношениях. Каримов решительно возразил. По его мнению, разности в уровнях не избежать, однако чрезмерный разрыв приведет к ослаблению Союза, что опасно, и поэтому допускать такого развития нельзя.

Короче говоря, и в руководстве Узбекской республики было полное понимание важности сохранения союзного государства.

Правда, все это говорилось тогда!

Мне всегда трудно было понять позицию по проблеме Союза киргизских руководителей, а точнее, нового Президента республики Аскара Акаева. Он стремился форсировать решение задачи повышения национального сознания народа республики, делал это последовательно, нажимно. На его взгляд, эта задача представлялась не такой уж сложной.

После ее «успешного» решения, а «успех» казался очень близким, неизбежно появлялись трудности другого характера, тем более что были допущены перегибы. В обществе пробудились новые политические силы, возникли иные проблемы, требующие от руководства быть на порядок вы-

ше в вопросе удовлетворения непомерно возросших потребностей людей, к тому же подогретых демагогией и популизмом.

Уровень жизни киргизского народа, нивелировавшийся в условиях Союза, стремительно падал. В одиночку решить экономические проблемы невозможно, несмотря на наличие природных богатств.

Киргизия остро нуждается в связях с другими государственными образованиями, партнеров она найдет, но не столь выгодных, как хотелось бы, ими могут стать не только страны СНГ, но и другие. На отношения с последними Президент Киргизии Акаев делает особую ставку. Причины подобного подхода хорошо просматриваются: республика пытается вырваться на новые экономические рубежи и тем реализовать обещания, щедро данные народу в период борьбы за власть.

К региону, о котором шла речь, по географическому признаку относится и Казахстан. Его роль и значение для Союза всегда были исключительными — огромная территория, большая численность населения, широкий набор уже извлекаемых полезных ископаемых, развитые промышленность и сельское хозяйство. Казахстан располагает значительным научным потенциалом. Связи Казахстана с Россией, со всем Союзом были традиционно широкими и тесными. К таким связям располагал этнографический состав населения, причем некоторые этнические группы жили довольно компактно, с чем нельзя не считаться. Обрыв этих связей для Казахстана на непозволительно длительный период был бы губителен.

К руководству республикой пришел Назарбаев — личность, с которой считаются не только на его родине. Он быстро приобрел мировую известность. Раньше не было вопроса, при решении которого Назарбаев занял бы антисоюзную позицию. Он мог проявить сдержанность, поставить условия, не противоречащие интересам Союза, предложить дополнительно изучить проблему.

Назарбаева нельзя отнести к числу противников Союза, сторонников его разрушения. По крайней мере, так было

Его стремление упрочить положение казахов можно понять, потому что сами казахи составляют в республике меньше половины населения, а националистические настроения среди них — фактор, с которым нельзя не считаться. Следует также отметить гибкость, свойственную Назарбаеву, что позволяет ему подключиться к урегулированию спорных, конфликтных проблем деликатного свойства, особенно если они касаются международных отношений.

Таким образом, и со стороны Казахстана угроза Союзу не исходила.

С моей точки зрения, необходим особый подход при оценке позиций Закавказских республик по проблеме Союза. Азербайджан, Армения, Грузия резко отличаются друг от друга и в то же время имеют немало общего.

В чем это общее? Их история, как и история всего Кавказского региона, — это история борьбы за выживание, за землю, череда межнациональных, порой кровавых конфликтов, стихийные бедствия, древние история, наука, культура, в целом — благодатные условия для проживания, за исключением, пожалуй, Армении.

Есть еще одно характерное качество для коренных жителей Кавказского региона: повышенная возбудимость, эмоциональность, ранимость, взрывная реакция на обиду. Наряду с этим народы Кавказа отличает разность интересов: хозяйственных, этнических, принадлежность к различным конфессиям, широкий диапазон взаимоисключающих друг друга обычаев, нравов, устоев, глубоко уходящая своими корнями в историю вражда, наличие многочисленных языков, наречий, относительная неопределенность границ, межродовые и межплеменные противоречия. И это, к сожалению, далеко не полный перечень.

Имеется много других аспектов, которые в разной степени влияют на положение в этом важном регионе, постоянно порождая большие и малые проблемы. В условиях единого Советского государства эти противоречия в острой форме не проявляли себя, глубокие, разносторонние хозяйственные связи сблизили республики и народы Кавказа, породили надежды на прочный мир и согласие.

Миной замедленного действия явились сталинские репрессии в отношении некоторых народов Кавказа во время Великой Отечественной войны. Надо признать, что в последнее годы это обстоятельство стало все сильнее давать о себе знать. Возвращение выселенных народов на свои родные места восстановило справедливость, устранило ряд проблем, но породило новые. Опять-таки в условиях одного государства все это было разрешимо. Но когда Союз стал рушиться, накопившиеся проблемы вспыхнули, словно сухие дрова. Тут было обширное поле для приложения энергии политиканствующих групп.

Азербайджан до последнего выступал за Союз, поддерживал наиболее конструктивные предложения на этот счет, считал необходимым сохранить достаточно сильные централизованные начала.

Бывший Президент республики Муталибов в личных беседах прямо говорил, что вне Союза Азербайджану трудно будет обеспечить спокойную жизнь, а разрыв экономических связей окажется трудновосполнимой потерей. Сложные отношения с Арменией заставляли искать поддержку и опору в лице Москвы; у Муталибова не просматривалось стремления заменить Москву другим центром, слишком много было в этом неясного и непредсказуемого, а опасности на виду.

Муталибов — опытный, умеющий смотреть вперед политик. Лишь развал Союза обусловил изменение позиций Азербайджана и вынудил республику встать на путь суверенизации и независимости, однако без России народу Азербайджана будет неимоверно трудно, и этого не могут не понимать его руководители.

Приход к руководству Азербайджаном бывшего первого секретаря ЦК Компартии республики, затем члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Гейдара Алиева можно было предсказать еще несколько лет назад. Именно при нем азербайджанский народ добился существенных успехов в развитии промышленности, сельского хозяйства, приличного жизненного уровня. Именно при нем Азербайджан жил спокойно, не

подвергался никаким межнациональным распрям, приобрел вес и достойное место в Советском Союзе. При Алиеве осуществлялось широкое жилищное строительство, Баку преобразился новыми проспектами, жилыми кварталами, впечатляющими общественными сооружениями. Азербайджан имел вполне нормальные, дружеские взаимоотношения с Грузией, Арменией, не было каких-либо заметных осложнений в Нагорном Карабахе. Словом, республика жила полнокровной, нормальной жизнью.

На фоне того, что произошло в Азербайджане в самые последние годы, алиевский период, конечно, выгодно отличался. Хотя в начальный период перестройки в Азербайджане в адрес Алиева раздавалась серьезная критика, в значительной своей части совершенно незаслуженная, в связи с чем авторитет этого человека не удалось низвести до нулевой отметки. В 1990 — 1991 годах о Гейдаре Алиеве стали говорить все чаще и чаще, и даже была предпринята попытка избрать его на пост Председателя Верховного Совета республики, но в тот момент она не увенчалась успехом, поскольку лишь незначительная часть депутатов Верховного Совета проголосовала за его кандидатуру. Алиев покинул зал под неодобрительные выкрики, но это не было отражением подлинных настроений народа.

Пришедшие к власти «демократы», во главе с Президентом республики Эльчибеем, быстро довели республику до полного краха: война с Арменией, социальная напряженность, резкое падение жизненного уровня, появившиеся трудности во всем делали жизнь простых людей невыносимой. И потому не случайно в 1992 году состоялось триумфальное восшествие Алиева на пост Председателя Верховного Совета республики, а состоявшиеся затем выборы Президента принесли ему убедительную поддержку. За него проголосовало более 90 процентов избирателей.

Алиев, бесспорно, опытный политик. Я хорошо знаю его. Длительное время он возглавлял органы госбезопасности республики, затем стал первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. Он деятелен, контактен, всегда проявлял себя как интернационалист, был приверженцем социалистической идеи, к России относился с уважением, признанием и пониманием ее роли в Советском Союзе, и в частно-

сти, для судеб Азербайджана. Он отдавал себе отчет в том, откуда должна прийти помощь Азербайджану в случае, если последний попадет в беду.

Таким я знал Алиева. Но слишком тяжелое наследство досталось этому человеку. От того, какой путь выхода из создавшегося положения он изберет, будет зависеть, с какими издержками выйдет Азербайджан из кризиса и как скоро республика обретет нормальные условия для жизни и работы.

Главное условие — национальное согласие и примирение, прекращение вражды с армянами, восстановление связей по всем направлениям с Россией и другими бывшими республиками Советского Союза, оценка без всяких иллюзий позиций соседних с Азербайджаном стран — Ирана и Турции, перспектив возможного развития отношений с ними.

В первые месяцы своего правления Алиев проявил завидную трезвость в подходах. Он привел Азербайджан в СНГ, показал свое уважение к Москве и, естественно, рассчитывал на взаимопонимание.

Нормализация обстановки в Азербайджане, вокруг него и во всем Кавказском регионе в настоящее время зависит от того, каким путем пойдет налаживание отношений между Азербайджаном и Арменией. Важнейший вопрос: как будут строиться отношения между армянским и азербайджанским народами на территориях, где веками происходило смешение различных групп населения, мирно соседствовавших друг с другом.

Нынешнее положение Нагорного Карабаха весьма нестабильно. Видимо, в его статусе должны произойти какие-то изменения. Однако армянская сторона должна понимать одно: Баку не может поступиться своими интересами, потерять лицо и согласиться с чрезмерными притязаниями Еревана.

Кстати, в бытность Алиева первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана, он уделял большое внимание Нагорному Карабаху, часто бывал там, по его инициативе в крае велось широкое строительство, была построена армянская церковь, воздвигнуты памятники армянским военачальникам, прославившим себя в годы Великой Отечественной

войны. Казалось, ничто не должно было омрачить обстановку в Нагорном Карабахе и вокруг него.

Трудно сказать, сколько времени история отведет для деятельности Алиева. Возраст, трудности, которые были у него со здоровьем, могут осложнить его деятельность и помешать реализовать его планы. Однако, бесспорно, он может многое сделать в интересах Азербайджана да и Армении. Однако решение проблем — только во встречном движении руководителей двух республик.

Многое для судеб азербайджанского народа будет зависеть от позиции Алиева при оценке событий в Азербайджане за последние несколько лет. Если он пойдет на поводу националистических сил, позволит им расширить социальную базу, не сумеет привлечь на свою сторону или, по крайней мере, нейтрализовать часть деятелей из числа бывших сторонников Национального фронта Азербайджана, то в итоге проиграют и он и дело мира в республике.

Истекшие годы дали ответы на многие вопросы, поставленные жизнью в то время, когда они возникали в результате действий националистических экстремистских сил и обусловили кризис не только в Азербайджане. Главная предпосылка — не сойти с принципиальных путей, не действовать в угоду сиюминутным моментам. В таком случае можно добиться многого и войти в историю достойным образом.

К сожалению, предпринятые в 1994—1995 годах Алиевым действия во внутренней и внешней политике вызывают серьезные опасения за судьбу Азербайджана, не говоря уже о судьбе самого Алиева. Дело даже не в том, что ориентиры, курс бакинского руководства наполняется иным, чем прежде, идейно-патриотическим содержанием. Азербайджан может попасть в опасную зависимость от стран, с влиянием которых он не справится. В результате стремление к столь желанной «независимости» обернется ее утратой с самыми тяжелыми последствиями. В самом Азербайджане действия Алиева вызывают возникновение против него одного фронта за другим. Последствия не заставляют себя ждать — его социальная база сужается, а что это означает — разъяснять излишне.

С точки зрения Советского Союза Азербайджан — ре-

спублика упущенных возможностей. До 1990 года линия Москвы отличалась колебаниями, крайностями, непоследовательностью, начатое не доводилось до конца. Да, собственно говоря, это касалось не только Азербайджана. После развала Союза отсутствие четкой линии в работе по наполнению должным содержанием Содружества Независимых Государств часто подрывало здоровые силы в некоторых республиках, в том числе в Азербайджане. Сейчас, когда Азербайджан нуждается во внимании и поддержке, правомерен вопрос: оказываются ли таковые со стороны Москвы?

Армения, напротив, демонстрировала стремление к отделению и независимости. Делалось это громко, нарочито, принимались соответствующие заявления, декларации. Рабочих связей с Москвой Ереван не порывал. В доверительных личных беседах армянские руководители всех уровней аргументированно доказывали, что Армения не мыслит свое существование вне Союза, что она будет последней, кто покинет его, что это общее мнение армян и т. д. Считаю, что у Президента Тер-Петросяна здесь было больше игры, политического расчета, чем откровенности. Тер-Петросян переиграл самого себя.

Положение Армении в регионе непростое. История преподнесла ей не один трагический урок. Армения без Союза, без России чувствовать себя в безопасности не может, притом по всем позициям. Не думаю, что первую скрипку в этом будет играть Азербайджан.

Армения и Азербайджан в советский период жили без проблем. Отношения между ними долгое время носили дружественный характер. Армяне хорошо уживались в Азербайджане, а азербайджанцы в Армении. Проблема возникла в самое последнее время, и причина не в народах, а в высших эшелонах власти.

Мне доподлинно известно, что такие руководители, как Муталибов и Алиев, готовы были пройти свою часть пути к миру и согласию. Теперь же эта дорога к миру будет устлана большими жертвами. Никакой силовой способ решения карабахской проблемы не приведет к положительному результату.

Конфликт между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха превратился в настоящую войну с применением всех видов обычного оружия, значительными жертвами и огромными разрушениями. Страдают народы Азербайджана и Армении.

Особенно поражают нищета, невзгоды и лишения, которые обрушились на армянский народ. Такое развитие событий нетрудно было предвидеть. Армения не готовилась к серьезной войне ни с кем, ни с одним из своих соседей. Экономика носила сугубо мирный характер. Собственных ресурсов нет, энергетика зависела от соседних республик, сельское хозяйство далеко не в полной мере обеспечивало свой народ продуктами питания. Армения жила благодаря широким всесторонним связям с другими регионами бывшего Советского Союза, поддерживала вполне сносный жизненный уровень, о котором армяне сегодня только мечтают. Состоявшиеся в 1992— 1995 годах внушительные митинги протеста против войны, против обнищания с участием сотен тысяч людей в Ереване и других городах — серьезный сигнал руководству этого государства.

У нынешнего Президента Армении Тер-Петросяна и его ближайших единомышленников была заветная мечта — разом решить проблему Нагорного Карабаха путем присоединения его к Армении или, по крайней мере, предоставления ему полной независимости от Азербайджана, с подчинением в условиях Советского Союза Москве, после чего можно было бы приступить к другому этапу — этапу постепенной интеграции Нагорного Карабаха с Арменией. Это было очевидно, следовало из высказываний Тер-Петросяна, секрета ни для кого не составляло.

Помню свои разговоры с ним в Москве. Я откровенно предупреждал, что это путь в никуда, что следует искать другое решение, что его можно найти на путях пусть длительных, но политических переговоров с Азербайджаном при безусловном и полном учете интересов как армян, так и азербайджанцев, проживающих в Нагорном Карабахе. Но Тер-Петросян пошел к цели другим путем — через кровь и разрушения.

Тер-Петросян вошел в большую политику как деятель, обладающий необходимыми способностями, знаниями,

гибким умом и решительностью. Путь политика — не ковровая дорожка. Политик больше всего должен опасаться, чтобы в одно прекрасное время не превратиться в политикана. У последнего финиш не может быть благополучным.

К началу 1994 года Азербайджан лишился до 20 процентов своей территории, которая была захвачена якобы военными подразделениями Нагорного Карабаха. Но это для наивного — воюют Азербайджан и Армения. 20 процентов азербайджанской территории нужны Армении для того, чтобы сделать их предметом торга в решении вопроса о Нагорном Карабахе. Но вряд ли можно поставить на колени Азербайджан, который четко показывает неприемлемость для него решения вопросов не политическим, а силовым путем.

Вместе с тем бесконечно жаль армянский народ, народ с исключительно тяжелой, трагической, но полной достоинства историей, народ, доказавший свою способность выживать даже в тяжелейших условиях, внесший огромный вклад в развитие Советского Союза, в мировую цивилизацию. За годы советской власти он обрел новые силы, показал высокую степень жизнеспособности. Но бесконечно эксплуатировать народный потенциал терпения и доверия невозможно, рано или поздно это обернется трагедией, и в том числе для руководства и этого государства и самого народа. А ведь можно избежать и того и другого.

Грузия — республика, в отношении которой требуется особая выдержка, терпение и понимание. Если Азербайджан еще может сводить концы с концами, если Армения еще может надеяться на помощь из-за рубежа, то Грузия может, по существу, рассчитывать лишь на отношения с государствами бывшего Союза.

Грузия особенно пострадала от внутренних распрей, ее народ стал жертвой внутриполитической борьбы за власть, противостояния различных общественно-политических течений, импульсивных действий некоторых лиц. Борьба трезвомыслящих сил, открытая и скрытая, уже началась, и она неизбежно завершится победой, и, видимо, такая развязка не может быть делом далекого будущего. В республике

нет ни сил, ни возможности терпеть поразившие ее нищету, массовый голод и разорение, беспрерывные войны с отдельными народами, проживающими на ее территории.

К тому же, пожалуй, ни одна республика не находится в столь большой зависимости от внешних факторов, в частности, от России и других республик, как Грузия. Кстати, грузины хорошо осознают свою зависимость и катастрофическим образом ощутят ситуацию, как только разрыв связей достигнет опасной отметки. Грузии просто не на что рассчитывать. Война в Южной Осетии лишь первое время поднимала моральный дух какой-то части грузинского населения, сейчас любой военный конфликт духовно и материально истощает весь народ.

Военный конфликт с Абхазией гибелен для Грузии. Это было очевидно с самого начала. Тбилиси втянулся в войну не только с Абхазией, а с горскими народами, активно поддерживавшими Абхазию. С самого начала грузинские воинские подразделения оказались, по сути дела, на территории иного государства, где против них было все — и воля абхазского народа, и помощь ему со стороны горских республик, слабые коммуникации, трудности в снабжении армейских подразделений, нежелание грузин воевать из-за непонимания целей войны. Да плюс ко всему этому — политическое противоборство, тяжелая социальная обстановка, которые раздирали грузинское общество и республику.

Потерпев военное поражение в Абхазии, Грузия оказалась перед лицом серьезного политического поражения, которое по своим последствиям может оказаться даже тяжелее военного.

Шеварднадзе далеко не все просчитывал в союзном масштабе, когда возглавлял Министерство иностранных дел в Москве, и оказался неспособным просчитывать шаги на перспективу, даже ближайшую, когда оказался во главе Грузии, куда он с относительным триумфом возвратился в 1992 году. Большая часть грузинского и других народов, проживающих в Грузии, встречали его с надеждой, как возможного избавителя от напряженности, нищеты и лишений, с которыми столкнулась эта республика в период правления Звиада Гамсахурдиа.

В Грузии Шеварднадзе ждало много подводных камней.

Есть опасность вовлечения Грузии в конфликт с мусульманами, проживающими в республиках, соседствующих с Грузией. В самой Грузии приблизительно 500 тысяч азербайджанцев, более 400 тысяч армян, компактно проживают другие народности, и при неосторожном обращении с этими этническими группами можно навлечь на Грузию новую большую беду, а этого республика просто не выдержит.

Экономическое положение ухудшается, шансов на то, что оно поправится, не видно, их попросту нет. В этих условиях резко негативная позиция Грузии по отношению к Союзу, разрыв с Россией и другими бывшими союзными республиками лишь завели ее в еще больший тупик.

Вступление Грузии в СНГ несколько поправляет положение. Однако основополагающие шаги еще впереди. Грузия, возможно, станет примером того, как позитивное развитие внутренних процессов сравнительно быстро может вывести республику на верный путь.

Выше уже кратко говорилось о том, что драматически развивались события и в Молдавии. Всплеск националистических проявлений в республике активно подогревался ее высшими структурами, отдельными лицами из руководящих звеньев. Поначалу создавалось впечатление широкой вовлеченности большинства молдавского народа в различные формы социально-политического недовольства. Деструктивные силы активно насаждали клеветнические утверждения о притеснении Молдавии Москвой, об ущемлении ее национального достоинства, о лишениях, страданиях молдаван от «искусственного» разделения с Румынией.

Правда, остроту поднявшейся было волны вокруг проблемы объединения с Румынией удалось довольно быстро ослабить. В 1990—1991 годах начался активный обмен посещениями между Румынией и Молдавией. Жители обеих стран узнали, кто как живет, сравнение оказалось не в пользу Румынии, и взаимные переходы резко пошли на убыль. Да и в историческом плане отношения между Румынией и Молдавией не всегда складывались в пользу последней.

Что получила бы Молдавия от реализации объявленного намерения выйти из Союза? Среди части населения верх

взяли иллюзии, что так будет лучше. Поскольку эта часть молдаван была наиболее активна, она, естественно, какое-то время делала погоду. Усилились антирусские настроения, русских стали притеснять, в ход пошли угрозы. В ответ появилась Приднестровская республика, где проживает преимущественно русскоязычное население.

То же самое произошло с гагаузами. Они создали Гагаузскую республику. В первой население составляло примерно 700 тысяч человек, во второй — 80 тысяч. На очереди возможность возникновения еще одного образования — болгарской автономии.

Немедленно нарушились экономические и внутриреспубликанские связи, связи с другими регионами страны, осложнились отношения с соседней Украиной. Возникли трудности в экономике, быту, напряженность в отношениях между представителями различных национальностей.

Все это немедленно ощутили жители республики. Создавалось впечатление, что Молдавия мечется. Руководство, по крайней мере его значительная часть, понимало невозможность нормального функционирования республиканской экономики вне связей с Союзом, но было сковано в действиях, поскольку оказалось в плену сепаратистских настроений, которые совсем недавно само же и подогревало в ходе политической борьбы за власть. Такой опытный руководитель, как М. Снегур, мне думается, отдавал себе отчет в происходящем и его последствиях, но по тактическим соображениям свою позицию четко не обозначал.

Из Москвы хорошо было видно, что Снегур колебался: то делал крен в сторону национал-экстремистских и даже прорумынских сил, то вдруг заявлял о готовности дать им отпор. Но антисоветский, антисоциалистический нажим на Снегура возрастал, подогревались антирусские настроения, хотя и нельзя сказать, что они охватывали бóльшую часть населения Молдавии, этого не было, но они были взяты на вооружение наиболее активной частью общественности, действовавшей с сепаратистских позиций.

Из Бухареста эти настроения подогревались. Некоторым уже виделась великая Румыния, в состав которой вошла бы нынешняя Молдавия, а также другие территории, в свое время отошедшие к Украине.

В условиях усиливавшейся напряженности, нажима со стороны деструктивных сил Снегур попытался силой решить вопрос с Приднестровской республикой, проще говоря, ликвидировать ее. Так был развязан кровавый конфликт между Кишиневом и Тирасполем. Он стоил многих сотен убитых, многих тысяч раненых, больших разрушений, но не принес военной победы Кишиневу. Приднестровье выстояло, более того, укрепилось, завоевало симпатии и поддержку со стороны русскоязычного населения в бывших союзных республиках.

На помощь приднестровцам пришли добровольцы, в частности небольшие подразделения из числа казачества. Снегур понял, что проиграл сражение, и перевел решение вопроса с Приднестровьем в плоскость политического урегулирования.

Конечно, нельзя не признать обоснованным стремление молдавского руководства сохранить целостность республики. Да, собственно говоря, против этого никто не выступал. Дело сводилось лишь к тому, чтобы отстоять право иноязычных народов на жизнь в нормальных условиях, без дискриминации, без притеснения, пресечь попытки изгнать их с территории Молдавии, где эти народы жили длительное время, где обосновались и внесли существенный вклад в развитие ее промышленности, сельского хозяйства, науки. Ведь до последнего времени молдаване, русские, украинцы, гагаузы, болгары и другие жили в мире и дружбе, между ними не возникало никаких проблем, казалось, дружба спаяна навеки, увеличивалось число смешанных браков, молдаване выезжали на работу в другие районы Советского Союза и там имели неплохие заработки.

О времени, в течение которого молдавский народ находился под гнетом румынской буржуазии, вспоминали как о тяжелом периоде. Никто этого не мог оспорить, потому что факты подтверждали это. Поэтому идея объединения Молдавии и Румынии не могла обрести серьезную почву и захватить умы основной массы населения.

Надо сказать, что на том этапе конфликтной ситуации в отношениях между Кишиневом и Тирасполем сыграла свою положительную роль российская 14-я армия. Она пресекла попытки углубить и расширить военный конфликт,

обеспечила безопасность десятков тысяч граждан Тирасполя и дала понять Кишиневу, что жестокое обращение с иноязычным населением в Молдавии не останется безответным. Ради объективности следует сказать, что в этом проявлялась не позиция московского руководства, а скорее решимость командования российских армейских подразделений, находившихся на территории Приднестровья. Сказывалась широкая поддержка, оказанная повсеместно в России. С этим Кишинев не мог не считаться.

На примере Молдавии и других союзных республик невольно задумываешься о поколении руководителей, которые сейчас вершат политику, пытаются решить свою судьбу и судьбу остальных граждан. Одни уже сошли с политической арены, другие взобрались на олимп власти и пытаются удержаться любым путем, но есть немало и таких, которые порвали со своим «демократическим» прошлым, разобрались в обстановке и встали на здравый путь борьбы и развития.

Опыт бывших социалистических стран также показывает, что люди, и в частности, молодежь, сегодня уже не те, что были в 1988 — 1990 годах. Во многом они прозрели, изменились их взгляды, и они начинают задумываться над тем, каковы были пути политической борьбы прежде и какими они должны быть завтра.

Глубоко уверен в том, что молдавскую проблему можно решить политическими средствами, в рамках диалога различных общественных сил при условии сохранения территориальной целостности Молдавии. Одно из основных препятствий — дискриминационное отношение к представителям других национальностей. Те, кто встает на этот путь, в конечном счете проигрывают.

С 1990 года Молдавия на перепутье. От того, пойдут ли руководители республики путем мира и согласия, зависит все. Расстановка национальных сил в Молдавии такова, что ни одна из них не в состоянии встать над другими и диктовать свои условия.

Самая тяжелая проблема в судьбе Союза, самая сложная, важная, можно сказать, основополагающая — Украина.

Россия и Украина определяли многое. От них в значительной мере зависела судьба Союза. Эти два гиганта были основой, становым хребтом нашего государства. Россияне — украинцы переплелись в личных родственных отношениях, похожесть друг на друга во многом стерла их национальные отличия. У русского коллектива не возникало никаких вопросов, если во главе его оказывался украинец, в этом до такой степени не было ничего чрезвычайного, что как-то даже не замечалось. Поделикатнее обстояло дело на Украине, но не настолько, чтобы превращаться в проблему.

Русские любят украинскую культуру, искусство, от песен и танцев в восторге, то же самое можно сказать об украинцах применительно к русской культуре, искусству. Русские охотно выезжали на жительство на Украину, украинцы тысячами приезжали в российские края и там оставались навечно. Дружеские, братские отношения между российскими и украинскими областями и городами, районами и селами были распространенным явлением, кухни обоих народов перемешались, общая история, одни родные корни, одна Родина, единое начало, общие страдания и радости, одно горе и одна победа в Великой Отечественной войне. Когда Хрущев передал Крым Украине, у россиян это вызвало недоумение, однако незлобное: «Ничего страшного, какая разница, все равно один Союз, одна страна».

И вот Украина — самостоятельное государство, которое не желает вступать в конфедеративное образование даже самой слабой формы. Резкое противостояние политических сил на Украине при пассивности основной массы граждан обозначило главный водораздел — отношение к Союзу. В конце концов верх взяли те, кто под заманчивыми лозунгами выступает за самостоятельность Украины.

Декларация о государственном суверенитете была принята Верховным Советом Украины 24 августа 1991 года. Однако этот шаг готовился намного раньше. В июле 1991 года Комитетом госбезопасности были получены достоверные данные о планах руководства иметь на Украине собственную валюту, организовать таможенную охрану на границах с Россией, создать собственные вооруженные силы и осуществить другие меры в интересах самостоятельного государства.

Информация была получена от источников, в надежности которых не было сомнений. Тем не менее, учитывая ее важность, к оценке подошли осторожно, перепроверили по другим каналам. Полученные данные полностью совпадали. Было ясно, что тогдашнее украинское руководство взяло курс на отделение Украины от Союза, его намерения выливались в конкретные планы, в разработку соответствующих мер. Цель — создание самостоятельного государства.

Я доложил эту информацию лично Президенту СССР Горбачеву. У меня сложилось мнение, что Горбачев внутренне верил этой информации, более того, догадывался о сепаратистских действиях руководства Украины. После некоторых раздумий он поинтересовался, насколько надежен источник. Получил положительный ответ. Стал как бы вслух рассуждать, что бы это могло означать, удастся ли украинскому руководству реализовать свои планы, как это может отразиться на Союзе в целом. После раздумий и размышлений Горбачев предложил сообщить полученные сведения лично Ельцину, заметив, что между российским и киевским руководством ведутся активные переговоры, и вот, мол, пусть Ельцин задумается над этим и сам во всем разберется.

Опять Горбачев сделал нелепый и коварный шаг! Ельцин, уже добившийся объявления о суверенитете России, вдруг стал бы мешать сделать то же самое Украине! Мои возражения Горбачев отмел.

Выполняя указание Горбачева, связался по телефону с Ельциным, подробно рассказал о полученной информации, не назвав лишь ее источников.

На том конце провода недоумение, размышления, раздумья. Мне показалось, что Ельцин знает о том, что происходит в Киеве, какие там вынашиваются сепаратистские замыслы. Он даже выразил сомнение, удастся ли Киеву реализовать свои планы, поскольку разрыв с Россией не сулит ничего доброго. Тем не менее условились еще раз проверить эту информацию и потом вернуться к вопросу о том, что же следует предпринять.

Я заметил, что подобная позиция Украины в случае ее реализации нанесет огромный ущерб Союзу в целом и вряд ли после этого удастся придать конструктивный характер процессу создания нового Союза. Это может породить цеп-

ную реакцию, создать дополнительные трудности, потребует нового подхода ко всей проблеме Союза.

Из разговора с Ельциным я также вынес впечатление, что для него, как и для Горбачева, переданная мною новость не была столь уж неожиданной, хотя он и посетовал на возможные негативные последствия, заметив, что у России есть рычаги воздействия на Украину, поскольку на такие проблемы, как Крым, Севастополь, можно будет посмотреть по-иному. Итак, условились подумать, что следовало бы предпринять для проверки информации и в порядке упреждающих шагов.

Каково же было мое удивление, когда буквально два часа спустя мне позвонил тогдашний Председатель Совета Министров Российской Федерации Силаев и сказал, что в соответствии с поручением Ельцина он только что переговорил по телефону с премьер-министром Украины Фокиным с целью перепроверки полученной Комитетом госбезопасности информации о подготовке на Украине шагов к выходу из Союза. По словам Силаева, он спросил у Фокина, насколько соответствуют действительности сведения о подготовке мероприятий по закрытию границы, установлению таможенных постов, печатанию украинских денег за рубежом и других мер подобного характера.

Он спросил у Фокина, действительно ли Украина собирается выходить из Союза и как это вяжется с официальной позицией украинского руководства по подготовке нового Союзного договора и желанием создать обновленный Союз. Фокин категорически отрицал достоверность полученных сведений, уверял, что ничего подобного в Киеве не замышляют. Более того, сказал, что впервые об этом слышит.

Замечу, что по поступившей в Комитет госбезопасности информации Фокин был полностью в курсе дела и принимал личное участие в разработке и подготовке упомянутых выше мероприятий. Так что заверения Фокина, мягко говоря, были неправдой. Но тем не менее и Силаев, и Ельцин «поверили» заявлениям Фокина и посчитали, что мы имеем дело с дезинформацией.

Я доложил Горбачеву о состоявшемся разговоре с Ельциным, о разговоре Силаева с Фокиным, и он воспринял это с явным облегчением. Его не смутил способ проверки ин-

формации, который, по сути, заключался в прямой передаче сведений тем, о ком шла речь и кто был прямо причастен ко всей этой истории. Мне стало ясно, что и у Президента СССР, и у российского руководства вряд ли появится желание должным образом отреагировать на полученную информацию, касавшуюся судеб Союза.

Уже находясь в «Матросской тишине», я прочитал в газете «Известия» за декабрь 1991 года одно любопытное сообщение. Согласно ему еще в 1990 году во время посещения Киева заместителем министра иностранных дел Венгрии ему доверительно было сказано, что Украина собирается выйти из Союза и образовать самостоятельное государство.

Информация носила характер сверхважный, о ней было доложено в Будапеште Президенту, к ней отнеслись подобающим образом и даже подумали, учитывая ее значение, о том, чтобы лично проинформировать Горбачева об имевшем место разговоре в Киеве. Но решили в это дело не ввязываться, не исключая того, что информация носила направленный характер. В Будапеште было решено подождать развития событий.

Спустя год все стало ясно. Ясно не только венграм, но всем советским людям, которые стали очевидцами и невольными соучастниками развала Советского Союза.

В таких условиях работал Комитет госбезопасности, такое отношение к важнейшей информации он встречал наверху, хотя тогда, когда речь идет о судьбоносных вопросах, обычно не проходят мимо даже косвенных сигналов. В данном же случае речь шла о весьма важной информации, касавшейся судьбы государства.

Конечно, Киев был вправе делать выбор. Однако после многовекового совместного проживания форма и способ развода должны были бы быть иными, тем более с учетом результатов референдума 17 марта 1991 года.

На Украине проживает примерно 15 — 16 миллионов русских, много смешанных браков; в России проживает несколько миллионов украинцев. Есть ли предел националистическим устремлениям, не обернется ли национализм другой своей стороной — экстремизмом, и в частности, по отношению к русским и другим этническим группам населения, проживающим на территории Украины? Но и рус-

ские стали другими, их терпение имеет границы, да и многие украинцы вряд ли безропотно воспримут происходящее.

Вопросов много, и ответы на некоторые из них развитие событий уже дало.

Все ли просчитано? Что касается внешнего фактора, то Украину зарубежные страны признали, установили с ней дипломатические и иные отношения, с ней будут даже подчеркнуто считаться, в ее адрес потоком идут многообещающие заверения. Подчеркнуто вежливыми будут отношения и с Россией. Но так, как считались с Союзом Советских Социалистических Республик, ни с одним государством из состава бывшего Союза считаться уже не будут, никогда! Не исключение и Украина. Учитывая же ее катастрофическое экономическое положение, нетрудно представить степень уязвимости Киева.

До самого последнего момента Белоруссия не помышляла об отделении. Обстоятельства заставили ее пойти на это. Формально Декларация о суверенитете была принята законодательным органом в Минске 23 августа 1991 года.

Трудно представить себе раздельно живущими Россию и Белоруссию. Если бы кто-то сказал подобное в 1989 — 1990 годах, вряд это предсказание было бы воспринято всерьез. У россиян и белорусов все похожее, общее, все родственное. Между ними исчезли многие грани. Их свела воедино судьба, одно горе, одни радости.

Лишь в самое последнее время усилиями некоторых групп удалось оживить в Белоруссии националистическую тему и придать ей исключительный характер. Эта проблема получила определенное распространение среди молодежи, студенчества, некоторых слоев интеллигенции, и, пожалуй, все. Белоруссия, уверен, не позволит увести себя в дебри противостояния с Москвой, с Россией, она будет лояльна и, пожалуй, встанет в первые ряды тех бывших советских республик, которые в свое время пожелают пойти на углубление дружественных отношений.

О Прибалтийских государствах много говорить нет смысла. Но стоит заметить, что руководство Литвы, Латвии,

Эстонии 1990—1991 годов пришло к власти в довольно смутный период. Бо́льшая часть населения не успела разобраться в том, что, собственно, происходит, каких позиций придерживаются политические силы, возникшие партии и движения.

На состоявшихся в трех республиках выборах в 1989 — 1990 годах руководители получили примерно по одной трети голосов избирателей, а то и меньше, но избирательная система позволила считать это достаточным для победы. Во всех Прибалтийских государствах возникла реальная угроза возникновения тоталитаризма в его наихудших проявлениях.

В 1990 году, и особенно в первой половине 1991 года, из Прибалтийских республик густым потоком шла информация о нарушениях прав человека, о притеснениях иноязычного населения, лишении его элементарных условий для нормальной жизни. Поднимали голову полуфашистские организации, организации националистического толка. Антисоветизм, антисоциалистические настроения не знали границ.

Видимо, сепаратистские силы решили, что дело сделано, и потому заявляли о своих притязаниях не стесняясь, в открытую. Впрочем, для них было очевидно, что Москва не предпримет каких-то мер, которые покончили бы с их деятельностью. Они видели, какая борьба идет в самой Москве, в чью пользу склоняется там чаша весов, и потому действовали без оглядки, в надежде на глубокое понимание сил, которые они считали в столице своими.

Те, кто хорошо знал историю и настоящее Литвы, Латвии и Эстонии, безошибочно предсказывали, в каком направлении пойдет развитие событий в этих республиках.

Покойный Борис Карлович Пуго точно предсказал все, что произошло в этих странах и происходит в настоящее время. Он говорил о нетерпимости ко всем иноязычным гражданам, о создании невыносимых условий для их проживания, о том, что поднимут голову фашисты, бандиты, которые были пособниками гитлеровской оккупационной армии. Что верх возьмет антироссийский курс, будет заявлено о территориальных притязаниях к России.

Хотелось бы верить, что не сбудутся самые худшие

предсказания, однако развитие событий не оставляет каких-то надежд, и поэтому худшее еще впереди.

Вместе с тем годы советской власти не пропадут даром: бесплатное образование, медицинское обслуживание, коллективные формы жизни, полная занятость, многочисленные блага для различных категорий трудящихся — со всем этим люди распрощаются, здесь тоже возьмет свое чистоган. Вполне приличный жизненный уровень не исчезнет из памяти, и эта память еще даст всходы.

Разрушительные процессы сопровождались буквально взрывом преступности, в том числе организованной во всех регионах Советского Союза. Это была одна из первых ласточек, серьезно настораживавший признак, сигнал.

Росло количество наиболее тяжких преступлений против личности. Хищения государственного и общественного имущества приняли небывалый размах. Увеличилось количество краж личного имущества. На улицах больших и малых городов, сел, в рабочих поселках, едва стемнеет, стало опасно появляться.

Очень скоро граждане оказались незащищенными. Правоохранительные органы явно не справлялись, борьба с таким масштабом преступности для них оказалась непосильной. Тюрьмы, лагеря для отбывания наказания оказались переполненными арестованными и осужденными, суды были завалены уголовными делами. Увеличилось число нападений на сотрудников правоохранительных органов.

Явно прослеживалась смычка между преступными элементами и государственными чиновниками. Что особенно настораживало, в орбиту преступных действий все чаще попадали сотрудники правоохранительных органов.

В 1990 году была предпринята попытка объединить усилия органов МВД, прокуратуры, судов и Комитета госбезопасности для усиления борьбы с преступностью. В частности, было внесено предложение об организации патрулирования в наиболее неспокойных, пораженных преступностью городах и жилых поселках. Таково было требование трудящихся — защитить их от преступных посягательств.

Однако эта вполне рациональная, необходимая мера

была подвергнута резкой критике со стороны «демократической» печати. Что только по этому поводу не говорилось. Было ясно: для некоторых — чем хуже, тем лучше. И здесь Президент СССР не выдержал нажима, попятился, дал отбой, и патрулирование так и не начало осуществляться.

Преступность больно задевала интересы трудящихся, лишала их нормальной, спокойной жизни, а последние, в свою очередь, обрушили потоки критики и недовольства в адрес властей за их неспособность навести элементарный порядок. Законодательная власть проявляла неспособность выработать правовые нормы, позволявшие усилить борьбу с преступностью, а главное, повысить эффективность этой борьбы.

Принятый в 1990 году Указ Президента СССР о борьбе с преступлениями в экономической области, одобренный Верховным Советом, также не был реализован ввиду сильнейшей критики со стороны «демократических» сил, которые, используя демагогические методы, обструкцию, стали кричать о нарушении прав человека, о подрыве ростков предпринимательства, хозяйственной инициативы, парализовав, по сути дела, выработанные меры по борьбе с преступностью в экономической области.

К середине 1991 года положение с криминогенной обстановкой в стране, казалось бы, достигло предела, однако тогда еще мало кто предполагал, что это только начало, только цветочки, а ягодки — впереди. Нет смысла характеризовать состояние преступности по отдельным республикам и регионам страны. Есть нюансы, но она одинаково опасно выросла повсюду, потому что причины, порождающие ее, — общие.

Для Советского государства в силу его масштабов, географического положения, богатства природными ресурсами внешняя политика всегда имела первостепеннейшее значение. Кажется, эту аксиому понимали все вновь приходившие к власти руководители. Но не всегда они отдавали себе отчет в том, что именно поэтому внешняя политика должна быть прежде всего независимой, исходить из собственных государственных интересов.

Даже частичная политическая зависимость от какого-либо государства или группы стран, если она лишает свободы выбора и ущемляет возможность распоряжаться своей судьбой, недопустима, ущербна. Последствия зависимости быстро сказываются на отношении других государств к твоей стране — они начинают меньше с ней считаться, острее ощущается дефицит доверия, в том числе и в такой области, как кредитная политика.

Потеря независимости неминуемо влечет ослабление влияния, сдачу позиций в отдельных регионах и мире в целом.

И вот тут мы подходим к одной из главных проблем — в какой мере должен строиться расчет на собственные силы, а в какой — на возможности сотрудничества с другими странами. Короче говоря, вопрос заключается в содержательной части внешнеполитического курса нашей страны.

При Сталине, а затем при Брежневе, то есть до начала «эпохи» Горбачева, наши внешнеполитические ориентиры носили четко концептуальный характер, исходили из основополагающих интересов страны, были лишены налетов флюгерства.

Брежнев предпринял ряд серьезных попыток расширить и углубить отношения с Соединенными Штатами, но вскоре понял невозможность преодолеть сугубо прагматический подход американской стороны к сотрудничеству, к отношениям с нами и сделал из этого соответствующий вывод: отбросил иллюзии, стал нажимать на развитие связей с другими государствами, прежде всего европейскими.

Социалистические страны неизменно оставались в центре нашего внимания, всегда являлись для Советского Союза приоритетным направлением. Советский Союз как при Брежневе, так и после него (но до Горбачева) не ослаблял своих связей ни с одним из регионов, что, естественно, позволило нашему государству поддерживать вполне приличные отношения со всем миром.

В сказанном выше нет ничего необычного, упомянутые подходы к формированию внешнеполитического курса вряд ли могут вызвать у кого-либо сомнения в силу своей очевидности. Тем не менее читателю наверняка покажутся заслуживающими внимания взгляды и позиции, которые бы-

ли высказаны членами советского руководства на одном совещании по проблеме ориентации Советского Союза во внешних делах.

Речь идет о следующем. В июне 1991 года состоялось заседание Совета Безопасности СССР. Кроме членов Совета присутствовало еще человека три-четыре. Словом, совещание носило узкий характер. Главный вопрос — на кого же ориентироваться Советскому государству в своей внешней политике, кому отдать предпочтение? Разговор не был заранее запланирован и возник спонтанно, во всяком случае, помимо воли Горбачева. Конечно, может показаться странным, что столь важная проблема не была вынесена на обсуждение специально, как она того заслуживала.

Совет Безопасности собрался накануне встречи «семерки», на которую был приглашен Президент СССР Горбачев. Вполне естественно, что члены Совета Безопасности ожидали обмена мнениями в связи с предстоящим заседанием «семерки», где наверняка будут затронуты вопросы, касающиеся Советского Союза.

Однако ничего подобного не произошло. Горбачев упомянул о том, что предстоит важная встреча в Лондоне, где он выступит с докладом. О содержании своего предстоящего выступления он ничего не сказал, хотя важность вопроса и установившаяся практика предполагали, что проект доклада должен быть разослан заранее для того, чтобы члены Совета Безопасности могли ознакомиться с ним и высказать замечания.

Горбачев явно не хотел посвящать членов Совета Безопасности в существо доклада, в те соображения, с которыми решил выступить перед «семеркой». Все это вызывало недоумение и настораживало. Было ясно, что Горбачев боялся получить нежелательные для себя замечания. Какие именно, он мог предположить, но они наверняка не ложились в рамки его концепции, с которой он намеревался выступить в Лондоне.

В ответ на высказанные соображения, что неплохо было бы ознакомиться с докладом, с его концепцией, Горбачев, не моргнув глазом, сказал, что обязательно ознакомит нас с

докладом, — как можно было понять, после его произнесения.

Было ясно, что Горбачев лукавил, но разве это допустимо, когда речь идет о таких серьезных проблемах? В таких условиях приходилось работать. Горбачев брал на себя непозволительно и неправомерно много. Было совершенно очевидно, что он что-то затеял. На заседании присутствовал Яковлев, работавший тогда советником при Президенте. Он угрюмо молчал и не произнес ни одного слова. Для всех было очевидно, что Яковлев знал, с чем Горбачев едет в Лондон, и, видимо, это его полностью устраивало.

Ну, раз собрались на Совете Безопасности, то какой-то разговор должен был состояться, и он пошел.

Павлов сделал сообщение о своей поездке в ряд западноевропейских стран. По его мнению, европейские страны были готовы развивать широкое торгово-экономическое сотрудничество с Советским Союзом, поставлять нам новую технологию, удовлетворять наши потребности в сельскохозяйственной продукции — и все это на долговременной основе. В отличие от американцев в политических подходах европейских стран меньше конъюнктурных соображений, для них чужд спекулятивный подход, во всяком случае, он не выпирает изо всех щелей.

Готовность к такому развитию отношений проявляли чуть ли не все страны Западной Европы, в том числе Франция, Англия, Италия, Германия, Испания, Австрия. По глубокому убеждению Павлова, отказ от существовавшего тогда однозначного курса Советского Союза на сближение с США и смещение акцента в нашей политике в пользу Европы даст то, в чем мы особо нуждаемся, а главное, создаст условия для получения страной свободы действий в политической области.

Горбачев же упорно держал курс на приоритетное развитие отношений именно с Соединенными Штатами. Он явно питал иллюзии насчет США и считал (вернее сказать, говорил так), что только американское направление может решить бóльшую часть наших экономических проблем, способно помочь Советскому Союзу преодолеть трудности в народном хозяйстве.

По сути дела, Горбачев видел ключ к решению всех на-

ших проблем в развитии советско-американских отношений.

В ответ на предложение Павлова Горбачев в свойственной ему манере стал высказываться довольно неопределенно — с одной стороны, он вроде бы и признавал важность развития отношений с Европой, но, с другой, из его туманных рассуждений можно было понять, что вряд ли он сменит свою проамериканскую ориентацию. Примечательно и то, что присутствовавшие на заседании Примаков и Бакатин в целом поддержали позицию Павлова.

Что же обращало на себя особое внимание в ходе этого, да и многих других совещаний у Горбачева? Отсутствие глубокого анализа обсуждаемого вопроса, серьезного обоснования той или иной точки зрения, в частности оценки возможных последствий ориентации нашей внешней политики на Америку.

Мне показалось, что Горбачев в лучшем случае попросту не владеет необходимыми материалами, исходными данными, заключениями экспертов, аналитиков. Как это нередко бывало, он импровизировал, реагировал скорее эмоционально, чем рационально, пускался в пространные рассуждения на общие темы да порой позировал. За всем этим, однако, чувствовалось, что его доклад на «семерке» уже готов, проамерикански настроенные лица из его окружения соответствующую работу провели и оказать какое-то влияние на предрешенный исход дела уже невозможно.

Тем не менее я счел нужным выступить. В полной мере я не был согласен ни с одной из высказанных на совещании позиций — ни с той, что изложил Павлов, ни с мнением Горбачева, ни с предложениями других выступивших. В чем была суть моего подхода? В том, что такая великая держава, как Советский Союз (великая, разумеется, по параметрам в то время), не может, да и не должна иметь одну узкую ориентацию, т. е. делать ставку на отдельную страну или даже группу стран. У Советского государства политический выбор должен быть свободным, независимым, исключающим вхождение в тень Америки, Западной Европы или какой-либо другой страны или региона. Наивно было бы полагать (даже мысли такой допустить нельзя), чтобы, к примеру, Соединенные Штаты Америки сориентировались бы вдруг

лишь на одну Западную Европу, даже объединенную, пренебрегая при этом своими традиционными отношениями с другими странами или регионами.

Мне, конечно, ближе была позиция Павлова, рациональное зерно которой заключалось в необходимости ухода от абсолютного ориентирования на США.

После Сталина все руководители нашего государства начинали с серьезных усилий по налаживанию отношений с Америкой, только каждый раз это кончалось тем, что наши «партнеры» находили какой-нибудь очередной «повод» для того, чтобы при случае утереть нам нос и вновь вернуть все на исходные позиции. При этом мы не только откатывались на прежние рубежи, но и оказывались отброшенными еще больше назад. Объяснение тому простое — Соединенные Штаты пока могут спокойно обходиться без нас, а вот наша проклятая зависимость от них по зерну сделала нас — Советский Союз, а теперь Россию — заложниками этих отношений.

Но и позиция Павлова все-таки тоже была односторонней, она не содержала в себе, как мне представлялось, посылок кардинального сдвига в нашей внешней политике.

Суть моего предложения — сделать Советский Союз открытым для отношений с любой страной, с любым регионом, а это исключало ориентирование только на одно направление. Оптимальное решение для Советского Союза — поддерживать и развивать отношения с европейскими странами, Соединенными Штатами Америки, с Китайской Народной Республикой, с любой страной, которая придерживается принципов равноправия, корректности, взаимной выгоды. Сохраняется свобода маневра, появляются условия для конкуренции, не говоря уже о широком диапазоне возможных сделок.

В присутствии всех принимавших участие в этом заседании я сказал, что по абсолютно достоверным данным заседание «семерки» никаких конкретных результатов для Советского Союза не даст, кредитов мы не получим. На расширение взаимовыгодных торгово-экономических отношений между членами «семерки» и Советским Союзом рассчитывать нет никаких оснований. Поэтому очень важно не

питать иллюзий и строить тактику своего поведения исходя из этого.

На что Горбачев сказал, что он тоже так думает, но сказал как-то нетвердо, неуверенно. Ну а если он понимал это, то тогда зачем нужна была вся эта игра?

Более того, во время заседания Совета Безопасности мне подослали из разведки самую свежую информацию о том, что ожидает Советский Союз на заседании «семерки». Она полностью совпадала с тем, что мною было сказано. Я передал эту информацию Горбачеву, он прочитал, невесело улыбнулся. К телеграмме я сделал приписку о возможности ее оглашения. Горбачев жестом дал понять, что не стоит этого делать. Больше никакой реакции от него не последовало.

Ну а что касается выступления Горбачева на заседании «семерки» в Лондоне, то оно состоялось, причем в форме унизительной для советской стороны. Его сообщение было заслушано как бы за рамками заседания «семерки», на заключительном его этапе, но каких-нибудь суждений на этот счет стороны не высказали. Горбачев не получил никаких конкретных обещаний, он пришел лишь к выводу, что надо ждать развития событий.

Что еще можно сказать в такой ситуации? В наших внешнеполитических делах мы незаслуженно, с ущербом для себя, не уделяли должного внимания Китаю, развитию отношений с этой великой державой. А ведь китайское направление было и, пожалуй, неизменно остается жизненно важным и одним из самых перспективных для нашего государства. От того, как у России будут складываться отношения с великим соседом, будет в огромной мере зависеть не только наше настоящее, но и будущее, причем на длительную перспективу.

Дело даже не в географической близости, хотя и этот фактор невозможно переоценить. Два государства достаточно близко соотносятся по общему уровню развития. Есть и идеологическая близость, по крайней мере немало точек соприкосновения, аналогичных посылок. Но главное — взаимная экономическая потребность, уникальные внутренние рынки, которым по емкости нет равных в мире.

Китайский рынок в состоянии поглотить любые виды и объемы российской продукции. В свою очередь, все состав-

ные бывшего Союза испытывают острую потребность в китайских сельскохозяйственных и промышленных товарах. Обе страны подвергались одинаковой (примерно, конечно) дискриминации со стороны ряда капиталистических стран, издавна страдали от стремления изолировать их от остального мира, помешать экономическому развитию. Так что Советский Союз и Китай в силу ряда весьма значимых объективных условий самой историей были обречены на сотрудничество, на развитие многосторонних отношений. Помимо всего, огромные китайские людские ресурсы могли бы быть использованы на временной договорной основе для освоения восточных регионов нашего государства.

Еще на один аспект хотелось бы обратить внимание. Ведущие западные страны весьма настороженно относятся к нашим отношениям с Китаем. Если Западная Европа в каком-то отношении мирится с перспективой развития советско-китайских отношений, то США и Япония реагируют на это болезненно, видят в этом опасность для своих стратегических национальных интересов.

Однако ни США, ни Япония все время не могут оставаться в стороне от развития отношений с Советским Союзом и рано или поздно изменят свою позицию. Чем активнее и шире мы будем развивать связи с другими государствами, тем быстрее наступит такое время.

События многократно подтвердили правоту подобной точки зрения. От Соединенных Штатов мы продолжаем получать зерно в счет предоставляемых кредитов, на обычных коммерческих условиях; поступает гуманитарная помощь, не имеющая сколько-нибудь существенного значения; страны СНГ приняты в Международный валютный фонд, что позволит открыть, в частности, для России новое кредитное направление. Но главное, жизненно важное для нас остается еще только в перспективе. Речь идет о торговых отношениях без дискриминации, беспрепятственном получении новейших технологий, создании на этой основе современного промышленного производства.

Международный валютный фонд — это не спасение и даже не помощь. Участие в нем, получение кредитов связано

с политическими и экономическими условиями, ущемляющими независимость; кредиты подлежат возврату с процентами, и приходится это делать, как правило, в самый неподходящий момент.

В результате крайне невыгодного торгового обмена Россия и другие страны СНГ являются для США солидными источниками валютных поступлений. С развитыми западными странами нам пока нечем расплачиваться, кроме как сырьевыми товарами. Хотя в последние годы своего существования Советский Союз близко подходил к тому, чтобы начать продажу в значительных объемах ряда промышленных изделий, таких как отдельные типы самолетов, космическое оборудование, станки, промышленные товары потребительского назначения и другие.

Критикуя все и вся, в том числе наши производственные возможности, мы сами подрубали свою репутацию, тем более что наряду с этим нашими же руками разрушалась собственная промышленность, губились предприятия, которые еще совсем недавно находились на высоком современном уровне.

За последние 10 лет самый сильный удар был нанесен по так называемому военно-промышленному комплексу. Да, исторически сложилось, что в Советском Союзе это была наиболее развитая часть промышленности. Ее создание требовало немалых затрат, но ведь ясно и другое — военно-промышленный комплекс позволял нам получать значительные валютные доходы, которые покрывали существенную часть импортных затрат.

В торговле оружием длительное время нами допускался серьезный просчет. В силу неоправданных, даже порочных взглядов на экспорт шли далеко не новейшие виды вооружений и военной техники. И тем не менее заказов поступало немало. Если бы мы отказались от крайне невыгодных нам и нашим партнерам взглядов на продажу оружия и пустили на экспорт новейшие виды военной техники (может быть, за редким исключением), то нетрудно предположить, насколько мы укрепили бы свои позиции на внешнем рынке оружия.

Что касается морально-политического аспекта этой проблемы, то ведь речь идет об обычных видах вооружений,

которыми широко торгуют все страны, имеющие такую возможность. Кстати, этот подход освободил бы нас от необходимости производить запчасти к устаревшим видам боевой техники (а это всегда создавало для нас массу проблем — нехватка запчастей, дороговизна их производства, вечная задержка с поставками). Кроме того, прежний подход бил по нашему престижу, так как наша не новая техника по своему уровню нередко и естественно отставала от аналогов западных стран.

Китай проявлял постоянный интерес к закупкам военной техники в Союзе, а позже в России. Упускать такую возможность было бы для нас непростительным просчетом, да и есть ли у нас политические основания или мотивы для уклонения от этого? Конечно, решение этого вопроса должно быть составной частью нашей глобальной военно-политической доктрины.

Помимо миллиардных прибылей (обеим сторонам есть чем взаимовыгодно расплачиваться друг с другом) сделки дали бы мощный толчок развитию политических и иных отношений с Китаем, а это способствовало бы стабильности не только в этом регионе, но и в мире и укреплению наших позиций на Дальнем Востоке. Желание китайской стороны пойти на широкие военные закупки, возможно, скрывает в себе готовность к развитию российско-китайского военного сотрудничества.

Основания полагать так весьма серьезны. Геополитические изменения, которые произошли и свидетелями которых мы еще можем стать, заставляют китайцев серьезно подумать над своим положением в мире — оно не упрочилось до гарантированного уровня, хотя Китайской Народной Республике по ее параметрам нечего опасаться. Но это сегодня...

Не меньше оснований задумываться над своим положением в мире и у России: она мучительно и не без ущерба для себя переживает период перехода от состояния великой державы к положению государства отнюдь не первого порядка. Развитие сотрудничества Китая с Россией не предполагает какого-либо ограничения ее отношений с другими странами, кроме Тайваня. Поэтому каких-либо противопоказаний здесь не просматривается. Напротив, новые акценты в отно-

шениях России и других стран СНГ с миром, новые приоритеты — вот одна из причин, вынуждающих Китай идти на адекватные шаги.

Стоит отдельно остановиться на бывших социалистических странах.

Некоторые мои оценки, относящиеся к 1991 году, скорректировало время, но, к сожалению, в невыгодном для России направлении. Обвальное завершение многих процессов подтвердило наихудшие предположения и прогнозы.

Однотипность общественного и государственного устройства предопределяла основные позитивные и негативные результаты развития. Самое опасное заключалось в растерянности и пассивности подавляющего большинства населения. Нет, это не были безграмотные, неспособные мыслить и действовать люди, безропотные по своей природе и социальному положению. Но созданная тогда модель социалистического общества обрекала людей полагаться на руководство, которое одно за все в ответе, — накормит, обучит, оденет. Успехи — так и должно быть, неудачи — в ответе оно.

После венгерских событий 1956 года вспышки социального недовольства имели место в некоторых социалистических странах в конце 60-х — начале 70-х годов. Они не отличались массовостью и агрессивностью, крайним радикализмом, нельзя было расценивать их как направленные против социалистического строя. Проявления недовольства носили локальный характер и были связаны с конкретными перегибами и нарушениями. Они выливались в забастовки, в создание неформальных организаций, резкие выступления в печати, кое-где сопровождались уличными беспорядками.

Настораживало активное участие во всем этом части молодежи, преимущественно студентов. Глубокого анализа происходящего не было сделано, равно как и выводов. Власти полагались на то, что все образуется, а также на меры административно-политического характера.

Особенно остро и драматически развивались события в Германской Демократической Республике и вокруг нее.

Крушение этого государства, а точнее его предательство происходило на глазах у всего мира, оно поучительно, и стоит на этой трагической истории остановиться подробнее

7 октября 1989 года республика торжественно отмечала 40-летие своего образования. В числе зарубежных гостей был Горбачев. Парад, демонстрации, другие массовые мероприятия — казалось, ничто не предвещало скорого конца государства рабочих и крестьян на германской земле. Однако в конце 1989 года начался стремительный развал государства, и в следующем году он уже завершился.

18 октября 1989 года Пленум ЦК СЕПГ освободил Э. Хонеккера от обязанностей Генерального секретаря ЦК На этот пост был избран Э. Кренц. 8 декабря прокуратурой ГДР были арестованы Э. Хонеккер, В. Штоф и ряд других руководителей партии и государства. Тремя днями раньше на посту руководителя партии уже был Г. Гизи. Вместо должности генерального секретаря был учрежден пост председателя партии.

Ситуация весьма встревожила, в частности, Францию Англию. 21 — 22 декабря 1989 года с официальным визитом в ГДР находился Ф. Миттеран. К тому времени всякие ограничения на взаимные поездки граждан ГДР и ФРГ были сняты. Только за субботу и воскресенье 19 — 20 ноября 1989 года Западный Берлин и ФРГ посетили два миллиона граждан ГДР, каждый из них получил на карманные расходы по 100 западногерманских марок.

Все чаще решение вопросов переносилось на улицу В ответ на антиправительственные выступления в ряде городов ГДР, сопровождавшиеся погромами, беспорядками с активным участием экстремистских групп из Западной Германии, 3 января 1990 года состоялся мощный антифашистский митинг в Восточном Берлине. Он собрал 250 тысяч человек.

Это был водораздел — события могли пойти и в другом направлении. Однако власти ГДР не поддержали и не развили этот порыв здоровых сил. 15 января был организован погром в зданиях Министерства госбезопасности в Берлине, в котором откровенно организующую и активную исполнительскую роль играли хорошо подготовленные боевики из ФРГ.

1 июля 1990 года вступил в силу договор о валютном, экономическом и социальном союзе между ГДР и ФРГ. На территории ГДР была введена марка ФРГ. 23 августа того же года Народная палата ГДР квалифицированным большинством приняла решение о присоединении ГДР к ФРГ с 3 октября 1990 года. И в тот же день у здания рейхстага в Берлине состоялась торжественная церемония воссоединения двух германских государств. В Европе вновь возникла единая Германия. В мире начался отсчет времени с тревогами, ожиданиями и, конечно, надеждами.

Как и можно было ожидать, первые и самые сильные удары обрушились на органы государственной безопасности ГДР, его сотрудников. ГДР формально еще не была присоединена к ФРГ, а все архивы Министерства госбезопасности подверглись захвату группой «гражданских лиц» и опечатаны, сотрудникам предложили покинуть рабочие места, вскоре началось их уголовное и иное преследование по обвинению в измене Родине за работу против ФРГ в период существования ГДР. Таким образом, их привлекли к ответственности за выполнение прямых служебных обязанностей по законам признанного во всем мире самостоятельного независимого государства — ГДР.

Начались вызовы в правоохранительные органы, аресты, подготовка судебных процессов. Сотрудники органов, их семьи лишились всякого денежного содержания, им отказывали в приеме на любую работу. Условием освобождения от ответственности могли быть только «раскаяние», выдача агентуры органов МГБ ГДР, полной информации об их работе, т. е. предательство всех и вся. Большинство отказалось встать на предлагаемый путь, хотя нашлись и такие, кто принял эти условия.

Так наши боевые немецкие друзья оказались в положении преследуемых, гонимых. Сколько сделали они для Советского Союза, были всегда вместе, рисковали, приходили на выручку, когда обстоятельства требовали этого! Они понимали трудности, переживаемые нашей страной, по-товарищески предупреждали нас о грозящей опасности, подчеркивали, что Запад не остановится на полумерах, на полпути.

Комитет госбезопасности поднял голос в защиту немецких друзей. Чекисты выступили в печати, обратились в

Верховный Совет СССР с просьбой высказаться в защиту прав человека в бывшей ГДР, поставили перед Горбачевым вопрос об обращении к канцлеру Колю с настоятельным требованием прекратить преследования сотрудников органов госбезопасности ГДР. К сожалению, Горбачев уклонился от какой-либо реакции на происходящее в ГДР, бросил на произвол судьбы всех друзей Советского Союза.

В 1990 году КГБ СССР установил неофициальный контакт с представителями германских правоохранительных органов и начал обсуждать с ними вопрос о судьбе бывшего министра Эриха Мильке, сотрудников МГБ ГДР. Речь шла прежде всего о сотрудниках разведки, поскольку именно они подвергались наиболее сильным нападкам и гонениям.

Весной 1991 года я совершил неофициальную поездку в Берлин, теперь уже в Германию. Там у меня состоялись встречи с руководителями некоторых ведомств, на которых обсуждался вопрос о положении бывших сотрудников органов госбезопасности ГДР, а также обговаривалась возможность установления контактов со спецслужбами Германии для регулярного обмена мнениями по интересующим обе стороны проблемам безопасности. Конечно, главная тема переговоров состояла в нашем стремлении помочь немецким товарищам, защитить их.

В начале встречи я заметил, что понимаю деликатность вопроса, происшедшие изменения, факт заключения новых советско-германских соглашений, значение и последствия появления Германии, в которую включена и ГДР. Но тем не менее, опираясь на международное право и на историческую реальность, считаю возможным и обоснованным поднять вопрос о судьбе тех, с кем Комитет госбезопасности СССР сотрудничал в тот период, когда в мире существовала суверенная Германская Демократическая Республика.

Подчеркнул, что действия лиц, которые после объединения стали преследоваться в Германии, в полной мере соответствовали состоянию законности, существовавшей в ГДР. Они работали в интересах независимого государства, на службе которого находились, обеспечивали его безопасность точно так же, как их коллеги в Федеративной Республике Германии, поэтому их служебные действия не могут быть уголовно наказуемыми, подвергаться каким-либо пре-

следованиям. К уголовной ответственности привлечены некоторые из членов высшего руководства ГДР, руководители отдельных министерств и ведомств, рядовые сотрудники. Преследование их, тем более уголовное, юридически противоречит общепризнанным международным нормам, потому должно быть прекращено.

Упомянул незаконность привлечения к уголовной ответственности руководителя ГДР Хонеккера, министра госбезопасности Мильке, лиц, помимо всего прочего, преклонного возраста и с плохим здоровьем. Вряд ли мировая общественность поддержит подобные меры властей ФРГ, отчего престиж ее не будет выше, наоборот, действия германских властей могут насторожить мир и дать пищу для далеко идущих размышлений по поводу того, не повторяется ли история вновь.

Я подчеркнул, что знаю лично многих, кто привлечен к уголовной ответственности, и могу лишь подчеркнуть, что они никогда не выступали против интересов немецкого народа. Они были сторонниками воссоединения ФРГ и ГДР, однако на других основах, которые не ущемляли бы права и интересы граждан как той, так и другой частей страны. Привлечение к уголовной ответственности бывшего министра госбезопасности ГДР Мильке за действия, якобы совершенные им более шестидесяти лет тому назад, вообще никакими юридическими нормами не могут быть оправданы и обусловлены.

Вся эта история с привлечением к уголовной ответственности бывших граждан ГДР, отметил я, наводит на грустные размышления. Волей-неволей она заставляет думать о сведении в данном случае политических счетов, что в итоге не может не обернуться ущербом для самой Германии. Прекращение уголовных дел было бы весьма положительно встречено мировой общественностью, не говоря уже о Советском Союзе, для которого не может быть безразлично все то, что происходит в Германии и вокруг Германии, тем более когда речь идет о его друзьях.

Каких-либо конкретных обещаний я не получил, но у меня сложилось мнение, что власти ФРГ задумаются над происходящим и, возможно, сделают выводы. Во всяком случае, я получил заверения, что сказанное мною, ход об-

суждения этих вопросов будет доложен руководству Германии и последние подумают над путями разрешения этих проблем в будущем.

Размышляя в последующем, я пришел к выводу, что германские власти не пошли по пути планируемого прежде расширения репрессий, ограничились минимумом, как одним из вариантов, хотя и не приемлемым для нас. Мера наказания была ниже высшего предела, однако нельзя ни в коей мере согласиться с тем, что Мильке, Вольф и некоторые другие были все-таки осуждены и приговорены к различным срокам тюремного заключения. Поэтому борьба за вызволение наших друзей должна быть продолжена до их полного освобождения от наказания.

Помимо уголовного преследования, различного рода ограничениям подверглись многие сотрудники различных органов бывшей ГДР. Они испытывали, в частности, серьезные трудности в устройстве на работу, и, таким образом, в Германии появились, кроме обычных, еще и политические безработные, что, конечно, делает этот вопрос весьма серьезным с точки зрения обсуждения его в соответствующих международных организациях.

Опасный размах и глубину приобрели события в Чехословакии в 1968 году. Однозначный взгляд на чехословацкие события, неверная оценка роли масс, деятелей, возглавивших выступления, обусловили серию ошибочных действий руководства Чехословакии, Советского Союза и других социалистических стран.

События в ЧССР не носили явно выраженного антисоциалистического характера. Они были направлены на устранение перегибов, усовершенствование социально-политической системы, улучшение порядков, существовавших в стране. Широкие массы в основном были пассивны, не были готовы и не желали принимать участия в акциях протеста. Спокойно было на селе. Широкой массовой опоры организаторы не имели. Сами деятели, возглавлявшие движение в Чехословакии, оказались впоследствии куда более левыми, чем это оценивалось в то время. Это можно отнести к

таким деятелям, как Дубчек, Млынарж, Шик, и многим другим.

В 1968 году противостояние между двумя мировыми системами остро давало о себе знать. И именно это обстоятельство определило отношение различных стран к чехословацким событиям. Ввод войск ряда стран — членов Варшавского Договора произошел, когда политические возможности еще не были исчерпаны. К счастью, он обошелся без жертв и в общем-то носил довольно мягкий характер.

Главное, пожалуй, произошло впоследствии. Чехословацкое общество волевым путем было поделено как бы на две части, на два цвета: одни — за социализм, другие — против. Из партии ушли или были исключены 500 тысяч человек. Они немедленно прочно пополнили ряды недовольных, да еще завоевали симпатии части людей.

Тяжелые посевы того времени дали в 1989 — 1990 годах свои всходы в виде противоречивого общества, социальной напряженности, недовольства. На этой базе пышным цветом расцвели демагогия и популизм.

В Чехословакии экономическое положение нельзя было считать неблагополучным. Промышленность и сельское хозяйство обеспечивали страну всем необходимым, жизненный уровень находился на высокой отметке, внешний долг — в допустимых пределах. На селе проблемы вообще не чувствовались, кооперативный сектор утвердился прочно, коллективная форма хозяйствования вполне устраивала земледельцев, город получал от села все, что ему было нужно, часть продукции шла на экспорт. И тем не менее социальная напряженность усиливалась преимущественно среди определенных слоев населения — молодежи, части интеллигенции.

Средства массовой информации оказались в распоряжении тех, кто к тому времени утвердился на антисоциалистических позициях. Коммунистическая партия оставалась руководящей силой в обществе, однако значимых шагов по исправлению положения не предпринимала. Надо признать, что руководство страны, партия в целом оказались неспособными овладеть ситуацией, пойти по пути кардинальных перемен, решительно освободиться при этом от всего нега-

тивного, выйти на здоровый путь развития. Дорога к сердцу, к душе человека не была найдена.

Внушительные выступления молодежи в Праге в конце 1989 — начале 1990 года парализовали политическую волю руководства страны, которое сдавало одну позицию за другой и вскоре вообще уступило власть.

Как и в других бывших социалистических странах, партия и массы жили сами по себе. Члены партии не пошли к людям, не оказались среди них, не несли правду в массы, пусть и горькую, не разъясняли, что социализм без перегибов и просчетов — строй огромных возможностей, что в рамках недогматического социализма в полной мере могут учитываться и реализовываться интересы всех слоев населения, включая право на любую форму собственности.

Перед лицом круживших голову обещаний — политических, социальных, материальных, а также эффектных разоблачений нарушений в прошлом, а основания к тому были, руководство оказалось бессильным, демонстрировало свою беспомощность. К тому же оно не могло, как прежде, рассчитывать на поддержку совсем недавно, казалось, всемогущих и близких советских друзей.

Как и ожидалось, в Чехословакии обострились межнациональные отношения. В силу разных причин огонек противоречий между Чехией и Словакией тлел, но ярко не разгорался. Однако именно межнациональная проблема послужила катализатором многих негативных процессов. К этому добавились безработица, заметное расслоение общества, стали настораживающе заявлять о себе прежние обиды части лиц, исключенных из партии, урезанных в правах и т. п.

Как и следовало ожидать, всплыли дремавшие до сих пор проблемы в отношениях между Чехословакией и Германией. Первым раздражителем явился территориальный вопрос — Судеты. Усилился германский нажим на этом направлении. В настоящее время руководство Германии не желает реанимировать территориальный вопрос, но рано или поздно оно пойдет на это под нажимом определенных сил, которые никогда не смирятся с вхождением судетских земель в состав Чехословакии. Другое дело, какой путь решения территориальной проблемы будет избран, вполне

возможно — экономический, но конечный итог не трудно предсказать.

Когда в 1989 году Гавел начинал свою политическую деятельность на посту Президента Чехословакии, он не мог не предвидеть осложнений, с которыми встретится на этом пути. И не только он, а вообще Чехословакия.

Разрыв с Советским Союзом, развал Организации Варшавского Договора, Совета Экономической Взаимопомощи, новая политическая ситуация в центре Европы, новая обстановка в самой Чехословакии, в частности проявление антисоветизма в общественно-политической жизни, ничего доброго народам страны не сулили. Не трудно было предположить, к чему все это приведет. Если до последнего времени Чехословакия опиралась на мощный тыл в лице Советского Союза и других социалистических стран, которые обеспечили ей 50 лет спокойной жизни и безопасность ее послевоенных границ на будущее, то сейчас Чехословакия этого лишена. Ну а когда вместо единой Чехословакии появились два государства — Чехия и Словакия, то ситуация разом подорвала внутренние и внешние позиции обоих государств со всеми вытекающими отсюда последствиями.

На что надеялся и надеется Гавел? На популярность и влияние своей личности? На помощь новых, уже западных союзников? Но их еще надо приобрести! Или на то, что судьба будет благосклонна к Праге и не позволит, чтобы над ней сгущались тучи?

Все это, конечно, рассуждения со многими неизвестными. Прозрение придет и к Праге, прозрение придет к чешскому народу, но вновь через нелегкие испытания, лишения, трудности, через потери, которые могут быть и невосполнимы.

Чехия и Словакия разом лишились гарантированной безопасности, прочности своего положения и вернулись в состояние, в котором они пребывали накануне второй мировой войны.

В послевоенные годы неровно складывалась судьба румынского народа. Румыния по уровню промышленного и сельскохозяйственного производства отставала от многих

европейских стран, бросалось в глаза социальное неравенство, демократические институты не получили заметного развития в жизни государства. В первые послевоенные годы сказывались последствия участия Румынии в войне на стороне гитлеровской Германии, хотя для страны мирный договор благодаря роли Советского Союза и лично Сталина был выгодным.

После 1945 года историю Румынии можно разделить, конечно весьма условно, применительно к личностям, ее возглавлявшим, на три периода: до 1965 года, т. е. до смерти Георгиу-Дежа, затем до 1990 года, т. е. до казни Чаушеску и его супруги, и настоящее время.

Пройдет время, и Георгиу-Дежу воздадут должное. Мудрый от природы, профессиональный революционер, человек высоких волевых качеств, ставший крупным политиком, он прошел тяжелый путь борьбы, лишений, тюремные застенки.

Георгиу-Деж ходил в любимцах Сталина и мог позволить себе то, что не было позволено другим. В строительстве нового государства ему удалось в значительной мере сохранить румынский национальный колорит, причем не поднимая особого шума по этому поводу. При его жизни в стране была установлена жесткая власть — сверху донизу — на основе строго централизованных плановых начал. Из системы выжималось все, на что она была способна.

На первом этапе централизованная система действительно позволяла решать многие задачи. Сам Георгиу-Деж был от природы рачительным хозяином, того же требовал от своих подчиненных, а подчиненными у него, как у первого секретаря ЦК румынской Компартии, по тем временам и порядкам ходили все.

Незадолго до его смерти мне, как заведующему сектором отдела ЦК КПСС по Венгрии и Румынии, приходилось несколько раз встречаться с Георгиу-Дежем. Был он не словоохотлив, любил послушать, но и сам активно задавал вопросы, с готовностью рассказывал о положении дел в своей стране. У него совершенно отсутствовала такая черта, как бахвальство. К Хрущеву относился с внешним уважением, но только с внешним. По отдельным признакам можно было заметить его, по крайней мере, сдержанное и даже скеп-

тическое отношение к Хрущеву. Он не только не понимал, но и не одобрял многие, отличавшиеся крайностями и импульсивностью мероприятия в Советском Союзе.

Как-то в разговоре Георгиу-Деж с улыбкой сказал, что коллеги в соцстранах называют его «кулаком» — выражение Хрущева, — и тут же добавил, что это не такое уж плохое качество. Важно, чтобы в стране были резервы, запасы, и, показав на карманы брюк, заметил: чтобы в них было полно. По его твердому убеждению, превыше всего важны результаты хозяйственной деятельности. Повышение жизненного уровня должно быть постоянным фактором, однако, говорил он, нельзя выбрасывать все на прилавки магазинов. В Румынии есть запасы золота, его должно быть столько, чтобы выдержать два-три тяжелых года, рассчитывать на чужого дядю, во-первых, опасно, потому что никто не даст денег даром, а во-вторых, «я не хочу портить свой народ иждивенчеством», — произнес как-то Георгиу-Деж.

Этот разговор я вспомнил, услышав по радио сообщение о том, что после смерти Сталина золотые запасы Советского Союза составляли 2500 тонн, а к октябрю 1991 года они сократились до 240 тонн.

На память пришла первая моя встреча с Георгиу-Дежем в начале 1956 года в Будапеште, куда съехались руководители европейских социалистических стран на совещание о положении в Венгрии. Мне, как пресс-атташе советского посольства, поручили доложить Георгиу-Дежу, как освещаются события в венгерской и советской прессе. Он внимательно слушал, задавал уточняющие вопросы, сокрушался по поводу тяжелой обстановки в Венгрии и проявил исключительно уважительное отношение к венгерскому народу. По ходу одного сообщения заметил, что Румыния направит в Венгрию партию продовольствия. Он поинтересовался моим мнением о настроениях рабочих, интеллигенции, крестьян; как, по мнению советских товарищей, отнесутся в Венгрии к направлению румынских делегаций, групп для встреч с различными слоями венгерского общества.

На последний вопрос я ответил, что в принципе дело полезное, но следовало бы повременить и вернуться к этому попозже, как только венгерское общество немного придет в себя. Он согласился с моим мнением.

В 1960—1970 годы я познакомился в Москве с Чаушеску. Знакомство было фактически протокольным, но наслышан о нем был много. После смерти Георгиу-Дежа он стал его преемником.

Румынское руководство рассматривало его фигуру как временную, переходную. Понимал это и сам Чаушеску. Однако, пробыв во главе страны более 20 лет, Чаушеску подтвердил еще раз известную мудрость, что нет ничего более постоянного, чем временные решения.

Чаушеску производил впечатление нервного, болезненного, неуравновешенного человека. Очень быстро выходил из себя, терял над собой контроль, отличался властолюбием, нетерпимостью к иному мнению, был болезненно самолюбив.

В высшем румынском руководстве подавляющее большинство относилось к нему сдержанно-отрицательно. После избрания Чаушеску Первым секретарем ЦК РКП из высшего руководства вскоре ушли наиболее опытные и известные деятели — Маурер, Могиорош, Апостол, Бырлэдяну, чуть позже Никулеску-Мизил. Последний считался наиболее близким к Чаушеску человеком. Покончил жизнь самоубийством председатель Национального собрания Румынии Киву Стойка.

Бесконечные перетряски кадров на всех уровнях, выдвижение на руководящие уровни родственников, лиц по признаку личной преданности, откровенная подготовка в преемники своего сына, никоим образом не подходящего для этого, вызывали растущее недовольство в обществе. Были и открытые попытки проявления недовольства, выступления против Чаушеску, но они решительно пресекались.

Страна держалась на жестких административно-командных методах управления, ни о каких демократических началах речь не велась, процветал культ супругов Чаушеску. Страна шла к пропасти и рано или поздно должна была в нее свалиться. Это произошло в результате решительного и массового выступления рабочих, поддержанных армией.

Таков трагический конец варианта общества и государственности на базе культа личности. Сейчас вопрос заключается в том, как быстро и при каких издержках новые власти Румынии справятся с обстановкой и выйдут на дорогу

демократического развития. Пока большинство румынских трудящихся выступает за социалистический выбор. Сохранила себя и румынская Компартия. Главное — внутренние факторы, в каком направлении пойдет их развитие, но многое будет зависеть от внешних обстоятельств, и прежде всего от того, как поведет себя румынское руководство в отношении молдавской проблемы: встанет ли оно на путь экспансионизма или проявит иной подход и не поддержит силы, выступающие за объединение Румынии и Молдавии.

Я не касаюсь способа смещения Чаушеску с поста руководителя партии и главы государства. Организацию суда над ним, казнь супругов Чаушеску многие расценили как внутреннее дело Румынии, однако думаю, что в Румынии еще вернутся к этому вопросу и, вполне возможно, еще дадут окончательную оценку. Нет-нет да проскальзывают призывы внести полную ясность во все обстоятельства смещения Чаушеску и казни супругов. До сих пор еще не ясны внутренние и внешние пружины этих событий, последние наверняка имели место.

Многое будет зависеть от того, как пойдут дела в Румынии в самое ближайшее время, удастся ли преодолеть серьезные кризисные явления, охватившие страну после смещения Чаушеску, насколько будет поправлено положение с жизненным уровнем, удастся ли сбить социальную напряженность, остановить брожение в настроениях общества. Во всяком случае, после смещения Чаушеску Румыния вступила в переходный период, который может продлиться довольно длительное время, но все-таки он будет переходным.

Пришедшая на волне потрясений нынешняя группка руководителей вряд ли решит проблемы, которые волнуют страну. Она лишь их обозначит, обнажит. Можно посчитать за успех, если будет выбрано верное направление в развитии внутренней и внешней политики.

Экстремистский националистический зигзаг по молдавской проблеме не мог не насторожить румынских соседей, в частности Россию. Было ли это эпизодом или проявлением определенных тенденций, с которыми еще придется столкнуться, покажут дальнейшие события. От этого зависит многое.

...Трудные испытания выпали в последние полтора десятка лет на долю Польши. Их остроту обусловило сочетание в одном клубке нескольких факторов, которые с разной степенью воздействия определяли политический климат в стране и в конце концов привели к смене общественного строя.

К числу важнейших факторов следует отнести роль и место католической церкви. Долгое время между официальными властями и церковью шло открытое противостояние. В этой борьбе партия допустила исторический просчет. Церковь развивалась, укреплялась веками, пустила глубокие корни в обществе, вошла в жизнь практически каждой семьи. Мимо церкви не проходило ни одно крупное событие в стране; ее неофициальное влияние на человека, а через него и на массы было постоянным и огромным. Когда-то в Польской объединенной рабочей партии считалось несовместимым посещение костела и членства в партии. Из запрета ничего не вышло. Соединение церкви и членства в партии происходило в душах людей тайно, благодаря чему больше стало лицемерия. В итоге в морально-нравственном отношении выигрывала церковь: она не отлучала тех, кто вступал в партию.

В Польше отношение к церкви и глубокая вера в Бога, да просто религиозные традиции привычны. Польская церковь не стоит на месте, не застыла в одном состоянии — она современна, современны ее формы и методы деятельности, ее священнослужители улавливают настроения людей, особенно молодежи, и не столько приспосабливают ее к церкви, сколько приспосабливаются к ней сами. Церковь активно откликается на важнейшие политические события.

Избрание поляка Войтылы папой римским — предмет особой гордости поляков. Правда, в последнее время влияние Ватикана в Польше поубавилось. Во время первого посещения папы своей родины в 1979 году на улицах городов, на дорогах его встречали миллионы граждан, а в четвертый приезд в 1991 году — лишь десятки тысяч человек. Из-за рубежа прибыли только пять процентов того числа иностранных корреспондентов, которые освещали его предыдущую поездку в 1987 году. Обратило на себя внимание зна-

чительно меньшее число паломников из Белоруссии, Украины, России и даже преимущественно католической Литвы.

Кстати, это было одним из проявлений серьезных подвижек в польском обществе в пользу социализма. Однако руководство страны прошло мимо этого.

Одна из важных особенностей польского уклада жизни состоит в индивидуализме поляка — собственный участок земли, дом, семья, свой мир. Чувство коллективизма находится на уровне, который не делает погоды, не определяет в существенной мере какого-либо влияния на общество.

Пожалуй, следует сделать одно отступление — в забастовках, митингах, демонстрациях, протестах поляки участвуют охотно и даже с каким-то чувством гордости, действуют активно, но в тех случаях, когда это отвечает их личным потребностям. Индивидуалистические особенности поляков, кстати, предопределили в принципе и их негативное отношение к общественной форме хозяйствования на селе.

В силу исторических особенностей в польском обществе сохраняются антирусские настроения. В последние годы они видоизменились и стали носить антисоветский характер. Антисоциалистические настроения также по сути отождествлялись с антисоветскими. Надо признать, что эти негативные аспекты так и не удалось ослабить.

Значительная часть польского населения не считала Советский Союз, наш образ жизни, порядки в нашей стране примером для подражания. Тяга к Западу и в прошлом и сейчас присутствовала и присутствует.

Прямая пропаганда Советского Союза приносила мало пользы. Только добрые дела в нашей стране, новое качество и высокий уровень нашего внутреннего развития, соответствующая внешняя политика — все это в сочетании позволит в какой-то исторический промежуток времени, притом достаточно длительный, дать положительные результаты и кардинально изменить в лучшую сторону отношение поляков к Российскому государству и его людям.

Польская объединенная рабочая партия не избежала тех же ошибок, что и родственные ей партии в других социалистических странах. Чем же занимались всевозможные партийные структуры и институты в своих научно-практических исследованиях? В значительной мере они были погло-

щены обоснованием официальной политики, принимаемых программ, а не объективным анализом, изучением состояния партии, ее роли и места в обществе, чтобы на основе глубоких выводов помогать партии выходить на новые рубежи, обретать новое качество.

Несмотря на тяжелые уроки венгерских, чехословацких событий у многих членов партии, беспартийных, не говоря уже о руководстве, подспудно возобладало убеждение в невозможности поражения социализма как идеи и общественного строя — в силу его народного характера. Исходили из того, что социальное недовольство не перейдет опасные пределы, строй сохранится, ошибки будут исправлены, все пойдет в ранее определенном историей направлении. Однако реальность распорядилась совсем иначе.

В 1979 — 1981 годах накал социальной напряженности в Польше громко заявил о себе. Крупные промышленные центры фактически игнорировали власть центра, они полностью подпали под влияние руководителей вновь созданного профсоюза «Солидарность». Именно этот альтернативный профсоюз принимал активное участие в акциях по захвату власти.

Во главе оппозиционного движения оказался Лех Валенса, электрик судоверфи в г. Гданьске. Он хорошо знал рабочих, понимал их чаяния и нужды, умел точно схватывать их настроения, обладал удивительной способностью выдвигать лозунги, понятные и импонирующие рабочему человеку. Валенса — верующий католик, решительный сторонник церкви, усиления ее позиций в государстве, не скрывал своих антисоциалистических взглядов. Его критика руководства страны, правительства была бескомпромиссной. Он открыто заявлял, что речь идет о власти. Все попытки правительства договориться с руководством «Солидарности» ни к чему не приводили.

Нельзя сказать, что в 70 — 80-е годы страна переживала пик трудностей. Жизненный уровень не находился на низкой отметке, безработицы не было. Судостроительная промышленность получала в достаточном объеме заказы. Однако поводы для массовых выступлений были иного порядка.

В декабре 1981 года судостроители Гданьска отмечали

10-ю годовщину со дня гибели рабочих во время пресечения беспорядков в городе. По этому случаю состоялись траурные мероприятия с участием значительного числа рабочих. Обстановка все больше накалялась, выходила из-под контроля. Стало очевидно, что вопрос о власти будет решаться на улицах.

Обстановка обострялась и в других городах, в том числе и в Варшаве. Количество забастовок, нарушений общественного порядка росло, начало падать промышленное производство, ухудшаться снабжение продовольственными и промышленными товарами. Недовольство приобретало массовый характер.

Польское руководство посчитало, что одними политическими средствами проблем не решить, поддерживать порядок обычным путем невозможно. Дальнейшее снижение жизненного уровня недопустимо.

События десятилетней давности, когда на улицах пролилась кровь, были жертвы, вызывали у властей и другие опасения: возможность новых кровавых беспорядков с более тяжелыми последствиями. Требования лидеров «Солидарности», по сути дела, вели к смене общественно-политического строя, причем способом, включавшим в себя и политические и насильственные пути, а это могло привести к хаосу в стране. «Солидарность» опиралась тогда на поддержку значительного числа граждан Польши, но все же бóльшая часть поляков была за улучшение социализма в рамках общественно-политической системы, существовавшей в стране. И эту точку зрения правительство не могло не учитывать.

13 декабря 1981 года в Польше было введено чрезвычайное положение. Эта акция обошлась без жертв, без крови, была неплохо обеспечена пропагандистски.

В 6.00 утра 13 декабря по радио выступил Первый секретарь ЦК ПОРП, премьер-министр Польской Народной Республики Ярузельский, обратившийся к народу с глубокой содержательной речью. Она не содержала угроз, была выдержана в спокойных тонах, звала поляков к согласию и миру, предлагала переговоры, политический диалог со всеми политическими силами, заинтересованными в нормализации обстановки.

Спустя несколько дней обстановка в стране стала спокойной, промышленность начала работать, набирать темпы, и это внушало надежды.

С Ярузельским мне довелось встретиться несколько раз и в Польше и в Советском Союзе. Думается, это один из выдающихся польских деятелей. Прежде всего обращал на себя внимание его глубокий патриотизм, любовь к своей родине, преданность ей. Все его рассуждения, помыслы, дела исходили из интересов Польского государства.

Несмотря на то что Ярузельский профессиональный военный, предпочитал носить военную форму, в которой чувствовал себя удобнее, по своим убеждениям, способу мышления он скорее деятель гражданского типа. Он умел и мог мыслить, рассматривать не один вариант возможного решения, прежде чем принять его. Ярузельский был начисто лишен налета демагогии и популизма, вел себя естественно. Будучи широко образованным, начитанным, мыслил глубоко и всесторонне, на перспективу, ценил мнение других, тянулся к мыслящим деятелям. Не случайно он поддерживал близкие отношения с Кадаром.

Будучи сторонником социалистического выбора, Ярузельский считал, что Польша должна идти своим путем, и тут был последователен. Он никогда не использовал в демагогических целях такой прием, как обещания.

К сожалению, мы живем в то время, когда на обещаниях и посулах многие делают большую политику, добиваются амбициозных целей, выигрывают политические битвы, приходят к власти. Расплачивается же народ.

Спустя несколько лет, после декабря 1981 года, Ярузельский в одной из бесед сказал, что, введя чрезвычайное положение, руководство Польши одержало военную победу, но потерпело политическое поражение. Пожалуй, с этим можно согласиться, но с одним уточнением: после декабря 1981 года в Польше были упущены возможности для политического согласия и мира, чтобы объединить на здоровой основе самые различные социально-политические силы.

Ярузельский никогда не держался за власть. Мне никто никогда не говорил об амбициозных устремлениях генерала — он был лишен их. В 1991 году Ярузельский ушел с поста Президента Польской Республики, не сделав попытки

побороться за этот пост. Время рассудит, многое расставит по своим местам, каждому воздаст должное, однако и для Польши и для нас важно, чтобы укрепление польско-российских отношений — отношений дружбы и сотрудничества — произошло как можно скорее.

В 1989 году я последний раз посетил Польшу. Незапланированно был принят премьер-министром Мазовецким. Во время беседы я спросил премьера, не считает ли он, что Польша во внешнем плане живет в условиях комфорта?

На вопрос г-на Мазовецкого, что следует понять под определением комфорта, я пояснил: на западе Польша граничит с дружественным государством — ГДР, на юге — с дружественной Чехословакией, на востоке — дружественный Советский Союз. Ни одно из названных государств не имеет к Польше каких-либо территориальных претензий, а это очень важно. Ну а если ситуация изменится? Реакция польского премьера была понимающей.

Я испытываю почти физическую боль, когда думаю о Кубе и анализирую нашу политику по отношению к ней.

Волей-неволей на эту страну в последние более чем три десятилетия смотришь через призму многогранной энергичной деятельности ее первого руководителя.

Есть личности, которые в силу своей исторической значимости и индивидуальных особенностей надолго остаются в делах и памяти человеческой, переживают время, в котором живут, не оставляют безразличными к себе ни друзей, ни врагов. Они становятся нетленной политической, духовной ценностью не только для своей страны, но и мира в целом.

К таким личностям я отношу Фиделя Кастро Рус, лидера кубинской революции середины XX века, вождя кубинского трудового народа, человека, радикально изменившего историю Кубы и через свою относительно небольшую по численности населения и территории страну оказавшего заметное влияние на жизнь многих стран и даже континентов.

С начала 50-х годов нашего столетия я внимательно слежу за деятельностью Фиделя Кастро, с неизменным интересом читаю его книги, знакомлюсь с публичными вы-

ступлениями, статьями, интервью. Все они вызывали и вызывают к нему глубокое уважение. К его хулителям отношусь как к пигмеям, духовно нищим людям, лишенным будущего.

Какое уважение могут вызывать те, кто совсем недавно высокопарно восхищался им, а сегодня пытается бросить тень на этого человека, чье величие стало очевидным.

В январе 1967 года с группой товарищей я провел отпуск на Кубе и впервые увидел эту страну, соприкоснулся с жизнью ее народа. Тогда мне не довелось лично познакомиться с Фиделем Кастро. Правда, дважды видел и слышал его: один раз на центральном стадионе в Гаване во время бейсбольного матча, а в другой — на массовом митинге в небольшом городке недалеко от кубинской столицы.

На стадионе Кастро активно общался с людьми, отвечал на вопросы — когда кратко, когда пространно. В острые моменты вместе со зрителями переживал, жестами выказывая игрокам одобрение или, напротив, неудовольствие. Делал это выразительно, с большой непосредственностью и искренним участием.

Кубинцы один за другим подходили к нему, он тепло их приветствовал, каждому что-то говорил, вокруг него, прямо на ступенях трибуны, сидели десятка полтора преимущественно молодых юношей и девушек, обменивались с ним короткими репликами.

По окончании матча весь стадион встал и горячо приветствовал Фиделя, его ответный приветственный жест вызвал ликование, овацию присутствовавших. Я запомнил эту картину на всю жизнь. Овации стихли только тогда, когда Кастро покинул стадион.

Запомнилось и его выступление на многолюдном митинге по случаю одной из революционных дат. Митинг проходил в позднее время, около полуночи.

По кубинским меркам январская ночь была прохладной (не более 15 градусов тепла). Легкий свежий ветерок пронизывал насквозь, люди жались друг к другу и тем немного согревались.

Советских гостей усадили на первый ряд в непосредственной близости от трибуны, так что Фидель был от нас в пяти-шести шагах. Речь произносил в течение одного часа

семнадцати минут. Кто-то заметил, что это было его самое короткое выступление.

Мы попросили не переводить нам речь, чтобы не мешать присутствующим. Говорил Кастро зажигательно, увлекательно, не было монотонности даже в отдельной фразе. Владел аудиторией, казалось, беспредельно, чему способствовали выразительные жесты, мимика лица и умные, живые глаза Фиделя. Все свидетельствовало о высочайшей природной культуре человека, ставшего во второй половине сложного, жестокого и малопредсказуемого XX века кубинским лидером.

После нам подробно изложили содержание речи.

Кастро говорил о тяжелой, но славной борьбе кубинского народа за свободу и человеческие условия жизни, объяснял, что такое социализм, тепло высказался о Советском Союзе, остро критиковал политику Вашингтона. «Американский империализм стремится задушить кубинскую революцию. Не выйдет! Мы выдержим и победим!» — под овации участников митинга сказал Фидель. Много внимания он уделил образованию, ссылался на Ленина. «Куба будет самой образованной латиноамериканской страной».

Спустя 10 лет эти слова стали реальностью. Куба покрылась всеохватывающей сетью детских учреждений, общеобразовательных и специальных школ, институтов. Всеобщим стало бесплатное медицинское обслуживание.

После митинга всех его участников ждал солидный горячий ужин с фруктами и соками. Начался карнавал. Темпераментные танцы, веселые мелодичные песни, — все смешалось в один веселый поток. Рассказывали, что веселье продолжалось до утра. Кубинцы умеют работать, любят и умеют отдыхать.

Лишь в 80-е и 90-е годы мне довелось поближе познакомиться с Фиделем. Последняя встреча с ним состоялась в июне 1991 года в Гаване, куда я выезжал по поручению Горбачева для обсуждения принципиальных вопросов состояния советско-кубинских торгово-экономических отношений.

К тому времени они окончательно разладились. Советский Союз, по сути, прекратил поставки на Кубу нефти и зерна, некоторых других товаров, затягивал, а затем и вовсе

приостановил поставку оборудования для строящейся там атомной электростанции. Кубинская экономика, многие годы ориентированная на сотрудничество преимущественно с СССР, тотчас же оказалась в кризисном состоянии.

Одновременно свернули торгово-экономическое сотрудничество с Гаваной и бывшие социалистические страны. Правда, с Кубой начал развивать торговлю Китай, но в полной мере заполнить образовавшуюся брешь не представлялось возможным — для этого требовалось по крайней мере время.

Инициатива моей поездки на Кубу, собственно, не принадлежала Горбачеву, он уже махнул рукой на эту страну, смотрел на нее как на обузу, как на помеху в реализации его планов развития диалога с Вашингтоном.

Резкое ослабление советско-кубинских торговых связей ударило по обеим сторонам. Возникшие трудности в снабжении нашего населения, к примеру сахаром, давали остро о себе знать, и никакой благоприятной перспективы на ближайшее время не просматривалось. Под угрозой оказались поставки к нам кубинского никеля — товара стратегического назначения. Далеко не лишним для советского рынка был широкий ассортимент кубинских фруктов, не говоря уже о фармацевтических препаратах, чья эффективность обрела признание в мире. Мою поездку инициировал Председатель Кабинета Министров Союза Павлов, отлично понимавший значение экономических отношений с Кубой.

Я провел на Кубе пять дней, и все это время было посвящено встречам, беседам, поездкам по стране, и прежде всего интересным переговорам, обмену мнениями, общению с Фиделем Кастро.

Я много читал, слышал о Кастро, знаком с политико-психологическими портретами кубинского лидера, составленными советскими и западными политологами, специалистами. Много о Фиделе мне рассказывал ответственный сотрудник советской внешней разведки Николай Сергеевич Леонов, которого за любовь к Кубе называли советским кубинцем. Однако в ходе пятидневного общения с Фиделем меня ни на минуту не покидало ощущение, что передо мной открывается как бы не изведанный доселе человек с интересным, содержательным миром, личность, устремленная

вперед, в будущее, с огромной жаждой к познанию, к поиску истины, для которого сугубо личное — не суть важное, служение же людям — все, весь смысл жизни.

Став руководителем государства, возложив на себя ответственность за судьбу целого народа, Фидель пытается разобраться во всем: в политике, экономике, науке, культуре, социальной сфере. Он окружил себя умными советниками, друзьями, единомышленниками, внимательно прислушивается к ним, хотя решения и ответственность за них берет на себя. Он знает каждый уголок кубинского острова, историю своей родины, обладает великолепной памятью на людей, безмерно любит их, хочет счастья не для какой-то горстки избранных, а для всех живущих на Кубе. Особенно безгранична любовь к детям, молодежи. Он одевается так же скромно, как и все, довольствуется простой пищей, не строит себе роскошных дворцов, готов помочь тем в других странах, кто посвятил жизнь борьбе за национальное освобождение.

Начиная в 50-е годы революционную борьбу, Фидель Кастро не был коммунистом. Он стал им позже, воспринял марксистско-ленинскую коммунистическую идеологию и сделал своей целью построение социализма на Кубе. Этой цели, этим убеждениям он остался верен на протяжении всех последующих десятилетий.

В книге «Фидель и религия», в которой излагаются его беседы с религиозным католическим деятелем Фреем Бетту, приводится следующее признание Кастро: «Я должен был преодолеть длинный путь, чтобы развить свои революционные идеи. Они представляют для меня огромную ценность, потому что я пришел к ним самостоятельно».

Фидель искал и нашел в разных регионах мира идейных и политических друзей Кубы. Он был признан в Движении неприсоединения, его полюбили советские люди, он стал желанным во всех социалистических и многих других странах.

И вот к 1991 году Куба, не по своей воле, оказалась в состоянии изоляции. Она лишилась былой политической и иной поддержки Советского Союза и других социалистических стран. По сути, полное сворачивание советско-кубин-

ских торгово-экономических отношений поставило Кубу в крайне тяжелое положение. Так, норма выдачи хлеба по карточкам была сокращена до 80 граммов в день. Прекращение поставок нефти вызвало острый энергетический кризис. Без советских средств передвижения, сельхозтехники в особенно трудном положении оказалось сельское хозяйство. Сократилось производство сахарного тростника — основной сельхозкультуры. А ведь оно было сориентировано в основном на потребности Советского Союза.

Фидель Кастро с готовностью согласился на приезд представителя советского руководства, расценив этот визит как возможность получить из первых рук информацию о ситуации в Советском Союзе и рассказать об обстановке на Кубе.

То, что Кастро интересный собеседник, разносторонне образован, компетентен в вопросах политики, экономики и других, обладает цепким практическим умом, недюжинными способностями к глубокому и всестороннему анализу, философскому осмыслению событий, — все это я знал. Но то, что, несмотря на присущую ему эмоциональность, он от природы одарен в полной мере таким качеством, как удивительная во всем тактичность, для меня явилось еще одним открытием.

За время многочасовых бесед Фидель не допустил ни одной колкости по адресу своих советских коллег. Был исключительно корректен в вопросах, в изложении своей точки зрения. Лишь в жестах, выражениях лица можно было прочитать недоумение, боль, тревогу по поводу происходящего в Советском Союзе.

«Так случилось, — говорил он, — что значение Советского Союза для мира переоценить невозможно. Мы все в долгу перед советскими людьми». Кастро с гордостью заметил, что Куба приняла на отдых и лечение несколько тысяч детей-чернобыльцев и готова делать это и впредь. «Я внимательно слежу за сообщениями из Москвы и о Москве. На развитие обстановки у вас оказали влияние нечистоплотные политики из определенных стран, да хватает, видимо, у вас и своих. У них далеко идущие цели».

По словам Фиделя, он никогда не верил в миролюбие

вашингтонского руководства по отношению к Кубе. «Оно преследует лишь эгоистические интересы. Советский Союз для него противник. И этим все сказано».

Он хорошо понимал, насколько реальна угроза для существования самого СССР. «Это было бы самой тяжелой трагедией для всего мира». Кастро подчеркивал стремление Гаваны найти возможность для взаимовыгодного развития советско-кубинских отношений. «Советский фактор был определяющим во всей кубинской политике», — заметил он.

Мы посетили ведущееся с помощью Советского Союза строительство атомной электростанции. Казалось, Фидель знал там всех и вся. Объем уже выполненных работ превысил 80 процентов. Сами советские специалисты жаловались на нарушение сроков поставки комплектующих и многочисленные случаи несоответствия поставляемых изделий проектной документации.

«По возможности, — говорил Фидель, — дефекты надо устранять на месте и лишь в крайнем случае обращаться к советским производителям».

Куба переживала острейший энергетический кризис, и в сооружении АЭС обоснованно видела выход из тяжелого положения. На следующий день мы побывали на построенном по новейшей технологии предприятии по переработке нефти производительностью до 12 миллионов тонн в год.

Имелось в виду, что на нем будет частично перерабатываться нефть, поставляемая нам в порядке взаиморасчетов из Латинской Америки, в частности из Венесуэлы. Короче говоря, было найдено оптимальное решение, поскольку транспортировка значительных объемов нефти не потребовала бы больших расходов из-за близости источников ее получения.

Перед глазами открывалась горестная картина: огромная территория нефтеперегонного завода, сплошь усеянная серебристого цвета трубами, котлами, резервуарами, противопожарными сооружениями, была безжизненной. Лишь немногочисленная охрана являла собой признаки жизни. Рядом, на берегу моря, таким же мертвым стоял мощный терминал по приему судов с нефтью. Он был также пуст...

К тому времени в СССР возникли серьезные трудности с сахаром. Грубо просчитались те, кто с пеной у рта доказы-

вал, что советский рынок вполне может обойтись без кубинского сахара.

Фидель с полным пониманием отнесся к нашей просьбе об увеличении поставок сахара и на следующий день сообщил, что мы можем рассчитывать на поставку в самое ближайшее время 3—3,5 миллиона тонн сахара, и лишь попросил изучить возможность увеличения объемов поставок на Кубу продовольственного зерна и сырой нефти в счет ранее заключенных соглашений. И в данном случае, во избежание излишних расходов на транспортировку, на Кубу завозилось бы канадское зерно.

Кстати, наши специалисты в Кабинете Министров СССР высоко оценили решение кубинской стороны по сахару и считали его более выгодным для нас. Срыв прежних договоренностей с Кубой был делом рук либо лоббистов, действовавших в рамках нового мышления в пользу американцев, либо являлся результатом некомпетентности, грубого просчета отдельных наших экономистов.

Ведь такие деятели, как А. Яковлев, Шеварднадзе, Арбатов, Аганбегян, Шмелев и другие, считали наши отношения с бывшими социалистическими странами, в том числе и с Кубой, невыгодными для Советского Союза. В жизни оказалось все не так!

После перевода в 1989 году торговых расчетов с бывшими социалистическими странами на долларовую основу началось стремительное разрушение экономических отношений в социалистическом содружестве в целом. Некоторые же экономисты утверждали, что одно лишь введение в действие такого порядка расчетов даст Советскому Союзу дополнительно 12 миллиардов долларов в год. То, что это липа, стало очевидно в первый же год.

Не мог не видеть этого и Горбачев. Разрушение экономической основы сотрудничества между бывшими социалистическими странами немедленно повлекло за собой слом всей политической системы взаимодействия.

Фидель Кастро надеялся на то, что в Советском Союзе кризис будет преодолен. Тем не менее он не мог предугадать сроков и потому думал над способами и путями выживания (в полном смысле этого слова) Кубы. Кубинское руководство решило постепенно предпринять шаги по введению ры-

ночных отношений, шире использовать материальное стимулирование с учетом имеющихся возможностей, активнее налаживать трудоемкие производства, развивать фармацевтическую промышленность, предоставлять небольшие наделы земли для горожан в районах, где есть возможность. Вовне — попытаться наладить торговые отношения с новыми странами, развивать иностранный туризм, активно используя природные условия острова. По убеждению Кастро, строительство новой жизни должно неизменно подчиняться одному — интересам подавляющего большинства населения, что позволит обеспечить социальную справедливость и социальный мир.

Я часто вспоминаю свою поездку на Кубу, и, конечно, передо мной возникает образ Фиделя Кастро. Он был тверд в своих убеждениях. Его цель — процветающая социалистическая Куба. Вопрос в том, будет ли обеспечена преемственность курса Кастро и в будущем?

В последнее время уверенности в этом у меня прибавилось. Куба, Вьетнам, Китай непременно учтут трагические уроки из того, что произошло с Советским Союзом, с бывшими социалистическими странами. Жаль, что полигоном служит Советский Союз.

Здравомыслящие люди, сторонники социалистической идеи, социальной справедливости после всего случившегося поняли одно: судьбами людей труда шутить нельзя, народный режим должен уметь защищать себя, адекватно поступать по отношению к силам разрушения. Думаю, что наш отечественный урок, наши ошибки пойдут впрок, в том числе и нам самим.

Итак, мы потеряли всех своих друзей, они стали бывшими, новых еще не приобрели, для этого требуется время и соответствующая основа, которой пока нет и появится она не вдруг.

В считанные месяцы геополитическая картина мира изменилась кардинальным образом. Разрушены плоды не последних десятков лет развития, в частности на Европейском континенте, а результаты развития многовековой истории, создавшие предпосылки для великих свершений

XX века. Развал Организации Варшавского Договора, Совета Экономической Взаимопомощи, всесторонней системы отношений между Советским Союзом, с одной стороны, и социалистическими странами, с другой, решающим образом сказались на расстановке сил в мире, изменили их баланс, предопределили неблагоприятное для нас развитие событий в Европе и на территории бывшего Советского Союза.

Трудно сказать, какими будут последствия в ближайшее время, какие еще беды нас ожидают. Мир, история социально-политических катастроф не знают аналогов.

Сдача Советским Союзом, а затем Россией позиций в бывших социалистических странах больше походила на поспешное отступление после военного поражения. Сначала договорились о сроках вывода войск, объявили об этом в форме торжественного обязательства, а затем стали договариваться об имуществе, расчетах, оплате транспортных расходов, компенсационных выплатах и т. д. И ни слова не замолвили о проблеме прав человека, о судьбе после нашего ухода тех, с кем десятки лет были вместе, кто стали нашими друзьями и не только получали помощь от нас, но и нам оказывали не меньшую поддержку и содействие.

Уверен в том, что если бы советская сторона поставила вопрос об уважении прав, к примеру, сотрудников государственного аппарата, то получила бы соответствующие гарантии.

Таким образом кризис, охвативший советское общество и государство, был глобальным. Он не обошел стороной ни одну область социально-политической и экономической сфер. Потряс внутренние и внешние аспекты существования нашего государства, подвел его к гибельной черте.

Летом 1991 года многие еще не представляли себе, что это не конечная станция кризиса, что еще бóльшие беды и трагедия ожидают нас впереди. Те, кто располагал открытой и тем более закрытой информацией, четко представляли себе это.

Горбачев же и его единомышленники, располагая всей полнотой информации, прибегали к настоящему обману, скрывали от людей правду, не говоря уже о том, чтобы поступать адекватно складывающейся обстановке. В распоря-

жении Горбачева были глубокие, правдивые, объективные аналитические и документальные материалы, в частности Комитета госбезопасности, где скрупулезно анализировалась ситуация в стране, ее мрачные перспективы в самом обозримом будущем, сообщалось о действиях сил разрушения внутри и вовне страны, подчеркивалась необходимость принятия срочных мер для спасения Отечества.

В то время еще трудно было четко обозначить грань между осознанными действиями по разрушению державы и произвольными действиями сил, которые оказались обманутыми, введенными в заблуждение, объективно действовавшими в направлении развала страны. Это в 1992—1993 годах многое встало на свои места и внесло ясность в развитие негативных тенденций. Стремительность, глубина и размах деструктивных процессов не носили стихийного характера, а умело и целеустремленно направлялись определенными силами внутри страны и за ее пределами. Поэтому неслучайно мощный поток разрушения коснулся не только Советского Союза, но и практически всех бывших социалистических стран, которые в условиях кардинального поворота московских властей в политике были бессильны что-либо сделать, тем более скоординировать свои защитные меры.

Для меня, как председателя Комитета госбезопасности, для сотрудников Комитета, располагавших широкой информацией по линии разведки и контрразведки, было совершенно очевидно, что подрывная деятельность против Советского Союза ведется в условиях полной парализации потенциальных возможностей государства защитить себя.

В реализации разрушительных планов в Советском Союзе, других социалистических странах, несмотря на различие условий, особенностей той или иной страны, идейных подходов и деятельности основных политических сил просматривался один сценарий, одна идеология и методология.

Приведенные выше фактологическая справка и анализ развития событий не могут оставить сомнений в том, что дело обстояло именно так. Правящие круги капиталистических стран, их специальные службы одерживали существенную, можно сказать, определяющую победу в противоборстве двух систем. Звучавшие, хотя и слабо, трезвые голоса об

опасности для самой западной цивилизации разрушительных процессов в Советском Союзе и других социалистических странах тонули в слепом угаре победных реляций, эйфорических заявлений представителей сил, боровшихся против социализма. Потерпели историческое поражение те, кто стоял преградой на пути установления на земле господства мира капитала и его цитадели — Соединенных Штатов Америки.

Осталось осуществить формальный акт — вопреки воле народа, высказанной им на всесоюзном референдуме, объявить потерявшим силу Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик от 1922 года, поставить точку в борьбе двух социально-политических систем и тем провозгласить «торжество» капитализма над социализмом.

Глава 2

ТРИ САМЫХ ТРУДНЫХ ДНЯ

В «Российской газете» за 19 августа 1992 года помещена публикация Руслана Хасбулатова в виде отдельных фрагментов рукописи под заголовком «Технология переворота». Автор подробно описывает августовские события, рассказывает о том, что происходило в те дни в здании Верховного Совета РСФСР, делится своими переживаниями.

Интерес представляет то, как в те дни Руслану Имрановичу виделось развитие обстановки в Москве. Не менее любопытны и его оценки лиц, проходивших по делу ГКЧП. Членов ГКЧП Хасбулатов характеризует так: «Известные реакционеры и сторонники силовых методов решения противоречий и конфликтов как внутри страны, так и в сфере международных отношений».

Так может сказать лишь тот, кому многое виделось превратно и кто не удосужился даже внимательно ознакомиться с опубликованными официальными документами ГКЧП, в которых речь идет о восстановлении и соблюдении законности и тогда еще никем не

отмененной Конституции СССР, о стремлении положить конец насилию и произволу, выразившемуся, в частности, в намерении определенных сил действовать вопреки воле подавляющего большинства народа. Назовите хотя бы одно нормальное государство в мире, которое жило и развивалось бы без элементарного порядка, без уважения законов! Если бы ГКЧП и поддерживавшие его придавали силе определяющее и вседозволяющее значение, то, видимо, при тех возможностях, которыми располагал Комитет, развитие событий пошло бы совсем в ином направлении.

Нет, не сила, не стремление к насилию были главными движущими факторами в политической и практической деятельности ГКЧП! Из материалов уголовного дела четко видно, что для членов ГКЧП главным было избежать силового противостояния, кровопролития и жертв, и как только подобная реальная опасность возникла, Комитет по чрезвычайному положению немедленно прекратил работу.

Пройдут годы, и история разложит по полочкам происшедшее 19 — 21 августа 1991 года и, конечно, в последующее время, объективно оценит поступки и действия ряда лиц, партий, движений и, отбросив конъюнктурную накипь и шелуху, каждому воздаст должное. Думаю, что суд истории будет строгим, но справедливым.

Хочу лишь заметить, что не могут по своей сути быть реакционными выступления в защиту Конституции, за правовой порядок, за мир и спокойствие в родной стране. Это тем более ясно сейчас, когда люди пожинают горькие плоды тяжкой кровавой жатвы, которой пока не видно конца.

Уважаемые читатели! Те, кто разделяет взгляды автора этих строк, и те, кто стоит на противоположных позициях. Я хотел бы попросить вас мысленно перенестись в тот исторический миг, к тем трем августовским дням, и вместе со мной вспомнить и осмыслить, что же тогда случилось. Дать полную и четкую картину происшедшего невероятно трудно, потому что тогда в одном водовороте событий смешалось все: всплеск правды и потоки лжи, луч надежды и горечь поражения, ликование обманутых, торжество подлецов и страдания честных людей.

К августу 1991 года Конституция СССР, Конституции союзных республик были отброшены в сторону как ненужный хлам, в стране наступили хаос и беспредел. Между центром и союзными республиками воцарилась атмосфера раздоров и противостояния.

Попытки с помощью «демократических», популистских заявлений исправить положение, напротив, лишь ухудшали его. Разрушительные силы делали свое дело: держава катилась в пропасть. Во многих регионах страны возникла обстановка морально-психологического террора.

Любой голос в защиту институтов советской власти — легитимной, конституционной — встречал град нападок. Огульно охаивалось все: история, настоящее, а будущее в условиях советской власти рисовалось как мрачная перспектива. Не буду повторяться, выше мы уже этого касались.

К концу июля 1991 года был готов проект нового Союзного договора, фактически денонсирующий Союзный договор 1922 года и открывающий «новую эру» в отношениях между народами и республиками, входившими в состав Советского Союза.

Проект Союзного договора готовился и обсуждался за закрытыми дверьми, келейно, без привлечения общественности.

29 — 30 июля 1991 года в Ново-Огареве состоялась встреча Горбачева, Ельцина и Назарбаева. Как потом стало известно, на этой встрече речь шла о широком круге вопросов, касавшихся судьбы Советского государства, предстоящего заключения Союзного договора, прекращения деятельности союзных законодательных и исполнительных органов и создания взамен их новых. Обсуждались также кадровые вопросы.

Обо всем этом общественность, советские люди не были тогда информированы. Все это всплыло позже, после августовских событий, когда фатальные перемены, разрушения затронули все стороны жизни государства, когда, как говорят, дело было сделано.

С проектом Союзного договора, а следовательно, с самим Союзом поступали так, как заблагорассудилось узкой группе руководителей. И союзные, и республиканские законодательные органы были в полном неведении относитель-

но происходившего, и если бы ничего не произошло, то 20 августа 1991 года, когда должно было состояться подписание Союзного договора, советские граждане оказались бы перед свершившимся фактом прекращения существования Советского Союза и появления на свет нового образования — Союза Советских Суверенных Республик. Аббревиатура та же — СССР, однако содержание совсем другое...

И все шло к этой трагической неожиданности, если бы 15 августа 1991 года «Московские новости» не дали утечку информации и не опубликовали проект Союзного договора, который всего через несколько дней предстояло подписать представителям некоторых союзных республик.

В общем-то «Московские новости» была прогорбачевским, во всяком случае, не враждебным ему печатным органом, и причина решимости редакции пойти на публикацию Союзного договора мне до сих пор представляется неясной. Думается, газета не упустила возможность преподнести публике сенсацию и ради этого пошла на подобный шаг. Я полагаю так потому, что газета отнюдь не была против подписания нового Союзного договора и исходила, видимо, из того, что все равно этому уже ничто помешать не может.

О положительном отношении «Московских новостей» к подготовленному Союзному договору свидетельствует заголовок, под которым он был опубликован: «Мы еще не знаем, что надежда уже есть».

В небольшом вступлении «Московские новости» сделали одно примечательное пояснение. В нем отмечалось, что публикуемый документ до сих пор хранится в секрете, но первоначальное согласие между участниками ново-огаревских переговоров достигнуто, и через несколько дней, а именно 20 августа, его подпишут первые республики.

Публикуя договор, редакция, замечает газета, исходит из главного: «Общественное обсуждение определяющего судьбу миллионов людей документа должно начаться как можно раньше».

Таким образом, газета вполне сознательно — и правильно сделала! — пошла на нарушение секретности вокруг Союзного договора.

Я помню, что у Горбачева и тех, кто готовил новый Союзный договор, публикация вызвала своего рода шок. Гор-

бачев звонил из Фороса, метал громы и молнии, возмущался произошедшей утечкой, требовал выявить «виновника» этой акции. Его расчет был на то, чтобы подписанием договора 20 августа поставить советских людей перед свершившимся фактом.

Но делать было нечего, и 16 августа Союзный договор пришлось опубликовать во многих центральных газетах. Так сделали хорошую мину при плохой игре.

Ознакомление с подготовленным Союзным договором, я думаю, ни у одного здравомыслящего человека не оставляло сомнений, что с его подписанием Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование и вместо федеративного государства появляется новое образование, где федерация заменяется в лучшем случае конфедерацией.

В первом разделе, озаглавленном «Основные принципы», прямо указывалось, что «каждая республика — участник Договора является суверенным государством. Союз Советских Суверенных Республик (СССР) — суверенное федеративное демократическое государство, образованное в результате объединения равноправных республик и осуществляющее государственную власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники договора».

Вместо Союза Советских Социалистических Республик — совершенно иное образование. Слово «Социалистических» опущено, «Советских» для проформы оставлено. Ведь это же коренным образом противоречило состоявшемуся референдуму 17 марта 1991 года, где было упоминание о характере государства, социально-политического строя, четкой преемственности между СССР и новым государственным образованием. Причем в соответствии с решениями Съезда народных депутатов СССР и итогами упомянутого референдума существо государства в смысле его социально-политического строя оставалось неизменным.

Далее, в первом разделе отмечалось, что «Государства, образующие Союз, сохраняют за собой право на самостоятельное решение всех вопросов своего развития, гарантируя равные политические права и возможности социально-экономического и культурного развития...». О каком же федеративном устройстве может идти речь, когда делается упор

на самостоятельное решение «всех вопросов своего развития»?

Обращает на себя внимание явное пренебрежение национальным законодательством нового государственного устройства. В договоре говорится: «Государства, образующие Союз, считают важнейшим принципом приоритет прав человека в соответствии со всеобщей Декларацией прав человека ООН, другими общепризнанными нормами международного права».

О каком же суверенитете нового государственного образования может идти речь, если устанавливается приоритет прав человека не в соответствии с национальным законодательством, а с «общепризнанными нормами международного права»?

В этом же разделе читаем следующее: «Государства, образующие Союз, обладают всей полнотой политической власти, самостоятельно определяют свое национально-государственное и административно-территориальное устройство, систему органов власти и управления. Они могут делегировать часть своих полномочий другим государствам — участникам Договора, в состав которого входят».

Куда же больше прав государствам, образующим Союз? Как видно из текста, они получили все, что надо для любого самостоятельного государства, включая решение вопросов, связанных с административно-государственным устройством.

Далее, в первом разделе содержалось следующее положение: «Государства, образующие Союз, являются полноправными членами международного сообщества. Они вправе устанавливать непосредственные дипломатические, консульские связи и торговые отношения с иностранными государствами, обмениваться с ними полномочными представительствами, заключать международные договоры и участвовать в деятельности международных организаций, не ущемляя интересы каждого из союзных государств и их общие интересы, не нарушая международные обязательства Союза».

Таким образом, ни о какой единой внешней политике речь не шла. В лучшем случае можно уловить лишь следы

конфедеративных начал. Роль центра сводилась лишь к созерцанию, к наблюдению, и не более того.

Помню, как после согласования этого пункта Горбачев бахвалился: «Я добился того, чтобы государства, образующие Союз, имели право устанавливать дипломатические связи, а не дипломатические отношения. На этом мы их потом прижмем!» Поистине мелкий игрок в большой политике. Ведь строкой выше в упомянутом тексте говорится о том, что «государства, образующие Союз, являются полноправными членами международного сообщества».

Немало любопытного содержится и во втором разделе Союзного договора, который называется «Устройство Союза», например, что «членство государств в Союзе является добровольным».

Ну, с этим спорить невозможно, положение верное, оно содержалось и в прежнем договоре. Но, как известно, у государства есть много важнейших аспектов. Один из них — проблема территорий. В статье 3 второго раздела записано следующее: «Участники Договора признают границы, существующие между ними на момент подписания Договора.

Границы между государствами, образующими Союз, могут изменяться только по соглашению между ними, не нарушающему интересы других участников Договора».

Никаких строгих предписаний относительно порядка изменения государственной границы, никаких санкций в случае нарушения границ договор не предусматривал.

Формулировка позволяла довольно вольно трактовать смысл соглашений. А ведь речь идет о наиважнейшем аспекте межгосударственных отношений и вообще жизни государства — его территориальной целостности. Повторимся, скажем, что в Соединенных Штатах Америки только постановка вопроса о возможности изменения границ, когда-то установленных между штатами, уже являет собой состав преступления.

В следующей, 4-й статье второго раздела Союзного договора фиксируется положение о том, что его участники строят свои взаимоотношения в составе Союза на основе равенства, уважения суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела и т. д.

Сплошь одни пожелания, моральные посылки, что со-

вершенно недостаточно, когда речь идет о жизнеспособности государства в целом. Федеративное государство строится не на таких основах, и договор говорит о создании образования, лишь приблизительно напоминающего конфедерацию, причем весьма слабую, мало к чему обязывающую ее участников.

Для иллюстрации непрочности нового Союза, отсутствия гарантий, условий, вселяющих уверенность в его жизнеспособность, можно привести следующий пример. В 5-й статье второго раздела договора отмечается, что к сфере ведения Союза ССР относится:

«обеспечение государственной безопасности Союза; установление режима и охраны государственной границы, экономической зоны, морского и воздушного пространства Союза; руководство и координация деятельности органов безопасности республик».

В опубликованном проекте Союзного договора слово «руководство» выделено жирным шрифтом и помечено звездочкой, отсылающей к примечанию. Вот это примечание: «Предложение т. Крючкова В. А. согласовано с руководством республик».

В этой связи крайне важно сделать некоторые пояснения для того, чтобы читателю было понятно, о чем в данном случае идет речь.

Уже после согласования проекта Союзного договора его текст попал ко мне. Я обратил внимание на то, что положение об обеспечении государственной безопасности Союза сформулировано таким образом, что нарушается сама система, сам механизм безопасности страны со всеми вытекающими отсюда крайне нежелательными последствиями. Роль союзного ведомства по государственной безопасности сводилась лишь к координации деятельности органов безопасности республик.

Что такое координация, понятно. Это диспетчерская работа, не наделенная строго определенными правами и обязанностями. Хочу — координирую деятельность, хочу — нет. Да помимо этого все зависит от желания местных органов, в данном случае, республиканских.

Я собрал коллегию Комитета госбезопасности, обсудили вопрос и пришли к выводу, что одного лишь упоминания

о координации совершенно недостаточно для решения вопросов безопасности государства. Это положит конец всей цельной системе органов безопасности, она будет разрушена, прекратит свое существование.

Повторится ситуация с Министерством внутренних дел СССР, когда в 1990 году усилиями тогдашнего министра Бакатина были ликвидированы централизованные начала в его деятельности и его органы лишились центрального руководящего звена.

Последствия не заставили себя ждать. Резко ослаб общественный порядок в стране, стала расти преступность. Из довольно мощной системы, слаженного механизма, каким это ведомство было прежде, оно превратилось в аморфную организацию без прав, без обязанностей, без возможности руководить и влиять на правопорядок в стране.

Я обратился к Горбачеву и сказал, что в таком виде положение, касающееся обеспечения государственной безопасности Союза, не может быть принято, если мы хотим хоть в какой-то мере сохранить целостность ее механизма. Необходимо упомянуть о том, что система государственной безопасности должна иметь руководящий центр, без чего она прикажет долго жить, превратится в аморфную, бесправную организацию, и что упоминание лишь о координации деятельности органов госбезопасности республик дело не спасает.

Это замечание Горбачев воспринял с явным недовольством. Он сказал, что удалось достичь максимума и что союзные республики на усиление руководящего начала в системе органов госбезопасности вряд ли пойдут.

Тогда я попросил его согласия в рабочем порядке обговорить этот вопрос лично с руководителями всех союзных республик и попытаться найти решение, которое позволяло бы спасти систему безопасности. Горбачев дал согласие, снова, однако, усомнившись в успехе этой акции.

Я стал мучительно согласовывать с первыми лицами всех союзных республик поправку, предусматривавшую упоминание о руководстве, а не только о координации деятельности органов госбезопасности республик. Мне удалось их убедить, но каждый из них спрашивал: а как на это посмотрит российское руководство? Я отвечал, что питаю на-

дежду уговорить и Ельцина, потому что без упоминания о руководящих началах в работе органов безопасности в рамках всего государства система будет нежизнеспособной и, на мой взгляд, российское руководство должно понимать это обстоятельство.

По этому вопросу я дважды переговорил с Ельциным, объяснил ему ситуацию, подчеркнул, что упоминания о координации совершенно недостаточно, что это положение нужно усилить руководящим началом, в противном случае нам придется распроститься с возможностью на сколько-нибудь серьезном уровне обеспечить государственную безопасность Союза в целом.

Ельцин не сразу ответил, заметил, что внутренне не готов к положительному решению, но на следующий день после второго разговора все-таки дал согласие, и слово «руководство» в упомянутом выше положении было добавлено.

Но обратите внимание, как это было сделано. Слово «руководство» было выделено курсивом, была сделана сноска, что предложение исходит от Крючкова, и, таким образом, как бы давалось понять, что к этой проблеме можно еще раз вернуться. А каким будет окончательное решение, станет видно.

Так составлялся новый Союзный договор, так решались важнейшие вопросы, а по сути, так велась игра, так решалась судьба великого Союзного государства.

Много любопытного содержится в статье 6 второго раздела «Сфера совместного ведения Союза и республик». Даже такое важнейшее положение, как военная политика Союза, относилось к сфере совместного ведения Союза и республик. Известно, что военная политика государства — одна из важнейших функций федерации, при отсутствии или размытости которой ничто другое не может восполнить возникающего пробела.

Статья 8 второго раздела касается собственности, т. е. вопроса, составляющего основу могущества, жизнеспособности государства в целом. В этой статье содержится следующее положение: «Земля, ее недра, воды, другие природные ресурсы, растительный и животный мир являются собственностью республик и неотъемлемым достоянием их народов. Порядок владения, пользования и распоряжения ими

(право собственности) устанавливается законодательством республик».

Уже одно это положение говорит о бутафорном характере создававшегося Союза. Как же оно могло осуществлять свои права и полномочия, не имея соответствующей собственности, материальной основы, реальных источников дохода? Более того, в этой же статье предусматриваются права государств на долю в золотом запасе, алмазном и валютном фонде Союза, имеющихся к моменту заключения настоящего договора. Короче говоря, у центра отнималось даже то, что было накоплено за годы существования советской державы.

И наконец, совершенно убийственная для Союза статья 9, которая называется «Союзные налоги и сборы». Положение, касающееся налогов и сборов, заслуживает того, чтобы его привести.

«Для финансирования расходов союзного бюджета, связанных с реализацией переданных Союзу полномочий, устанавливаются единые союзные налоги и сборы в фиксированных процентных ставках, определяемых по согласованию с республиками на основе представленных Союзом статей расходов».

Таким образом, устанавливалась одноканальная система налогов и сборов, не указывалась фиксированная доля поступления налогов и сборов в союзный бюджет, в союзную казну. Возможная доля отчисления налогов устанавливалась по согласованию с республиками, причем на основе представленных Союзом статей расходов. Получалось, что отдельные республики могли установить, условно говоря, десять процентов, другие полпроцента, а третьи, если сочли бы представленные Союзом статьи расходов малоубедительными, могли вообще отказаться от перечисления налогов и сборов в союзный бюджет.

Это положение вызвало острые дискуссии у всех государственников.

Незадолго до этого Горбачев заявлял, что в вопросе об установлении отчислений от налогов и сборов в союзный бюджет в строго определенных процентах и в рамках соответствующего федерального канала, он, Горбачев, никогда не отступится, потому что это будет означать конец союзно-

му государству, поскольку оно не сможет обеспечить себя материально, содержать центральные органы, финансировать федеральные программы, целиком и полностью попадет в зависимость от воли, настроения, желания руководителей союзных республик.

Короче говоря, и с этой точки зрения просматривался неизбежный конец союзному государству. Ни о какой федерации, конечно, при таких условиях и речи быть не могло.

В конце июля 1991 года я с Болдиным был у Горбачева. Ему позвонил Павлов, разговор зашел о федеральном налоге. Горбачев успокаивал, а вернее, обманывал премьера, заявляя, что ни за что не уступит по этому вопросу. «Отказ от федерального налога — конец союзному государству. Я скорее уйду в отставку, чем соглашусь с этой убийственной формулировкой», — заявил он.

Однако из-за отрицательной позиции руководителей отдельных государств, а также из-за нежелания вести борьбу, Горбачев «плыл», сдавал одну позицию за другой и, в конце концов, пошел на последнюю губительную уступку, сдачу предельного рубежа, о чем совсем недавно он и думать не хотел.

Стоит также остановиться на 11-й статье второго раздела, которая касается соподчиненности законов. Воспроизведем ее главное положение: «Законы Союза по вопросам его вéдения обладают верховенством и обязательны для исполнения на территории республик.

Законы республики обладают верховенством на ее территории по всем вопросам, за исключением тех, которые отнесены к ведению Союза».

Совершенно ясно, что установление верховенства законов республики над всеми иными на ее территории делает излишними все другие ссылки, туманные оговорки, положения. Это тот пункт, через который центр никогда не смог бы перешагнуть. Он превратился бы в игрушку в руках местных органов, получавших возможность за счет легкой манипуляции подводить союзные законы под республиканское верховенство тогда, когда это кому-либо заблагорассудилось бы.

И, пожалуй, есть смысл остановиться еще на одном положении, зафиксированном в четвертом разделе Союзного

договора. «Настоящий договор, — говорится в статье 23, — одобряется высшими органами государственной власти государств, образующих Союз, и вступает в силу с момента подписания их полномочными делегациями.

Для государств, его подписавших, с той же даты считается утратившим силу Договор об образовании Союза ССР 1922 года».

Эта основополагающая статья сформулирована таким образом, что трактовать ее можно по-разному. На первый взгляд, вступление Договора в силу следовало после утверждения его законодательным органом той или иной республики. С другой стороны, в статье говорится о том, что он вступает в силу немедленно после его подписания.

Так вот, Российское государство взяло за основу именно последнюю посылку и в лице Президента Ельцина заявило о том, что 20 августа 1991 года после подписания проекта Союзного договора Договор о Союзе 1922 года прекращает существование и начиная с 21 августа 1991 года никакие союзные органы действовать уже не будут. Исходя из этого, Ельцин заявил о том, что стремление Горбачева собрать Совет Федерации 21 августа для обсуждения некоторых вопросов не имеет никакой юридической силы, и потому ни о каком созыве Совета Федерации и речи быть не может.

Если исходить из буквы только что процитированной статьи 23, можно сказать, что Ельцин был не так уж далек от истины. Таким образом, 20 августа 1991 года, в случае подписания Союзного договора представителями пусть даже части союзных республик, стало бы последним днем в жизни Союза Советских Социалистических Республик.

И никто из инициаторов этой акции не обращал внимания на то, что есть Конституция Союза ССР, что есть итоги всенародного референдума 17 марта 1991 года, что договор собирались подписать только шесть республик из пятнадцати. Все это не помешало бы 20 августа объявить о кончине великого государства, сконцентрировавшего в себе итоги тысячелетней истории.

Разрушители Союза с нетерпением ждали этой даты, потирая руки в предвкушении увидеть ненавистную «импе-

рию» разрушенной, получить независимость, суверенитет и полную «свободу» действий. Основная масса людей заблуждалась, четко не представляя себе, что все это означает, потому что все делалось втайне. Ведь большинство людей и мысли не допускало, что с великой державой может что-то случиться.

И только немногие отчетливо понимали, что происходит. Они видели, что гибнет государство, что происходит великая геополитическая катастрофа и на пространстве, которое недавно именовалось Советским Союзом, возникнет не только правовой беспредел, хаос, но и разразится трагедия, масштабы которой потрясут весь мир.

В числе тех, кто отдавал себе в этом отчет, были члены Государственного комитета по чрезвычайному положению и те, кто активно поддержал его создание.

Теперь, спустя несколько лет, следует признать, что хотя бóльшая часть граждан СССР и не помышляла о смене политического строя, общество не было готово к протесту. Оно было сбито с толку, разобщено, лишилось институтов, составлявших сферу управленческой деятельности и к которым оно привыкло. Местные органы советской власти были абсолютно не готовы, да и не пригодны — по опыту, практике своей работы, профессиональной подготовке кадров — к тому, чтобы возглавить политическое движение в стране. Критика всего и вся была относительно легким делом, ложилась на благодатную почву, потому что в массах действительно накопилось и проявлялось большое недовольство. Трудности, особенно в последние годы, все возрастали, и определенные силы ловко увязывали это с результатами деятельности советской власти на протяжении десятков лет, чем подогревали ситуацию.

Горбачев вел двурушническую политику в отношении КПСС и союзного государства. Как уже говорилось, к этому времени уже достоверно было известно, что у Горбачева и его ближайших единомышленников, в частности у Яковлева, созрел план раскола партии, образования на ее базе социал-демократической партии, возможно, и других партийных образований. Что касается коммунистического ядра, то

его, как «догматическое» и «сектантское», Горбачев должен был бросить на произвол судьбы.

Я посоветовался с Болдиным и Шениным и решил откровенно поговорить с Горбачевым. Этот разговор состоялся в конце июля 1991 года.

Горбачев бегло пробежал доложенную ему информацию и, не дочитав до конца, сказал, что она настолько серьезна, что требует детального изучения. Но обещал вернуться к этому разговору по поводу ее несколько позже, в ближайшие дни.

Я понял, что он уходит от вопроса; он, как всегда, вилял, отделывался малозначащими фразами, было видно, что на путь раскола он встал окончательно и бесповоротно.

К тому времени Съезд народных депутатов, а также Верховный Совет СССР доставляли Горбачеву все больше и больше беспокойства. Настроения в этих органах, их деятельность, принимаемые решения никак не укладывались в рамки проводимой им линии на разрушение Союза. Мягко выражаясь, многие народные депутаты вели себя странно. Они понимали, что наступает конец законодательной власти, а следовательно, их личной карьере, и тем не менее делали вид, что можно кое-что исправить, подправить, не допустить крайнего варианта, — короче, надеялись на чудо.

В личных разговорах со мной некоторые народные депутаты поднимали острые вопросы, связанные с существованием Советского Союза. Высказывали озабоченность, однако ни о каких конкретных действиях речи не вели, да мне было просто неловко их к этому подталкивать.

Отчетливо видел ситуацию Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов. Он переживал, его здоровье тогда было не блестящим, давали о себе знать сосуды, мучило давление, но он держался, пытался не допустить самого страшного в развитии ситуации в стране.

А тем временем активно шел процесс разрушения центральных органов союзного государства.

К августу 1991 года было покончено с централизованным планированием. Прекращали свою деятельность одно центральное ведомство за другим. Но неуправляемость экономики мало кого беспокоила. На каждом большом или малом совещании, заседании все взахлеб говорили о рынке, и

создавалось впечатление, что рынок — это панацея от всех бед. Вот наступят рыночные отношения, спасут страну от всяких невзгод и предупредят наступление не только экономической, но и социальной катастрофы.

За полтора-два года перед августом 1991 года в результате этапа наиболее интенсивной перестройки, когда ломалось все, что попадалось на пути, кризис экономики начал проявляться драматически.

Люди не знали подлинных причин надвигавшейся катастрофы, путей выхода из создавшегося положения, а сверху на их головы обрушивалась уничтожающая критика в адрес советской власти как виновницы происходящего, неспособной выправить положение в стране.

Но зрели и другие настроения. Люди стали разочаровываться в ходе и целях перестройки. Они хорошо помнили, что до 1985, даже до 1988 года в стране дела обстояли не так уж плохо. Полки в магазинах не были пустыми, продукты питания и промышленные товары стоили дешево. На зарплату 100 — 200 рублей можно было сносно прожить и, более того, обеспечить себя кое-чем впрок. Миллионы людей ежегодно отдыхали в южных краях. Трудящиеся Крайнего Севера позволяли себе проводить отпуск у Черного моря, и для них это было не так уж обременительно. Миллионы детей воспитывались в детских яслях и садах, летом выезжали в пионерские лагеря по льготным путевкам или вообще бесплатно.

Мучительно вставал вопрос: что же делать в этой ситуации? Как спасти Родину? Как уберечь ее от неизбежного хаоса, до которого оставалось всего полшага?

4 августа 1991 года Горбачев отправился отдыхать на юг, а страна вышла на финишную прямую к своему развалу.

Могу категорически сказать, что для уведомления об этом по линии КГБ СССР было использовано все: официальная информация, информационно-аналитические записки, мои личные разговоры с Горбачевым, прямые предупреждения о надвигающейся беде.

Горбачев как бы соглашался с выводами, сетовал на тяжелую ситуацию, крутил, вертел, словоблудничал, а в последнее время вообще перестал реагировать на тревожные разговоры, стал отделываться ничего не значащими фраза-

ми. Не хотелось в это верить, но было совершенно очевидно: Президент СССР или бессилен, или не хочет предпринять реальные меры для спасения государства.

Я часто встречался с представителями советской общественности, с государственными деятелями, руководителями министерств, ведомств. Ко мне напрашивались с визитами общественно-политические деятели из зарубежных стран, по тому или иному поводу приезжавшие в нашу страну. Бесед было много, и все они носили настораживающий характер. Собеседники не скрывали своих тяжелых впечатлений о нашей ситуации, говорили о необходимости решительных действий для предотвращения окончательного разрушения государства.

Сотрудники органов госбезопасности также имели многочисленные встречи с представителями советской общественности и приносили такую же информацию. Стоило собраться на совещание в ЦК КПСС, в Кабинете Министров, в Верховном Совете СССР или в Совете Безопасности или на какую-либо рабочую встречу для обсуждения текущих вопросов, как речь неизменно заходила о критической ситуации в стране. Всем была очевидна неминуемость трагедии, никто не понимал бездействия Горбачева.

Никто не ждал ничего хорошего от предстоящего подписания нового Союзного договора.

После каждого разговора об обстановке в стране Горбачев, как правило, давал указания, поручения продолжать анализ ситуации, готовить на всякий случай соответствующие материалы, предложения. Не исключал возможности введения то ли президентского, то ли чрезвычайного положения в стране или отдельных ее регионах, использования жестких мер в экономике для предотвращения ее полного краха. Все чаще такие поручения он давал председателю Кабинета Министров Павлову, министрам Язову, Пуго, мне, ответственным сотрудникам аппарата Президента СССР, руководителям ЦК КПСС. Все подготовленные материалы затем возвращались на доработку или с командой «ждать момента».

При каждом таком поручении Горбачев обычно говорил: «Поднимите старые материалы, актуализируйте их, подправьте с учетом происшедших изменений и будьте на-

готове». Правда, уже мало кто из нас верил в решимость и способность Горбачева отважиться на решительные меры. Одни списывали это на его характер, на нерешительность, другие приходили к тяжелому выводу, что целью его действий, всей политики являлся развал Советского Союза, смена общественного строя, раскол КПСС, дальнейшее проведение пагубного курса перестройки, полностью себя скомпрометировавшей. Но большинству было очевидно, что Президент, лидер партии встал на путь обмана, политического двурушничества и ренегатства.

Перед своим последним отъездом на юг Горбачев поручил Язову, Пуго и мне еще раз проанализировать обстановку, посмотреть, в каком направлении может развиваться ситуация, и готовить меры на случай, если придется пойти на введение чрезвычайного положения.

Я понимал, что Горбачев боялся исключительно за себя, боялся, что с ним могут рассчитаться те, кому он когда-то, как он выразился, «насолил», имея в виду прежде всего Ельцина. В последнем разговоре со мной перед отъездом в отпуск он многозначительно заметил: «Надо смотреть в оба. Все может случиться. Если будет прямая угроза, то придется действовать».

5 или 6 августа 1991 года я встретился с Язовым и мы во исполнение поручения Горбачева договорились изучить обстановку, подготовить предложения, полностью отдавая себе отчет в том, что ситуация ухудшается с каждым днем.

Было еще одно поручение Горбачева, связанное с нашим военным разведчиком, вокруг которого сложилась ситуация, грозившая нежелательными осложнениями в отношениях с одной западноевропейской страной; важно было принять предупредительные меры.

В материалах уголовного дела по ГКЧП этот эпизод достаточно полно отражен, хотя вокруг нашей встречи с Язовым наворочено невероятно много всяких небылиц, поэтому есть смысл внести ясность.

Итак, мы решили поручить сотрудникам Министерства обороны и Комитета госбезопасности проанализировать об-

становку и высказать мнение о возможных перспективах ее развития.

В Комитете госбезопасности я поручил сделать это заместителю начальника Первого Главного управления Жижину и помощнику первого заместителя председателя КГБ СССР Егорову.

Язов поручил эту работу Грачеву, в то время являвшемуся первым заместителем командующего воздушно-десантными войсками СССР.

Я принял трех названных лиц, посоветовался с ними и, сознательно не навязывая им своего мнения, попросил приступить к выполнению поручения. Скажу откровенно, что у меня появились сомнения относительно деловых качеств и способностей Грачева, которыми я поделился с Язовым. Он не стал разуверять меня в этом мнении, но заметил, что вместе с другими товарищами Грачев, пожалуй, может справиться с заданием.

Спустя несколько дней Жижин, Егоров и Грачев доложили о проделанной работе. Их оценки ситуации в стране полностью совпадали с оценками моими и Язова. Что касается возможности применения мер чрезвычайного характера, то их выводы были сдержанными. По их мнению, это требовало дополнительной проработки. Однако ни у кого не было сомнений в том, что в случае подписания 20 августа Союзного договора с Советским Союзом будет покончено.

Мы посоветовались с Язовым и решили поручить этим же сотрудникам продумать конкретные соображения, предложения на случай, если обстановка в стране резко ухудшится и придется пойти на крайние меры, тем более что поручение Президента сводилось именно к этому.

15 августа 1991 года у меня состоялась новая встреча с Жижиным, Егоровым и Грачевым. Подготовленные ими предложения содержали перечень мероприятий в политической, экономической, военной областях, а также по линии государственной безопасности и общественного порядка. Цель — прекращение дестабилизации обстановки в стране, оживление экономической деятельности путем восстановления вертикальных и горизонтальных связей, принятие срочных мер по уборке урожая, налаживание снабжения населения продовольственными и промышленными товара-

ми, усиление борьбы с преступностью, наведение должного общественного порядка в городах и, конечно, анализ ситуации, которая сложилась бы после подписания Союзного договора, означавшего конец государству. Какие-либо крайние меры исключались. Приостановление деятельности отдельных политических партий и организаций диктовалось исключительно интересами стабилизации положения в стране.

Было решено доложить эти предложения Горбачеву для их реализации в интересах спасения Отечества.

А тем временем продолжались рабочие контакты с Горбачевым. Ежедневно с ним связывались по телефону Председатель Кабинета Министров В. С. Павлов, Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов, министр обороны СССР Д. Т. Язов, руководитель аппарата Президента В. И. Болдин, первый заместитель председателя Совета обороны О. Д. Бакланов, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС О. С. Шенин, осуществлявший во время отсутствия Горбачева руководство партией. Почти каждый день разговаривал по телефону с Горбачевым и я.

Все мы докладывали Горбачеву об ухудшении обстановки, о том, что ситуация выходит из-под контроля. Страна становится неуправляемой. Конечно, эти темы мало подходили для отдыха, они раздражали Горбачева, — другой реакции у него не было.

После опубликования Союзного договора брожение в обществе резко усилилось. Люди недоумевали, выражали явное несогласие с положениями, содержащимися в Союзном договоре. Они только сейчас стали понимать, что речь идет о кончине государства, но их реакция не могла вылиться в какие-то организационные формы и обрести необходимую силу, поскольку до подписания договора осталось всего несколько дней, из которых два приходилось на дни отдыха, субботу и воскресенье.

Не раз в те дни мне приходилось говорить по телефону с Язовым, Шениным, Павловым, Баклановым, Болдиным, другими товарищами; все полагали, что Горбачев вот-вот прервет отпуск, прилетит в Москву, вернется к рассмотрению Союзного договора и примет решение, которое позволило бы избежать беды. Но, к сожалению, этого не произошло.

В дни, предшествовавшие подписанию договора, Горбачев стал жаловаться на состояние здоровья, на радикулит, который якобы не позволял ему передвигаться и активно работать, говорил, что интенсивно лечится, поскольку 20 августа совсем близко. Все свидетельствовало о том, что он и мысли не допускал, чтобы как-то прервать нежелательный процесс и еще раз вернуться к Союзному договору. Было ясно — он взял курс на подписание договора, и ни о чем другом не хотел слышать.

Горбачев никогда не признавал своих ошибок, ни в чем не раскаивался, на все смотрел через призму своего «я». Главным для него была карьера! Как-то один его давний сослуживец, близко знавший Горбачева многие годы, разоткровенничался со мной. Он заметил, что у Горбачева осталось мало совести. Но ведь совесть или есть, или ее вовсе нет. Так вот на мой взгляд, Горбачев совести лишен напрочь. Возможно, в данном случае мы имеем дело со своеобразной нарвственной патологией. Но от этого никому не легче. Сейчас, когда результаты «деятельности» Горбачева оказались столь трагичны для нашего Отечества, а его роль в этом даже непосвященному очевидна, с него как с гуся вода. Всмотритесь в его глаза, посмотрите на его поведение, послушайте, что он глаголет, — ни тени раскаяния. Хотя кому его раскаяние сейчас нужно!

Когда я стал председателем КГБ, а затем членом Политбюро ЦК КПСС и у меня появилась возможность и необходимость чаще с ним общаться, поближе наблюдать его, мое в целом положительное отношение к нему стало быстро меняться в худшую сторону. Сначала вызывали недоумение его отдельные высказывания, шаги, потом становилось все более очевидным несоответствие между словами и делами. С одной стороны, говорил о преданности КПСС, чести быть ее членом, а с другой, всеми своими действиями наносил по ней один разрушительный удар за другим. Вдруг бросал: «Ничего с этой партией не сделаешь. С этим ЦК ничего не выйдет. Надо реформировать партию». Это не были слова, сказанные в пылу эмоционального накала. Это были пробные шары с намерением проверить реакцию людей, подготовить их к очередному роковому повороту.

Под лозунгом укрепления государственности он бил по

плановым началам, централизации, разжигал местничество, националистические настроения, безудержно сносил союзные структуры, под корень рубил основы управления экономикой. Все это порождало в стране хаос, обусловливало стремительный рост социальной напряженности. Именно Горбачев своей политикой лишал Советский Союз всех его союзников и друзей, свел его роль как великой державы до уровня второразрядного государства, лишенного позиций, влияния и веса в мире, жалкого просителя кредитов.

Все больше и больше членов партии, советских людей начинали понимать, что надвигается большая беда, что страна идет к пропасти, но пороки внутрипартийной жизни, государственной системы делали их беззащитными перед лидером, оказавшимся не тем человеком, за кого он себя выдавал и кем он на поверку оказался. Беззащитность народа перед высшим руководителем! Не с этим ли мы сталкиваемся и сегодня?

В условиях жесткого цейтнота у перечисленных выше лиц созрела мысль собраться, обсудить обстановку и решить, что же делать, то есть попытаться найти выход из создавшегося положения.

17 августа 1991 года было решено собраться для этой цели на одном из объектов Комитета госбезопасности, который носил условное название АБЦ.

Примерно в 14 часов туда приехали Павлов, Бакланов, Шенин, Язов, Болдин и я. Во встрече принимали участие также заместители министра обороны СССР В. А. Ачалов и В. И. Варенников, заместитель председателя Комитета госбезопасности В. Ф. Грушко.

Всем было ясно, в какой момент мы собрались, и потому сразу же приступили к обсуждению ситуации.

Павлов подробно рассказал о положении в экономике, глубоком кризисе, в который страна уже вползла и который нас в самое ближайшее время в еще больших масштабах ожидает. Он подчеркнул, что на кредиты рассчитывать не приходится, нам их просто не дают, потому что мы больше не платежеспособны. Советский Союз не имеет даже средств рассчитываться по процентам за ранее полученные кредиты.

Импорта зерна не избежать, а это еще более усугубит положение. Премьер подчеркнул, что делится не личными впечатлениями, а передает оценку Кабинета Министров СССР, с заседания которого он только что вернулся.

Я также проинформировал о ситуации в стране, об усилении социально-политической напряженности, росте центробежных тенденций, осложнении криминогенной обстановки. Я заметил, что еще пару лет назад мы говорили о начальных проявлениях организованной преступности, сейчас это уже реальность. Преступность не ограничилась рамками отдельных регионов страны, вышла за пределы государства.

В аналогичном духе выступали Язов, Шенин, Бакланов.

В числе прочего Язов сказал, что плохо обстоит дело с призывом в армию. Престиж армейской службы упал, а травля Вооруженных Сил, продолжающаяся уже несколько лет, делает свое дело. Молодежь отказывается идти в армию, укомплектованность отдельных воинских подразделений и целых родов войск снизилась до недопустимо низкой отметки.

Он также подчеркнул, что разоружение благодаря усилиям Шеварднадзе приобрело нежелательный для нас характер, идет с явным перекосом в пользу западных стран. Баланс вооруженности нарушен, это обусловливает снижение боеспособности Вооруженных Сил Советского Союза и затрагивает интересы безопасности государства.

Почти все говорили о плачевном положении в партии, отмечали, что она сбита с толку, коммунисты дезориентированы. Советы после отмены статьи 6 Конституции еще не успели набрать силу и обстановкой не владеют. Процветает местничество, снижается роль государственного и общественного секторов в экономике. Спекуляция самыми различными товарами приобрела настолько широкий размах, что угрожает экономическим основам государства. Если не принять действенных мер по прекращению дестабилизации в народном хозяйстве, то в ближайшее время снабжение населения ухудшится так резко, что приведет к усилению социальной напряженности. Проблема усугублялась резким сокращением жилищного строительства, причем повсеместно в городах и селах.

Отмечалось усиление сепаратистских настроений в

Прибалтике, на Украине, в Грузии, Армении, других республиках. Даже в Белоруссии обстановка осложнилась, хотя эта республика до последнего времени считалась благополучной.

Подавляющая часть средств массовой информации вносит свою лепту в усиление разрушительных явлений, подхватывает любую клевету в адрес центра, подогревает сепаратистские настроения, выступает за развал Союза, обещая рай, если страна пойдет по пути непонятно каких экономических реформ, отказа от планирования, централизации, передачи все большего объема прав и полномочий из центра на места.

На встрече говорили о резком падении престижа Советского Союза в мире. Мы лишились друзей, впервые остались, по сути, в одиночестве. Если до второй мировой войны Советский Союз имел дружественную Монголию, то сейчас мы бросили и ее, предали всех, включая Кубу, ни с одной страной нас уже не связывали союзнические отношения. Никто не ушел от нас сам, мы отказались от всех или поставили наших союзников в такие условия, когда их отход от СССР стал неизбежным. Разговоры об установлении партнерских связей с ведущими капиталистическими странами — блеф, рассчитанный на простачков.

Десять веков Отчизна шла к своему могуществу, к славе, достойному положению в мире, и вдруг полный провал! Таковы плоды так называемой перестройки.

Для участвовавших в этой встрече было очевидно, что после 20 августа пойдут обвальные процессы по всем направлениям жизни общества и государства. На этот счет поступала достоверная информация — с одной стороны, из различных уголков Советского Союза, а с другой — из многих стран мира по разведывательным и другим внешнеполитическим каналам.

В общем плане я сказал собравшимся о поступлении в Комитет госбезопасности настораживающей информации из-за рубежа, а про себя думал об одной свежей телеграмме, которую я получил от нашего разведчика-нелегала всего несколько дней назад. В донесении, адресованном лично мне, разведчик сообщал, что в ведущих капиталистических странах в ближайшее время ожидают самого тяжелого развития

ситуации в Советском Союзе. «Речь идет, — писал он, — о прекращении существования нашего государства. Осведомленные источники говорят об этом как о факте, который наверняка свершится, потому что, судя по всему, в Москве никто не пытается предупредить такое трагическое развитие событий».

Сам нелегал отказывался понимать, почему нельзя помешать всему этому, почему не соблюдается Конституция Советского Союза, почему игнорируются итоги всенародного референдума 17 марта 1991 года, почему Президент и те, кто работает вместе с ним, проявляют безволие, пустили дело на самотек, более того, даже не говорят правды? Нелегал сообщал: под предлогом того, что наша страна чрезмерно велика и не в состоянии переварить занимаемое ею пространство, ставится под вопрос территориальная целостность Советского государства.

Кстати одна ремарка по территориальному вопросу. Приведенные выше строки я писал еще в «Матросской тишине», а просматривал их 19 мая 1994 года. В этот день в телепрограмме «Останкино» «Новости» диктор шустро говорил об обременительности нахождения в составе России нашего далекого, но вместе с тем родного и близкого нам края — Чукотки. По словам комментатора, в последнее время Соединенные Штаты Америки и Канада оказывают чукотскому населению помощь в снабжении продовольственными и промышленными товарами. Получение помощи из этих стран, утверждал комментатор, обходится куда дешевле, чем если бы эта помощь поступала из России. По его словам, Чукотка страшно обременительна для России, которая вынуждена вкладывать в нее средства в три раза большие, чем получает от нее.

Вывод напрашивается сам собой — надо освободиться от Чукотки и передать ее США или Канаде.

Я слушал и диву давался подобной безответственности! Во-первых, комментатор говорит неправду. Чукотка дает России значительно больше, чем получает. Во-вторых, Чукотка — это государственная безопасность, это возможность беспрепятственно пользоваться проливом из Северного Ле-

довитого океана в Тихий. И, в-третьих, при освоении этого действительно сурового края пролиты кровь и пот многих поколений русского и других народов. До недавнего времени Чукотка получала все необходимое и нормально существовала. Лишь в последнее время, из-за разорительной, бездумной политики в отношении этого края, население Чукотки доведено до весьма низкого жизненного уровня, а многие жители вынуждены уезжать, потому что не видят перспективы для дальнейшей жизни.

Десятки лет занимался я международными проблемами. Более или менее знаю обстановку в мире. И не помню ни одного случая, чтобы какое-нибудь государство, даже самое слабое, добровольно отдало хотя бы квадратный метр своей территории. Ни одно уважающее себя государство не позволяет покушаться на свою территорию, использует все возможности, все ресурсы, отстаивая, защищая ее!

Можно привести свежий пример. В 1954 году Хрущев, пользуясь тем, что в те времена в руках лидера КПСС была сосредоточена огромная власть, совершил незаконный акт и передал Крым Украине. Правда, Севастополь остался в составе России.

Тогда этот номер прошел по одной причине — Советский Союз казался незыблемым, что делить между народами-братьями. В конце концов, какая разница, в составе какой республики будет находиться та или иная административно-территориальная единица, в данном случае Крым?

Прошло время, обстановка изменилась, и Киев потребовал разделить Черноморский флот между Россией и Украиной, отдать во владение Украины Севастополь и военно-морскую базу и вообще сделать так, чтобы в Крыму и духу российского не было.

Крымчане возмутились. Крымский вопрос обрел резонанс и в Российском государстве. И хотя нынешнему российскому режиму не жаль Крыма — ради сохранения власти можно было бы им поступиться, — тем не менее настроение общественности таково, что отказаться от Крыма — дело для России совершенно невозможное. Российское правительство, которое пойдет на этот шаг, будет обречено.

А как ведет себя украинская сторона? 20 мая 1994 года тогдашний министр обороны Украины Радецкий заявил,

что Крым — это украинская территория, что Украина не позволит кому-либо покушаться на ее территориальную целостность и любой ценой будет отстаивать свои интересы. При этом Радецкий уточнил: «Чего бы нам это ни стоило!»

Видите, как четко и понятно говорят государственные мужи, когда речь заходит о территории?

Причем весь так называемый «цивилизованный» мир мгновенно заступился за «бедную» Украину, игнорируя спорность перехода Крыма в состав Украины в 1954 году. В адрес России из-за рубежа посыпались предупреждения о необходимости соблюдения территориальной целостности Украины, требования учитывать позицию Запада по этому вопросу. На Западе ведь не хотят усиления России и прекрасно отдают себе отчет в том, что территориальный вопрос — это то направление, где можно наиболее существенно ослабить любое государство, в том числе и Российское, с тем чтобы в будущем (недалеком) выстроить уже целую цепочку территориальных притязаний к России и со временем, при определенных обстоятельствах, создать возможность вынашивающим эти притязания странам приступить к их реализации.

А кое-кому в Москве, оказывается, в тягость стала Чукотка!

Итак, вернемся к упомянутой встрече 17 августа 1991 года. Шел мучительный поиск выхода из создавшегося положения. На той встрече не было вице-президента СССР Янаева, Председателя Верховного Совета Лукьянова, но все знали их принципиальную патриотическую позицию. Была уверенность в том, что они также проявляют большую озабоченность и наверняка думают над теми же проблемами, что и мы.

С тяжелым грузом на душе решили все-таки еще раз обратиться к Горбачеву с призывом верно оценить ситуацию и принять меры к спасению Отечества, отказаться от подписания Союзного договора в том виде, в каком он был представлен, потому что развал Советского Союза в этом случае был очевиден. Оставалась все же и небольшая надежда на то, что Горбачев должен понять и выполнить свой пре-

зидентский долг, к которому его обязывала Конституция СССР, клятва, данная им при вступлении в должность Президента.

Какое решение примет Горбачев? Никто из собравшихся не имел на этот вопрос однозначного ответа. Но было большое желание предпринять еще один шаг, еще раз обратиться к Горбачеву и попытаться убедить его. Условились еще раз собраться и обсудить принятое Президентом решение. Там же наметили состав группы для поездки в Форос. В нее вошли Бакланов, Шенин, Болдин, Варенников и Плеханов.

Плеханов должен был выехать, как начальник 9-го управления КГБ, ответственный за безопасность Президента СССР. Исходили из того, что, возможно, Горбачев вылетит в Москву и тогда присутствие Плеханова будет тем более необходимо. Я дал поручение Плеханову сопровождать товарищей, не посвятив его в детали вопроса. Тянуть было нельзя, и договорились о том, что группа вылетит в Форос на следующий день — 18 августа 1991 года.

Окончательно определили цель — доложить Горбачеву обстановку, посоветоваться с ним и попытаться получить от него конкретные соображения относительно того, какие меры он намерен предпринять для спасения государства. Решили, что сразу по возвращении из Крыма группы встретимся в Кремле — для того чтобы окончательно определиться.

Одновременно условились предпринять некоторые меры — на случай, если придется пойти на введение чрезвычайных мер, как того требуют обстоятельства. Разумеется, в случае развития ситуации в таком направлении предполагалось обратиться к народу, объяснить ситуацию в стране и причины чрезвычайных мер.

Для решения текущих задач следовало создать какой-то орган или комитет, названия его тогда еще не было. Возможно, это будет форма президентского правления. Над этим договорились подумать. Было также сочтено необходимым подготовить проект постановления от предполагавшегося органа с определением неотложных мер по нормализации обстановки и о первоначальных мерах по выходу из кризиса.

На случай провокаций деструктивных сил, организации ими общественных беспорядков правоохранительные органы должны были продумать меры по пресечению их действий, при этом не исключалась возможность задержания отдельных экстремистски настроенных элементов. Поскольку подобные документы ранее по поручению Горбачева составлялись, неоднократно дорабатывались, то не составляло особого труда довести их до окончательной редакции.

Мы были глубоко убеждены в том, что с самого начала поступаем в строгом соответствии с Конституцией СССР, в рамках существующего советского законодательства, а те, кто пытается разрушить Союз, действуют вопреки законам. Право и правда были на нашей стороне. Никто из названных мною лиц ничего лично для себя не искал, не преследовал никаких корыстных целей. Все руководствовались высшими интересами государства, подчиняя им свои личные интересы.

Исходили из различных вариантов реакции Горбачева на предложения, с которыми поехала группа. Реально оценив ситуацию, он мог дать согласие на введение чрезвычайных мер, т. е. на реализацию своего же предложения, даже пойти на президентское правление, и тем самым сделать шаг в сторону приостановления губительных тенденций. Он мог пойти и на репрессивные меры в отношении выезжавших к нему лиц, поставив, таким образом, под вопрос их безопасность. Но наиболее вероятный вариант состоял в том, что Горбачев, как всегда, не скажет ни «да», ни «нет» и сохранит за собой возможность принять окончательное решение в зависимости от того, как будут развиваться дальнейшие события.

Не исключалось, что он откажется вылететь в Москву, предпочтет остаться в Форосе, сославшись на какие-нибудь причины, для того чтобы выждать и не проиграть лично в принятии окончательного решения.

При этом для всех было ясно, что Горбачев будет заботиться главным образом о политическом самосохранении. Нам казалось важным дать ему возможность остаться как бы в стороне. Но в то же время у нас были опасения, что Горбачев попытается выйти на своего «друга» Буша, чтобы на всякий случай заручиться его поддержкой.

Исходя из этих соображений, еще до прибытия группы наших товарищей в Форос я дал указание отключить связь у Горбачева и тем предупредить развитие ситуации в резиденции в нежелательном направлении. В соответствии с моим распоряжением все виды правительственной связи были отключены за несколько минут до встречи с Горбачевым приехавших из Москвы.

Те, кто остался в Москве, в ожидании результатов встречи с Горбачевым еще раз «прокручивали» обстановку в стране, уточняли наиболее важные моменты ее развития, выясняли, какая ситуация складывается в различных регионах Советского Союза.

Не раскрывая существа предполагавшихся мер и, более того, не ставя об этом в известность своих подчиненных по работе, я встретился с руководителями КГБ различных уровней и еще раз обсудил с ними обстановку. Все их суждения были тревожными, безрадостными.

Переговорил с руководителями ряда местных органов. Обстановка аналогичная — ничего утешительного. Недоумение, непонимание по поводу бездействия центра, резко негативное отношение к опубликованному Союзному договору.

Российское руководство не скрывало своих намерений и далее «укреплять суверенитет и независимость» Российского государства и отводило дальнейшему существованию Советского Союза всего несколько дней. В открытую говорилось о необходимости ликвидации союзных структур, что должно было последовать сразу после 20 августа.

Особенно тревожная информация продолжала поступать из Прибалтики, где резко ухудшилось отношение к иноязычным, не только к русским, но и представителям других национальностей. Все громче заявляли о себе так называемые «бывшие», особенно те, кто принимал активное участие в бандподполье. Они уже не скрывали своих контактов с загранцентрами, с иностранными спецслужбами, выдвигали задачу выхода из Советского Союза и изменения существовавшего социально-политического строя.

На установленный порядок выхода из Союза, который

предусматривал целый комплекс мер и временной срок до семи лет, никто, попросту говоря, не обращал внимания. Планы по выходу из Союза готовились осуществить явочным порядком. Угрозы в адрес иноязычного населения раздавались громогласно, причем речь шла не об оскорблениях, а о намерениях совершить террористические акции. Уже имели место случаи избиения. Поскольку жить становилось небезопасно, начался отток иноязычного населения из Прибалтийских в другие советские республики.

Словом, по всей стране ничего утешительного. Это подтверждало правильность нашего анализа относительно перспектив развития событий в самые ближайшие дни, не говоря уже о более отдаленном времени.

Первое сообщение о характере и результатах встречи с Горбачевым я получил от выезжавших товарищей из машины на обратном пути следования из Фороса на аэродром Бельбек. Затем была связь с самолетом.

Как и ожидалось, ответ был таков: и «да» и «нет». Рукопожатия на прощание, заключительные слова Горбачева: «Валяйте, действуйте!» По мнению Болдина, через несколько дней Горбачев однозначно должен был склониться к положительному решению. Сейчас же он вроде решил выждать, посмотреть, как будет развиваться обстановка, чья возьмет. Короче говоря, напрашивался вывод: как только Горбачев убедится в успехе выступления и меры чрезвычайного характера дадут первые положительные результаты, он открыто и самым активным образом поддержит их.

После отлета группы настроение у Горбачева было нормальное, на вечер он заказал приключенческий фильм. На просмотре фильма был со всей семьей, затем — ужин с винами по его заказу. В общем, все как обычно. Видимых перемен в настроении Горбачева, в распорядке его отдыха и режима в последующие дни охранявшие его сотрудники также не заметили. К отключению телефонной связи он отнесся довольно спокойно, как к шагу, продиктованному заботой о его «имидже», желанием предоставить ему возможность побыть как бы в стороне до того дня, когда в стране воцарится элементарный порядок, и людям будет предложе-

на программа выхода из губительного кризиса. Вся его личная охрана осталась при нем, никаких ограничений в передвижении не было. О своих дальнейших планах он не распространялся. Тот факт, что к нему приехали из Москвы посоветоваться, говорил о многом, ничто не угрожало его личной безопасности. Последнее для него было определяющим.

Забегая вперед, следует сказать, что подобная линия ГКЧП в отношении Горбачева была нашей грубейшей ошибкой. Выступившие 19 августа на заботе об «имидже» Горбачева потеряли многое, а главное, не обрели доверия и активной поддержки значительных масс населения. Дело даже не в том, что к тому времени авторитет Горбачева дошел практически до нулевой отметки. Тогдашний Президент СССР уже прочно встал на путь разрушения Советского государства, повязал себя с определенными силами внутри страны и за ее пределами. Таким образом, отступать он не только не хотел, но и не мог, думая лишь о том, как выкрутиться из этой ситуации с наименьшими издержками лично для себя. В результате этого ГКЧП разом лишил себя возможности проводить последовательную и решительную политику и таким образом показать обществу и миру, что он порывает со всем тем, что привело сверхдержаву к краху Понимание этого пришло, к сожалению, слишком поздно, а тогда мы еще не были до конца свободны от иллюзий, сомнений, мучительных раздумий о Горбачеве, еще надеялись, что он встанет на путь оздоровления обстановки и предупредит самое страшное — развал государства.

18 августа около восьми часов вечера мы собрались в Кремле — Павлов, Язов, Пуго, днем вернувшийся из Крыма, где он отдыхал; несколько позже подъехали Янаев, Прокофьев, бывший тогда первым секретарем Московского городского комитета КПСС, и я. Ждали возвращения товарищей из Фороса. Тем временем Павлову еще днем удалось созвониться с Лукьяновым и попросить его приехать в Москву. Часов в 10 вечера подъехал в Кремль и Лукьянов.

Около 11 вечера вернулись товарищи из Фороса. Никто не ждал каких-либо сенсаций, реакцию Горбачева можно было просчитать. И когда товарищи рассказали, что прямой санкции на введение чрезвычайного положения Горбачев не дал, но после беседы обронил фразу: «Что ж, валяйте, дейст-

вуйте», — все поняли, что это в духе Горбачева, что он остался верен себе: в любой острой ситуации никогда не давать определенного ответа.

В целом, по оценке беседовавших с Горбачевым лиц, последний вел себя спокойно, разговаривал, можно сказать, по-товарищески. На предложение поехать в Москву отказался, сославшись на неважное самочувствие и необходимость принятия еще некоторых процедур.

Всем было ясно: в этот критический момент рассчитывать на Горбачева — дело зыбкое, мешать он не станет, подождет развития событий, а потом будет действовать в зависимости от развития обстановки с одинаковой силой как против, так и за. В этом — его цинизм и коварство.

Предстояло принять тяжелейшее, но исторически ответственное решение, касающееся судьбы Союза. Если оставаться в роли свидетелей, то крушение СССР неизбежно, и тогда мы тоже будем виновниками происшедшего. Речь шла о том, чтобы уберечь Союз от действий весьма незначительной по числу группы высокопоставленных руководителей государства и некоторых союзных республик.

Нас одолевали противоречивые раздумья. Мы понимали необходимость этого шага, но вместе с тем нас мучили сомнения: поймут ли нас советские люди, сможем ли мы доказать неизбежность такого выбора? Думали над вопросом, как отнесутся к чрезвычайным мерам высшие законодательные органы страны. Не спровоцируют ли экстремистские силы кровавые конфликты, резкое осложнение обстановки? Размышляли и над тем, все ли сделано для спасения Отчизны, помимо мер чрезвычайного характера? Ответ на последний вопрос пришел быстро. Было предпринято все, включая последнюю поездку к Президенту! Ничто не помогло, ничто не принесло спасения. Впереди лишь трагический финиш державы, до которого, если оставаться в бездействии, — всего лишь двое суток.

Была относительно твердая уверенность в том, что Верховный Совет и Съезд народных депутатов СССР поймут наш шаг, по крайней мере, должны понять. Ведь народным избранникам, в конце концов, не может быть безразличной судьба народа, судьба самих высших законодательных органов страны, конец которых также неизбежен, после чего они

уже окажутся не в состоянии что-либо предпринять, чему-либо помешать.

Правда, смертельная опасность, если она не глядит в глаза человеку, не ощущается как нечто реальное. Человек в такие минуты продолжает жить в мире свойственных ему иллюзий, ложных надежд и далеко не всегда прибегает к решительным мерам, которые, по сути, являются единственным спасением.

Меня лично не покидала мысль, что ценность Союза для миллионов людей не сравнима ни с чем. Она дороже всех высших руководителей, вместе взятых.

Все присутствовавшие на встрече в Кремле вечером 18 августа понимали остроту шага, его государственную правомерность и поэтому выразили согласие. Мы обратились к вице-президенту СССР Янаеву с просьбой взять на себя исполнение обязанностей Президента.

Для Геннадия Ивановича этот момент был, пожалуй, самым тяжелым в его жизни. Стремление спасти общее сопровождалось огромным риском для него лично. Все это отчетливо понимали, понимал это и Янаев.

Состояние здоровья Горбачева в тот момент, его жалобы на недомогание подсказали нам возможность прибегнуть к ссылке на его болезнь. Разумеется, самочувствие Горбачева не было настолько опасным, чтобы послужить причиной его отстранения от исполнения обязанностей Президента. Однако желание сохранить его лицо, дать ему возможность на какое-то время остаться в стороне от предстоящих событий обусловили появление в официальном документе ссылки на болезнь Горбачева как предлога для обоснования временной передачи дел вице-президенту

Предполагалось в самые ближайшие дни внести в этот вопрос полную ясность, и, кстати говоря, во время пресс конференции на следующий день, 19 августа, Янаев выразил надежду, что в самое ближайшее время Горбачев поправится и приступит к работе.

Итак, в ночь на 19 августа 1991 года был принят ряд документов, на которых представляется целесообразным кратко остановиться. Уверен, что к этим документам история

еще не раз вернется и их положительное значение будет должным образом оценено. Во всяком случае, они свидетельствовали о намерении группы лиц из числа высшего советского руководства предпринять отчаянную попытку спасти державу и уберечь наш народ от бед, которые так щедро свалились на него. Причем в тот момент лица, подписавшие документ, и не подозревали, каких огромных масштабов достигнут эти беды: они превзошли самые мрачные прогнозы.

Первый документ — «Указ вице-президента СССР Г. И. Янаева по поводу вступления в исполнение обязанностей Президента». В нем говорится: «В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР, на основании статьи 127 (7) Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года».

Датирован указ 18 августа 1991 года. Причины появления такого указа я уже объяснил.

Следующий документ — «Заявление советского руководства» о введении в стране чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года». В заявлении указываются причины и цели этой меры. В частности, говорится, что введение чрезвычайного положения предпринято в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости Отечества.

В этом же заявлении устанавливается, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР.

В пункте 3 этого заявления говорится, что для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения необходимо образовать Государственный комитет чрезвычайного положения в СССР (ГКЧП

СССР) в следующем составе: Бакланов О. Д. — первый заместитель председателя Совета обороны СССР, Крючков В. А. — председатель КГБ СССР, Павлов В. С. — премьер-министр СССР, Пуго Б. К. — министр внутренних дел СССР, Стародубцев В. А. — председатель Крестьянского союза СССР, Тизяков А. И. — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Язов Д. Т. — министр обороны СССР, Янаев Г. И. — и. о. Президента СССР

Заявление, датированное 18 августа 1991 года, подписали Г. Янаев, В. Павлов и О. Бакланов.

Состав ГКЧП был определен там же, в Кремле, 18 августа. Особых разногласий по его составу не было. Кто-то внес предложение включить в состав Комитета председателя Верховного Совета СССР Лукьянова А. И., однако было признано целесообразным не делать этого, поскольку Анатолий Иванович представлял законодательную власть, а она должна была быть в стороне, потому что именно ей предстояло в самое ближайшее время решить вопрос об отношении к созданному ГКЧП, подтвердить или, наоборот — не дать полномочий для действий этого органа.

Обсуждался также вопрос о включении в состав ГКЧП министра иностранных дел СССР А. А. Бессмертных.

В то время он отдыхал в Белоруссии. Я нашел его, сославшись на ряд обстоятельств, каких не раскрывал, попросил срочно приехать в Москву. Он дал согласие и военным самолетом прибыл в Москву. В Кремле он появился часов в 10 вечера, в общих чертах его ввели в курс дела.

Конечно, можно было понять состояние человека, который и не подозревал, с какой целью его пригласили в Москву. По ходу разговора он внутренне решал для себя вопрос об отношении к созданному Комитету, к возникшей ситуации и тем выводам, к которым мы пришли.

Он не высказал положительной или отрицательной реакции на созданный Комитет, но возразил против включения своей кандидатуры в список его участников, поскольку нетрудно было предвидеть реакцию в мире на происходящие события в Советском Союзе и то, что его участие в составе ГКЧП затруднило бы контакты и связи Министерства иностранных дел с представителями зарубежных стран. Эти

сомнения и опасения были разумными, с ними согласились все присутствовавшие товарищи. Таким образом, вопрос о вхождении Бессмертных в ГКЧП отпал.

Состав ГКЧП говорит о том, что в него вошли руководители высшего эшелона власти, занимавшие ключевые позиции. Вопросы существования Советского государства для них не были праздными: по долгу службы они обязаны были проявлять об этом заботу и нести ответственность. Высшие органы власти — Верховный Совет и Съезд народных депутатов СССР вправе были спросить именно с этих лиц за судьбу Союза, потому что Основным законом — Конституцией СССР именно на них возлагалась ответственность за жизнедеятельность и безопасность государства.

Созданный Государственный комитет по чрезвычайному положению принял «Обращение к советскому народу». Это документ, адресованный разуму и сердцам патриотов, призывающий тех, кому дорого Отечество, прозреть, оценить обстановку и поддержать стремление остановить произвол и творившиеся беззакония.

«Соотечественники! Граждане Советского Союза!» — так начиналось обращение.

«В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна, по существу, стала неуправляемой».

Следует заметить, что в первоначальном варианте ссылки на Горбачева не было вообще. Авторы «Обращения» не исключали, что Верховный Совет СССР, а затем и Съезд народных депутатов СССР могут решить судьбу Горбачева в

рамках организационных выводов, освободив его от поста Президента.

Во всяком случае, ГКЧП отдавал себе отчет в том, что такого права у него нет и этот вопрос должен решаться высшей законодательной властью. Таким образом, упоминание Горбачева было сугубо тактическим шагом, и не более того. Учитывая, что в последнее время он подвергался уничтожающей критике, стал предметом насмешек, уничижительных высказываний, потерял доверие у людей, мы отчетливо понимали: упоминание имени Горбачева в «Обращении к советскому народу» не прибавит ГКЧП доверия граждан.

В «Обращении» содержалась оценка создавшегося положения в обществе и государстве. Отмечалось, что растоптаны результаты общенационального референдума о единстве страны, однако «ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов». Говорилось также об ответственности тех, кто повинен в гибели многих сотен людей в межнациональных конфликтах, на чьей совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев.

Как видит читатель, тогда жертвы исчислялись сотнями, а что касается беженцев, то их насчитывалось к тому времени немногим более полумиллиона человек. Кто мог предвидеть, что пройдет совсем немного времени, и число жертв погибших в различного рода кровавых конфликтах будет исчисляться сотнями тысяч, число раненых — многими сотнями тысяч, а число беженцев и вынужденных переселенцев — миллионами?! К ним надо еще прибавить лиц, которые бежали из родных мест и нашли себе приют у родственников, близких или у друзей.

Поскольку определенные силы взяли курс на смену социально-политического строя, в «Обращении» говорилось о том, что народ должен решать, каким быть общественному строю, а его пытаются лишить этого права.

«Кризис власти, — отмечается в «Обращении», — катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма — регионального, ведомственного, группового и личного». Сравните с тем,

что совершается сегодня, и нетрудно согласиться с абсолютной правильностью подобного утверждения.

«Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных и решительных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени неизбежен голод и новый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений стихийного недовольства с разрушительными последствиями». И далее: «Долгие годы со всех сторон мы слышали заклинания о приверженности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния... Это результат целенаправленных действий тех, кто, грубо попирая Основной закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянется к необузданной личной диктатуре».

В «Обращении» дается достойная оценка демагогическим рассуждениям так называемых демократов по поводу личных прав граждан. «Даже элементарная личная безопасность людей все больше и больше оказывается под угрозой. Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония». Обращалось внимание на ухудшающееся внешнеполитическое положение Советского государства. «Кое-где послышались реваншистские нотки, выдвигаются требования о пересмотре наших границ. Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны. Такова горькая реальность».

Есть смысл воспроизвести еще несколько положений из «Обращения к советскому народу».

«Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего нашу страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса.

Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора...

Развивая многоукладный характер народного хозяйст-

ва, мы будем поддерживать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг...»

Было признано необходимым особо заявить о территориальной неприкосновенности Советского Союза: «Мы являемся миролюбивой страной и будем неукоснительно соблюдать все взятые на себя обязательства. У нас нет ни к кому никаких притязаний. Мы хотим жить со всеми в мире и дружбе. Но мы твердо заявляем, что никогда и никому не будет позволено покушаться на наш суверенитет, независимость и территориальную целостность. Всякие попытки говорить с нашей страной языком диктата, от кого бы они ни исходили, будут решительно пресекаться».

ГКЧП счел нужным твердо заявить, что «бездействовать в этот критический час для судеб Отечества — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия...

Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса».

Документ был принят при полном единодушии. Это был честный призыв, зов сердца и разума людей, понимавших свою ответственность перед государством, свой служебный и государственный долг, людей, в которых говорила гражданская совесть, ответственность перед историей, настоящим и будущим всего народа.

Даже в период острого глумления над ГЧКП, разнузданной критики в его адрес, безудержной клеветы и инсинуаций никто ни тогда, ни позднее не осмелился подвергнуть критике содержание самого «Обращения к советскому народу». Критиканы ограничились утверждением, что это было демагогией. Более того, они даже признавали его воздействие на умонастроения людей, влияние на широкие массы. Не случайно ни в одной публикации, ни в одном выступлении какого-либо «демократического» деятеля не было и попытки анализа «Обращения». Его попросту замалчивали, потому что возражать против его положений было невозможно.

Я много раз слышал положительные отклики на «Обра-

щение к советскому народу». Один собеседник сказал мне, причем до этого он никогда не хвалил коммунистов, да и сейчас вряд ли разделяет их убеждения, что сила «Обращения» в правде, в принципиальной позиции его авторов, в честном предупреждении советских людей о бедах, которые обрушились и еще обрушатся на их головы.

Поздно вечером 18 августа 1991 года было принято «Обращение к главам государств и правительств и Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций».

В нем сообщалось, что 19 августа 1991 года в соответствии с Конституцией и законами СССР в отдельных местностях Союза Советских Социалистических Республик сроком на 6 месяцев вводится чрезвычайное положение.

Подчеркивалось, что принимаемые меры являются временными, что они никоим образом не означают отказа от курса на глубокие реформы во всех сферах жизни государства и общества.

Отмечалось, что «временные меры чрезвычайного характера ни в коей мере не затрагивают международные обязательства, принятые на себя Советским Союзом в соответствии с действующими договорами и соглашениями... Мы уверены, что наши нынешние трудности носят преходящий характер, и вклад Советского Союза в сохранение мира и укрепление международной безопасности будет по-прежнему весомым. Руководство СССР надеется, что временные чрезвычайные меры найдут должное понимание со стороны народов и правительств, Организации Объединенных Наций». «Обращение» было подписано исполняющим обязанности Президента СССР Янаевым.

На следующий день это «Обращение» было по посольским каналам направлено в страны, где были наши представительства, для последующей передачи адресатам.

Разумеется, мы не ожидали немедленной реакции на «Обращение», понимали, что требуется время для обдумывания, для выработки позиции каждой страной и группой стран, потому исходили из того, что время сделает свое дело и реакция последует позже.

...18 августа было принято также «Постановление № 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР». Оно содержало перечень неотложных мер, которые предстояло реализовать в интересах стабилизации обстановки и приостановления падения общества и государства в пропасть.

Пункт 2 гласил: «Незамедлительно расформировать структуры власти и управления, военизированные формирования, действующие вопреки Конституции СССР и законам СССР».

Представим себе на мгновение, что это положение было бы реализовано. Сколько человеческих жизней можно было бы сохранить. Понятно, что сослагательное наклонение не лучшая форма для большой политики, однако обрушившиеся на нас жертвы и разрушения оправдывают использование такого приема, и людям сегодня особенно очевидно, от какой беды ГКЧП хотел уберечь нашу державу.

Пункт 3 гласил: «Считать впредь недействительными законы и решения органов власти и управления, противоречащие Конституции СССР и законам СССР».

Что же в этом пункте неконституционного, незаконного? С каких пор призывы к соблюдению законов являются преступлением? Если Конституция не подходит, устарела, не является приемлемой для граждан того или иного государства, есть законный путь ее пересмотра, отмены. Но, коли она действует, надо жить по ней, в противном случае — анархия, хаос, нарушение общественного порядка, ущемление прав граждан, дезорганизация жизни.

В пункте 6 говорится: «Гражданам, учреждениям и организациям незамедлительно сдать незаконно находящиеся у них все виды огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, военной техники и снаряжения. МВД, КГБ и Министерству обороны СССР обеспечить выполнение данного требования».

Что же в этом пункте такого, что противоречит интересам граждан? А сейчас дискутируется вопрос о возможности свободной продажи оружия всем желающим. Мотив — преступность обрела настолько широкий размах, а жизнь граждан подвергается столь реальной опасности, что государство, его правоохранительные органы не в состоянии обеспе-

чить личную безопасность людей, и следовательно, эту заботу должны взять на себя сами граждане. При этом ссылаются на соответствующие прецеденты в так называемых «цивилизованных» капиталистических странах, и в частности, в Соединенных Штатах Америки. Да, там разрешена свободная продажа оружия. Ну и что, разве это оберегает страну от разгула преступности? Нет и еще раз нет! Уровень преступности в Соединенных Штатах Америки значительно выше, чем в России, хотя ничего подобного прежде в Советском Союзе не было.

Следовательно, бездумное копирование чужого опыта ни к чему хорошему не приведет или, по крайней мере, ничего хорошего не предвещает. Или авторы призывов разрешить свободную продажу оружия исходят из того, что американский уровень преступности скоро станет реальностью в России? При таком подходе к организации жизни в обществе и государстве, при таком характере господства рыночных отношений мы не только достигнем американского уровня преступности, но и превзойдем его! Исправлять столь криминализированное положение будет значительно труднее, чем создавать его.

В пункте 9 постановления есть следующее положение: «Решительно вести борьбу с теневой экономикой, неотвратимо применять меры уголовной и административной ответственности по фактам коррупции, хищений, спекуляции товаров от продажи, бесхозяйственности и других правонарушений в сфере экономики».

Как актуально это положение сегодня! Это как раз то, в чем нуждается наше государство, что могло бы избавить нас от свалившихся бед или, по крайней мере, смягчить их удары.

Волей-неволей приходишь к выводу о том, насколько Постановление № 1 ГКЧП является актуальным и сегодня. Из пункта 11 стоит воспроизвести следующее положение: «Отменить любые ограничения, препятствующие перемещению по территории СССР продовольствия и товаров народного потребления, а также материальных ресурсов для их производства. Жестко контролировать соблюдение такого порядка».

Не трудно увидеть, что этот пункт направлен как раз

против того, с чего начиналось разрушение экономики Советского Союза, единого экономического пространства. Всевозможные барьеры, ограничения, ломка естественным путем установившегося порядка движения рабочей силы, материальных ресурсов породили анархию, дезорганизацию производства, от чего в итоге страдает народ.

Процесс интеграции — веление времени. На путь интеграции встал практически весь мир. Так почему же мы идем вопреки этому процессу? Только безумная политика безумных людей могла навязать подобное явление нашему государству. Пожалуй, я ломлюсь в открытую дверь, потому что вряд ли у какого-нибудь здравомыслящего человека есть сомнения на этот счет.

В постановлении указываются меры по решению отдельных текущих проблем. Так, в пункте 12 говорится: «Учитывая критическое положение с уборкой и угрозу голода, принять экстренные меры по организации заготовок, переработки и хранения сельхозпродукции. Оказать труженикам села максимально возможную помощь техникой, запасными частями, горюче-смазочными материалами и т. д. Незамедлительно организовать направление в необходимых для спасения урожая количествах рабочих и служащих предприятий и организаций, студентов и военнослужащих на село».

Кое-кто может возразить: опять предлагались прежние меры направления горожан на помощь селу на время посевной и уборки урожая. Да, это верно. Практика не идеальная, но весь мир помогает селу тогда, когда идет сев, и тогда, когда идет уборка урожая, потому что круглый год держать лишние миллионы рабочих в деревне нет никакого экономического смысла.

Подобная практика установлена во всем мире. И когда «демократы» призывают к тому, чтобы немедленно покончить с этим, то они занимаются самой настоящей демагогией, потому что и в обозримом будущем мы не освободимся от сезонного оказания помощи селу в наиболее напряженные моменты проведения сельскохозяйственных работ. Можно разом сломать установившуюся практику, наобещать золотые горы, покончить с теми или иными «трудно-

стями» и «перекосами», однако это вовсе не означает реализовать эти благие намерения в жизнь.

Вспомним период, когда Ельцин был первым секретарем Московского городского комитета КПСС. В статьях, в выступлениях, на партийных конференциях, на всякого рода совещаниях он заявлял, что надо немедленно покончить с лимитчиками в столице, что это — позорное явление, что москвичи могут обойтись без них, что это дорогостоящее удовольствие и так далее. А что получилось в итоге? Да, решили отказаться от лимитчиков, а спустя какое-то время вновь возвратились к этой практике по одной простой причине: в Москве ощущалась хроническая нехватка рабочих, специалистов той или иной профессии. Учитывая объем промышленного производства, строительства в Москве и Московской области, без временных, сезонных, так называемых лимитных, рабочих обойтись пока невозможно. Вряд ли без них обойдутся и в обозримом будущем.

Мне представляется заслуживающим внимания 13-й пункт постановления. «Кабинету Министров СССР в недельный срок разработать постановление, предусматривающее обеспечение в 1991 — 1992 годах всех желающих городских жителей земельными участками для садово-огородных работ в размере до 0,15 га».

Это одно из конкретных предложений, вполне осязаемое и реальное, понятное каждому гражданину. Это стремление положить конец ошибочной практике, когда искусственно тормозилось предоставление земельных участков всем тем, прежде всего городским жителям, которые хотели бы поправить свой жизненный уровень, найти удовлетворение в труде для души, создать возможности для личного отдыха в сочетании с общественной пользой.

Очень долго советская власть, руководство КПСС занимали в вопросе наделения земельными участками для садово-огородных работ неверную, догматическую, непонятную для здравого смысла позицию — не давать, ограничивать, не содействовать. Ничего это, кроме вреда, не приносило.

В Соединенных Штатах Америки садово-огородные хозяйства и в настоящее время находят широкое применение и ежегодно дают государству продукцию на десятки миллиардов долларов. У нас же в Советском Союзе практически во

всех регионах или, по крайней мере, в большинстве пустуют огромные земельные массивы, которые по экономическим соображениям невыгодно поднимать государственным и общественным объединениям, но которые вполне под силу для освоения личными усилиями граждан.

Мы почему-то не предоставили им такой возможности, как говорится, не «пущали». Я лично никогда не понимал этого, спорил, доказывал вредность подобной практики и нередко встречал возражения идейно-политического плана — не стоит, мол, развращать душу человека мелкобуржуазными порывами. У меня это всегда вызывало неприятие, я не понимал, почему надо ограничивать такое производство сельскохозяйственной продукции — без особых усилий и затрат со стороны государства, лишь с помощью индивидуального труда. Помимо того, работа на земле — воспитательный процесс, привитие любви к земле, к труду.

Подход к решению этой проблемы, разумеется, не может быть однозначным, необходимо учитывать специфику региона, конкретной местности. В отдельных областях, к примеру в южных, можно ограничиваться двумя — пятью сотками земли, а в других, там, где суровые условия жизни и на единицу площади приходится мало жителей, давать по гектару и даже побольше.

Сейчас совершается другой перекос: земля становится объектом, предметом купли и продажи. То, что дано всему человечеству самой природой, вдруг оказывается во владении определенной категории лиц на правах частной собственности. Люди противоестественным образом делятся на владельцев и неимущих.

Меры, содержащиеся в Постановлении № 1 ГКЧП, не были реализованы в силу известных причин, а ведь они — конкретны и конструктивны по своему содержанию, вобрали в себя чаяния и пожелания людей, учитывали потребности общества и государства, давали безболезненный выход из тяжелейшего экономического положения.

Рано утром 19 августа 1991 года, перед оглашением документов ГКЧП, по телевидению и радио было зачитано заявление Председателя Верховного Совета СССР. Этот доку-

мент был подготовлен Лукьяновым не 18 августа, а несколько раньше — 16 августа 1991 года и содержал в себе его принципиальную позицию, оценку создавшегося положения в Советском Союзе и характеристику возни, связанной с разработкой проекта нового Союзного договора и его предстоящим подписанием. Лукьянов не скрывал своего несогласия с рядом принципиальных положений проекта нового Союзного договора и говорил об этом открыто, в том числе и Горбачеву.

В принципе поддержав идею заключения нового Союзного договора, Лукьянов подчеркнул его несоответствие с итогами всенародного референдума от 17 марта 1991 года. Он отметил, что абсолютное большинство граждан страны высказалось за сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных государств. Однако итоги референдума не нашли своего отражения в подготовленном проекте нового договора.

«Естественно, — говорилось в заявлении Лукьянова, — что данный вопрос, несомненно, потребует дополнительного обсуждения Съездом народных депутатов СССР, а возможно, и всесоюзного референдума, связанного с принятием новой Конституции».

Далее в заявлении Лукьянов проанализировал ряд пунктов, по которым проект Союзного договора расходился с итогами всенародного референдума и действующим советским законодательством, в частности с установленным порядком рассмотрения вопросов об изменении государственного устройства. Он высказался за обсуждение договора на сессии Верховного Совета, а затем и на Съезде народных депутатов СССР.

Это был мужественный поступок Председателя Верховного Совета СССР, кстати признанного в 1991 году одним из лучших спикеров парламентов Европы. Его оценка проекта Союзного договора отражала мнение подавляющей части членов Верховного Совета, да и народных депутатов СССР. Лукьянов заявил о ней открыто, за что и поплатился более чем годичным заключением в тюремных застенках.

На этом примере юристы многих поколений будут поражаться правовому беспределу — заточению в тюрьму че-

ловека только за то, что он открыто сказал, как мыслил, как оценивал ситуацию, каким видел выход из создавшегося положения.

Лукьянова предали суду за его личные убеждения, гражданскую позицию, за желание и стремление спасти Советское государство, короче говоря, за выполнение им своего прямого служебного долга!

С заявлением Председателя Верховного Совета СССР члены ГКЧП ознакомились поздно вечером 18 августа. Оно произвело на нас сильное впечатление своей правдой, аргументацией, принципиальностью.

Я хотел бы подчеркнуть также абсурдность утверждения следствия о том, что заявление было подготовлено Лукьяновым в связи с созданием ГКЧП. У генерального прокурора Степанкова, его заместителя Лисова, возглавлявшего следственную группу по расследованию дела ГКЧП, было одно намерение — связать Лукьянова с ГКЧП даже там, где, казалось бы, сделать это было совершенно невозможно. В противном случае это нарушало заданную схему расследования дела, разрушало социальный заказ, состряпанное обвинение.

Я стараюсь мысленно воспроизвести ту атмосферу, в которой создавался и работал ГКЧП в тот памятный вечер 18 августа 1991 года. Помню озабоченные, настороженные и напряженные лица присутствовавших, отдельные их реплики, мучительную необходимость выбора между личной, относительно спокойной, обеспеченной жизнью и непредсказуемой по своим последствиям борьбой за спасение государства.

Мой взгляд на одно мгновение задержался на Болдине. У него был особенно усталый, утомленный вид. Последние дни он находился в больнице и выглядел не лучшим образом. Несмотря на плохое состояние здоровья, он согласился лететь в Форос, чувствуя свою ответственность за происходящее в стране. И делал он это, хорошо зная, куда ведет политику Горбачев. А знал он Горбачева, пожалуй, лучше всех остальных, вот уже десять лет работая с ним сначала в каче-

стве помощника, а затем заведующего Общим отделом ЦК и руководителем аппарата Президента СССР.

Его опыт работы в «верхах», знакомство с политической кухней партии и государства помогали ему знать и составлять верное представление о том, что на самом деле творится, что ожидает государство в ближайшем будущем.

Селянин от рождения, Болдин начал свою трудовую деятельность электромонтером. Достатка в многодетной семье не было. Любознательностью отличался с детства, тянулся к знаниям, в школе успевал отлично. По окончании средней школы приехал в Москву, в столице окончил экономический факультет Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Спустя некоторое время окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС, работал в газете «Правда» корреспондентом, специализировался на экономических проблемах.

Из газеты «Правда» был приглашен на работу помощником к секретарю ЦК КПСС Л. Ф. Ильичеву. Тот слыл большим интеллектуалом, человеком всесторонне образованным, принципиальным, для работы с ним требовалась высокая подготовка. Под себя он подбирал себе и помощников. Его выбор пал на Болдина не случайно. В 1985 году Болдина пригласили на работу помощником Генерального секретаря ЦК КПСС, то есть к Горбачеву.

Где бы Болдин ни работал, он всегда отличался трудолюбием, высокой требовательностью к себе и к подчиненным. Его главными чертами были работоспособность, аккуратность, умение схватывать главное. Одной из его прямых обязанностей была подготовка материалов для рассмотрения на высшем уровне. Делал он это квалифицированно, заботясь прежде всего об интересах страны. Но со временем ему становилось все труднее сдерживать многие шаги и действия Горбачева. Он пытался обсуждать с ним вопросы, по которым их позиции расходились, стремился показать бесперспективность взятого Горбачевым политического курса, но все было безуспешно.

Болдин видел, что страна постепенно стала сваливаться в пропасть. Под влиянием обстановки, складывавшихся обстоятельств гражданский долг, интересы государства заставили Болдина совершить поступок и подняться над личны-

ми отношениями с Горбачевым. Это требовало политического мужества и абсолютной уверенности в своей правоте.

Можно было представить состояние Болдина во время беседы с Горбачевым в Форосе и несколько часов спустя в Кремле, когда принималось мучительное решение о мерах, которые могли предотвратить гибель Советского Союза.

«Матросская тишина» сделала свое дело — спустя три с небольшим месяца Болдина освободили из заключения, в тяжелом состоянии он снова попал в больницу, ему сделали несколько сложных операций. Но воля его не была сломлена.

Из тех, кто находился в тот вечер в Кремле, дольше и больше остальных я знаю начальника Службы охраны Комитета госбезопасности Юрия Сергеевича Плеханова. Он относится к числу исключительно честных и порядочных людей. Жизнь не баловала Плеханова: трудности, морально-психологические перегрузки, житейские невзгоды постоянно сопровождали его. Но это только закалило его душу.

Плеханов коренной москвич, знает Москву вдоль и поперек. О каждой площади, многих улицах и переулках может поведать целую историю, занятную, интересную, чем-то примечательную. Рано остался без отца, жил с матерью, питал к ней нежные сыновние чувства, проявлял заботу.

Окончил Московский государственный заочный педагогический институт, был на комсомольской, затем на партийной работе. С 1964 по 1967 год — в аппарате ЦК КПСС. Там познакомился с Андроповым и потом трудился вместе с ним 20 лет. Плеханов полностью отдавал себя работе, не считался со временем. К здоровью относился нещадно, часто не обращая внимания на уговоры врачей подлечиться и отдохнуть. Прямо из рабочего кабинета попал на операционный стол, перенес тяжелую операцию. Как говорили врачи, его удалось спасти в последнюю минуту.

Когда я думаю о нем, он представляется мне эталоном верности слову, делу и дружбе. Если говорить о его убежденности, политической приверженности, то кратко — это коммунист и патриот. Когда наша держава по вине некоторых деятелей падала вниз, переживания Плеханова были, каза-

лось, безмерными. И еще о чертах характера Плеханова: ему присущи исключительная заботливость по отношению к людям, своим подчиненным, личная непритязательность и чувство благодарности за добро, пусть даже малое.

В суждениях, советах правдив, но с удивительным тактом может облечь критическое замечание в товарищескую необидную форму. В оценках людей отличается цепкостью, наблюдательностью и точностью. Не оставит незамеченным ни один штрих в поведении человека. Не помню случая, чтобы Плеханов когда-то в ком-то ошибался. Будучи строго требовательным к себе, он с такой же мерой относится к людям. Принадлежит к числу тех, кто, возможно, неудобен в жизни, но на поверку выходит, что это качество в большом дефиците, поэтому я, например, ценил его особенно высоко.

После одобрения названных выше документов и решения неотложных текущих задач собравшиеся в Кремле постепенно стали разъезжаться. Кто в полночь, а кто и позже. У каждого из нас дел и забот было много.

По линии Министерства обороны, Министерства внутренних дел, Комитета госбезопасности предстояло в считанные часы реализовать принятые в ГКЧП решения о вводе воинских подразделений в Москву. Цель этой меры была в общем-то единственная — предупредить возможные попытки экстремальных групп учинить беспорядки, спровоцировать кровавые конфликты.

При обсуждении вопроса о вводе войск в столицу было категорично оговорено: в случае возникновения опасности кровопролития, человеческих жертв выступление ГКЧП будет прекращено на любой стадии.

Войска вошли в Москву в первой половине дня 19 августа. Высокая степень боеготовности вооруженных сил позволяла в то время решить такого рода задачу в считанные часы.

Принятые решения психологически облегчили душу, однако наложили на нас еще большее бремя ответственности.

Уже за полночь Шенин передал утвержденные на ГКЧП

материалы средствам массовой информации, чтобы их утром 19 августа обнародовали по телевидению, радио и опубликовали в центральных газетах.

Представители средств массовой информации принимали поручение к исполнению с готовностью, с пониманием важности исторического момента, и это тоже придавало нам уверенности.

Примерно в два часа ночи 19 августа я вернулся в Комитет госбезопасности. Ожидавшие меня товарищи не знали всего, но, разумеется, ощущали необычность происходящего. Удалось часа полтора отдохнуть, в семь часов утра я был уже за рабочим столом.

Утром собрал совещание руководящего состава, рассказал о событиях последней ночи, принятых документах, попросил всех быть на месте и выполнять возложенные на них задачи. Совещание было кратким, усталость еще не прошла, забот и дел — уйма, поэтому никаких прений не было. Кстати, на совещании я счел нужным сказать, что всю ответственность за развитие событий в той части, которая касается Комитета госбезопасности, я беру лично на себя. Этой позиции я придерживался на протяжении всего следствия и на судебном процессе по делу.

А тем временем по радио и телевидению стали передавать документы ГКЧП. Посыпалась масса звонков. Звонили из Москвы, Московской области, из других регионов. Потоком лились слова поддержки, желали успехов, предлагали услуги и помощь.

Высказываний по телефону в поддержку позиции ГКЧП было невероятно много — личных и коллективных. Поначалу я на отдельном листочке делал пометки, имея в виду в последующем прибегнуть к помощи тех, кто предлагал свое содействие. Затем я прекратил фиксировать это, а 21 августа перед отлетом в Форос уничтожил записи, дабы не осложнять судьбы тех, кто поддержал ГКЧП.

Утром 19 августа произошел первый сбой в работе ГКЧП: заболел премьер-министр Павлов. Дело в том, что 18 августа условились на следующий день провести встречу

с российским руководством, а точнее с Ельциным. Встречу намеревались провести или в загородной резиденции Ельцина, или на его рабочем месте — в зависимости от того, как сложатся обстоятельства. Полагали, что на встречу пойдут Павлов и еще два представителя ГКЧП — Бакланов и Язов.

Однако Павлова свалил тяжелый гипертонический криз, и утром 19 августа он был практически неработоспособен.

Накануне, 18 вечером, Ельцин прилетел из Алма-Аты, где находился с визитом, и из аэропорта проследовал в дачный поселок Архангельское. По моему поручению сотрудники группы «Альфа» осмотрели дачный поселок в Архангельском, что в 15 километрах от Москвы, на предмет обеспечения безопасности встречи с Президентом России. Обстановка была нормальной и никаких опасений не вызывала.

Шло время, но ни в восемь, ни в девять часов утра Павлова не было. Вскоре доложили, что состояние его неважное. Пока мы думали, как поступить, Ельцин в одиннадцать часов проследовал в «Белый дом» — здание Верховного Совета РСФСР.

Сколько в последующем было различного рода спекуляций по поводу обстановки вокруг Ельцина вечером 18 и утром 19 августа! Якобы группа «Альфа» намеревалась арестовать Ельцина по пути следования из аэропорта Внуково в Архангельское. И вообще, самолет, следовавший из Алма-Аты, Комитет госбезопасности и Министерство обороны намеревались якобы посадить не в аэропорту Внуково, а на военном аэродроме Чкалово, для того чтобы там арестовать Ельцина. Затем будто бы в ночь на 19 августа Ельцина хотели уничтожить в дачном поселке. По следующей версии Ельцина собирались арестовать 19 августа и не допустить его прибытия в здание Верховного Совета РСФСР.

Выезд Ельцина из дачного поселка утром 19 августа и его приезд в «Белый дом» преподносились чуть ли не как героический поступок российского Президента в условиях посягательств на его жизнь со стороны Комитета госбезопасности. Много было высказано и других домыслов.

Несмотря на то что события опровергали эти слухи, клеветнические утверждения, спекуляции вокруг них продолжались. Средства массовой информации, ближайшее окружение Ельцина делали все возможное, чтобы создать героический образ российского Президента.

В ходе следствия сотрудники прокуратуры из кожи лезли вон в стремлении подтвердить хотя бы одну из приведенных выше версий. Но из этого ничего не получалось.

На самом деле все обстояло иначе. Сотрудники Комитета госбезопасности в ночь на 19 августа вступили в контакт с личной охраной Президента Российской Федерации и сказали им, что имеют поручение обеспечить безопасные условия проведения встречи на высоком уровне между руководством Союза и России. Это делалось в открытую, ни от кого не скрывалось. Естественно, в ГКЧП и в КГБ испытывали серьезные опасения по поводу возможности провокации с нежелательными последствиями, и на этот случай приняли необходимые меры безопасности. Кстати, в этом не было ничего необычного, поскольку полностью укладывалось в рамки служебной деятельности при решении охранных задач.

Когда Ельцин в сопровождении нескольких машин решил проследовать к месту своей работы, ему никто не мешал, никто не препятствовал. И никакого риска для его личной безопасности не было.

Как только Ельцин покинул Архангельское и стало ясно, что из-за болезни Павлова встреча с Ельциным не состоится, вся комитетская охрана, включая группу «Альфа», была снята. Вот и все, что произошло.

Конечно, никаких трудов не составляло бы задержать Ельцина, сопроводить его, как утверждалось некоторыми, в другое место, не допустить проезда в Москву и вообще сделать все что угодно. Но таких намерений не было, а всякие слухи на этот счет были чистейшей воды провокацией, дабы представить ГКЧП в виде какого-то монстра, готового совершить любое злодеяние, а Ельцина и его приближенных как героев.

Уже позже меня как председателя Комитета госбезопасности многие осуждали за нерешительность, в частности по

отношению к Ельцину. Что ж, трудно возражать после всего случившегося с нашей страной. Но разве в августе 1991 года была очевидна для значительной части граждан глубина падения и разрушения державы? Прозрение наступило позже, под влиянием трагической реальности.

А в те дни в наши планы не входили жесткие меры по отношению к Горбачеву и Ельцину.

С самого начала российское руководство, и прежде всего его высший эшелон в лице Ельцина, Руцкого, Хасбулатова, Силаева, Бурбулиса и некоторых других, встали на путь острой конфронтации с ГКЧП. Его действия объявили незаконными, а членов ГКЧП и хоть в какой-то степени причастных к нему лиц — изменниками Родины, чем предопределили все дальнейшие действия Прокуратуры России. Так что вопрос о возбуждении уголовного дела, квалификации действий членов ГКЧП был предрешен российским руководством, а то, что это является прерогативой другой, судебной власти, в тот момент, да и в дальнейшем никого не смущало.

Подобное поведение российского руководства объяснялось просто. 20 августа прекратил бы свое существование Советский Союз, Договор о союзном государстве 1922 года, что давало бы России «вольную» от ненавистного центра. И вдруг достижение столь желанной цели ставилось под вопрос!

Выше я уже упомянул, что 21 августа должно было состояться заседание Совета Федерации, однако Ельцин в разговоре с Горбачевым прямо заявил, что никакого Совета не будет, ибо Союз прекратит существование и, следовательно, никакие союзные структуры действовать не должны.

Таким образом, все действия российского руководства с самого начала были продиктованы стремлением не сохранить Советский Союз и придать ему новое дыхание, а наоборот, довершить работу по его разрушению. Доказать обратное невозможно, потому что все последующее развитие событий лишь подтверждает этот вывод.

Тактика российского руководства в отношении ГКЧП в общем-то имела двойственный характер и позволяла искать выходы из создавшегося положения в зависимости от раз-

вития событий. Официальная позиция — осуждение ГКЧП, его деятельности, объявление его вне закона. В неофициальном же плане представители российского руководства старались установить закрытые контакты с лицами, действовавшими в рамках ГКЧП, стремились сгладить ситуацию, снять острые вопросы и создать видимость рабочего обсуждения возникших проблем с целью поиска приемлемых вариантов их решения. Чувствовалось, что они напуганы обстановкой, опасаются влияния ГКЧП и его усиления, боятся возможных жестких мер в отношении тех, кто выступил против созданного Комитета.

19—20 августа 1991 года ГКЧП провел ряд заседаний, совещаний и тотчас же столкнулся с лавиной вопросов и проблем. У многих в центре и на местах появилась надежда остановить кризисные явления, поправить положение в стране, оживить экономику, помочь селу. В ближайшие дни предполагалось обсудить программу действий в области сельского хозяйства, принять меры по борьбе с преступностью и в срочном порядке навести порядок хотя бы на улицах и в общественных местах, где от бандитов и хулиганов не было покоя. С наступлением темноты люди боялись выйти на улицу, отказывались работать в ночных сменах. Чувствуя безнаказанность, преступники наглели, их ряды, к сожалению, все в большей мере пополнялись молодежью.

В середине дня 19 августа на заседании ГКЧП появился Павлов. Бросилось в глаза его болезненное состояние. И немудрено: давление за 220, аритмия сердца, головные боли. Чувствовалось, что ему трудно воспринимать разговор, как говорится, «врубаться» в него. Как раз речь шла о предстоящей пресс-конференции. Конечно, участие в ней Павлова исключалось, как и его участие в текущей работе. Это в корне меняло ситуацию. Через несколько минут Павлов покинул заседание ГКЧП, он спешил в Совмин, куда все-таки отважился сходить, несмотря на плохое самочувствие.

Павлов, что отмечалось и выше, один из относительно молодых представителей высшего советского руководства того времени, крупный специалист по финансам, по эконо-

мическим проблемам. Знал экономику изнутри, видел, куда идет дело. В 1986 году стал первым заместителем министра финансов СССР, затем возглавлял Государственный комитет Союза по ценам, а в 1989—1990 годах был министром финансов. В конце 1990 года возглавил правительство. Кроме этого, являлся председателем Государственного совета по экономической реформе, входил в Совет безопасности СССР.

Павлов имел собственное видение, представление о положении в стране, и прежде всего экономическом. Часто вступал в спор с Горбачевым, не хотел мириться с бесправным положением исполнительной власти в лице Кабинета Министров СССР. Открыто заявил об этом на заседании Верховного Совета СССР в июне 1991 года, что вконец испортило его отношения с Горбачевым. Августовские события явились для Павлова возможностью, правда необычной, проявить свой потенциал, но, к сожалению, этого не получилось.

Не всех членов ГКЧП и тех, кто затем проходил по делу, я лично знал до августа 1991 года, но слышал о них, встречался на совещаниях. По выступлениям мог судить об их позиции, но далеко не с каждым поддерживал близкие отношения.

К числу таких относится и Василий Александрович Стародубцев. Впервые я познакомился с ним лично 19 августа 1991 года в Кремле на заседании ГКЧП. Именно тогда он узнал и прочитал документы ГКЧП и завизировал их. Сделал это молча, вслух своего отношения к ним не выразил, но бросил фразу, что надо спасать державу.

Вся жизнь, биография Стародубцева — крестьянская. Человек от земли, землепашец. Когда звонит, шутя представляется: говорит, мол, крестьянин, колхозник, —произносит это с юмором, но и с гордостью. Живет исключительно трудами и заботами селянина. Родом из Липецкой области. В большой семье было четыре брата, все они посвятили себя крестьянскому труду. Один из них стал потом военнослужащим, но довольно рано ушел в отставку и осел поближе к земле.

Стародубцев — член-корреспондент Российской академии сельскохозяйственных наук, с 1977 года бессменно руководил племзаводом-колхозом им. В. И. Ленина в Тульской области. В 1987 году стал председателем Агропромышленного объединения «Новомосковское». В 1986 году избирается председателем Всероссийского совета колхозов. С 1990 года — председатель Союза аграрников России. В 1990—1991 годах — председатель Крестьянского союза СССР.

Во время пребывания под арестом в «Московской тишине» Стародубцев не был освобожден ни с одного выборного поста и, находясь в тюрьме, продолжал руководить своим колхозом: ему привозили кипы документов, он их рассматривал, подписывал, давал указания и, пожалуй, занимался этим куда больше, чем своим делом, за что его особенно уважали тюремные власти, следователи.

Митинги у стен тюрьмы в его защиту проводились очень часто. В Москву приезжали его односельчане — жители Тульской области, были из других районов России, требовали изменить ему меру пресечения. Селяне ни на минуту не бросали его, писали письма в различные инстанции, требовали немедленного освобождения из-под стражи. А когда здоровье Стародубцева ухудшилось, акции в его поддержку стали еще более частыми и активными.

Все это было слышно обитателям «Матросской тишины» и давало повод его товарищам по делу настойчивее поднимать вопросы перед следствием о его освобождении. Арест Стародубцева мы рассматривали как совершеннейшую нелепость, не укладывавшуюся ни в какие рамки здравого смысла.

Из-под стражи он был освобожден в мае 1992 года, первым из числа арестованных членов ГКЧП.

Стародубцев — яркий приверженец коллективного крупнотоварного сельскохозяйственного производства. Эту приверженность он выстрадал душой и сердцем, всем своим опытом. При этом он никогда не выступал против других форм собственности, ведения сельскохозяйственного производства, но на сугубо добровольной основе, без частной собственности на землю, без права ее продажи. Рассуждал так: пусть в условиях конкуренции каждая форма собствен-

ности, каждая форма ведения производства доказывает свое преимущество! Ссылался и на морально-нравственный аспект, цитируя слова Л. Н. Толстого, что продавать землю это все равно что торговать матерью.

В декабре 1993 года Стародубцев блестяще прошел на выборах в Совет Федерации Российской Федерации, намного опередив своих соперников. Его статьи, выступления отличаются цельностью, глубиной, он дает поучительный анализ положения в сельском хозяйстве, его прогнозы оправдываются, проходят проверку жизнью.

Стародубцев всегда был неудобен для своих оппонентов, с ним трудно спорить, потому что за ним правда. Отлично владеет аргументацией, материалами и личным примером отношения к делу показывает, как важно, чтобы руководство сельским хозяйством осуществлялось компетентными, понимающими людьми.

Я очень сожалею об одном — что не был с ним близко знаком раньше. Сейчас, когда он приобщается к большой политике, мне хотелось бы пожелать ему успехов. Как крестьянин, он, с одной стороны, не лишен в чем-то и наивной непосредственности, но с другой, в нем есть мудрость землепашца. Если первое качество может подвести в большой политике, то второе вполне может компенсировать этот недостаток.

Я уверен, что опыт, образованность, жизненная закалка сделают свое дело, уберегут Стародубцева от серьезных ошибок и помогут ему стать крупным политиком.

А тем временем российское руководство не дремало. Ельцин обратился к гражданам России с призывом начать всеобщую политическую стачку, организовывать забастовки, митинги протеста, акты неповиновения.

Сработай этот призыв, и дело могло принять самый неблагоприятный оборот; в ГКЧП это хорошо понимали. Однако поступавшая в то время с мест информация обнадеживала. Призыв к стачкам, забастовкам, митингам не нашел поддержки. В течение 19 и 20 августа по всему Советскому Союзу с населением почти 300 миллионов человек в заба-

стовках и митингах приняли участие не более 150 — 160 тысяч человек, и то условно. Нередко на митингах присутствовали те, кто активно поддерживал ГКЧП, многие приходили просто из любопытства.

Самый большой митинг, на котором присутствовало около 50 тысяч человек, прошел в Ленинграде 20 августа. Однако устроители митинга не могли не понимать, что он не носил однозначной направленности против ГКЧП.

Одновременно в Кремль шли массовым потоком телеграммы, письма, звонки с поддержкой образования ГКЧП и его первых шагов. С мест раздавались требования более решительных мер, конкретных действий по нормализации ситуации. Поступали телеграммы и с осуждением создания ГКЧП, но их было значительно меньше. Комитет не встретил противодействия в сколько-нибудь существенных масштабах, наоборот, он ощутил активную поддержку, хотя и при пассивном отношении значительной части населения.

Для решения текущих задач 20 августа в ГКЧП была создана группа по координации, обработке поступающей информации и подготовке рекомендаций, конкретных предложений во главе с Баклановым. В эту группу вошли представители ряда министерств, ведомств, аппарата Кабинета Министров. Она приступила к работе сразу после создания.

Однако из-за болезни Павлова не работал Кабинет Министров. В. И. Щербаков, которому Павлов поручил исполнять обязанности председателя правительства, был для этой роли самой неподходящей фигурой. Его политическая ориентация никогда не отличалась четкостью и откровенностью. В этом отношении он был непредсказуем. Точнее, можно было безошибочно предположить, что его деятельность примет негативный характер. Так оно и случилось.

Российское руководство занервничало. Тогда оно предприняло еще один шаг.

20 августа в Кремле у Лукьянова состоялась встреча с Руцким, Хасбулатовым и Силаевым. Они пришли заявить

требования, которые сводились к прекращению деятельности ГКЧП, возвращению в Москву Горбачева, но особых угроз при этом не высказывали. У Лукьянова создалось впечатление, что требования не носили ультимативного характера, это объяснялось отсутствием у российского руководства рычагов воздействия на ГКЧП и на обстановку в стране в целом.

Уже позднее стало известно, что поход Руцкого, Хасбулатова и Силаева к Лукьянову рассматривался ими как прощание с жизнью. Российские руководители всерьез полагали, что в Кремле их могут подвергнуть аресту или сделать с ними что-нибудь посерьезнее. И когда они совершенно беспрепятственно проехали в Кремль, увидели там обычную, нормальную, деловую обстановку, характерную для будничных дней, когда их всюду без всяких помех пропускали, а во время беседы с Лукьяновым угостили чаем, их настроение изменилось. После встречи они совершили небольшую прогулку по Кремлю и спокойно вернулись в «Белый дом». Но, видимо, не это нужно было российскому руководству.

Накануне, 19 августа, Ельцин произнес известную, облетевшую весь мир речь с танка у «Белого дома». Он осудил ГКЧП, призвал к сопротивлению, к защите «Белого дома», хотя никто на него и не собирался нападать.

В разное время у «Белого дома» находилось от 3 — 4 до 30 — 35 тысяч человек. Это были как лица, активно поддерживавшие российское руководство, так и люди, оказавшиеся там из любопытства.

Конечно, среди лиц, находившихся в те дни у «Белого дома», было немало сбитых с толку, заблуждавшихся. Они верили в то, что защищают идеалы свободы и, следовательно, оказались там по зову сердца.

Пришедших к «Белому дому» щедро угощали, в том числе и спиртными напитками. Взбудораженные настроения «защитников» «Белого дома» всячески подогревались провокационными заявлениями, особенно сообщениями о предстоящем с часу на час штурме.

В здании Верховного Совета РСФСР и вокруг него поя-

вились люди с оружием, с намерением в случае штурма пустить его в ход, а может быть, с прямо провокационными целями. В течение 20 августа в Комитет госбезопасности поступала информация о якобы произведенных выстрелах в районе «Белого дома». По одним сообщениям, это были выстрелы со стороны здания Совета Экономической Взаимопомощи, по другим — из района гостиницы «Украина», по третьим сообщениям, выстрелы были произведены из самого «Белого дома». Позже эти сведения не нашли подтверждения.

В этой связи в ГКЧП думали о том, как поступить в такой ситуации. Однако никакого решения не было принято, полагались на действия органов Министерства внутренних дел, Комитета госбезопасности, а также Министерства обороны.

Утром 20 августа по договоренности между Язовым, Пуго и мною было сочтено необходимым на всякий случай разработать меры по локализации возникшей напряженности в районе «Белого дома». Исходили из того, что если какие-то группы лиц пойдут на кровавый конфликт, стрельбу, массовые беспорядки, то, естественно, возникнет вопрос о предупреждении подобных провокационных действий.

В связи с этим в Министерстве обороны, при участии представителей МВД и КГБ СССР, было проведено рабочее совещание с обсуждением возможных мер. Поскольку ситуация не дошла до критической отметки, никаких указаний на проведение мероприятий в отношении вооруженных лиц в «Белом доме» не давалось. Таким образом, этот вопрос отпал как бы сам собой.

Никакой команды на проведение штурма тем более не отдавалось, никаких попыток взять «Белый дом» силой не предпринималось, однако всевозможных спекуляций на этот счет тогда и в последующее время было в избытке.

В 1993 году Ельцин в одном из выступлений даже сказал, что якобы было предпринято восемь попыток штурма «Белого дома». Интересно, о каких восьми попытках говорил Президент, если не было предпринято даже одной?

И несмотря на то, что эти лживые утверждения опровергаются событиями тех дней, тем не менее было инспирировано движение «защитников» «Белого дома». Им воздавали должное за героизм и мужество, проявленное при отражении мифического штурма, наградили медалями. Были проведены торжественные мероприятия по вручению этих наград. И все это делалось совершенно серьезно! Воистину театр абсурда!

Вечером 19 августа я решил проехать по улицам Москвы и лично ознакомиться с обстановкой в столице. В целом она была нормальной. Скопление людей в районе «Белого дома» не показалось мне значительным. На Калининском проспекте, в районе Садового кольца, я вышел из машины, подошел к группе молодежи, поговорил с ними. Они не узнали меня, но, видимо, поняли, что я представитель центральной власти. Разговор был спокойным и отнюдь не политизированным. На вопрос, что они тут делают, ответили — гуляем. Собираетесь ли тут оставаться дальше или уйдете домой? Ответили — посмотрим. Шутки, смех, настроение совсем не агрессивное. На вопрос, кого они опасаются, последовал ответ — никого.

Тут же рядом еще одна группа молодежи, по поведению явно навеселе. Рядом с «Белым домом» — тоже ничего необычного, нормальный ритм жизни. Кто-то спешит домой, кто-то просто гуляет, чувствуется, людей тянет на разговоры, тем более что и в самом деле есть о чем потолковать.

19, а затем 20 августа члены ГКЧП переговорили по телефону с руководителями всех союзных республик, многих краев и областей. Кравчук (Украина), Назарбаев (Казахстан), Акаев (Киргизия), Дементей (Белоруссия) и другие отмечали сложность ситуации, осуждения по поводу ввода чрезвычайного положения не высказывали, а Кравчук даже сказал, что он не исключает возможности введения чрезвычайных мер в западных областях Украины, где обстановку считал наиболее настораживающей.

Спокойный разговор состоялся с Назарбаевым. Поло-

жение в стране он также оценивал как критическое, не испы тывал никакого восторга от предстоящего подписания нового Союзного договора. Условились поддерживать контакт и обмениваться информацией.

Из многих регионов страны звонили руководители и предлагали ввести в том или ином городе или области чрезвычайное положение, ссылаясь при этом на серьезную криминогенную обстановку, на невозможность иным способом создать нормальные условия для жизни людей. В каждом случае мы категорически не советовали делать этого. Рекомендовали немного подождать и только потом принимать окончательно решение.

К исходу дня 20 августа нормализовалась обстановка в Ленинграде, а точнее, она и не обострялась до опасной степени, во всяком случае, никакой информации на этот счет из этого города не поступало. Мэр города Собчак занял в целом негативную, но осторожную позицию по отношению к ГКЧП, он явно выжидал.

Во всем Союзе, всей России не встало ни одно промышленное предприятие, ни один трудовой коллектив не прекратил работу и не вышел на митинг протеста или демонстрацию. Люди спокойно работали, предоставив Москве самой разобраться с проблемами, решить вопрос о власти и о том, что следует предпринять для стабилизации обстановки в государстве.

И все это явно не устраивало российское руководство. Ему нужны были обострение, конфликты, жертвы для осуществления на этой волне далеко идущих амбициозных устремлений. И такой повод нашелся.

Во второй половине дня 20 августа Янаеву, Язову, Пуго, мне и другим членам ГКЧП от российского руководства поступило немало беспокойных звонков с целью прояснить планы ГКЧП в отношении «Белого дома». Прямо говорили о якобы намечающемся штурме.

Мы неизменно отвечали, что никакого штурма не будет, что это провокационные слухи, желание подогреть обстановку. Одни верили и высказывали удовлетворение по поводу полученных ответов, другие не воспринимали этих слов и твердили, что им достоверно известно — штурм «Белого до-

ма» будет, а это приведет к серьезному кровопролитию, к непредсказуемым последствиям.

У меня лично неоднократно состоялись разговоры по этому поводу с Силаевым. Несмотря на полученные заверения, он продолжал считать, что штурм будет. Звонил по этому поводу Язову, Янаеву, но и там получал такие же ответы, однако разуверить его в ложности этих слухов было невозможно. Было видно, что он полностью в плену ложных слухов.

Позже из публикаций я узнал, что Силаев в ночь на 21 августа решил покинуть «Белый дом», так как был уверен, что находящиеся в нем лица будут уничтожены в результате штурма. На всякий случай он даже попрощался с Ельциным. Зато насколько смелым он стал после 21 августа! Требовал даже расстрела «путчистов». Эх, горе-политик! Лучше бы этот герой поведал, где он провел время в ночь на 21 августа 1991 года...

В ночь на 21 августа в «Белый дом» прибыли Попов и Лужков вместе с семьями. Они решили укрыться там из опасений быть арестованными, хотя никто не собирался их задерживать. Все это было глупостью или нагнетанием обстановки, или они стали жертвой нелепых слухов, которые сами же и распускали.

С изумлением из последующих сообщений в печати узнал историю с планом прорыва Ельцина на бронированном «ЗИЛе» в американское посольство. Вот что пишет Хасбулатов в своих воспоминаниях: «...Жизнь Президента России слишком дорога, чтобы ею рисковать. «Считаю, — сказал Хасбулатов, обращаясь к Ельцину, — вы сделаете правильно, если прорветесь в посольство, расположенное рядом. Я же должен быть с депутатами и остаюсь с ними». Повернулся и пошел к лифту».

Вот как «драматически» разворачивались события внутри «Белого дома». Вряд ли стоит подробно комментировать этот эпизод, предоставим читателю самому разобраться в этой истории и дать ей оценку, тем более что события 1993 года показали истинное отношение Хасбулатова к Ельцину.

Каких только утверждений не содержится в публикаци-

ях! Оказывается, находившиеся в «Белом доме» ждали вертолетной атаки, высадки таким путем десанта на крышу здания, снайперских выстрелов из близлежащих домов. И все это утверждается даже в наши дни, несмотря на то что само прошедшее время показало абсурдность этих россказней.

Вопрос о так называемом штурме (следствие и суд по делу ГКЧП это подтвердили!) ни разу не обсуждался на заседаниях ГКЧП, никто этого вопроса даже не поднимал. Когда 20 августа на вечернем заседании комитета Янаев, учитывая широко распространившиеся слухи о штурме, предложил опубликовать в печати, в средствах массовой информации официальное опровержение по этому поводу, у всех, в том числе и у меня, это вызвало недоумение. Все высказали опасение, не породим ли мы этим опровержением волну новых слухов, потому что их беспочвенность очевидна. Было признано целесообразным ограничиться заявлениями, сделанными по телефону членами ГКЧП звонившим им представителям российского руководства. Считали, что вопрос закрыт, его попросту нет!

К сожалению, до сих пор на нем продолжают играть заинтересованные в спекуляциях лица. В противном случае им придется признать несостоятельность их утверждений о штурме, сослаться на то, что они были заурядными провокаторами.

Обстановка тем временем продолжала накаляться. На той стороне кто-то был явно заинтересован в том, чтобы произошло нечто «горячее». Обитатели «Белого дома» и те, кто находился с ним рядом, постоянно подпитывались информацией о предстоящем штурме. Женщин просили покинуть опасное место, предлагали уйти тем, кто был недостаточно храбр и не готов принять «бой». Стоявшие у «Белого дома» несколько танков не представляли никакой опасности. Экипажи танков свободно общались с людьми, да и сами эти танки находились там по просьбе начальника штаба обороны «Белого дома» Кобеца. Более того, когда была предпринята попытка увести от «Белого дома» танковое подраз-

деление, российское правительство воспротивилось и попросило его оставить. Просьба была удовлетворена.

И вот долгожданное «горячее» событие произошло. В ночь на 21 августа между часом и двумя ночи по Садовому кольцу от площади Восстания двигался взвод БТР, патрулировавший улицы Москвы. Он подошел к Калининскому проспекту и по тоннелю намеревался проследовать дальше, в сторону Смоленской площади. Никаких мыслей повернуть на Калининский проспект в сторону «Белого дома» у экипажей не было, поскольку выполнялось совершенно другое задание.

Но тем не менее в тоннеле под Калининским проспектом несколько БТР были заблокированы троллейбусами, грузовыми машинами, причем с обеих сторон. Не было возможности ни повернуть обратно, ни продолжать движение вперед. На машины посыпался град камней, тяжелых предметов, полетели бутылки с зажигательной смесью. Машины загорелись, на них лезли возбужденные, а некоторые явно нетрезвые молодчики. Попытки экипажей образумить людей не увенчались успехом. В результате провокации трое из числа нападавших погибли.

Следствие установило, что гибель людей произошла не в результате выстрелов на прямое поражение, а в сутолоке; двое из них были задавлены машинами, одного сразила пуля, которая срикошетила от стен тоннеля. Несколько человек получили ранения, были раненые и среди военнослужащих.

Московская городская прокуратура, проводившая следствие по этому факту, прекратила уголовное дело, посчитав, что нет состава преступления ни со стороны нападавших, ни со стороны военнослужащих, которые подверглись нападению.

Таким путем решили замять этот «эпизод», однако в последующем при расследовании уголовного дела по ГКЧП обвиняемые настояли на приобщении материалов происшествия в тоннеле под Калининским проспектом к общему делу для того, чтобы в ходе открытого судебного процесса показать всю абсурдность обвинений в гибели трех гражданских лиц в результате защиты ими «Белого дома» и якобы

неспровоцированного нападения на них военнослужащих патрульного взвода.

А в августовские дни этот случай эксплуатировался вовсю. Спекуляций было невероятно много. Раздавались звонки Янаеву, Пуго, Язову, мне с обвинениями и угрозами.

ГКЧП по этому поводу немедленно опубликовал свое заявление, в котором осудил провокацию против военнослужащих, в результате которой погибло три гражданских лица.

По этому поводу примерно в два часа ночи 21 августа у меня состоялся разговор с Бурбулисом. Я обратил его внимание на провокационные действия лиц из числа так называемых защитников «Белого дома». Сказал, что никакого нападения со стороны военнослужащих не было, напротив, в отношении последних была совершена грубая провокация. Бурбулис обещал разобраться и принять меры.

Далее я вновь сказал, что никакого штурма «Белого дома» со стороны ГКЧП не намечается, что кому-то надо подогревать слухи вокруг этого и что части, которые якобы будут принимать участие в штурме, продолжают находиться в местах постоянной дислокации и никуда не выдвигаются. Если, допустим, кому-то даже захотелось бы провести такой штурм, то это невозможно сделать по той простой причине, что специальные подразделения просто не успели бы подойти к назначенному времени к «Белому дому». Бурбулис в свою очередь ссылался на достоверную информацию, называл час штурма — два часа ночи, три часа ночи, затем пять часов утра.

Проходил один срок, второй — никакого штурма не было, однако мне не показалось, что у обитателей «Белого дома» от этого поднялось настроение. Более того, создавалось впечатление, что они были явно разочарованы.

В ночь на 21 августа у меня состоялись два или три разговора с Ельциным. Ему я тоже говорил, что никакого штурма «Белого дома» не намечается. Разговоры были вполне спокойными. Я не почувствовал какого-то раздражения, более того, Ельцин сказал, что надо искать выход из создавшегося положения, и хорошо было бы ему, Ельцину, слетать

вместе со мной в Форос к Горбачеву для того, чтобы отрегулировать ситуацию. Он предложил мне выступить на открывавшейся 21 августа сессии Верховного Совета РСФСР с объяснением обстановки и ответить на возможные вопросы.

Я посоветовался с Янаевым и дал согласие на вылет к Горбачеву в Форос и на выступление на сессии Верховного Совета России. Мы условились утром 21 августа решить технические вопросы и реализовать договоренность.

Теперь интересно посмотреть, как эта история выглядит в уже упоминавшемся опусе Хасбулатова «Технология переворота». Бывший спикер российского парламента утверждает, что «обманщик» Крючков якобы решил устранить Ельцина. С этой целью он пригласил Ельцина полететь вместе с ним и Лукьяновым в Форос к Горбачеву. С какой же целью? Оказывается: «...путчисты, конечно, начали готовиться к тому, чтобы сбить самолет, на котором будет лететь Ельцин. Тем более что они планировали сбить и тот самолет, который должен был привезти из Алма-Аты Ельцина еще 18 августа после подписания договора о сотрудничестве России и Казахстана».

Сделаем скидку на то, что эти строки писались в 1992 году. Тогда Хасбулатов был в зените своего положения. Он не предполагал, что вскоре сам окажется в чрезвычайно деликатной ситуации. Ну а путчистов, как он, видимо, предполагал, сгноят в тюрьме, поэтому о них можно говорить все что угодно.

Удивляет странная логика его рассуждений. Если хотели сбить самолет, на котором Ельцин полетит к Горбачеву в Форос вместе с Крючковым и Лукьяновым, то выходит, что Крючков и Лукьянов решили заодно уничтожить и себя? Да, конечно, в те дни в ГКЧП не представляли себе, насколько может разыграться воображение у руководителей «Белого дома», какие фантазии оно может породить.

Интересно, что думает по этому поводу Хасбулатов сейчас, после того как по воле Ельцина сам побывал в Лефортовской тюрьме?

Истекала ночь на 21 августа. Никакой штурм не состоялся, никакой атаки на «Белый дом» не произошло, не раздавались и снайперские выстрелы по его обитателям. Одна-

ко ночные события ясно показали одно: кое-кто в российском руководстве готов был пойти на жертвы, на кровь, жаждал их, и если надо, то, не задумываясь, бросил бы в огонь смерти столько жизней, сколько потребуется для достижения своих целей. Расчет был вполне очевиден.

Перед ГКЧП четко замаячила опасность кровопролития, вот этого Комитет никоим образом не хотел допустить.

Как упоминалось выше, еще вечером 18 августа мы условились, что ни в коем случае не пойдем на кровопролитие, и если появится такая опасность, то остановим свое выступление. И вот такой момент наступил!

Появились настораживающие сведения о поведении тех, кто с самого начала был на стороне ГКЧП. В Комитет госбезопасности, да и к Язову, поступили сведения о контактах одного из заместителей министра обороны СССР, а также командующего воздушно-десантными войсками Грачева с представителями российских властей.

Грачев, надо сказать, с самого начала, с утра 19 августа, стал устанавливать контакты с представителями российского руководства, в рамках которых бросал шары и в ту и в другую корзину. Так, на всякий случай, мало ли как будут развиваться события!

Утром 21 августа мне доложили о ночной коллегии Министерства обороны СССР, на которой был поставлен вопрос о необходимости вывода войск из Москвы, и прежде всего тяжелой бронетехники.

В постановке этого вопроса не было ничего необычного. Дело в том, что к тому моменту стало ясно, что ввод войск в Москву был ошибкой. Ситуация не требовала этого, и можно было бы вполне обойтись без этой меры. Поэтому уже 19 августа часть бронетехники стала выводиться из Москвы.

Это продолжалось и 20 августа, и в последующие два-три дня войска и техника были бы выведены из столицы. Но те, кто поднимал этот вопрос на заседании коллегии Министерства обороны, «пускали стрелы» в адрес ГКЧП, предлагали Язову отказаться от его поддержки.

Надо отдать должное мужеству и порядочности Язова. Он дал указание о выводе войск из Москвы, но не поддался на провокацию, не изменил делу, своим товарищам по

ГКЧП. Решение маршала было правильным. Оно, конечно, не подняло ему настроения. Мы все почувствовали это утром 21 августа, когда он вдруг не явился на заседание ГКЧП, а направил своего представителя Варенникова.

Пройдет несколько дней, и в печати появится заявление маршала авиации Шапошникова о том, что он держал в резерве самолеты для нанесения удара по Кремлю в случае, если гэкачеписты не прекратят своей деятельности и попытаются силой захватить «Белый дом». Было такое намерение или нет, или это было сказано Шапошниковым для повышения своего престижа перед российскими властями, сказать трудно, но слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Если Шапошников произнес такие слова для того, чтобы выслужиться перед российским руководством, то это тем более его не украшает. Во всяком случае, такая идея могла прийти только ненормальному человеку. Ведь Кремль — это не просто место, где заседали гэкачеписты! Это же святыня России!

В 10 часов утра 21 августа несколько членов ГКЧП, а также Шенин, Прокофьев и Плеханов, который был приглашен несколько позже в связи с предстоящей поездкой к Горбачеву, отправились к Язову на Фрунзенскую набережную в Министерство обороны.

Хозяин кабинета встретил вежливо, внешне спокойно, но на лице было написано, что в нем все бурлит: огромная напряженность, усталость, страшные переживания и даже какая-то отрешенность. На замечание, что мы приехали посоветоваться с ним лично о дальнейших шагах, Язов, как показалось, с укоризной и обидой заявил, что в ответ на бездействие ГКЧП, а также других ведомств коллегия Министерства обороны приняла решение о выводе войск из Москвы, и вывод войск уже начался. Я с глубоким сочувствием и даже пониманием смотрел на маршала, слушал его и мысленно представлял себе, какой мучительный душевный надлом он сейчас переживает.

Кстати, хотелось бы сказать о Язове несколько слов.

Он родился в 1924 году. Но в документах стоит другая

дата — 1923 год. Он приписал себе один год для того, чтобы пораньше попасть на фронт.

Всю свою сознательную жизнь Язов отдал военной службе, прошел Великую Отечественную войну, начал с командира взвода, окончил командиром полка. Получил не одно ранение, был справедливым командиром и храбрым воином, до сих пор свято бережет фронтовую дружбу, о друзьях-однополчанах говорит с чувством глубокого уважения и любви.

Его служебная карьера в армии складывалась благополучно. В 1956 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, в 1967-м — Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР им. К. Е. Ворошилова. В 60-е годы стал командующим армией, был руководителем групп войск, командовал военными округами.

С января 1987 года — заместитель министра обороны СССР, а в мае того же года назначен министром обороны. В 1987 году избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, избирался народным депутатом СССР.

Всегда ставил интересы Родины превыше всего, что особенно проявлялось, в частности, в его позиции на международных переговорах о разоружении, на которых он решительно выступал против одностороннего сокращения вооружений Советского Союза и стран Организации Варшавского Договора. Не раз вступал в острые дискуссии с бывшим министром иностранных дел Шеварднадзе, с которым придерживался, по сути, противоположных взглядов на проблему разоружения. Как министр — был заботлив, остро ставил вопросы о социальном положении военнослужащих.

За внешней солдатской выправкой и суровостью кроется легко ранимая душа, тонкая, даже в чем-то сентиментальная. Он великолепно знает русскую и советскую историю, большой знаток поэзии, любит художественную литературу, часами может воспроизводить по памяти поэмы, стихи, сам пишет их, и, по-моему, неплохо. При случае непременно вспомнит строчку из стихотворения, и всегда это оказывается кстати. В августовские дни о себе не думал, был поглощен заботами о государстве и поступал так, как подсказывала совесть.

...Из кабинета Язова мы позвонили Лукьянову и попросили его приехать в Министерство обороны. Вскоре он прибыл.

Обсудили обстановку, ночное кровопролитие и пришли к выводу, что далее рисковать нельзя, и потому решили прекратить деятельность Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР, выехать в Форос к Горбачеву, еще раз доложить ему обстановку, попытаться убедить предпринять какие-то шаги для спасения государства от развала. События последних дней ясно показали: с помощью чрезвычайных мер далеко не жесткого характера можно было бы переломить развитие обстановки, да, собственно говоря, и переламывать было нечего.

Правоохранительные органы были на стороне ГКЧП. Обстановка в стране была в целом нормальная. Ситуация вокруг «Белого дома» вполне могла быть взята под контроль.

Все отдавали себе отчет в том, что идут на риск в личном плане, что Горбачев займет сторону сильного, а после того, как мы прекратим деятельность ГКЧП, инициатива, бесспорно, окажется на стороне российского руководства. К тому времени Павлов продолжал болеть, и поэтому полагаться на Кабинет Министров у нас оснований не было, а подключать кого-то еще — это была уже прерогатива не ГКЧП, а Верховного Совета или даже Съезда народных депутатов СССР. В то же время раньше чем 26 августа Лукьянов собрать Верховный Совет по ряду технических причин был не в состоянии.

Условились, что, если в ближайшие часы придется решать какие-либо вопросы, прибегать будем только к политическим средствам. Ни о каких силовых приемах речи не велось.

В Форос решили отправиться в 13 часов 21 августа. Условились, что полетят Бакланов, Язов, Тизяков и я. Тем же самолетом выразили желание полететь Лукьянов и Ивашко, к тому времени вышедший из больницы. Плеханов, как руководитель службы охраны, должен был лететь туда в любом случае.

По пути на Внуковский аэродром из машины я позвонил Янаеву. Сказал ему, кто в итоге отправляется в Форос и еще раз поинтересовался, не считает ли он нужным к нам

присоединиться. Он ответил, что кому-то ведь надо оставаться в Москве, а в сложившейся ситуации ему непременно надо быть здесь. Условились созвониться, он пожелал успешной поездки.

Мы оба понимали, что это, возможно, наш последний разговор по телефону. Я хорошо представлял состояние Янаева, думал о нем с уважением как о человеке, взявшем на себя в эти три августовские дня тяжелый груз ответственности. Это, бесспорно, был поступок патриота, близко к сердцу принимавшего свой долг перед страной.

Янаев был сравнительно молодым государственным деятелем высшего эшелона власти. Получил два высших образования — сельскохозяйственное и юридическое. Был на комсомольской работе. До 1980 года в течение 12 лет возглавлял Комитет молодежных организаций СССР; после этого семь лет был заместителем председателя президиума Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Именно эта работа помогла ему сформироваться как интернационалисту, стороннику дружбы между народами нашей страны и других государств мира. С 1990 года Янаев возглавлял советские профсоюзы и за короткий период профсоюзной работы успел приобрести авторитет и уважение среди трудящихся. Они сразу почувствовали в нем участливого, заботливого, неконъюнктурного человека.

Янаев решительно выступал в защиту интересов людей труда. Помню, как на заседании Президентского совета, куда Янаев был приглашен впервые как профсоюзный лидер, он вступил в спор с Горбачевым и некоторыми другими, высказав свое несогласие с политикой, ущемлявшей интересы трудящихся. Он сказал, что рассматриваемый подход к зарплате и ценообразованию противоречит интересам трудящихся, которые и без того страдают от ряда законодательных актов, принятых в самые последние годы, что нельзя испытывать терпение рабочего класса. Его выступление было горячим, острым и произвело на присутствующих большое впечатление. Свою позицию Янаеву удалось отстоять.

В декабре 1990 года на Съезде народных депутатов СССР Янаев был избран вице-президентом. Его кандидатура прошла не сразу, вопрос решился во втором туре голосования.

Настроение в зале было таково: Горбачев подобрал лично преданного ему человека и решил во что бы то ни стало протащить его на пост вице-президента, чтобы удобнее было и дальше проводить политику, с которой уже тогда значительная часть депутатского корпуса была не согласна.

Действительно, Янаев не давал повода усомниться в благожелательном отношении к Горбачеву. А последний уже раздражал депутатов, и потому они нередко принимали решения как бы в пику Горбачеву. В такой переделке оказался и Янаев.

Но он быстро разобрался в Горбачеве. И очень скоро стал выражать несогласие с его действиями, политическими шагами, причем голос его звучал все острее и острее. Он не мог безучастно смотреть, как разваливается держава, рушится социально-политический строй.

В августе 1991 года Янаев принес себя в жертву, но от принципов не отступился. Его последующее поведение, реплики, заявления на судебном заседании по тому или иному поводу убедительно показывали, что поступок в августе 1991 года был не случайным, а отражал его жизненную позицию. Янаев вступился за интересы державы, когда обстоятельства этого потребовали.

Уже после прекращения дела ГКЧП он в разговоре не раз возвращался к августовским событиям, не сожалел по поводу драматичности личной судьбы, а переживал за то, что случилось со страной.

В самолете мы больше молчали, изредка созванивались с Москвой, узнавали обстановку. Линию поведения на встрече с Горбачевым не вырабатывали. Намеревались объективно доложить обо всем и попытаться убедить Горбачева принять меры к спасению Союза. Питали слабую надежду на понимание с его стороны, однако все больше склонялись к выводу, что путь разрушения Союза он пройдет до конца,

постарается воспользоваться ситуацией и сполна реализовать свои намерения.

В полете получили сообщение о вылете из Москвы в Крым спецсамолета с представителями российского руководства. На запрос, на какой аэродром должен приземлиться этот самолет, мы ответили — на любой, какой ими будет выбран: Симферополь или Бельбек, военный аэродром, находящийся в другой части Крыма, но поближе к Форосу.

По пути получили еще одно любопытное сообщение о том, что от российского руководства поступила команда сбить самолет, на котором мы направлялись в Форос, однако охотников совершить эту акцию не нашлось.

Тем временем из столицы поступали сообщения о начавшихся беспорядках в городе, и в частности, на Лубянке, у памятника Ф. Э. Дзержинскому. Группы экстремистски настроенной молодежи потянулись на площадь, раздавались призывы к захвату здания Комитета госбезопасности, высказывались угрозы разрушить памятник.

В аппарат к Янаеву, в Верховный Совет, в МВД, КГБ, Министерство обороны, Кабинет Министров поступали телефонные звонки с мест, люди спрашивали, почему молчит ГКЧП, почему не принимаются решительные шаги по наведению порядка. Просили указаний, однако в ситуации, сложившейся в тот момент, какие-либо решительные действия в защиту советской власти не были предприняты, люди, готовые к этому, были дезорганизованы.

Что бы потом ни говорили, но ГКЧП не призвал своих сторонников выходить на улицу и в случае необходимости силовым путем защищать советскую власть. Партийные организации на местах, как и КПСС в целом, были растеряны, бóльшая часть коммунистов пребывала в состоянии полного бездействия, подавляющее большинство граждан находилось в состоянии пассивного ожидания и не примыкало ни к той, ни к другой стороне.

В таких условиях даже незначительное меньшинство могло овладеть ситуацией, сделать со страной что угодно, в том числе и добиться целей, противоречащих воле и чаяниям подавляющего большинства. Такова была реальность.

У меня нет никакого намерения обелять деятельность

ГКЧП, напротив, с позиции последующих лет его деятельность заслуживает серьезной критики, и она обоснована. Однако тому, что мы не пошли до конца, были причины, и об этом я скажу ниже.

В самолете находились люди, разные по своим личным качествам, служебному положению, по привязанностям к тем или иным лицам из руководства, взглядам на решение социально-политических проблем. Различным был их жизненный путь, но объединяла их озабоченность за судьбу Родины. Каждый в отдельности и все вместе они понимали и видели смертельную опасность, нависшую над страной, однако степень готовности каждого к практическим действиям была неодинакова.

Напротив меня за столиком в самолете сидел А. И. Лукьянов. В недавнем прошлом кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета СССР. Начал свою трудовую деятельность в 1943 году рабочим оборонного завода. Работал в аппарате ЦК КПСС, последняя должность в ЦК КПСС — заведующий Общим отделом, секретарь ЦК КПСС. 15 марта 1990 года на Съезде народных депутатов был избран Председателем Верховного Совета СССР.

Лукьянов — доктор юридических наук, один из крупнейших знатоков права. Как специалист имеет мало себе равных в нашей стране. Разносторонне образован, великолепно знает отечественную и зарубежную литературу, поэт, член Союза писателей. Убежденный коммунист, приверженец советской власти. Решительно выступал и выступает за Союз, видя в этом гарантию жизнеспособности государства.

На протяжении 40 лет был знаком с Горбачевым, учился с ним в Московском государственном университете, периодически вместе работал. Однако в последнее время, по всему было видно, они отдалялись друг от друга. Давала о себе знать несовместимость взглядов, оценок, разное понимание происходящего. Я был свидетелем неоднократных стычек Лукьянова с Горбачевым на заседаниях Политбюро, причем по принципиальным вопросам. Когда Горбачеву не-

чего было возразить, он просто просил Лукьянова прекратить спор.

После каждой такой перепалки они объяснялись друг с другом. Горбачев пытался доказать Лукьянову, что тот не так его понимает, даже обижался за подозрения в отходе от социализма и партийных позиций.

Лукьянов в совершенстве овладел профессией спикера советского парламента. В трудных ситуациях благодаря его усилиям Верховный Совет, как правило, находил приемлемое решение. В случаях, когда Лукьянов терпел поражение, он относился к этому с пониманием: «Демократия есть демократия», — с улыбкой говорил он.

В самолете я подумал, что Лукьянову, как и нам всем, не хватило решимости занять четкую, принципиальную позицию по отношению к Горбачеву и решительно от него отмежеваться. К такому пониманию он пришел чуть позже, через водоворот августовских дней и личные потрясения обретя ту твердость, какой ему и нам на том этапе борьбы недоставало.

Это, бесспорно, человек с большим потенциалом, о чем говорит его опыт политика, ученого и практика в области права, человека, выступающего за возрождение Союза и в защиту целостности России. Эти качества оказались востребованными избирателями в 1993 и 1995 годах, и он уверенно, с большим отрывом от своих соперников, прошел в Государственную Думу по одномандатному округу в своей родной Смоленской области.

В самолете у нас не было разговора с Лукьяновым о том, какой линии будем придерживаться при встрече с Горбачевым. У меня была уверенность, что Анатолий Иванович займет объективную позицию, но какой бы она беспристрастной, аргументированной ни была, вряд ли он сможет, думал я, разубедить в чем-то Горбачева и заставить его встать на спасительный путь. На мой взгляд, это было исключено хотя бы по одной причине: приезд группы ГКЧП в Форос означал перемещение политического центра сил к российскому руководству, а для Горбачева это было определяющим ориентиром.

Разумеется, эту флюгерскую особенность Горбачева

знали Ельцин и его сторонники и поэтому очень спешили попасть к нему как можно раньше. Понимал это и сам Лукьянов. Его предстоящая беседа с Горбачевым мне виделась еще одним этапом борьбы, который ему предстояло пройти по пути окончательного прозрения в том, что касается личности Горбачева.

Рядом с нами в самолете находился Бакланов. Свою трудовую деятельность он начал монтажником на заводе, затем стал мастером, начальником участка и так прошел все производственные управленческие структуры. В 1983 году стал министром общего машиностроения СССР. Слыл большим специалистом своего дела, принимал активное участие в разработке ряда новейших технологий и образцов военной техники. В 1987 году стал секретарем ЦК КПСС, ведал вопросами промышленности. Народный депутат СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

Мало кто знает, что он один из создателей «Бурана». Об этом уникальном космическом аппарате распространяется много всякого рода небылиц, как якобы технически отсталом, ненужном для Советского Союза, и тем более для России. Но все это неправда! Наш «Буран» по основным параметрам не уступал американскому «Шаттлу», стоил же значительно дешевле, создан был в кратчайшие сроки. Для того времени это была вершина технической и научной мысли.

Американцы активно охотились за информацией о «Буране», с этой целью задействовали возможности своей разведки. Их интересовали технические решения, экономичность, особенности эксплуатации. Американские специалисты давали «Бурану» высокую оценку. Придет время, люди объективно разберутся в значении этого летательного аппарата, воздадут должное его создателям, достойно оценят результаты труда многочисленного коллектива конструкторов и ученых.

В 1990 году Бакланов назначается первым заместителем Председателя Совета Обороны СССР. Он хорошо знал

обстановку в народном хозяйстве и, когда на его глазах стала рушиться экономика, пришел к однозначному выводу, что это не стихийный процесс, а сознательное разрушение экономической мощи государства. Он понимал, куда идет дело, решительно протестовал, пытался поправить положение, но все было тщетно. Как патриот, интернационалист и коммунист, он не мог примириться с тем, что происходило в стране, не раз на заседаниях Политбюро ЦК КПСС, Совета Министров остро поднимал вопросы о положении в промышленности. Но каждый раз его, порой грубо, осаживал Горбачев, объяснявший провалы трудностями переходного периода.

Бакланов не мог без боли смотреть, как разрушается Советский Союз, но чувствовал себя бессильным помешать этому. Горбачев считал его близким человеком, понимая под этим личную преданность. На каком-то этапе так и было. Но когда действия Горбачева стали противоречить интересам государства, Бакланов не остался равнодушным.

Бывший Президент Союза не учел одного, что Бакланов — человек принципа, что он лишен каких-либо карьеристских, амбициозных устремлений. Когда интересы Родины оказались несовместимыми с политическим курсом и практическими действиями Горбачева, Бакланов не мог изменить Родине, которая дала ему высшее образование, вывела на широкую дорогу жизни. Он ведь рано осиротел, был детдомовцем, хлебнул горя на оккупированной немцами территории, когда ему не было еще и десяти лет.

Спустя пару лет после августовских событий Бакланов сказал: «Я не жалею о своем участии в августовских событиях, иначе бы меня всю жизнь мучила совесть. Вот только жаль, что наша попытка окончилась неудачей».

Через два часа самолет пошел на посадку на военный аэродром Бельбек. Нас встретило местное военное начальство — полупротокольный разговор, и с ходу в машины.

Вскоре извилистая дорога приблизилась к Черному морю, которого я не видел 20 лет: отдыхал все больше под Москвой, чтобы далеко не отлучаться от работы, от города,

предпочитал зимний отдых, лыжные прогулки по окрестностям столицы.

Через час в Форосе. Шикарная резиденция Президента, служебные, подсобные помещения прижимались к морю, а точнее, размещались между морем и отступившими перед небольшим участком морского берега скалами. Невысокие горы отделяли резиденцию от остального мира. На ее благоустроенную территорию можно было попасть только по единственной построенной дороге, надежно охраняемой и защищенной техническими средствами. Для жизнедеятельности в резиденции было все: можно отдыхать, работать, проводить на любом уровне встречи, совещания.

По приезде в Форос первым, на кого я обратил внимание и с кем побеседовал, был представитель службы охраны Комитета госбезопасности Вячеслав Владимирович Генералов. Как всегда, он был подтянут, собран, внимателен, — словом, при исполнении служебных обязанностей. Он хорошо владел обстановкой в резиденции, по мере необходимости отдавал четкие указания, при этом неизменно был вежлив и тактичен.

Вся жизнь Генералова прошла в служении Отечеству. Родился в 1944 году, коренной москвич. Получил хорошее техническое и оперативное образование. Окончил радиотехнический техникум, Всесоюзный заочный энергетический институт, математический факультет Высшей краснознаменной школы им. Ф. Э. Дзержинского. Три года прослужил в армии — в батальоне связи Таманской дивизии. С 1967 года стал работать в органах безопасности — сначала техником, затем получил воинское звание младшего лейтенанта. Его способности были замечены: в 1990 году он уже генерал-майор, в том же году — возглавил управление в Комитете.

По роду службы часто выезжал в командировки за границу и по стране, обеспечивал безопасность поездок делегаций и лиц на высшем уровне, делал это четко, с полной ответственностью.

В Форосе находился по моему поручению с 18 по 21 ав-

густа 1991 года и безукоризненно обеспечивал полную безопасность на объекте. В эти непростые дни он вел себя достойно, видел лицемерие Горбачева, не поддался искушению пойти на сделку с совестью, несмотря на то что отдавал себе отчет в том, какие лишения ожидают его. Больше года Генералов находился в «Матросской тишине», серьезно болел, но ни на минуту не терял мужества и самообладания. Во многом благодаря ему на следствии и суде удалось убедительно показать самозатворничество Горбачева в крымской резиденции.

Вячеслав Владимирович был арестован и предан суду вообще без всяких на то оснований. Это было очевидно. И ни разу — ни в показаниях, ни в заявлениях он не сослался на свою невиновность.

Наши мрачные предположения стали оправдываться с первых минут нахождения в резиденции.

Горбачеву доложили о нашем приезде, но к нему не провели, попросили подождать. В комнате находились все вместе — Лукьянов, Ивашко, Бакланов, Язов, Тизяков и я. Плеханов был где-то рядом. Работал телевизор, передачи из Москвы шли по нескольким каналам, самые разные. За три-четыре часа ожидания мы наблюдали, как менялась их тональность: от нейтральных по отношению к ГКЧП до крайне недоброжелательных.

Через несколько минут после приезда я попросил телефонистку соединить меня с Горбачевым. Последовал ответ, что разговор состоится после подключения всей связи. Через пять-семь минут заработали все виды связи, которыми теперь можно было пользоваться без каких-либо помех и ограничений. Со ссылкой на Горбачева нам было передано, что в Форос прибывает российская группа, сначала будет принята она, затем очередь дойдет и до нас, а пока он просит нас подождать.

Стало вполне очевидно, к чему клонится дело. Если бы мы прибыли в Форос с недобрыми намерениями, с каким-то планом действий, у нас была бы полная возможность немедленно выехать на аэродром и возвратиться в Москву.

Можно было бы обратиться к местным военным и наверняка получить у них поддержку. Однако в наши намерения входило совсем другое. Мы прибыли доложить обстановку, объяснить наши действия, рассказать, что произошло в стране за истекшие двое суток и какие выводы из всего этого напрашиваются. Мы вовсе не собирались просить Горбачева о каком-то снисхождении или милосердии лично для себя.

Продолжая игру, Горбачев мошенничал, периодически давал знать, что вскоре примет то всех нас сразу, то по отдельности. Спустя несколько дней жена Горбачева заявит, что, узнав о приезде в Форос группы членов ГКЧП, они с мужем решили, что сейчас с ними разделаются.

Вскоре к Президенту были приглашены Лукьянов и Ивашко. По возвращении оба отметили относительно спокойный разговор с Горбачевым, сказали, что скоро он примет остальных лиц, прибывших из Москвы, но предварительно встретится с делегацией российского руководства, которая уже на подъезде к Форосу.

Делегация прибыла в резиденцию часов в шесть вечера, энергично проследовала к Президенту и пробыла там около двух часов.

В ожидании встречи с Горбачевым мы обменивались короткими фразами, в основном на самые отвлеченные темы, хотя телевидение постоянно возвращало нас к событиям в Москве.

Дикторы от весьма осторожных высказываний в адрес ГКЧП все явственнее переходили на более осуждающий тон, а к вечеру стали в открытую клеймить ГКЧП, его действия, призывать строго покарать его участников. Затем было передано сообщение об освобождении Тизякова от выборного поста председателя Всесоюзной промышленной ассоциации, о том, что какая-то группа лиц в Свердловске осудила его деятельность.

Тизяков отнесся к этому внешне спокойно, заметив, что переживает не за себя, а за крушение надежд на спасение Родины. Душевная боль дополнялась разыгравшейся болезнью сердца, от которой он страдал последние годы.

...Как и большинство советских людей, Тизяков прожил нелегкую жизнь. В 1944 году был призван служить в армию, в 1945 году воевал на Дальнем Востоке против японцев. После войны был демобилизован и вернулся в родной Свердловск. Работал на заводе, скромно обеспечивая себя и родителей, много учился, занимался самообразованием. Был жаден до чтения. К знаниям тянулся и эту тягу сохранил на протяжении всей жизни. Окончил Уральский политехнический институт. С 1956 года работал в научно-производственном объединении «Машиностроительный завод имени М. И. Калинина» в Свердловске.

Его способности производственника и организатора были рано замечены сослуживцами по работе, начальством, и, в общем, он делал неплохую карьеру. Был технологом, секретарем парткома, главным инженером, генеральным директором.

В 1990 году избирается президентом Ассоциации государственных предприятий и объединений промышленности, строительства, транспорта и связи СССР.

До августовских событий я почти не знал Тизякова, встречался с ним раза два-три, не больше. Обстоятельно поговорить один на один как-то не приходилось, но слышал о нем немало доброго — знающий специалист, производственник, организатор, принципиальный человек.

В 1991 году в Москве проходил съезд упомянутой промышленной ассоциации, на котором Тизяков выступал с докладом о состоянии советской экономики. Это был глубокий анализ положения в народном хозяйстве и причин, вызвавших серьезный кризис. В докладе подчеркивалось, что нарушение плановых начал, разрыв вертикальных и горизонтальных хозяйственных связей, тотальное внедрение рыночных отношений без подготовки условий для этого — гибельно для страны и грозит крахом всей экономики. Убедительно, аргументированно, с выкладкой цифр он показал неизбежность наступления еще более глубокого кризиса, если такая политика будет продолжаться и впредь. Критиковал Президента, союзное правительство.

И в дальнейшем он никогда не шел на компромисс по принципиальным вопросам, от которых зависела судьба

страны. Не позволял себе мириться с людьми, которых считал недостаточно компетентными, не способными быть на руководящих постах, с серьезными пороками и недостатками. Об этом он говорил невзирая на лица. Тизяков не воспринимал Горбачева и не скрывал этого. Его правота сегодня вполне очевидна — она в точных прогнозах, предупреждениях. К сожалению, его опасения сбылись.

Вскоре передали, что Горбачев собирается побеседовать со мной не в Форосе, а в самолете по пути в Москву.

Я зашел в комнату, где находились Лукьянов, Бакланов, Язов, Тизяков и попрощался с ними, прямо сказав, что нас ожидает задержание и вряд ли будет возможность повидаться в Москве.

Дальнейшее развитие событий подтвердило мои предсказания. Дело было проиграно, попытка спасти Союз потерпела неудачу.

Это было не только нашим личным поражением, но и поражением народа, защитные, созидательные силы которого оказались незадействованными.

Глава 3

В ТЮРЬМЕ

В общем кортеже в отдельной машине я проследовал из Фороса в аэропорт Бельбек. Радиостанция в машине уже была выключена, поэтому связаться я ни с кем не мог. Да, собственно, и сообщать особенно было нечего.

В аэропорту из-за возникшей суеты произошла несогласованность. Сначала мне указали один самолет, затем повезли в другой и только затем нашли самолет, в котором летел Горбачев, и последним усадили в него.

В самолете меня встретил Стерлигов, бывший сотрудник КГБ, в то время работавший помощником Руцкого. Он объяснил, что ему приказано меня сопровождать, и поэтому он хотел бы сесть рядом.

Пишу об этих подробностях только по одной причине: было много спекуляций об обстоятельствах моего задержания, и теперь мне хочется воспроизвести действительную картину.

Самолет был набит пассажирами, сопровождавшими, корреспондентами, охраной. Настроение у всех было невеселым, задумчивым. Стерлигов в разго-

воре со мной был сдержан, корректен. Я больше молчал. Впервые за несколько дней я немного подремал, и, по-моему, сосед удивлялся, как в этой ситуации я могу спать.

Вскоре от Горбачева передали, что, к сожалению, в самолете нам переговорить не удастся, так что моя встреча с ним состоится завтра, то есть 22 августа, о времени мне сообщат дополнительно. К этому сообщению я отнесся довольно безразлично, понимал, что со мной играют. Мысли опять ушли в прошлое. В голове пролетали картинки из жизни, последние дни почему-то всплывали реже.

Уже во время посадки я спросил у Стерлигова, сразу ли будет проведено задержание. Он ответил, что я верно оцениваю ситуацию. Никаких сколько-нибудь значащих разговоров я с ним не вел, не хотел подвергать его и себя искушению, ставить в неловкое положение, да и зачем? Было большое желание попросить передать слова утешения жене, семье. Воздержался.

Как только самолет произвел посадку, рядом со мной появились мощные охранники с автоматами наготове.

Мимо меня прошли на выход Бакатин, Примаков и как-то подчеркнуто вежливо попрощались со мной, пожелав всего хорошего.

Из самолета вывели не сразу, подождали, пока завершится церемония, связанная со встречей Горбачева. Провели к машине санитарного типа и там объявили о моем задержании. Сделал это Степанков — Генеральный прокурор России.

Я уточнил, от имени какой Прокуратуры задерживают — союзной или российской? Получил ответ — от российской. Мое недоумение было оставлено без ответа.

В машине меня продержали около часа, как я позже понял, ожидали Язова и Тизякова, чтобы в одной колонне проследовать к месту содержания под стражей. Отправились из аэропорта в четыре часа ночи. Добирались медленно, часа три-четыре, с поломкой машины и небольшими остановками.

На место прибыли рано утром, едва рассвело; погода была слякотная, моросил колючий дождь, все выглядело

мрачно, мерзопакостно. Разместили по отдельным небольшим домикам, с внешней и внутренней охраной.

Слегка привел себя в порядок; завтрак и сразу же первый допрос. Физическое и моральное состояние было тяжелым: бессонные ночи, полет в самолете, дорога в Солнечногорск. Сон буквально валил с ног, глаза открывались с трудом.

Личный обыск, протокол, другие формальности, связанные с задержанием, понимание разумом своего состояния — все сливалось вместе в какую-то огромную давящую тяжесть. Адвокат не присутствовал, что было грубейшим нарушением процессуальных норм — к сожалению, далеко не последним.

Первый в жизни допрос оставляет глубокий след, а точнее рану, на всю жизнь. Дело не в следователе, он выполнял свой служебный долг. Первый допрос врывается в душу, в сердце как совершенно противоестественное событие, задевает твое человеческое достоинство, не считается с тобой как с личностью, ломает привычный ритм жизни и, словно непомерный гнет заставляет согнуться, ввергает в состояние беспомощности, бессилия.

Обед, небольшой, получасовой отдых и новое предложение — снять теледопрос. В ответ на возражения следователь обрушил целый поток доводов, уговоров, доказательств правомерности мероприятия с позиции уголовно-процессуального кодекса. «Никто не поймет, если вы вдруг откажетесь», — последний, пожалуй, увесистый аргумент. В конце концов дал согласие.

Начинается откровенно жесткий теледопрос, с неудобными, даже садистскими вопросами. Следователь явно работает на публику, по крайней мере, на социальный заказ руководства. Понимание этого приходит уже в ходе допроса. А голова от усталости и напряжения гудит, временами даже отключается сознание; отвечать надо с ходу, подумать некогда, на тебя смотрит камера, и ты чувствуешь себя вынужденным говорить, давать показания.

Попросил прокрутить мне сделанную телезапись. Мое право. Но не вышло, потом объяснили, что не сработала техника. Явно обманывают. Настроение неважное, душевное неспокойствие, что-то идет не так.

И вдруг новое предложение. В Солнечногорск прибыл репортер Центрального телевидения Молчанов и хотел бы взять у меня интервью. Решительно возражаю, ссылаюсь на свое состояние, на неважное самочувствие. Опять настойчивые уговоры, особенно со стороны Степанкова: телерепортер ехал издалека, речь, мол, идет о пяти минутах, только два вопроса, и тому подобное. На возражения приводится решительный аргумент — Язов уже дал интервью, не возражал; что скажут телезрители, узнав, что Крючков отказался.

Как и следовало ожидать, телеинтервью затем обыграли в весьма невыгодном для меня свете. Среди прочего я сказал, что, если бы можно было прокрутить пленку жизни в обратном направлении, то 19 августа я поступил бы иначе, то есть в том смысле, что избрал бы другой вариант и, таким образом, не оказался бы под стражей. Прокомментировали же это так, будто бы я сожалею лишь о том, что не действовал решительно, то есть не пошел на кровопролитие и т. п.

После телепередачи аналогичные утверждения распространялись и высокопоставленными лицами, в том числе Ельциным.

После столь кошмарного дня я свалился, словно подкошенный, и погрузился в тяжелый сон. Но спустя час был разбужен. Команда — собирать вещи и быть готовым к выезду. В 24.00 22 августа колонна машин отправилась к новому месту содержания. Как выяснилось, это был следственный изолятор в г. Кашине Тверской области. В пути находились девять часов. Раз-другой сбивались с дороги, возвращались, уточняли у встречных водителей. Наконец к 9.00 23 августа добрались до места. Вновь личный обыск и прочие тюремные формальности.

Все в изоляторе дышало мрачной стариной. Здание тюрьмы было построено более 300 лет назад. Видимо, во всем мире нет ничего более прочного и незыблемого, чем тюрьма. Здание строилось на века, выстояло. Все как и три века назад, пояснили мне. Претерпели изменения лишь кое-какие внутренние детали, не все уцелело. Стены в метр толщиной казались нетронутыми временем. Массивные, в несколько рядов ворота, двор, коридоры, камеры, небольшое окно наверху с решетками — все как было когда-то.

...Трое суток провел в камере один. Мозг воскрешал события последнего времени обостренно, болезненно, переоценивал все как бы заново. Появилась жажда поговорить с родными, с женой, сыновьями, друзьями, но, понимая, что сделать это невозможно, стал писат

Написал большое письмо жене, еще больше сыновьям, друзьям. Это были излияния души с описанием случившегося, моим видением обстановки до 19 августа и в последующие дни. Не забыл в письмах невесток, внучку и внука. Пожалуй, так откровенно я никогда не разговаривал с собой и родными. Многое, о чем я передумал, что переоценил, к каким выводам пришел, будет со мной словно тень до конца жизни.

Содержанием в одиночке, видимо, преследовалась цель надломить мое душевное состояние и таким образом сделать более удобным для следствия. Но вышло иначе. Одиночество помогло мне собраться с мыслями, прийти к пониманию своего положения как начала нового этапа в жизни, а точнее борьбы.

В первый день пребывания в кашинской тюрьме и в последующие два дня я делал часовую гимнастику, что вызывало у охраны нескрываемое удивление. Это была единственная привычка из моего многолетнего отрезка жизни, которую я имел возможность сохранить для себя в тюрьме.

Важный момент. В изоляторе мне предъявили ордер на арест. Я хорошо знал, что арест — серьезное психологическое испытание для человека. Далеко не каждый выдерживает, сдают нервы, как-никак — шаг от свободы к несвободе. Арестованный вдруг ощущает, что тюрьма становится в его правовом положении реальностью на неопределенный срок. Я воспринял предъявленный мне ордер на арест удивительно спокойно, как будто ознакомился с ничего не значащим документом.

Расписался. Следователь посмотрел на меня и спросил: «Внимательно ли вы прочитали документ? — И уточнил: — Ордер на арест». Я ответил утвердительно и слегка улыбнулся. Он удивленно посмотрел на меня.

Этот момент я с болью вспоминал позже, когда мыслями как бы заново переживал первые часы и дни моего задержания. Разве еще несколько дней назад я мог пред-

ставить, что меня, председателя КГБ СССР, подвергнут аресту!

В ночь на 26 августа поступила очередная команда: собрать вещи и быть готовым к отправке. Куда, зачем? Вопросы, которые, разумеется, не задают, а задав по неопытности, ни один из арестованных не получит на них ответа.

Полночь. Кортеж машин двинулся из Кашина. По некоторым признакам определил направление — на Москву.

Пребывание в Кашине оставило у меня и одно трогательное воспоминание. Руководство изолятора, охрана были внимательны, проявляли чуткость и даже заботу. Предлагали горячую воду, гасили днем свет, желали доброго утра и спокойной ночи. Почти все обращались ко мне по имени и отчеству. Перед отъездом начальник изолятора предложил пачку чая и буханку черного хлеба. Я отказывался, посчитал неудобным. Тогда он сказал: «Владимир Александрович! Вы в этих делах человек неопытный. Еще не знаете, что вас ожидает. У вас будут трудные дни. Чай пригодится, да и не только вам, но и сокамерникам. Возьмите!»

Я взял, и чай мне действительно пригодился уже на следующий день. Не знаю, как сложится моя судьба, но как хотелось бы в одно прекрасное время отблагодарить его за чуткость!

В «Матросскую тишину» прибыли часа в четыре утра.

На окраине Москвы сделали остановку минут на десять. Редкое движение на дорогах, в основном из центра, одиночные пешеходы, тусклые силуэты погруженных в ночной сон зданий. Старший сопровождающей охраны сказал: «Не спешите, можно подышать еще». Но особого смысла в этом не было, и мы тронулись дальше.

Вновь тюремные формальности и очередная камера. В камере содержались двое. Встали со шконок, как называют в тюрьме места для лежания — койки.

Я представился. Удивлению их, казалось, не было предела. По-моему, на какое-то время они лишись дара речи. Переспросили. Я еще раз повторил. Предложили согреть во-

ды, достали сухари, сахар, конфеты, помогли освоить немудреное камерное хозяйство. Попросили разрешения закурить, кратко объяснили порядки. Рассказали, что пару дней назад в камере было шесть человек. Срочно отселили четверых, оставив только двоих.

Помогли разобрать тюремные принадлежности, выданные мне только что. Несмотря на понятный интерес и любопытство, заметив мой усталый вид, сокамерники предложили отдохнуть, что мною с благодарностью было принято.

Уснул я моментально, но в 7 часов утра был уже на ногах. Мои новые знакомые признались, что не спали, обсуждали ситуацию... О них я расскажу чуть позже.

Вообще первые свои тюремные ощущения вспоминаю как тяжелый, навязчивый сон. Постоянная тревога за родных, чувство горькой вины перед сослуживцами, да и вообще перед народом за то, что не получилось так, как хотелось, ради чего рисковал. Но, пожалуй, самое гнетущее — это смерть людей, с которыми очень многое связывало, которых хорошо знал и глубоко уважал.

О Сергее Федоровиче Ахромееве я уже рассказал ранее, а сейчас хотел бы помянуть Бориса Карловича Пуго...

Мои воспоминания касаются не только его лично, но и отдельных возникших перед нами проблем. Как известно, Пуго входил в ГКЧП и, по сообщению средств массовой информации, 22 августа покончил жизнь самоубийством. Вместе с ним из жизни ушла его жена. Уже позже из дела я узнал, что первой смертельное ранение получила от мужа именно она. Так по официальной версии, по материалам дела, чета Пуго решила рассчитаться с жизнью. Прежде всего это огромная личная трагедия семьи. С Пуго я познакомился, когда он в конце 70-х — начале 80-х годов работал председателем КГБ Латвийской ССР. Встречался на совещаниях, но в близких отношениях не был. Как-то я посетил Латвию, по-моему в 1981 году, где провел кустовое совещание по линии разведки. Пробыл в Риге несколько дней и узнал Бориса Карловича поближе.

Побывали в колхозе, на заводе, в университете и, как водится, в ЦК Компартии Латвии у тогдашнего первого секретаря ЦК, ныне покойного, Восса.

По рассказам и по всему, что удалось увидеть, респуб-

лика жила полнокровной жизнью, в магазинах широкий ассортимент продуктов питания и промышленных товаров. Жаловались на трудности с продажей, на затоваривание. Теперь трудно поверить, но было и такое.

В один голос все говорили, что нет каких-то особых настораживающих проблем в отношениях между коренным и некоренным населением. Даже подчеркивали, что из Прибалтийских республик Латвия к Москве всех ближе, ее народ интернационален по духу и в силу исторических традиций: красные латыши принимали участие в охране Ленина, Кремля и т. д. Но, по словам Пуго, национальную проблему нельзя упускать из виду, нужно проявлять осторожность, внимательность, предупреждать появление или усиление моментов, могущих вызвать социальное обострение на почве национализма. Сам Пуго был интернационалистом, большим патриотом своей республики, пользовался уважением в народе и в руководящих кругах слыл серьезным, рассудительным человеком.

В 1984 году Пуго избрали первым секретарем ЦК Компартии Латвии. Это был верный выбор. На этой должности он пробыл до 1988 года. Возник вопрос об укреплении Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, и выбор пал на Пуго. Сыграли роль такие его качества, как принципиальность, честность, требовательность и вместе с тем чуткость к людям. На посту председателя Борис Карлович подтвердил эти свои качества.

В 1990 году Пуго назначается министром внутренних дел СССР. Кстати, при назначении учитывалась его принадлежность к национальным кадрам.

К тому времени национальные проблемы становились наиболее трудными, сложными, все острее заявляли о себе и прямо касались работы органов внутренних дел. В своей деятельности Пуго уделял большое внимание именно этим проблемам.

У меня было с ним немало разговоров о судьбе Союза, о положении в Прибалтике, и разумеется, о Латвии. Латвия беспокоила его и в личном плане — там его родные, домашний очаг, с ней он был связан тысячами нитей, там хотел провести остаток жизни.

По его утверждению, в Латвии большинство населения

выступало за Союз, не хотело возврата прежних довоенных порядков, что было желанным лишь для незначительного меньшинства. Пуго считал, что в случае выхода Латвии из Союза начнется изгнание иноязычного населения из республики. Это, по его мнению, неизбежно и будет сделано решительно и жестко.

Все, что произошло и происходит сегодня в Латвии, Пуго предвидел с абсолютной точностью. Его предостережениям, прогнозам невозможно было не верить.

Во время упомянутого посещения Риги мы с Борисом Карловичем побывали в драматическом театре и посмотрели постановку трагедии Шекспира «Король Лир». В спектакле играла Вия Артмане, как всегда с блеском и выразительностью. Это был единственный случай, когда мне удалось увидеть Артмане на сцене, а так все больше в кино и по телевидению.

После театра заехали в резиденцию и там во время прогулки откровенно побеседовали. Пуго снова заговорил о национализме, сказал, что в потенции он есть и было бы преступно не замечать это. Доброе отношение к Москве в одночасье может смениться негативным. Политика Москвы должна быть принципиальной, нельзя закрывать глаза на проблемы, которые таятся под спудом, но только до определенного момента. Когда-нибудь они заявят о себе. Носителей экстремистских настроений сравнительно немного, но если националистические силы не почувствуют отпора, то начнут действовать более активно.

Запомнился еще один момент. Недалеко от Риги сооружен внушительный памятный мемориал жертвам фашизма в годы Великой Отечественной войны. Достойный памятник тем, чья борьба и жизнь — в фундаменте нашей общей победы.

Пуго рассказал, что среди латышей высказывается мнение о сооружении памятника всем погибшим, независимо от того, по какую сторону баррикад они сражались и отдали жизнь. Пуго не исключал такого варианта воссоздания памяти всем погибшим в знак примирения и согласия. Мне эта идея показалась разумной.

В случае победы националистических, сепаратистских сил в Латвии Пуго не видел места для себя и многих на

своей родной земле. Может быть, сооружение общего памятника и явилось бы вкладом в мир и согласие?

О чем подумали Борис Карлович и его жена, верная подруга, перед смертью, сказать трудно. Спустя месяц урны с их прахом были увезены в Латвию. Только таким путем супруги смогли попасть на землю своих предков и там найти пристанище навсегда.

Шли дни. Каждый день одно и то же от подъема, до отбоя. Неволя пронизывает все клеточки. Радиоточка да одна-две газеты — вот и весь источник информации. Узнать можно многое, однако объем информации — голодный паек по сравнению с тем, что несколько дней назад было в моем распоряжении. Счет ведется на недели, от бани до бани. Тюремные радости — лишняя газета, хороший матрац, второе одеяло, чудом полученная весточка от родных и друзей. Вот, пожалуй, и все. Иногда даже не знаешь, то ли радоваться им, то ли печалиться.

Среди сокамерников царит дух равноправия. В одночасье все становятся зеками, их объединяет одно горе, одинаковые условия, неизвестность судьбы, беспомощность каждого и всех вместе. Здесь никто не спрашивает друг у друга о деле. Рассказывают сами, если сочтут нужным, слушают, но любопытство непозволительно, даже осуждается. Вот чего в изобилии, так это успокоительных слов, потому что каждое утешение, даже иллюзорная надежда — бальзам на рану. Человек действительно не может жить без веры. Любой из охраны — над тобой начальник. Следует немедленно исполнять любое указание.

Как-то сокамерник попросил охрану изменить очередность бани и прогулки, пояснив при этом, что, как он думает, так будет удобнее. Дежурный не без юмора ответил: «В тюрьме не надо думать, тут думают за вас. Сидите спокойно».

Ежедневные прогулки поначалу воспринимаются как нечто полезное и приятное, ждешь приглашения. Но очень скоро они становятся обузой, и многие, за исключением достаточно уже насидевшихся, стараются уклониться от них. Прогулка... Представьте себе небольшую площадку разме-

Ю. Андропов в своем рабочем кабинете в КГБ. Слева — заместитель председателя КГБ В. Чебриков, справа — первый заместитель председателя КГБ Г. Цинев. Москва, 1980 г.

Члены Коллегии КГБ СССР. На снимке слева направо сидят: М. И. Ермаков — заместитель председателя КГБ, В. М. Чебриков — первый заместитель председателя КГБ, В. В. Федорчук — председатель КГБ, Ю. В. Андропов — член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, Г. К. Цинев — первый заместитель председателя КГБ, Н. П. Емохонов — заместитель председателя КГБ, В. П. Пирожков — заместитель председателя КГБ, А. Б. Суплатов — секретарь парткома КГБ; стоят: В. И. Алидин — начальник управления КГБ по г. Москве и Московской области, В. А. Матросов — начальник Главного управления пограничных войск КГБ, В. Я. Лежепеков — заместитель председателя, начальник управления кадров КГБ, Ф. Д. Бобков — заместитель председателя, начальник Пятого управления КГБ, В. А. Крючков — заместитель председателя, начальник Первого Главного управления КГБ, Г. Ф. Григоренко — заместитель председателя, начальник Второго (контрразведка) Главного управления КГБ, С. Н. Антонов — заместитель председателя, начальник Главного управления КГБ, Г. Е. Агеев — начальник Четвертого управления (контрразведка на транспорте) КГБ. Фотография сделана в связи с переходом Ю. Андропова на работу в ЦК КПСС и назначением В. Федорчука на пост председателя КГБ

Первый заместитель председателя КГБ С. Цвигун (в центре) в Музее ПГУ КГБ СССР. Москва, 1977 г.

Открытие памятника Рихарду Зорге. На снимке слева от меня — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиев, произнесший исключительно теплую речь о дружбе народов, интернационализме и торжестве коммунистических идей, и начальник Главного разведывательного управления Генштаба Министерства обороны СССР П. Ивашутин. Баку, 1981 г.

Встреча на гостеприимной белорусской земле по случаю выборов в Верховный Совет СССР. Белоруссия, 1984 г.

Возложение цветов к мемориальной доске Ю. Андропову на здании КГБ СССР на площади Дзержинского в честь Дня чекиста. В 1992 г. российские власти убрали этот памятный барельеф. Москва, 1987 г.

Только что состоялось мое назначение на пост председателя КГБ СССР. Москва, декабрь 1988 г.

Фотография на память. В. Чебриков сдал дела в КГБ, я принял. Москва, 3 октября 1988 г.

Только что А. Громыко вручил министру госбезопасности ГДР Эриху Мильке Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина. Публикации в печати не было. Москва, апрель 1988 г.

После встречи в Кремле: Роберт Максвелл беседовал с М. Горбачевым. Москва, 1990 г.

Прием в Комитете государственной безопасности СССР экс-президента США Ричарда Никсона. Москва, 1990 г.

Р. Никсон во время беседы в КГБ. Москва, 1990 г.

Кремль. Перед выходом на трибуну Мавзолея. Москва, май 1990 г.

Последний снимок в кабинете председателя КГБ СССР. Москва, 1991 г.

Тюрьма «Матросская тишина». В камере для допросов во время интервью российскому журналисту. Москва, 1992 г.

Тюрьма «Матросская тишина». В камере для допросов мой адвокат Юрий Сергеевич Пилипенко. Человек с умным, проницательным взглядом. Не по годам взрослый, хотя ему всего 29 лет. Москва, 1992 г.

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации. В соответствии с актом об амнистии судебное разбирательство дела прекращено. Мой второй адвокат Юрий Павлович Иванов, положа руку на 140 томов дела, сказал: «Ну что я говорил? Дело до приговора не доживет!» Москва, 1994 г.

Первая после освобождения из «Матросской тишины» публичная встреча с корреспондентами. Москва, февраль 1993 г.

Самые по-человечески счастливые минуты. Жена, внучка и внук. Подмосковье, январь 1996 г.

ром три на четыре или четыре на пять метров. Стены, высотой три с половиной метра, вместо крыши — железная сетка и колючая проволока. Небольшой кусочек неба, примерно с октября не солнце — только отблески его лучей. С одной прогулочной площадки видна верхняя часть заводской трубы. Вот единственное, что напоминает внетюремный мир.

Часовая прогулка позволяет физически размяться, но усугубляет постоянное неприятное ощущение: ни на минуту не отключаешься от тюрьмы, неволю чувствуешь еще острее. Подумать над чем-то не удается. Мозг не сосредоточивается, тем более что по этому маленькому бетонному пятачку мечутся в ходьбе кроме тебя еще три-четыре человека. И здесь — под постоянным надзором. С громким железным скрипом захлопывается за тобой массивная дверь, но не останешься наедине с собой — смотровое отверстие напоминает, что за тобой ведется постоянное наблюдение.

Вызов на допрос — событие и для тебя, и для сокамерников. Последние провожают тебя, словно на бой, желают успеха, дают советы, ждут возвращения, чтобы услышать хоть что-то новенькое. Оценят твой вид: хорошо или плохо выглядишь, каково настроение; по сути же дела — никогда ни одного вопроса. Расскажут о своем опыте общения со следователями и адвокатом.

При вызове на допрос — тщательный личный обыск и осмотр бумаг, с которыми ты направляешься к следователю или адвокату. Что же, к этому заключенный относится с пониманием, нет, не с пониманием, а как к чему-то неизбежному.

По нагрузке допрос — процедура изнуряющая, очная ставка — еще тяжелее. О взаимопонимании между следователем и допрашиваемым не может быть и речи. Эта проблема была и остается вечной.

После допроса, очной ставки — глубокие раздумья, внутренняя борьба и одна, не покидающая тебя навязчивая мысль: кому и зачем все это нужно?

У подследственного, в отношении которого мерой пресечения избрано содержание под стражей, по ходу следствия есть несколько особо значимых моментов, играющих в его

деле ключевую роль. По крайней мере, эти моменты говорят о многом, приоткрывают результаты следствия, его планы, позволяют подследственному оценить свое положение.

Одним из таких моментов в уголовном процессе является предъявление постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Первый раз обвинение было предъявлено мне 31 августа 1991 года. Постановление подписал заместитель Генерального прокурора РСФСР Лисов. Статья 64, пункт «а» УК РСФСР — измена Родине. Постановление с большими заявками относительно «преступных» действий, которые в нем обозначены и которые, как можно полагать, следствие собирается доказывать. Тут и захват власти, и корыстные мотивы, ущерб безопасности и обороноспособности страны, и ликвидация властных структур. И тем не менее чувствовалось, что обвинение сугубо прикидочное, предварительное, серьезной доказательной базы у следствия нет.

Как юрист по образованию, сам находившийся в прошлом, в начале своей трудовой деятельности, на прокурорской работе, я думал над замыслом составителей первого постановления о привлечении меня в качестве обвиняемого.

Следствие, хотя я, конечно, понимал, что дело не в нем, пошло по максимуму и включило в обвинение позиции, которые, как мыслилось режиссером будущего процесса, могли образовать состав преступления в виде измены Родине, якобы совершенного мною и другими. Исходя из этого, в постановление включили все мыслимое и немыслимое. Не говоря уже о полной правовой несостоятельности такого подхода, следствие заведомо проигрывало тактически, потому что взяло на себя непосильное бремя доказать явно сомнительные моменты и тем самым как бы заранее само себя загоняло в тупик.

Так как подобная натяжка с правовой да и с моральной точки зрения — дело крайне невыгодное, бесперспективное, то следователь и те, кто руководил его работой, оказались в плену сделанных ими первоначальных ошибочных шагов, дав тем самым противоположной стороне выигрышные козыри и возможности для защиты. Более того, обвиняемый, видя очевидную надуманность и несостоятельность по крайней мере части пунктов обвинения, естественно мог

предположить, что у следствия нет доказательной базы и по другим пунктам обвинения, — даже если следствие располагало на этот счет какими-то уликами. Именно таким образом следствие усложнило жизнь и себе, и обвиняемым, а главное — встало на необъективный, неправовой путь расследования.

В нашем деле обвиняемые воочию видели, как упорство следствия превращалось в упрямство, а прокуроры понуждались идти в суд с недоброкачественным материалом, вследствие чего публично отпадал один пункт обвинения за другим. В результате страдал авторитет следствия в целом.

С самого начала была также очевидной полная нестыковка между составом преступления, предусмотренного 64-й статьей, и действиями, совершенными лицами, привлеченными по делу ГКЧП. Напрочь отсутствовала субъективная сторона — умысел совершить измену Родине; много несуразного было с объектом преступления — на что же мы покушались?

Оставим пока в стороне анализ основополагающего вопроса: кто защищал основной закон государства — Конституцию СССР, а кто ее нарушал.

В целом формула предъявленного обвинения не выдерживала никакой критики. Да и сами работники прокуратуры и следствия не скрывали своего скептического отношения к выдвинутому против нас обвинению в измене Родине.

Перечитал всю предоставленную мне юридическую литературу по статье 64 УК РСФСР и однозначно пришел к выводу, что с изменой Родине у следствия ничего не выйдет. При всем усердии привлечь нас к уголовной ответственности по этой формуле невозможно — хотя бы потому, что отсутствует, причем начисто, момент связи с иностранным государством, без чего измены Родине не бывает! К такому выводу сводит толкование уголовной нормы и вся судебная практика.

В связи с этим стоит рассказать о том, как к этому выводу пришло само следствие. В декабре 1991 года, за день-другой до предъявления второго по счету обвинения, дежур-

ный по коридору через окошко передает мне в камеру бумагу, на которой после ознакомления просит расписаться. Это было короткое письмо из Генеральной прокуратуры России, адресованное всем проходящим по делу ГКЧП лицам. В нем сообщалось, что Генеральная прокуратура приняла решение о прекращении уголовного дела по факту измены Родине, т. е. по статье 64 пункт «а» УК РСФСР. Основание — отсутствие состава преступления, которое бы квалифицировалось как измена Родине.

Решение и сама бумага были весьма странными, но одно было ясно — следствие пришло к выводу, что измены Родине обвиняемые по делу ГКЧП не совершали. Тогда что же остается? В очередном постановлении о привлечении меня к уголовной ответственности в качестве обвиняемого от 13 декабря 1991 года остался, таким образом, заговор с целью захвата власти. Статья та же, а обвинение другое.

Для того чтобы понять, что никакой измены Родине и в помине не было, следствию потребовалось четыре месяца!

Но пойдем дальше. Итак, новое обвинение гласит, что я совместно с группой лиц организовал и осуществил заговор с целью захвата власти, то есть совершил преступление, предусмотренное статьей 1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственное преступление» (статья 64, пункт «а» УК РСФСР).

По смыслу статьи эта формула тоже предусматривает сотрудничество с иностранным государством, но на это следователи просто закрывали глаза. По их словам, ничего более близкого в уголовных статьях к тому, что содеяно привлеченными по делу ГКЧП лицами, якобы нет.

Таким образом, Генеральная прокуратура под предлогом несовершенства законодательства пошла на приблизительную квалификацию, допустив тем самым полный разлад с правом! Вот только интересно, при чем тут обвиняемые?!

Примечательно, что в одном из своих интервью бывший Генеральный прокурор РСФСР Степанков признал изъяны в решении о привлечении по делу ГКЧП по статье 64 УК, но тем не менее выводов не сделал. Чаша правовых весов склонилась в пользу несовершенства закона, а не в

пользу человека, хотя по нормам международного и отечественного права всякие сомнения, разночтения должны толковаться в пользу обвиняемого!

Вскоре после начала общения с адвокатами у меня сложилось впечатление, что с ними мне повезло. Со временем это мнение только усилилось. Старший из них — Юрий Павлович Иванов, второй — Юрий Сергеевич Пилипенко. Оба знающие, энергичные. Первому в 1991 году было 47 лет, второму — 32 года.

Иванов — личность во многих отношениях колоритная. Блистает умом, знаниями, логичность мышления — близкая к совершенству. Принципиальность и в малом, и в большом. Есть твердая жизненная позиция. Ее основные параметры — справедливость, верность слову и делу. Горяч, даже импульсивен, но решения принимает после холодного взвешивания всех «за» и «против», после того как все факты, основные и сопутствующие, выстроит в стройную цепочку. С подзащитным не лукавит, сладких слов и речей не произносит, говорит правду и поэтому иногда кажется жестким человеком, но потом приходишь к выводу, что он прав, поскольку самые сильные лекарственные средства — горькие на вкус. Страшно не любит, когда им пытаются крутить, вертеть, «покупать» на лжи. Отпор в таком случае дает немедленно. Умеет просчитывать шаги далеко вперед, возможно, это идет от его шахматного мастерства. В шахматы играет великолепно, знает теорию, играет быстро, но в сложных позициях не торопится.

Иванов — человек разносторонних дарований. Как-то в разговоре с ним я узнал, что он отлично разбирается в теории цвета, значении цветовой гаммы для мироощущения человека, использовании в прикладных целях. Он может провести глубоко аргументированную беседу о сочетании цветов, их оттенков применительно к изделиям, формам, предназначению.

Хорошо разбирается в спорте, особенно глубоки его знания в футболе — отечественном и зарубежном, о чем говорят его многочисленные публикации в печати.

Наша первая встреча состоялась в конце августа 1991 года.

Вышли на него мои родственники — совершенно случайно. После недолгих раздумий он дал согласие меня защищать.

Поначалу у меня не сложилось о нем какого-то четкого представления, да и не в моих правилах судить о человеке по первому знакомству. В ходе нескольких встреч я узнал, что он не коммунист, в партии никогда не состоял. В идейно-политическом плане мы с ним придерживались различных точек зрения, не все ему было ясно в выступлении Государственного комитета по чрезвычайному положению. К Комитету госбезопасности Иванов относился неоднозначно.

Как развивались наши отношения? Встречи были почти каждодневными, беседы многочасовыми. Он проявлял, естественно, интерес ко мне, я к нему. Раскрылись мы друг перед другом не сразу.

Останавливаться на всех тонкостях просто нет возможности, это заняло бы слишком много места. Короче говоря, к ноябрьским праздникам 1991 года я с огромным удовлетворением отметил, что наши позиции сблизились практически по всем параметрам, чему в значительной мере помогала динамика развития обстановки в стране — она все более ухудшалась, социальное напряжение росло, государство приближалось к своему краху.

Иванов — большой, сознательный и страстный патриот Родины. Его отец был адмиралом, верно и доблестно служил Отечеству, Юрий Павлович в нем души не чаял.

Короче говоря, я ему поверил. И не потому, что не было другого выхода, а потому что увидел в нем единомышленника, а он поверил в меня и проникся ко мне добрыми чувствами.

Иванов активно занялся общественно-политической деятельностью, организовывал в связи с делом ГКЧП пресс-конференции, выступал на предприятиях, перед коллективами. Спустя год его пригласили на роль защитника по так называемому делу КПСС, и он провел его блестяще.

Это слушая его, зал взрывался от иронического хохота в адрес тех, кто нападал на КПСС. Это его выставляли из судебного зала Конституционного суда, когда он допускал рез-

кость, а затем вновь приглашали в зал. Это его зал вознаградил бурными аплодисментами, когда он окончил свою заключительную речь.

Иванов все более и более проявлял себя не только как адвокат-профессионал, но и как политик. А главное — то, что стало у нас в последнее время дефицитом, — он не шел на сомнительные компромиссы.

В 1993 году Коммунистическая партия Российской Федерации пригласила Иванова в качестве беспартийного для участия в выборах в Государственную Думу по партийному списку. Он согласился и был избран. Перед ним открылось новое поприще — работа в Государственной Думе.

В 1995 году Юрий Павлович вновь избирается в Думу.

В последнее время Иванов заявил о себе как интересный и содержательный публицист. Его многочисленные статьи в печати говорят о том, что в большую политику вошел яркий государственник, который не сторонится острых проблем, сложных и значимых явлений в жизни общества и государства. Его оценки отличаются объективностью, принципиальностью, смелостью, он называет вещи своими именами, не подлаживается ни под лица, ни под конъюнктуру.

Он приносит и будет приносить большую пользу патриотическим силам. Те, с кем он окажется рядом, будут чувствовать себя увереннее, а те, кто займет место на противоположной стороне, на себе ощутят его колючие, но емкие и справедливые речи.

Иванов, насколько я знаю, очень хотел выступить на нашем судебном процессе с защитительной речью. Однако по известным причинам до речи дело не дошло. Как профессионал, он, видимо, сожалел об этом, но как человек, ставший мне близким товарищем, отнесся к этому с удовлетворением и чувством исполненного долга.

У второго адвоката — Пилипенко — не было такой большой практики, как у Иванова. Иванов пригласил его, поскольку объем работы был значительным и ему требовался помощник.

Мы сходились с Пилипенко медленнее, чем с Ивановым. Он дольше приглядывался ко мне, поначалу не шел на

разговоры на крупные политические темы. Мягко, но решительно давал понять, что во взглядах на многие политические проблемы у нас с ним разные точки зрения. Я не пытался его в чем-то переубеждать и полагал, что за меня это сделает жизнь. Она перековала даже некоторых рьяных «демократов», которые в свое время забрались на олимп власти и думали, что никогда с него не сойдут. Но решились сойти, поняв, что к чему. Правда, для такого шага кроме способностей требуются честь, совесть и чувство справедливости. И те, кто этими качествами обладает, вернулись или со временем вернутся на путь праведный. Что касается заблуждений и ошибок прошлого, что же — с каждым бывает.

Пилипенко глубоко изучал дело, точно улавливал все, что может нам повредить, и очень скоро понял, что моя защита может успешно строиться только на принципиальной основе. Для меня это было очень важно, из этого мы исходили, когда вели разговоры о концепции защиты, а главное — о предъявлении политического счета тем, кто разрушил Союз и довел страну до столь плачевного состояния.

Пилипенко быстро пришел к выводу о бесперспективности обвинения, считая, что судебное разбирательство неизбежно причинит немало неприятностей властям, поскольку вскроет их неприглядную роль в развале государства, а это — самое крупное противоправное деяние.

В отличие от Иванова споры он вел спокойно, не доводил их до гротеска, но позиции не сдавал. Пилипенко никогда не напускал на себя вид всезнающего человека и часто поговаривал, что нужно посоветоваться с Ивановым. Слово последнего для него было решающим.

Уверен, что в будущем Пилипенко заставит говорить о себе, а в политику будет входить все больше и больше, потому что без этого сегодня уже не обойдешься. Беда с нашей страной коснулась каждого, в том числе и его.

Анализ предъявленного обвинения однозначно показывал: составлено оно с переходящим все границы априорным утверждением в виновности фигурантов, с явным акцентом на вину Крючкова. Натяжка, особенно с последним, очевид-

на и имеет место практически в каждом пункте обвинения. Крючков прочно занял первую строчку.

Впрочем, я не возражаю быть первым в борьбе за Отечество, напротив, для меня это — большая честь! Однако следствие упустило из виду один весьма важный аспект — развитие обстановки в стране после августа 1991 года. А с той поры произошли события, которые ни следствие, ни тем более суд не могут не учитывать, не говоря уже о том, чтобы их опровергнуть.

После этого небольшого замечания стоит остановиться на некоторых констатациях постановления о предъявлении обвинения.

Мне и другим привлеченным по делу вменялось в вину, что мы не разделяли позиции Президента СССР по выводу страны из кризисного состояния, усматривали в подписании Союзного договора опасность распада СССР, дальнейшего ухудшения экономического положения и угрозу для своего личного благополучия. По первым двум позициям — распад Союза и дальнейшее ухудшение экономического и социально-политического положения — ответ дан временем. Что касается моих опасений «за личное благополучие», то этот вывод — очередная фальсификация, выдумка следствия. Во-первых, ни одного вопроса по этому пункту обвинения мне не было задано. Во-вторых, аналогичный пункт записан и другим проходящим по делу лицам, что подтверждает размах необъективности следствия. В-третьих, это утверждение не выдерживает никакой критики и лишено малейшего обоснования.

Если верить следствию, то в моих действиях присутствовала личная корысть. Как далеко это от правды!

Я уже касался того, что без желания согласился с предложением занять пост председателя КГБ. После того как я стал председателем, не раз сожалел об этом. С конца 1990 года стал просить Горбачева отпустить меня на пенсию. В 1991 году дважды повторял эту просьбу и получил согласие в начале 1992 года вернуться к рассмотрению этого вопроса.

В случае подписания в августе Союзного договора лично председателю КГБ ничто не угрожало. Но ведь я думал не только и не столько о себе и даже не о Комитете, сколько об Отечестве! При этом ни на какие должности не претендовал,

к большей власти не рвался, мне было вполне достаточно той, что у меня была.

Мои адвокаты также возмутились этим утверждением и были убеждены, что со временем следствие будет вынуждено исключить этот пункт из обвинительного заключения. Да и следователь дал понять, что к этому положению, как и постановлению в целом, он не имел отношения.

Я дал письменные показания по существу предъявленного обвинения, обстоятельно изложил мотивацию своего участия в августовских событиях. Считаю нужным воспроизвести свои показания по отдельным позициям, тем более что в прессе был целый поток негативных публикаций в мой адрес в связи с делом ГКЧП.

В тяжелое для страны время, писал я в своих показаниях, у группы лиц созрело решение выступить с тем, чтобы изменить положение дел, остановить кризисное развитие обстановки в стране. Дело не в том, что я, как председатель КГБ, пошел на это из-за того, что разделил их взгляды и озабоченность. Со всеми участниками отношения у меня были обычными, служебными. Некоторых я знал мало, а со Стародубцевым вообще не был знаком. Конечно, какие-то договоренности играли свою роль, однако главное в другом.

Благодаря своему служебному положению я располагал обширной информацией об обстановке в стране, анализом перспектив ее развития. Информация поступала от наших отечественных источников, было немало важных, достаточно глубоких аналитических материалов, которые направлялись в КГБ советскими научно-исследовательскими институтами.

Поступали представляющие большой интерес зарубежные материалы, продолжал я. Ценность последних в том, что они готовились не для нас, а в первую очередь для внутреннего использования, для руководителей тех или иных стран. Из всего этого потока информации следовало, что Советский Союз в самое ближайшее время ожидают трагические события, тяжелейшие потрясения: развал страны, падение промышленного и сельскохозяйственного производства, опасное снижение жизненного уровня, нехватка продуктов питания, а в целых регионах страны просто полуголодное существование значительных масс населения.

По всем прогнозам кризис должен был охватить практически все сферы экономики. При этом страна располагала ресурсами, позволявшими пережить это трудное время, но при одном условии — политической и экономической стабильности, наличии гражданской ответственности и дисциплины.

Речь шла не об откате назад, об отказе от уже освоенных в последние годы подлинно демократических ценностей. Ни в коем случае! Ни в одном документе ГКЧП нет ни одного положения, подтверждающего обратное.

Далее я сослался на поступавшую информацию о том, что после распада СССР начнется массированное давление извне на отдельные территории совсем недавно единого Союза для установления в них иностранного влияния с далеко идущими целями. Поступали сведения о настораживающих задумках в отношении нашей страны.

Так, по некоторым из них население Советского Союза якобы чрезмерно велико и его следовало бы разными путями сократить. Даже были произведены соответствующие расчеты, в соответствии с которыми население нашей страны было бы целесообразно уменьшить с 300 до 150 миллионов человек, а ее недра и другие богатства в рамках «общечеловеческих ценностей» сделать достоянием других стран. То есть мы должны как бы поделиться этими «общечеловеческими ценностями».

В показаниях я отметил, что высшему руководству страны докладывалась правдивая информация, но, к сожалению, адекватной реакции на доклады не было, соответствующих выводов не делалось. Все шло, катилось под откос, в пропасть. А на каких-то рубежах нужно и можно было остановиться!

Все это давило тяжелым грузом, постоянно угнетало. Люди понимали, что государство идет к трагическому финалу, что нас ожидает трагедия. И это несмотря на волеизъявление большинства населения, выразившего свое отношение к Союзу на референдуме. Однако все последующие действия по проблемам Союза, решению национальных вопросов до августа 1991 года проходили в принципиально ином направлении.

В своих показаниях я остановился на такой посылке

предъявленного мне обвинения, как мои опасения, вызванные дальнейшим ухудшением экономического и социально-политического положения страны. Я лишь отметил, что теперь для всех очевидно, что произошло с нашим государством. По прогнозам обстановка будет ухудшаться и далее. Позволил себе сослаться на одну констатацию в беловежском заявлении глав республик Белоруссии, РСФСР и Украины, касавшуюся положения в стране. Вот она:

«...недальновидная политика центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев общества и т. д.».

Стоит обратить внимание на то, что эта оценка куда острее, чем соответствующие положения в документах ГКЧП.

Само августовское выступление, продолжал я, было попыткой максимально возможными мягкими средствами остановить негативные разрушительные процессы. Во всех документах ГКЧП четко сквозил призыв к согласию, примирению, спокойствию, недопущению экстремизма с любой стороны. Меры, действия по линии ГКЧП не отличались жесткими подходами. Они не означали возврата к старым порядкам, подтверждали действие никем не отмененной Конституции СССР, преследовали цель восстановить законность в интересах политической стабилизации. Страна формально жила в условиях союзного государства, а ее Основной закон — Конституция СССР — грубо попирался. Парадоксально, что выступление в защиту Конституции расценивается как преступление.

Цели, действия ГКЧП не были направлены против какой-либо формы собственности, против предпринимательства. Все это нашло поддержку в документах комитета. Ничто не было направлено против интересов республик, народов, их национальные чувства ничем не были задеты. Объявлялась решимость защитить жизнь и достоинство человека любой национальности, где бы он ни находился.

Во всех документах ГКЧП подчеркивалась недопустимость тоталитаризма, диктатуры в любых формах ее проявления. И, конечно, важнейшей целью ГКЧП было безусловное отстаивание интересов Союза, сохранение его на обновленных основах.

В своих пояснениях я стремился показать необоснованность привлечения к уголовной ответственности моих подчиненных — первых заместителей председателя КГБ СССР Агеева, Грушко, начальника службы охраны КГБ Плеханова и его заместителя Генералова, поскольку их подчиненность мне не могла не отразиться на отношении к моим приказам или просьбам.

Глубоко убежден, показывал я, в правовой необоснованности привлечения к уголовной ответственности Лукьянова, Стародубцева, Тизякова. Никто из них не принимал участие в создании ГКЧП; Стародубцев и Тизяков вообще появились на заседании ГКЧП лишь 19 августа.

Ни с юридической, ни с фактической точки зрения обвинение в захвате власти несостоятельно, заявлял я в своих показаниях. Правда такова, что ни я, ни другие члены ГКЧП к захвату власти не стремились. Мне, например, не нужна была никакая другая должность, не стремился к этому и Янаев. Все были свидетелями, когда он говорил, что идет на исполнение обязанностей Президента СССР ради спасения Родины. Назначение Янаева и. о. Президента носило временный характер — на четыре-пять дней, до сессии Верховного Совета СССР. Власти достаточно было у всех. Нами двигали не карьеристские, а совсем иные мотивы.

В своих показаниях я еще раз подчеркнул свою убежденность в том, что действовал в интересах Родины, в условиях крайней необходимости, что предусмотрено законом, что речь шла не о захвате власти, а о возможности дальнейшего пребывания на посту Президента страны Горбачева, с именем которого уже невозможно было связывать ни одного положительного для государства мероприятия. На пост Президента никто из членов ГКЧП не претендовал. И это была правда!

И еще в своих показаниях я отметил: августовское выступление — это, возможно, был шаг отчаяния в попытке остановить катастрофическое развитие ситуации в стране, это было стремление опереться на действовавший, никем не отмененный Основной закон — Конституцию СССР, сохранить Союз. В надвигающемся распаде Союза виделась самая большая потеря для советских народов, в то время как в рамках союзного государства представлялся шанс покон-

чить с межнациональными конфликтами, предотвратить междоусобные войны, ни в коей мере не ущемляя интересы народов, без тяжелых социальных потрясений обеспечить демократическое обновление общества.

Таковы политические аспекты моих показаний по существу предъявленного обвинения.

Отношение сокамерников к событиям в стране и мире было самое заинтересованное. Суждения откровенные, никакой дипломатии. Друг перед другом никто не подхалимничал, да и к критическим замечаниям относился правильно, не обижался. У каждого был свой рецепт выхода из кризиса. Надо отметить, что в этих суждениях было много объективного, принципиального.

27 ноября 1991 года произошел такой случай. По радио шла передача о Ленине, приводились добрые высказывания о нем. Говорили в основном простые люди. Слова были какие-то проникновенные, теплые.

Один из сокамерников, подчеркивавший свою принадлежность в прошлом к элитной среде (доктор наук), остро среагировал на положительные высказывания о Ленине, к которому относился резко отрицательно, не жалел соответствующих эпитетов. Перешел на действительность, стал ругать советскую власть, всю ее историю. И вдруг раздался голос другого сокамерника: «Слушай, не плюй в колодец, из которого ты пил воду все свои 53 года».

Сказавший это считался «мафиози», в прошлом был неоднократно судим, находился в заключении по делу, которое он сам считал тяжелым. Но чего у него не отнимешь, так это природный ум, смекалку и житейскую справедливость.

Камера для заключенных — целый мир! В ней проходит тюремная несвободная жизнь — переживания, думы — неотступные и тяжелые. Мысленное общение, диалоги с родными, друзьями и, далеко не самое легкое, с самим собой.

В четырех мрачных стенах еще и еще раз прокручивается долгая или короткая жизнь. С тюремных позиций в деталях воссоздаются жизненные эпизоды, явственно видишь, где ты совершил неверный шаг, и даже удивляешься тому, как могло такое случиться, ведь ясно, что шаг этот не был

всесторонне и глубоко продуманным. Думаешь, не сон ли это? Но смотришь вокруг, и перед глазами — те же стены, и они возвращают тебя в мрачный, но реальный на сегодня мир. Проблеск иллюзорной маленькой надежды на что-то благополучное быстро исчезает, и опять — черная действительность.

Если когда-нибудь эти строки увидят свет и с ними ознакомится широкий читатель, на что у меня смутная надежда, то может возникнуть вопрос: «Но разве автор не знал многое из того, о чем пишет? Ведь он должен был бы знать об этом по долгу службы».

Трудный вопрос, но правомерный. На посту председателя Комитета госбезопасности я работал недолго, около трех лет, срок не такой уж большой для того, чтобы разобраться во всех сторонах деятельности большого ведомства, но не хочу искать себе оправданий, просто все дело в том, что до сих пор на всю судебную систему, включая содержание под стражей в местах лишения свободы, я смотрел исключительно сквозь служебную призму, как говорится, с одной колокольни. Сейчас к этому добавился чисто личный аспект.

По словам одного сокамерника, вся тюремная система направлена против человека. В его словах не звучал протест, он лишь выразил свое мнение, и я с ним согласен. Видимо, над этим есть смысл задуматься.

В дневниковых тюремных записях я фиксировал казавшееся для меня важным, примечательным. Вот одна из них.

Сегодня 7 ноября 1991 года. День для меня особенный — праздник, который является значимым в моем восприятии с тех пор, как себя помню, и одновременно — день рождения любимой жены. 44 года совместной жизни, и каждый этот день мы были вместе. Впервые мы врозь — я в тюрьме, жена — на свободе.

С утра один на один с радиоточкой; ловлю каждое слово, с трудом воспринимаю сообщения о праздновании 7 ноября, нет, не о праздновании, а скорее, об отношении к этому дню. Как будто прошла вечность, а я откуда-то вернулся и оказался совсем в другой стране, в другой обстановке.

По радио «Россия» бойко ведут передачи шустрые моло-

дые дикторы. С утра об Октябрьской революции говорят в негативном духе: переворот, несчастье, трагедия, 74 года господства тирании, основной виновник всех бед Ленин и т. д. и т. п. Можно потоптать и самого Ленина. Соблазнительно! Но тем не менее диктор снизошел и сказал: «Поздравляю старых обывателей с Октябрьским праздником, а молодых обывателей с началом перехода к рыночным отношениям».

Беспрерывная серия репортажей с людьми на улицах, в магазинах, на рабочих местах. «Большинство» уже не считает 7 ноября праздником. Оказывается, они и раньше так думали, но не смели говорить из-за опасений подвергнуться преследованиям.

По мнению некоторых, все наши беды и несчастья в Октябре 1917 года и в Ленине. Правда, все в той или иной мере критически отзываются о сегодняшнем положении, товарном дефиците, не уверены в завтрашнем дне.

Прорываются и другие голоса: «Мой праздник, великий день, буду отмечать!» На вопросы об отношении к жизни пяти-шестилетней давности ответы были однозначные: положительное; все было, чувствовался праздник и настроение было соответствующим, не боялись завтрашнего дня. Но такие заявления тонут в отрицательных рассуждениях ведущих радиопрограмму.

В течение всего дня радио твердит, что переворот в 1917 году совершила «кучка» лиц, оторванных от народа, не живших его интересами, и вот, мол, пришло время все расставить по своим местам. Все 74 года страна жила в условиях диктатуры и ничего, кроме мрака, не было. На смену сталинизму пришел брежневский сталинизм. И тут новое пояснение к роли главного героя кинофильма «Семнадцать мгновений весны»: «Штирлиц делал не то, что хотел, говорил не то, что думал. Точно так же жил 74 года весь советский народ».

Великий обман народа — фильмы «Ленин в Октябре», «Человек с ружьем», «Ленин в 1918 году». Эти и другие фильмы «неверно» преподносили образ Ленина, его суть и саму реальность. Только сейчас люди начинают разбираться в этом человеке, в его «диктаторских» замашках, видеть в нем «виновника» гражданской войны, первопричину после-

дующих сталинских репрессий и т. д. В лице пионеров, «милых» чекистов орудовали, преследовали, убивали, раскулачивали большевики. Ничего положительного за всю 74-летнюю истории!

О Великой Отечественной войне и победе в ней Советского Союза ни слова, о ней упомянул лишь Собчак в Санкт-Петербурге 7 ноября, выступая на праздновании в связи с возвращением Ленинграду его прежнего наименования. Кстати, для Собчака возвращение городу на Неве прежнего названия было огромной личной радостью.

В эпицентре критики — коммунистическая партия — виновница всего негативного, что произошло и происходит. Коммунистическая идеология выносится за рамки разумного, так же как в свое время выносились за рамки жизни общества другие политические течения, противоречащие коммунизму.

Встреча руководителей КНР и Вьетнама преподносится как переговоры двух стран, где еще сохраняется коммунистическая идеология. В связи с назначением на 1 декабря 1991 года выборов президента Республики Приднестровья радио предупреждает, что ничего хорошего от них ждать не следует, потому что 80 процентов депутатского корпуса — коммунисты. Митинги в защиту 7 ноября с возложением цветов к памятнику Ленина объявляются прокоммунистическими.

Весь день радио сообщает о демонстрациях, митингах, в том числе параллельных, в различных городах и районах страны. Между участниками отмечались столкновения, потасовки. Степень противостояния высока и становится все опаснее. Общество раздирают противоречия, причем по вопросам самым кардинальным. Люди, вскользь бросает радио, боятся дальнейших экспериментов, трудности становятся невыносимыми. Каким путем пойдем?

Великий князь Владимир Кириллович вместе с великой княжной находятся в Санкт-Петербурге, их торжественно встречают, они — главные гости, перед ними открыты все двери. Отвечая на вопрос, великий князь заявил о том, что может занять престол, если его об этом попросит народ. Любопытно, как будут развиваться события с великим князем? Неужто это один из путей?

Когда я писал эти строки в полдень 7 ноября 1991 года, за окном перед следственным изолятором впервые состоялась массовая демонстрация в поддержку ГКЧП. Много или мало народу — не определить, но слышу довольно внушительные выкрики: «Свободу патриотам!», «Мы с вами», «Поздравляем с праздником!», «Здоровья вам!», «Мы не оставим вас!». Слышится песня «Вставай, страна огромная».

Больше всего огромная страна нуждается в мире и согласии, но для этого нужно прежде всего горячее стремление и соответствующая основа. Основой же может быть лишь честная, социально-ориентированная программа целей и действий.

Страна должна начать работать — это первое и непременное условие. Она настолько могуча, а ее народы настолько сильны, что в состоянии справиться с любой ситуацией. Но для этого бывшему Советскому Союзу надо встать с колен, распрямить плечи, и тогда он вновь удивит мир способностью к великим делам. И ни один урок, ни один печальный опыт последних лет, хочется верить, не будут отброшены, преданы забвению.

23 декабря 1991 года все радиостанции передали сообщение, которое удивило меня больше, чем что-либо другое в то время: против Бакатина возбуждено уголовное дело по обвинению в измене Родине! Да ведь это же статья 64 УК РСФСР, то есть «моя» статья! Сообщение передавалось многократно.

Несколько дней назад радио, печать поведали миру историю, уникальную по своему содержанию, исполнению и даже по тому, каким путем о ней стало известно миру.

5 декабря 1991 года Бакатин, будучи председателем КГБ СССР, передал американскому послу Роберту Страусу материалы о внедрении техники для съема информации в недавно построенное здание американского посольства США в Москве. Вместе с материалами были переданы образцы специальной техники.

Мне известно, что Комитет госбезопасности в свое время действительно занимался этой проблемой. Были там и новинки, составлявшие тогда вершину наших фундамен-

тальных научно-технических исследований, аналогов которым не знал мир.

Судя по сообщениям, Бакатин передал американцам эти материалы конфиденциально, но посол объявил об этом в одном из своих заявлений для печати. При этом Страус отметил экстравагантность шага советской стороны и не скрыл своего крайнего удивления по этому поводу. Примечателен еще один аспект американской реакции: они выразили сомнение, а все ли им передано, возможно, кое-что все же оставили, и это обеспечит российским спецслужбам съем информации.

По российской официальной версии, в основе жеста Бакатина лежало желание предотвратить снос здания американского посольства и тем самым сэкономить до 300 миллионов долларов. Таким образом американцы, по мысли инициаторов этой затеи, как бы вознаграждались за оказываемую нам помощь.

В отечественной печати появилось довольно много публикаций по этому чрезвычайному происшествию, и ни одна из них не поддержала шага Бакатина.

В органах КГБ, как писала пресса, возмущение сотрудников вылилось в открытый протест. Он был направлен против Бакатина, его политики и действий. Оно и понятно: ущерб многоплановый — политический, экономический, оперативный, морально-психологический. Беспокойство оперативного состава имело еще одну сторону: где предел, как далеко новое руководство КГБ может зайти в своей «откровенности» со спецслужбами других стран.

Бакатин ссылался на согласие, полученное им «наверху». Но ведь дело в разумности данного решения, не говоря уже о том, что подобный шаг никого не освобождает от ответственности. И хочется надеяться, что когда-нибудь Бакатин и те, кто санкционировал это предательство, за него ответят!

В этот же день 23 декабря 1991 года было передано сообщение об интервью Горбачева американской газете. В ближайшие дни, судя по его словам, он подает в отставку, но из политики уходить не намерен. Оценил как интересные

сделанные ему предложения о работе в ряде университетов США, Германии, Японии, Франции, отметил, что мог бы совмещать продолжение политической деятельности с чтением лекций за границей.

Что ж, примечательная заявка! Для него даже не находилось места в России или где-нибудь на территории бывшего Советского Союза. Ну а что касается приглашения за границу, то это он, безусловно, заслужил.

В том, что Горбачев и еще кое-кто намерен отправиться в зарубежные странствия, ничего неожиданного для меня не было. Можно сказать, я знал об этом и раньше.

По сообщению радио в декабре 1991 года Горбачев заявил, что даже после Беловежских соглашений и ликвидации поста Президента СССР вместе с Союзом он испытывает удовлетворение от начатых им преобразований. Каков извращенец!

Я слушал радио, и меня интересовал один прозаический вопрос: Горбачев уже не Президент, да к тому же уедет, к примеру в Америку, а гэкачепистов собираются судить за то, что они за несколько месяцев до этого усомнились в целесообразности его пребывания на посту Президента СССР, потому что было ясно, в какую бездну он вел страну. И привел.

Могут в который раз спросить: где же были раньше, почему молчали? Не молчали! Поднимали голос, спорили, получали обещания, заверения, но только к середине августа 1991 года я, да, уверен, и другие поняли, что его заверения — пустые слова, обман.

Понимал ли Горбачев, куда идет страна? Теперь, после всего произошедшего, можно с уверенностью ответить: да, понимал, во всяком случае, не мог не понимать!

25 декабря 1991 года Горбачев заявил о своей отставке. Высказал негативное отношение к созданию Содружества Независимых Государств, но одновременно заявил, что будет его поддерживать. Видите — опять и так, и эдак! Дал абсолютно положительную оценку своему периоду деятельности, но итоги этой деятельности обошел.

Вскоре Горбачев получил еще одну заслуженную пощечину: ему было отказано в праве на неприкосновенность,

вместо просимых им 200 человек охраны оставлено в 10 раз меньше — 20 человек.

26 декабря он сообщил, что три недели не будет появляться перед общественностью, затем объявит о своих планах. Заявил также, что не собирается уезжать из страны, будет жить здесь. Не упустил случая еще раз боднуть партию, свалить все грехи на нее, пожаловаться, как он настрадался, борясь с партократами. Интересно, в чем же они ему мешали? Видимо, итогов 1991 года он хотел добиться на пару лет пораньше, а ему все время чинили препятствия. Невольно напрашивается именно такой вывод.

Любопытна реакция на уход Горбачева. Запад рассыпается в похвалах — «историческая личность», «выдающаяся», «эпохальная», «реформатор», «спаситель» народов бывшего Союза от тоталитаризма, полуфашистского режима и т. д.

Руководители Германии благодарят за то, что «отдал ГДР», США — «за демократию и свободу для народов Союза». В том же духе высказываются и лидеры Англии, Японии и других стран.

Китайская сторона резко критически оценила период деятельности Горбачева, возложив на него ответственность за развал Союза, хаос, кризис в экономике и т. п. Столь откровенно Китай выразил свое отношение к Горбачеву впервые.

Все было бы хорошо, если бы похвалы Запада дополнялись пусть не такими же восторженными, но положительными оценками советских людей. А вот тут-то картина иная.

Кое-кто благодарит Горбачева за то, что он подарил нашим людям «демократию и свободу». Но это идет от примелькавшихся представителей средств массовой информации и некоторых политических деятелей определенной направленности. Народ же дает бывшему Президенту крайне отрицательную характеристику, и общего плача по его уходу что-то не слышно. Более того, раздаются требования предать его суду за государственную измену!

Думаю, время, обстоятельства определят многое в проблеме Горбачева. Счет к нему продолжает расти. И в том, что он будет значительным, лично у меня нет никаких сомнений.

...Одолевают думы все более тревожные. Проблемы нагромождаются одна на другую, трудности растут, жизнь страны, народа на глазах ухудшается. Мучительно преследует вопрос: что же произошло?

Можно с уверенностью сказать, что с уходом Горбачева закончился самый трагический период в жизни народов СССР.

Да, нет никакого преувеличения — именно с Горбачевым, именно с этим человеком связаны самые драматические страницы в многовековой истории Отечества. Горбачев положил начало событиям, которые в одночасье сделали большинство населения, миллионы граждан Советского Союза несчастными. Это время разрушения, вхождения в хаос, неимоверных лишений, до боли обидного трагизма. Своими руками мы уничтожили великое творение тысячелетней истории.

Сколько крови, пота было пролито, сколько миллионов жизней стоило это предыдущим поколениям! Мне, человеку, в общем-то прожившему жизнь, больно думать о детях, внуках, об их судьбе. Что ожидает их, с чем они столкнутся?

Содружество Независимых Государств — это последняя, но очень скользкая подножка уходящего поезда Истории, за которую мы уцепились, связывая с ней последние надежды. Но насколько она прочна и неиллюзорна? Не обман ли? Разъединение противоестественно, и сколько продлится оно — сказать невозможно.

Находясь в тюрьме, чувствуешь, как напряженно работает мозг, как без всякой шелухи выдает оценки, ищет выход. Главная забота — Россия. Все больше и больше появляется признаков ее возможного распада. Он зреет и может остро проявиться в любое время и в любых формах. Прямая конфронтация для урегулирования назревших проблем — сегодня уже не метод, он принесет еще больше издержек, не говоря уже об опасности гражданской войны. В этом случае — большая кровь. Рядом с национальным сепаратизмом очевиден региональный, и он не менее опасен.

В силу тяжелейшего положения в стране мы, естественно, столкнулись с внутренними проблемами и пока не соизмеряем внутреннюю опасность с опасностью внешних фак-

торов. А они уже отчетливо обозначились и открыто ломятся в дверь.

Территориальные вопросы дают о себе знать вдоль всей границы бывшего Союза. Особую деликатность проявляет пока Китай, хотя стоит вспомнить и всесторонне проанализировать его негативную реакцию на деятельность Горбачева. Материалов для анализа пока недостаточно, но они, несомненно, будут появляться по нарастающей.

Однако есть один аспект, который требует к себе особого внимания. Как ни тяжело признавать, но ослабленный бывший Союз, появившиеся на его месте независимые государства кое-кому могут показаться легкой добычей. Во всяком случае никто не пожелает оказаться в числе опоздавших или позволить кому-то урвать слишком много.

Думая об этом в тюрьме, отчетливо представлял, сколько людей, считающих себя политиками, обрушились бы на меня за эти высказывания. Но в большой политике должен присутствовать реальный подход, учет всех возможных вариантов развития обстановки, и прежде всего — самых неблагоприятных.

Пошел пятый месяц пребывания в заключении. Медленно тянется время. Постоянно ощущаешь боль от всего, в первую очередь от тупого, бесполезного однообразия. Появляется какое-то безразличное отношение к окружающей действительности. Единственно, к кому волей-неволей присматриваешься, кого стараешься понять, это сокамерники.

За время заключения их у меня было восьмеро. Все разные по возрасту, характеру, семейному положению, по профессии, местожительству, причине ареста. Но есть общее — все они оказались близкими по несчастью, и горе, независимо от его конкретной сути, сделало их единострадальцами, понимающими, сочувствующими друг другу, короче говоря, товарищами по беде. Среди них были по-своему яркие, неординарные люди — по колориту прожитого или по числу лет, проведенных в заключении, по ту сторону закона, по мукам, на которые они себя обрекли.

Каждый живет своим миром, своим несчастьем, копается в своей душе, своей памяти, выискивает любую зацепку

для защиты, испытывает сожаление по поводу происшедшего. «Терзать себя прошлым не стоит», — много раз говорили они.

Не знаю, возьму ли я когда-нибудь на вооружение этот постулат. Горечь от тяжелых дум, убежденность в том, что ты хотел только хорошего, ничего не желая лично для себя, постоянно держат душу и сердце в напряженно-тягостном состоянии. Привыкнуть к столь узкому миру теоретически и практически невозможно, вынужденно смириться — да.

Так кто же эти люди — товарищи по тюремному несчастью? Начну с первого, с кем познакомился.

26 августа я, как сказано выше, прибыл из следственного изолятора г. Кашина в «Матросскую тишину». Часа в четыре утра вошел в камеру, прошу прощения, меня ввели. Я представился, назвал свою фамилию, имя, отчество. В ответ — изумленные лица находившихся в камере заключенных. Сказал, что очень трудно перехожу на «ты», этой особенности верен постоянно. Они восприняли мое замечание с удивлением, но впредь никто из них не отступил от такой формы общения со мной.

Первому было 47 лет, небольшого роста, крепкого телосложения. На груди, руках обильная татуировка. Следит за собой, идет ли к следователю, адвокату или на прогулку, всегда опрятно одет: выходные брюки отглажены под матрацем, ботинки блестят от постного масла.

Жизнь свою вспоминает с болью в душе. Родился в тюрьме в небольшом городке недалеко от Оренбурга. Мать вместе со своей сестрой за хищение государственного имущества была осуждена на 10 лет лишения свободы и отбывала наказание в исправительно-трудовом лагере. В то время порядки были строгие, беременность, а затем ребенок не являлись основанием для освобождения от наказания. В лагере отбыла наказание полностью.

Двухлетним ребенком его отдали бабке, у которой он воспитывался до пяти лет, потом жил у дяди, а по выходе матери из тюрьмы в 1953 году стал жить у нее.

В школе учился так себе, переходил из класса в класс с посредственными оценками, убегал с уроков, пропускал за-

нятия. Жил в разных городах Средней Азии — в Самарканде, Ташкенте, Душанбе. Рано, в 15 лет, стал работать — строителем. Дело спорилось, на работе ценили, заработки были хорошие. Товарищи подметили у него смекалку, старание, руки умели многое.

Подошло время идти в армию, служить хотелось. В армии стал связистом, специальность освоил быстро, получалось все здорово. Срок службы подходил к концу, и ему предложили остаться в армии на сверхсрочную службу.

Решил демобилизоваться. Вспоминает об этом с сожалением, считает, что, останься он в армии, жизнь его могла бы сложиться иначе: не видел бы тюрем да лагерей, не пришлось бы испытать столько мучений и горя.

После армии вернулся к матери в Душанбе. То ли в силу какого-то внутреннего влечения, то ли из желания пожить получше начал понемногу приворовывать, занялся спекуляцией. Появились деньги, а с ними веселая жизнь — рестораны, женщины.

В 21 год — прочная связь с женщиной. Ей было уже за 25. С ее стороны любовь была большой, настоящей. Она захотела стать матерью, иметь от него ребенка без всяких обязательств. Родила двойню, замуж не вышла и счастливо живет. Он бывал у нее, и не раз, помогал материально.

В 25 лет получил первый срок — пять лет лишения свободы за кражу. Отбыл два года, освободили досрочно.

Приехали в Душанбе молодые ткачихи из Иванова. Зашли как-то к его матери, работали вместе. Одна из них сразу ему приглянулась. На другой день он сделал ей предложение, получил согласие, а на третий день взял в свой дом. Так и стали жить. Образовалась семья, трое детей, уже есть внуки. Построили добротный дом со всеми удобствами. Жили в приличном достатке.

Совершил еще одно преступление — кражу, и новый срок — пять лет лишения свободы. Уже находясь в заточении, совершил еще одно преступление, да еще плюс побег — и к старому сроку добавили новый — шесть лет. Итого 11 лет — и все день в день отсидел.

Тяжкими были эти 11 лет. Особенно трудной была тайга, до 50 градусов мороза, к месту работы восемь километров; преодолевали пешком, туда и обратно.

Лесоповал валил и людей, многие не выдерживали, умирали. По его рассказам, за два года работы на лесоповале из 130 заключенных выдержали только 19. Остальные или не выжили, или больными были возвращены в лагерь.

С питанием в общем-то было терпимо, но жилье, медицинское обслуживание, одежда — за чертой возможностей человека. Слабый попадал под влияние более сильного, а последний не всегда был милосерден. Правда, обстановка сближала, люди стояли друг за друга, это помогало им выживать. В тяжелые минуты для помощи товарищу находилось все: пища, лекарство, одежда, спиртное, а главное — сочувствие и взаимная выручка.

В третий раз он был арестован в январе 1991 года за незаконное хранение и продажу оружия. Вяли с поличным.

Дело групповое, по нему проходят жители Таджикистана, Москвы, Владимира. Если признают виновным, то многое зависит от квалификации: по одной статье — до 5 лет, а по другой — до 10.

В тюрьме не принято интересоваться сутью и ходом дела. Мудрое правило, оно позволяет каждому заключенному оставаться вне подозрений. Достаточно проявить излишнее любопытство, чтобы вызвать массу нежелательных предположений, за которыми не задержатся и выводы.

Он знает все неписаные правила. Исходит из того, что получит срок, и думает, как его прожить с наименьшими издержками.

По своим личным качествам — волевой человек. В среде заключенных — хозяин, прибирает власть быстро и решительно. Если надо, использует силу.

Рассказал такой случай. Как-то поместили его в камере с большим числом заключенных. В ней был главный — пахан. Лучший кусок ему, все передачи тоже. Пахан распоряжался всем и всеми. На требование пахана рассказать о себе он, оценив обстановку, выплеснул ему в лицо чашку растительного масла, пояснив, что это в порядке ответа на вопрос. Впечатление было ошеломляющим, власть немедленно перешла к нему.

Не терпит даже малейшей несправедливости, остро, порой неадекватно резко реагирует на ее проявления. Карцеры, лишения, ограничения терпел в основном из-за этого. Не

лишен достоинства и каждый пустяк, ущемляющий, по его мнению, его права, встречает в штыки.

Нервы на пределе, начинает терять здоровье. Сказывается одна серьезная травма. В 26 лет автомашина с людьми (он был водителем) попала под снежный завал. Под снегом находились семь суток, часть людей погибла. Только благодаря мужеству, выносливости и смекалке он и его напарник не погибли. Получил тяжелые травмы, воспаление легких, лишился глаза. Так что в глаза смерти он смотрел не раз.

Природа одарила его многими редкими качествами. Он поет, играет на гитаре, гармони, лепит удивительные фигурки из хлеба, строит, казалось бы из ничего, дворцы, церкви. Материалом служат спички, пачки из-под папирос, бумага.

К Новому году украсил камеру серебристыми гирляндами (пачки из-под чая), елкой (использовал зеленку), снежинками (вата), большими бумажными шарами (газеты), которые кружатся от легкого дуновения воздуха. На окно наклеил большой разукрашенный лист с надписью «С Новым, 1992 годом!». Нам сказали, что во всей «Матросской тишине» не была украшена ни одна камера. Из хлеба смастерил небольшую гитару, приспособил к ней струны, и, представьте, она издавала звуки!

Он начитан, активно пользуется тюремной библиотекой, любит Пикуля, Шолохова. Благоговеет перед русской народной музыкой, любимая певица — Валентина Толкунова. С нетерпением ждал музыкальные радиопередачи Татарского, который уже в течение 25 лет вел задушевный разговор со слушателями с помощью диалога, писем и музыки. От проникновенного текста может пролить слезу. Несмотря на биографию, связь с преступным миром, удивительно сентиментален.

Сочувственно относится к обездоленным людям, оказавшимся в бедственном положении. Через адвоката попросил жену послать в Ростов-на-Дону 500 рублей женщине, фотографию которой увидел в газете «Аргументы и факты». Эта женщина написала о том, что живет одна с тремя детьми, хорошая хозяйка, может составить семейное счастье тому, кто решит связать с ней свою судьбу. Обращает внима-

ние на объявления одиноких женщин и некоторым из них послал успокоительные письма.

Нельзя не отметить еще одно качество: любит писать небольшие рассказы. Прочитал мне три из них. Рассказы откровенные, эмоциональные, открывают мир человека с нежным любящим сердцем и тонкой душой.

Вообще, он был самым занятым и работящим обитателем нашей камеры. Постоянно что-то делал. Если к этому добавить, что он отлично готовит, шьет, сам построил себе в Душанбе большой дом, невольно задумываешься над возможностями русского человека. Своей родиной считает Таджикистан, тянется туда, о таджиках говорит с уважением. На вопрос, знает ли таджикский язык, ответил: «А как же? Знаю киргизский, узбекский, таджикский, туркменский». Оказывается, не только говорит на этих языках, но пишет и читает. Как жаль, что его жизненный путь не сложился, смешался с преступным миром!

Ну а ко мне он с самого начала отнесся как-то предупредительно, а вскоре стал вести себя и вовсе уважительно. Дал много полезных советов, по-детски удивлялся моей «наивности».

Быстро приобщился к политике и, по-моему, от души желал мне быстрее «выпутаться» из случившейся истории, выйти на свободу. Любил говорить: «Моя бестолковка думает, что так скоро и будет». Бестолковка — это значит голова.

Вторым сокамерником был человек 24 лет, москвич, стройный, внешне очень импозантный. Абсолютно наивный в жизни, но со стремлением занять хоть в чем-то заметное положение. Был арестован за участие в групповом рэкете с применением мер психологического и физического воздействия.

По своей инициативе охотно рассказал о себе, о своей короткой жизни, как он оказался во главе группы парней, решивших отбирать у разбогатевших часть незаконно приобретенных средств. Первый сокармерник назвал его Алехой, это имя и осталось у меня в памяти.

Родители Алехи были людьми с положением в обществе, материально жили прилично, но в одночасье его жизнь

поломалась: матери не стало, а с отцом связь нарушилась. Осталась бабушка, которая и посылала ему в тюрьму скромные передачки.

Видимо, Алеха вращался среди московских именитостей. В разговорах сыпал известными фамилиями, однако на осторожные уточняющие вопросы или не отвечал, или говорил сбивчиво, и сразу было видно несоответствие между его рассказами и действительностью. Усердствовал в стремлении показать свою значимость. Сразу было видно, что это — слабость Алехи, а может быть, и нечто даже патологическое. По-моему, на этом он и погорел. «Со мной, — подчеркивал он, — советовались из других групп рэкетиров, я консультировал многих». Любил вспоминать, как брали его с друзьями в ресторане. «Были брошены большие силы милиции, только таким путем нас взяли», — не без гордости говорил он. Часто беспричинно смеялся, иногда вдруг впадал в грусть. Когда получал передачи, говорил о бабушке с жалостью: «Как она, бедняга, выкручивается?»

Диапазон его любознательности широк: политика, экономика (раньше он, оказывается, «увлекался» экономическими проблемами), спорт и т. д. В будущем собирается писать книги, воспоминания. Психологически еще не сформировался, характера нет, наставника в жизни не имел, попал в сомнительную компанию и поплыл по течению — куда вывезет.

По мнению первого сокамерника, Алеха — человек пропащий, преступная среда его сломает, безволие, неприспособленность к жизни превратят его в легкую добычу матерых уголовников.

Мне с самого начала по-отечески было жаль Алеху. Одежонки у него почти никакой, и как только я получил из дома вещевую передачу, поделился с ним, и это его безмерно тронуло. По утрам я старался накрыть его чем-то теплым, скрашивал его жизнь добрым словом, участием. Вскоре последовала команда Алехе собрать вещи, и он был переведен в другую камеру.

Теперь еще об одном — личности, бесспорно, колоритной, известном специалисте в своей области и, даже можно

сказать, авторитете. Не буду называть его имени, постараюсь зашифровать этого человека, хотя близкие к нему люди узнают, о ком идет речь.

Он выходец из Средней Азии, наполовину (по отцу) русский, 53 лет. Бо́льшую часть жизни прожил в Москве, однако сохранил многие восточные привычки, остался верен обычаям узбекского народа, что в какой-то мере предопределило его образ жизни, отношения с людьми.

В жизни пошел дорогой отца, избрал относительно редкую специальность психиатра. Дело шло неплохо, в 40 лет — доктор наук, научная работа в одном из институтов, чтение лекций, широкая медицинская практика. Умение находить общий язык с коллегами, контакты с пациентами сделали его широко известным, люди тянулись к нему, обращались за помощью.

Не все делал бескорыстно, не отказывался от вознаграждений, подарков, но делал это практически открыто, считал, что такое — в порядке вещей.

В 1985 году против него было возбуждено уголовное дело по обвинению во взяточничестве, мерой пресечения избрано содержание под стражей. Больше года — предварительное следствие, около двух лет — судебное разбирательство, затем процесс подачи кассационной жалобы. В итоге — шесть с половиной лет продержали в следственном изоляторе.

В ходе расследования проверялось более 200 эпизодов, из них осталось 27. Общая сумма взяток около 20 тысяч рублей. По делу проходило четверо подсудимых. Двое из них были приговорены к небольшим срокам, отбыли их и уже находятся на свободе. А двое отбывают наказание.

Так вот мой сокамерник, о ком пойдет речь, получил 11 лет, другой его подельщик — 7 лет. Оба не признали себя виновными, а те, кто на свободе, вину признали полностью.

Он считает, что полученные им вознаграждения были не взятками, а благодарностью, платой за услуги в нерабочее время. Он не был должностным лицом, от него не зависела судьба тех, кого он лечил, вымогательства не было, о чем показывают все проходящие по делу свидетели.

По его рассказу, в ходе следствия ему настоятельно советовали признать вину, тогда, мол, мера наказания будет

небольшая и дело, таким образом, завершится для него с минимальными издержками. С таким настроением он шел на суд. Но когда увидел заполненный зал, знакомых и родных, отказался от первоначального намерения и решил занять позицию, подсказанную совестью: не признал себя виновным и стал опровергать предъявленное ему обвинение.

Год и семь месяцев с перерывами шел судебный процесс. Это было состязание его и товарища с судом и государственным обвинителем. Но его подвел характер: взрывной, резкий, он способен на оскорбления. За вызывающее поведение его несколько раз удаляли из зала суда, иногда он отказывался отвечать на вопросы. Когда совсем сдавали нервы, оскорблял прокурора и судью (обе женщины) как должностных лиц, не щадил их человеческого достоинства.

С тех пор ни о каком помиловании даже не помышлял, готов отбыть срок в 11 лет, и если не добьется правды, то после освобождения намерен продолжать борьбу за полную реабилитацию.

По его словам, ни один из выступавших на суде из числа тех, кто давал ему вознаграждения, не сказал о нем худого слова, благодарили за помощь, особенно когда речь шла о детях. Некоторые из свидетелей отказались от первоначальных показаний и вообще отрицали факты дачи вознаграждения.

Оставим в стороне юридическую сторону дела. В конце концов, в этом должны разобраться юристы и суд. Хотел бы вернуться к его личности и поярче показать ее. Он автор многих научных трудов по медицине, психиатрии, имеющих специальное и общеобразовательное значение. Многие из них переведены на иностранные языки. Он решил посвятить жизнь психически ущемленным людям — слабо изученному в медицине направлению. Главную причину видел в недостатке кадров и их слабой подготовке, вел большую работу по совершенствованию их знаний — курсы, симпозиумы, практические занятия и т. д. Непосредственно курировал научную работу целой группы молодых специалистов. Имел отделение для больных в клинике.

Знание иностранных языков — английского и немецкого — позволило ему проложить путь к зарубежному опыту, чем он активно пользовался. Поездки в другие страны, пере-

писка с зарубежными научными центрами и специалистами помогали расширять его познания, сравнивать отечественные достижения с мировыми.

Он внимательно следил за нашим самочувствием, ставил диагнозы, давал советы. Его диагнозы затем полностью подтверждались тюремными врачами, что еще больше повышало его авторитет.

Помимо всего прочего, он владеет гипнозом, способностями экстрасенса. В этом я имел возможность убедиться лично. Его сеансы перед ночным отдыхом оказывали благотворное воздействие. Он давал массу полезных практических советов. Чувствовалось, что он страдает от безделья и несказанно рад, когда к нему обращаются как к врачу, пусть даже по пустяковому поводу.

В политическом плане — антисоветски настроенный человек, лютой ненавистью ненавидит Ленина, КПСС, социализм и все, что с этим связано. Для негативных эпитетов в адрес Ленина и партии не жалел слов и пускал в ход все свое красноречие. Ратовал за деление общества на бедных и богатых. Никаких ограничений для богатства! Каждый живет в соответствии с доходами. Таланты должны вознаграждаться без ограничений. Главная забота государства — держать под контролем «люмпенов». Запад и Япония для него — образец благополучия и справедливости. После освобождения из тюрьмы намеревался уехать в другую страну. Мечтал о Южно-Африканской Республике, где думал начать безбедную жизнь.

Он жизнелюб, имел достаток, гурман, любит Россию, но не хочет жить так плохо, как большинство россиян. Интеллектуально богат, эрудирован, великолепно знает отечественную и зарубежную литературу — прозу и поэзию, древнюю историю.

Хорошая память позволяла ему воспроизводить большие выдержки из прочитанного. Сам сочинил несколько сот коротких стихотворений — сонетов, продолжает работать над ними, мечтает издать, имеет на этот счет договоренность с издательством. Знаток и ценитель музыки, прежде всего классической. Многие оперы знает наизусть — и либретто, и музыку. Сам играет на фортепьяно.

8 ноября 1991 года по радио передавали оперу Беллини «Норма». Надо было видеть, с каким самозабвением он прослушал ее от начала до конца, а затем долго переживал, воспроизводил отдельные отрывки из арий. Одинаково любит восточную и западную музыку.

В семейной жизни несчастлив — второй брак оказался таким же непрочным, как и первый. Жена расторгла брак вскоре после вынесения ему приговора. Сын остался с женой, и он считает, что потерял его навсегда. Лишился жилья, у него нет даже скромного угла в стране, которой тоже не стало.

В тюрьме провел шесть лет — по времени и значимости целую эпоху. За это время полностью обнищал, нет денег, но появились долги, считает, что на нем клеймо преступника. Здоровье основательно подорвано, астма разыгралась не на шутку и делает свое дело. По ночам его мучил кашель, курение отнимало последние остатки здоровья. «Выйду из тюрьмы — запью, чтобы через полгода уйти в лучший мир», — говорил как о давно решенном.

Не знаю, какое постановление примет суд высшей инстанции по его кассационной жалобе. Возможно, освободит из-под стражи, ограничившись отбытым сроком наказания. Но вопрос не только в этом. Ценность его как специалиста несомненна. Специальные знания — не его личное достояние, а достояние государства. Знания, способности, опыт деньгами не измеришь.

Как-то в камеру пришел врач, осматривал пациента. Сокамерник очень деликатно дал ему один совет, другой. Врач согласился, и между ними произошел профессиональный разговор не без пользы для врача. Я спросил третьего сокамерника, используют ли его в тюрьме как врача-психиатра? Он с горечью ответил, что его услугами ни разу не воспользовались. Кстати, его ждут в прежнем институте, он имеет неофициальные приглашения еще в некоторые учреждения. Но как он поступит, еще не решил.

Неужели после освобождения он уедет в ЮАР, а не останется в России, чтобы лечить, приносить пользу людям здесь?

..В 22.00 8 ноября 1991 года выключили радио, а я мысленно пробежал все 74 года советской истории.

Разными они были. Были годы поражений, позора, унижений, репрессий. Но были годы побед, подъема, движения вперед, возрождения. Были годы усиления советского влияния в мире, под воздействием которого менялся в лучшую сторону облик человеческого общества на планете. Было все, и ни от чего мы не вправе отказываться!

1991 год лично для меня был самым тяжелым, драматическим, не считая, разумеется, 1941 года — начала Великой Отечественной войны. В 1991 году у меня рухнули надежды на сохранение Советского Союза, гражданином которого я являлся. Участие в августовских событиях перевернуло мою личную жизнь, обрекло на страдания и душевные муки родных и близких, а я лишился свободы, не добившись спасительной для страны цели.

Сокамерник, что недавно с воли, рассказывает о житье; слушая рассказ о тяжелой жизни, мытарствах людей, порушенном государстве, один из сокамерников с горечью произнес: «А Родину-то нашу распяли...»

Огромный, порой нечеловеческий труд оказался вдруг лишним, иногда, казалось, напрасным. Самые добрые намерения обернулись тяжелым поражением. С нуля не начнешь — слишком много лет позади и совсем мало впереди. И все же человек редко вовсе теряет надежду.

Мне в тот день, 8 ноября, тоже хотелось верить в то, что еще не все потеряно. И я верил!

Каждый человек связывает с Новым годом личные надежды.

Тюрьма настолько прижимает, что разогнуться, подняться до состояния, когда человек мечтает об осуществлении желаний, почти невозможно. Нет легкости полета мысли, не хватает рвущейся ввысь энергии, ощущаешь одну тяжесть

Сокамерники заметили, что я больше говорю об общих делах, о трудном времени для страны. По их мнению, в моем положении все думы должны быть обращены лишь к семье, дому и собственной судьбе. Пришла пора, говорили

они, расстаться с политикой, она для меня раз и навсегда осталась в прошлом. Но как быть, если она стала неотъемлемой частью моего существования, второй натурой. Видимо, вырвать политику из моего сердца уже невозможно ни обстоятельствам, ни времени.

Без сомнения, 1991 год будет предметом изучения политиков, историков, социологов, ученых. В этом году произошло многое, что зрело, копилось и, наконец, прорвалось. К этому году будут возвращаться не раз, и, вполне возможно, издалека кое-что увидится в другом свете.

В первый день Нового, 1992 года передачи по «Маяку» носили далеко не оптимистический характер. Делалось это даже нарочито. Прозвучал репортаж с улицы: большинство не верит в улучшение положения в 1992 году, меньшинство выразило готовность ждать, проявить терпение. Люди со страхом относятся к либерализации цен. По официальным данным, большинство населения немедленно окажется за чертой бедности.

Вообще в последнее время содержание радиопередач изменилось, но этот сдвиг еще не слишком заметен. Различные точки зрения по основополагающим проблемам, действительное положение в стране объективно не отображаются. В условиях острой социальной обстановки, естественно, появляется соблазн успокоить, умиротворить народ на потребу скорее тактическим, чем стратегическим нуждам. Ну а если завтра наступит большее обострение ситуации? Видимо, ни одного рецепта, кроме объективности, не придумаешь.

От уходящего года осталась заметная, зловещая тень гражданской войны. Она не исчезла, не ушла, она в нашем доме. Ее очаги полыхают в Нагорном Карабахе, в конфликте участвуют две республики, точнее два государства — Армения и Азербайджан; там идут настоящие бои, каждый день убитые и раненые, разрушения. То же самое происходит в Грузии. На грани военного конфликта обстановка в Молдавии, жертвы уже есть.

В этом году мы ходили по опасной грани конфликтов во многих районах бывшего Союза. Крупномасштабных взрывов удалось избежать, но ситуация непредсказуема, и как пойдет развитие в самом ближайшем будущем, сказать трудно.

Высказывается надежда, что роль сдерживающего фактора будет играть Содружество Независимых Государств. Создание СНГ почти всеми средствами массовой информации преподносится как наиболее значительное свершение в жизни народов бывшего Союза, «победа разума», «историческое дело», «прорыв», — в общем, в нашей истории ничего более грандиозного, чем встреча в Беловежской пуще, не было.

Когда роешься в причинах трагедии Родины, невольно обращаешься к высшим союзным законодательным органам последнего созыва — Съезду народных депутатов и Верховному Совету СССР.

История отвела им короткую жизнь, писал я в своем тюремном дневнике 1 января 1992 года. О них можно вести речь лишь в прошедшем времени — их нет, они ушли в историю, в небытие. Одни депутаты сошли с политической арены и никогда не вернутся на это поприще, смирились с тем, что случилось. Другие, их меньше, пытаются удержаться в политической жизни, подают голос, часто весьма робко, надеются на чудо, которое вдруг вернет их в большую власть. Есть еще одна группа депутатов, сравнительно небольшая, которая успешно пережила смутное время, приспособилась к новой обстановке, более того, внесла свой «достойный» вклад в разрушительные процессы.

Отгремели политические баталии в стенах Кремля, принятые Съездом и Верховным Советом СССР законы, на которые потрачено столько сил и времени, по большей своей части не действуют, выброшены в корзину. Вместо ореола созидателей бывшим высшим советским законодательным органам уготована судьба могильщиков Союза, в лучшем случае соучастников.

При выработке принципов проведения выборов, формирования и работы союзного депутатского корпуса были допущены роковые ошибки. Они дорого обошлись государству.

Все по-разному понимали и понимают демократию. В условиях демагогии, популизма и всеобщей неразберихи она по форме и содержанию превратилась в беспредел. Пра-

вовых норм, строго регулирующих порядок выдвижения кандидатов в депутаты, проведения выборов, формирования руководящих органов в стране, по существу, не было, и они отрабатывались на ходу. Институт депутатов от общественных организаций был глубоко порочным. Идея пошла сверху и с самого начала была задумана для обеспечения прохождения в депутатский корпус определенных лиц.

Прежде всего, конечно, речь идет о Горбачеве. В 1989 году он уже хорошо понимал, что его кандидатура на пост руководителя страны не бесспорна.

В ту пору авторитет Горбачева стремительно падал. Люди нутром чувствовали, что их лидер, как говорится, «не тянет», или тянет, но не в ту сторону. Открытый, честный поединок с достойным претендентом можно было не выиграть. Тогда-то появился вариант выборов депутатов от общественных организаций. Это давало почти стопроцентную гарантию. Вариант избрания депутатов от общественных организаций рассматривался как спасительный, и он действительно выручил Горбачева. Так в высшей законодательной структуре появился объект постоянных нападок — депутаты от общественных организаций.

Депутаты получили широкие властные полномочия, и их естественным желанием было в полной мере воспользоваться данной им властью.

Первое, что сделал Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР, — смешал исполнительную и законодательную власти в одну. Щедро принимались решения, касающиеся повышения жизненного уровня отдельных категорий населения, выделения средств на социальные нужды, на отдельные народнохозяйственные программы. Но при этом ответственность законодательных органов была символической.

Вопреки мнению правительства СССР, без основательной проработки вопросов, очевидного отсутствия средств, решения сыпались как из рога изобилия.

Страстные выступления председателя планово-бюджетной комиссии Верховного Совета СССР Кучеренко взвешенно подойти к рассмотрению вопросов и не губить вконец экономику, не доводить ее до краха не возымели никакого воздействия.

Функции исполнительной и законодательной власти роковым образом разделились в одном: последняя принимала постановления о выделении средств, а исполнительная должна была находить их. Поскольку резервы были исчерпаны, ничего другого не оставалось, как прибегнуть к эмиссии денег, что стало все шире и шире практиковаться.

В 1990—1991 годах экономику стало опасным образом лихорадить. Однако Верховный Совет не отдавал себе полного отчета в этом, продолжал интенсивно штамповать решения, не обращая внимания на то, что предыдущие не выполнялись или просто игнорировались.

Была устроена невероятная гонка с принятием законов. Многие решения принимались Верховным Советом с явным желанием угодить избирателям, чем были особенно вредны. Дело доходило до того, что Верховный Совет сам решал, на какие виды продуктов и промтоваров надо повышать цены и насколько.

Именно Верховный Совет по предложению Горбачева лишил сначала Совет Министров, а затем Кабинет Министров СССР многих прав, полномочий и, следовательно, ответственности. Постоянные отчеты, выступления премьера, министров перед комитетами, комиссиями Верховного Совета СССР и перед ним самим по отдельным сугубо практическим вопросам выбивали органы исполнительной власти из рабочей колеи. Многие руководители ведомств не хотели оставаться на своих постах, переживали за состояние дел и прямо говорили, в сколь опасном направлении идет экономика страны.

К концу своей жизни Верховный Совет начал осознавать тревожную реальность обстановки. Однако это прозрение наступало уже на фоне все ухудшавшейся общей ситуации. И вот пришел момент, когда члены Верховного Совета вдруг ощутили свою обреченность. Эта обреченность толкала депутатов на поиск спасительных путей.

А ведь Верховный Совет и тем более Съезд народных депутатов СССР обладали всей полнотой власти и могли решить любой вопрос. Во всяком случае, сместить Горбачева с поста Президента не составляло особых трудностей. Однако высшие законодательные органы не использовали исторический шанс спасти Отечество.

Вместо принципиального подхода большинство народных депутатов встали на путь приспособленчества и стремления выжить любой ценой.

Одно очень важное обстоятельство сыграло негативную роль на положении Верховного Совета и страны в целом — отсутствие взаимодействия с парламентом РСФСР. Найди они общий язык — и многое могло бы развиваться в совершенно ином направлении. Трудно определенно назвать конкретных лиц, от которых в основополагающей мере зависели отношения двух парламентов, но одно несомненно: были реальные возможности для их плодотворного взаимодействия.

Члены Верховных Советов не проявляли инициативы в налаживании отношений, а сверху это не только не поощрялось, а, напротив, любые попытки наладить контакты воспринимались отрицательно. К сожалению, и здесь шла губительная для обеих сторон война между Союзом и Россией. Во многом в результате конфронтации с Россией сгорел Союз, но и Россия вышла из этой борьбы значительно ослабленной.

После августа 1991 года разыгрались драматические события в жизни Верховного Совета и Съезда народных депутатов СССР. Оба высших органа прекратили свое существование бесславно, погибли на глазах у всех.

Многие депутаты, даже из числа демократически настроенных, пытались что-то предпринять для их спасения Но это был уже глас вопиющего в пустыне.

Как всегда, лавировал Горбачев, сдавая одну позицию за другой. Те, кто ему верил, видимо от безнадежности, вновь в нем обманулись.

Еще раз, но уже последний, союзные депутаты оказались обмануты, когда поддались осуждающему заявлению Горбачева по Содружеству Независимых Государств и вознамерились по призыву Президента собраться на внеочередной Съезд народных депутатов для обсуждения сложившейся ситуации.

Однако Горбачев тут же отступил, «признал реалии», а о своем призыве провести съезд просто «забыл». Что это импульсивность, обычное для него маневрирование или очередной акт предательства?!

Я часто думаю, кто же больше повинен в том, что случилось с нашей страной, — Горбачев или те, кто голосовал за него, доверял ему. На мой взгляд, виновны обе стороны!

Почему в декабре 1991 года депутаты в этот смертельный для России час не возроптали, не возмутились? Раздавались же трезвые голоса, но большинство к ним не прислушалось, поверило очередным увещеваниям, уговорам. А ведь еще в ноябре 1990 года на IV Съезде народных депутатов СССР прозвучал голос Сажи Умалатовой о наступающей опасности, о том, что Горбачев не тот Президент, ее требование убрать его с этого поста. В душе многие с ней соглашались, а когда дело дошло до голосования, ее предложение поддержали лишь 400 депутатов.

Уверен, ряд депутатов до конца дней будут горько сожалеть об этом.

В своем тюремном дневнике нашел следующую запись, сделанную в ноябре 1991 года: «Мне довольно часто приходилось бывать на заседаниях Верховного Совета СССР, не раз выступать. За свои выступления не стыдно, они были принципиальными, острыми, честными. Часто после них подходили депутаты, выражали согласие, благодарили за мужество и гражданственность. Я не корил их за то, что они молчали. Понимал: они проходят политическую школу, и час их придет. И сейчас верю в то, что час придет, но теперь ясно: через слишком тяжкие испытания, в том числе и для самих народных депутатов, в основной части достойных, верно думающих. Их поведение в какой-то мере оправдывало неумение вести полемику аргументированную, доходчивую. «Демократически» же настроенные депутаты произносили разгромные речи, разносили все, что попадалось им на пути, а что и как надо делать — их не заботило, не волновало, потому что ответственности никакой».

Наступил 1992 год. Для меня он был тюремным, полным раздумий, мучительных оценок, воспоминаний, непредсказуемости.

2 января с либерализацией цен Россия сделала, пожалуй, самый значительный шаг в рынок; правда, по весьма узкой группе продуктов установили потолок. Энтузиазма у

населения это не вызвало. Пошли тревожные сообщения о реакции людей на повышение цен. Никого не успокаивали расчеты наших официальных экономистов, в соответствии с которыми обстановка должна была стабилизироваться, а к концу 1992 года даже улучшиться. Гайдару, который (вот оптимист!) предсказал увеличение цен в три-четыре раза, не больше, мало кто верил.

Людям усиленно внушали, что переход к рынку без шоковой терапии невозможен.

Я полагал, что запрошенный кредит доверия и терпения в течение какого-то времени народ предоставит, выдержку проявит. Но прогноз был таким: жизненный уровень в течение года упадет до весьма низкой отметки, до 80 процентов населения будут жить хуже, к концу 1992 года никакого улучшения не наступит. Произойдет дальнейшая поляризация общества, однако существенных социальных возмущений не случится. Более трудным окажется 1993 год. Получение новых иностранных кредитов — большой вопрос.

В капиталистических странах развитие экономической конъюнктуры шло не в лучшем направлении, так что помощь России вряд ли возрастет, более того, она может уменьшиться или, в лучшем случае, останется на уровне 1992 года, что нас также не устроит.

А тем временем по радио навязчиво шли нарочито оптимистические комментарии, утверждалось, что народ России в целом спокойно воспринимает либерализацию цен, понимает ее необходимость. С тревогой сообщалось лишь о негативной реакции населения в отдельных городах. Подчеркивалось стремление левых сил воспользоваться обстановкой и вызвать социальный взрыв, направить его против российского руководства и проводимых им реформ. Одно за другим пошли сообщения о многократном (до 70 раз, Гайдар-то говорил — в три-четыре раза!) повышении цен на продукты питания.

В печати разброс мнений, выводов и прогнозов. Газеты, различные по политической ориентации, отношению к происходящему, к существу и методам реализации экономических реформ, предлагают читателям крайние оценки, сбивают с толку.

Люди устали от всего — от огульного охаивания про-

шлого, мрачного настоящего, они потеряли веру, оказались бессильными в своей обреченности смириться с нечеловеческими условиями, потратить впустую еще какую-то часть своей жизни.

Я мучительно думал над происходящим и невольно приходил к выводу, что на навязанном народу пути перехода к рынку творится безумие. Социальные потрясения могут толкнуть страну на путь с неясными, непредсказуемыми последствиями. Сами люди не хотят потрясений, но власть своей политикой создает для этого все условия.

4 января 1992 года впервые познал, как сказали сокамерники, настоящий «шмон». В камеру шумно и демонстративно вошли два охранника — оба офицеры.

Надо сказать, что арестованных по делу ГКЧП охраняло особое подразделение, состоявшее из иногородних сотрудников. Они сменялись примерно раз в три-четыре недели, жили тут же, рядом, в следственном изоляторе.

Один из вошедших — омоновец в малиновом берете, рослый, плотного телосложения, сравнительно молодой. Его вид и поведение сразу выдали в нем человека жесткого, бесцеремонного, для которого приличия, этикет, манера обращения — вещи не суть важные. Видимо, он и в жизни пренебрегает ими. Он резко спросил, кто дежурный и, не получив ответа, приказал самому молодому сокамернику оставаться в камере, а остальным выйти в коридор.

В коридоре он приказал встать лицом к стене, руки заложить за голову, ноги приказал расставить шире, при этом бесцеремонно, грубо, ударом ноги раздвинул пошире ноги у моих сокамерников. Меня, правда, не тронул. Делал все быстро, жестко, как будто работал не с человеком, а с манекеном. Непроизвольное движение стоящих у стены — кто-то чуть опустил руки, повернул голову, сменил позу — «поправлял» окриком: «Стоять на месте, положение не менять!»

Пока мы находились в коридоре, другой офицер со своим напарником производили в камере тщательный обыск. Осмотрели вещи, одежду, постели, пробежали записи по делам, документы. Внимательно исследовали стол, представлявший собой сооружение из железа, вцементированное в

пол. Сантиметров на 20 ниже верхней части стола приварен из железа второй, нижний уровень, где и хранятся записи, документы, книги и кое-что по мелочи.

Нашли спичечный коробок с лекарствами. Спросили у моего соседа, почему он хранит таблетки. По правилам лекарства должны приниматься немедленно и в присутствии врача. Сокамерник ответил, что принимает их в случае появления болей. Объяснение было сочтено неубедительным, и таблетки полетели в унитаз.

Кстати, там были и мои таблетки. Врач настоятельно рекомендовал мне лекарство для нормализации кровообращения, от усталости. Я согласился, но принимать таблетки не стал, а мой товарищ по камере попросил отдать их ему. Другого ничего не взяли, сделали по мелочам замечания и снова препроводили нас в камеру.

Мне очень хотелось посмотреть офицеру в малиновом берете в глаза. Лишь на одно мгновенье наши взгляды встретились, и он сразу отвел взгляд. То ли понял неловкость, то ли ему было наплевать на происходящее.

Второй офицер тихо сказал мне: «Владимир Александрович! У вас на столе лежат письма от родных. В тюрьме не положено хранить личную переписку, поэтому или найдите возможность вернуть письма родным, или уничтожьте». В его словах чувствовалось желание помочь мне. Два человека — два мира!

В коридоре находилось несколько человек из охраны. Они словно застыли, внимательно наблюдая процедуру обыска, их взгляд я ощущал на себе, в нем были изумление, удивление и, по-моему, неприятие.

Вдруг в конце коридора появился врач — пожилая женщина, чуткая, заботливая. Работала она в тюрьме недавно, к здешним порядкам только привыкала. Увидев сцену обыска, от неожиданности остановилась, наши взгляды встретились, она смутилась и тотчас удалилась. В тот день она больше не появлялась.

После сокамерники сказали мне, что к такому обращению они привыкли, что часто грубости отдельных сотрудников, обслуживающего персонала по отношению к заключенным являются поводом для возмущения и разного рода чрезвычайных происшествий.

Но я понимал и другое: на меня пытаются оказать психологическое давление: стали чаще менять сокамерников, их число увеличивалось, ужесточался порядок общения с адвокатом, в очередной раз отказали в телевизоре, пояснив, что по завершении моего ознакомления с делом вернутся к этому вопросу.

К условиям содержания под стражей в общем-то у меня особых претензий не было — тюрьма есть тюрьма, тем более что и на свободе жизнь для большинства людей становилась все тяжелее.

Трудно представлять, описывать, анализировать события, жизнь, сидя за тюремной решеткой. В твоем распоряжении радиоточка с одной программой, не тобой отобранные две-три газеты, твоя память и весьма скудное, случайное общение с ограниченным кругом людей. Вот и все! Нет контактов с широким кругом лиц, разных, занимающих интересное положение в обществе. Не знаешь реакцию на события; фон, на котором они разворачиваются: улицы, площади, общественные здания, наконец, небо, — все это отсутствует и видится лишь в твоем воображении, да и то в какой-то дымке.

К тому же появляется такой фактор, как легко ранимая, чувствительная душа, в которой легко может разыграться фантазия и тут же угаснуть. Эта фантазия часто заводит тебя в тупик. Есть только один плюс — твое независимое от многих обстоятельств положение способствует формированию объективных выводов. И еще одно — ты не обременен ответственностью, и это не сковывает, не ограничивает, по крайней мере в мыслях.

В тюрьме едва ли не единственный способ отвлечься, поддержать, создать настроение — это воспоминания. В моей жизни, в основном практически проходившей на службе, в командировках, едва ли не единственной отдушиной, духовной нишей был театр.

«Не хлебом единым жив человек», — невольно вспоминал я, когда, находясь в какой-нибудь другой богатой стране, не удавалось побывать в театре: его как культурного центра нет или он закрыт из-за неподготовленности репертуа-

ра, забастовки актеров, выезда на гастроли. А помещение пустует.

За долгую работу на поприще, связанном с международными делами, мне посчастливилось побывать в десятках стран, и каждый раз я непременно включал в свою программу посещение театра, концерта. Без соприкосновения с культурой, театром судить о духовной жизни страны, народа невозможно.

Духовным богатством, разнообразием отличалась культурная жизнь в бывших социалистических странах: недорогие билеты, приличное число академических, провинциальных и народных театров, их жанровое многообразие, переполненные залы, аншлаги...

Если говорить о капиталистических странах, то поражала своим богатством театральная жизнь Финляндии. Там я послушал оперу Вагнера «Летучий голландец», побывал в драматическом театре, а в Хельсинки их три. Правда, цены на билеты «кусаются». Кстати, у народов угро-финской группы заметна тяга к театру.

В остальных же капиталистических странах, где мне удалось бывать, театральная жизнь просто бедна. В Берне и Женеве, оказалось, вообще нет театральных трупп, выступающих на постоянной основе. Нет театра с постоянной труппой актеров в столице Соединенных Штатов Америки — Вашингтоне. Когда там в каком-нибудь зале объявлялось театральное представление, то репертуар — одна-две вещи, а цены на билеты — баснословно дороги. В Нью-Йорке заезжая труппа играла оперу Доницетти «Любовный напиток». Самый дешевый билет, а это было в 1973 году, стоил 60 долларов. В Париже был дважды, и оба раза в драматический театр Мольера попасть не удалось — в первом случае труппа только формировалась для спектакля, а во втором — бастовала. В Гамбурге в 1974 году мне повезло: в момент моего приезда заезжий театр показывал оперу Пуччини «Богема». В Мюнхене с театром ничего не получилось, поэтому пришлось довольствоваться знаменитым пивным залом «Хофбройхауз». Это в нем Гитлер в свое время готовил «пивные» путчи. Все живут и развлекаются по-разному.

Нет! Что бы ни говорили о нас за рубежом, какой бы

критике мы ни подвергались и как бы сами себя ни уничижали, у нас есть чем гордиться: наша страна — край огромных духовных богатств, которые мы не ценим по достоинству, и если вдруг лишимся их, будем горько сожалеть, ибо ощутим пустоту — черную, холодную, неизвестно еще чем заполненную.

Мы привыкли к тому, что театр есть, он доступен, присутствуют все жанры, репертуар разнообразен. Профессиональный уровень игры актеров, режиссуры выше уровня мировых стандартов. Вообще, мне кажется, мировой уровень в театральном искусстве до последнего времени определяли именно мы.

Россия без театра немыслима! Иногда складывается впечатление, что вся Россия — театр с небесталанными актерами и полным залом неравнодушных зрителей.

Моя любовь к театру не профессиональная, а чисто зрительская; но зрителя не безразличного, заинтересованного, впитавшего любовь к театру с молоком матери — Марии Федоровны Крючковой — простой крестьянской женщины, домохозяйки. В царской России она смогла закончить только один класс, вот и все ее образование — не было средств. Одаренная от природы, самостоятельно выучилась читать и писать. За свою долгую жизнь она прочитала уйму книг, регулярно читала газеты, журналы, поражала памятью, знанием международной жизни.

Ее интересовало все. Любимой газетой был «Труд». Слушала радио, смотрела телевизор, но не все подряд, а только вполне определенные передачи. Имела собственные суждения о деятелях, знаменитостях — отечественных и зарубежных. Ее характеристики были лаконичными, точными и удивительно тактичными.

Помню, как в 1959 году по возвращении из Венгрии мы с женой набросились на театры. Смотреть было что. Хрущевская «оттепель» охватила всю страну, делала свое дело. На сцену ворвалась окружавшая нас действительность. Увидели свет написанные ранее, но лежавшие в столах драматургов или находившиеся под запретом пьесы. В постановке спектаклей отошли от режиссерских шаблонов, каждый театр стремился обрести свое лицо, свой почерк, актеры стали играть изобретательно, раскованно; герои пьес, одни и те же

образы на разных сценах трактовались по-своему, с заметной оригинальностью.

Тогда считал и сейчас убежден — в те годы в театральной жизни происходила своеобразная революция.

Она началась с театра «Современник». Талантливый режиссер и актер Олег Ефремов переосмыслил сложившиеся взгляды на постановочное искусство, покончил с бетонной практикой, канонами, по которым театр жил до тех пор, и мощный свежий поток ворвался на сцену его театра.

Нет, Ефремов не отбросил традиции русского театрального искусства. Он дал им возможность развиваться в реальном времени, и главными движущими силами стали раскрепощенные постановщик и актер. У артистов открылось новое дыхание, они почувствовали себя на сцене личностями, засверкали яркими выразительными гранями. Если дотоле декорации стесняли, давили, не давали творческому поиску выйти за рамки сценической бутафории, десятилетиями держали артистов и постановщиков в когда-то установленных рамках, то у Ефремова они пали, словно оковы.

Легкое, изящное, недавящее, но подчеркивающее самое существенное, оформление сцены стало служить артисту, помогать ему, наполнять игру содержанием, выпячивать, оттенять основную идею спектакля. На сцену пришла светотехника. Она захватывала зрительские ощущения, воздействовала на эмоции, благодаря чему открывались такие тайны текста, до которых никаким другим путем не добраться.

И еще об одном хотелось бы сказать — общение актеров с залом. Этот прием соединял воедино труппу и зрителей, заставлял последних сопереживать и становиться участниками событий.

Станиславский сказал, что театр начинается с вешалки. Образное выражение, призванное подчеркнуть, что в театре все важно. То, что произошло у нас с фойе, подтверждает сказанное. В некоторых театрах пьеса начинается с фойе: среди зрителей появляются персонажи, общаются, разговаривают с публикой, приглашают после звонков в зал, дают автографы. В фойе многочисленные фотовыставки: тематические, исторические, актерские, о связях театра с трудовыми коллективами, юбилейные.

Театр «Современник» ворвался в общественную жизнь страны с серией оригинальных постановок. «Голый король» Шварца стал целым событием в мире театрального искусства. Великолепная игра Евстигнеева, Дорошиной, Сергачева, других актеров приводила зрителей в восторг.

Спектакль получился актуальным, сегодняшним. Узнавалась наша действительность, в персонажах видели руководящих героев дня. Артисты играли вдохновенно, сливались с образами; жестами, интонацией соединяли когда-то написанную вещь с сегодняшним днем, да и к тому же непосредственное общение с залом — незаметное, кивками зрителю, тонкими намеками. И никакой похабщины!

Новые спектакли увлекали людей, пробуждали у них сознание, желание задуматься, разобраться в пережитом, поразмыслить над тем, где мы находимся. К их числу можно отнести многие постановки «Современника»: «По московскому времени», «Погода на завтра», «Продавец газет», «Сирано де Бержерак». Пьеса «На дне» заставила людей вновь повернуться к Горькому, прочитать его в ином ключе. Спектакль был необычным по режиссуре, манере игры, отдельным образам. Каждое слово Горького звучало сильно, проникало в душу, врезалось в память.

К числу ярких, мощных по содержательной нагрузке постановок в «Современнике» следует отнести также трилогию «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики». Зрители ощутили связь времен, путеводную нить нашей истории, закономерность развития событий в нашем Отечестве и по достоинству оценили эти спектакли. Трилогия с помощью сценических средств заставила зрителя задуматься над своей далекой и сегодняшней историей. Как жаль, что эта тема не получила дальнейшего развития.

Слава «Современника» гремела не только в Союзе, но и за его пределами. Одни критиковали его за отход от классических канонов в театральном искусстве, за вольное прочтение произведений, за «вседозволенную» игру актеров. Однако росли ряды почитателей этого театра — и главное, последователей. Стали менять свой облик другие московские и немосковские театры. Правда, от таких ведущих театров столицы, как МХАТ им. Горького и Малый театр, еще долго попахивало нафталином.

К сожалению, театру «Современник» предстояло покинуть старое помещение и переехать в новое. И вот после основательного ремонта (видимо, по закону Паркинсона) старого здания театра на площади В. Маяковского не стало. Актеры «Современника» распрощались с ним. Само здание было снесено, но до сих пор любители театра, проезжая мимо площади В. Маяковского (ныне Триумфальной), с грустью говорят: «Когда-то здесь был наш «Современник».

Театральная революция продолжалась. Театр на Таганке оказался следующим в ее орбите, пошел дальше «Современника», и тут ключевую роль сыграл одаренный режиссер Ю. Любимов.

Прошло совсем немного времени, и Театр на Таганке по популярности не знал себе равных. 70-е — были его годами. Ни у одного театра не было таких страстных и верных поклонников. Они штурмовали кассы театра, чудом проникали в него, когда не оказывались обладателями билетов. Устраивали бурные овации каждой постановке, артистам и, конечно, Любимову.

Пожалуй, впервые в Москве громко заговорили о Театре на Таганке после постановки спектакла Б. Брехта «Добрый человек из Сезуана». Это была солидная заявка на новое слово в искусстве театральной режиссуры.

На мой взгляд, Любимов обладает редким даром сценических находок. В каждом спектакле их было столько, что другому режиссеру хватило бы на десяток. Зрительный зал и сцена составляли единое целое, во всяком случае, близкое друг к другу. В этом театре создавалось впечатление необыкновенной общности зрителей и артистов, зала и сцены.

Постановкой Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» Любимов заявил о новом этапе в жизни театра. Спектакль шел на одном дыхании, действие развивалось стремительно, эпизоды, явления, череда событий метко отражали уже далекую эпоху, высвечивая то одну, то другую грань Октябрьской революции, людей, борьбу мнений, столкновение различных сил, весь драматизм и все величие времени. Замыслы и само представление были советскими по духу.

В том же сценическом ключе, только с каждым разом совершеннее и тоньше, были поставлены «Послушайте!»

В. Маяковского, «Под кожей статуи Свободы» Е. Евтушенко, «Гамлет» Шекспира, «Жизнь Галилея» Б. Брехта, «Что делать?» Н. Чернышевского, «Мать» М. Горького, «А зори здесь тихие» Б. Васильева и другие.

Видел роли в исполнении Владимира Высоцкого. Его нельзя забыть как поэта и песенника, навсегда он остается в памяти и как актер. Казалось бы, что́ принципиально нового можно внести в образ Гамлета? Но Высоцкий сыграл эту роль в своем ключе — показал Гамлета прежде всего как человека, а чтобы приблизить его к сегодняшнему зрителю, перед началом спектакля сыграл сцену общения Гамлета с залом.

Недавно Театр на Таганке отстроился, зрители попрежнему валом валят к храму культуры. Среди них много студентов, молодых, малообеспеченных людей. Но не изменится ли ситуация в наступающую эпоху коммерциализации культуры?

Не случится ли так, что истинные почитатели театра не смогут одолеть возрастающий уровень цен на билеты и будут довольствоваться лишь воспоминаниями о времени, когда Театр на Таганке был для них доступен? Появятся новые зрители, которые без былого восторга будут смотреть спектакли, снисходительные аплодисменты заменят овации — я же плачу́! Не вспомнят ли тогда актеры и их режиссеры прежнего зрителя, пылкость которого вдохновляла театр на новые дерзания?

Стране нужны разные по стилю и содержанию театры. Они были и есть. МХАТ, Малый, имени Маяковского, Станиславского, Гоголя, Ермоловой, Театр Советской Армии, Театр сатиры и другие искали свое лицо и находили его.

Все устремились к сегодняшней теме, находили свежие материалы, но тем не менее на недостаток современных пьес жаловались все, их не хватало, но в общем-то в 70 — 80-е годы театральный репертуар был не бедным. На сцене доминировала проблема: современность, человек и общество.

По моему глубокому убеждению, советский театр вплоть до последнего времени был фактором положительным, не разобщал общество, а, напротив, очищал, оздоравливал, обогащал его.

Испытываю глубокое уважение к театру им. Вахтангова. Для коллектива этого театра характерны самоотверженный труд актеров, мучительный творческий поиск в постановочной работе, актуализация прежних постановок. «Принцесса Турандот» впервые была поставлена Евгением Вахтанговым еще в 1922 году, и с тех пор это самый посещаемый спектакль, потому что он не старел, каждая постановка — новая, свежая и по содержанию, и по игре. По крайней мере, так было до последнего времени.

В 1991 году посмотрел в Театре им. Ленинского комсомола «Поминальную молитву» в постановке Марка Захарова. Я был на спектакле вместе со всей семьей, включая внучку. Смотрел на игру Леонова, который блестяще, проникновенно сыграл роль старого, мудрого еврея, и думал, что, возможно, эта роль — лебединая песня великого актера. После зашел в гримерную, познакомился с Евгением Павловичем и, как мог, поблагодарил его за талант. Недавно его не стало. Огромная потеря! Пьеса «Поминальная молитва» — гимн дружбе и братству народов, людей разных национальностей, и уже одним этим она полезна и чрезвычайно актуальна.

Мне думается, наш театр в эти смутные времена в целом сумел избежать разложения, демагогии и популизма. Он остался позитивным морально-нравственным фактором.

Большого уважения заслуживает энтузиазм артистов. Это они выходили на сцену и, несмотря на мизерную зарплату, верные профессиональному и гражданскому долгу, полностью отдавали себя своему призванию.

Нет Союза, нет прежнего государства. Останется ли театр связующим, одной из культурных основ единения, надежду на которое мы не должны терять? Неужели такой божественный храм, как Большой театр, когда-нибудь потеряет свое значение — центра театрального искусства, принадлежащего не только нашей стране, но и миру? Ведь на его сцене были сыграны и поставлены гениальные оперы и балеты Чайковского и Верди, Мусоргского и Леонкавалло, Рубинштейна и Беллини, Бородина и Пуччини, Рахманинова и Россини, Прокофьева и Вебера и многие-многие другие. Хочется верить, что он был и по-прежнему будет духовным центром будущего Союза!

Для меня театр — бесконечная тема. Этими строками преследую одну цель, как любитель театра, всех его жанров, поделиться некоторыми мыслями и в душе выразить глубокую признательность служителям театрального искусства, несущим людям свет, радость и вдохновение.

Театр легко полюбить, но разлюбить невозможно!

Иногда в памяти всплывали и редкие дни отдыха. Уже давно у меня не было возможности далеко отлучаться от своей работы, поэтому редкие отпуска (наполовину рабочие) я всегда проводил в одном и том же месте недалеко от Москвы, в доме отдыха «Сосны». По Рублевскому, затем Успенскому шоссе, поворот направо, через полкилометра мост через реку Москва, небольшой подъем, и вот вы уже на месте. Кстати, это тот самый мост, с которого в 1989 году какие-то «негодяи» сбросили Бориса Николаевича в реку, предварительно надев ему на голову мешок. Однако по рассказу «подвергшегося» нападению, он на дне реки развязал мешок, всплыл и добрался до одной сторожки, откуда родными был увезен домой.

Вернемся к отпускам. Кто-то посоветовал мне отдыхать не летом, а зимой. Надо сказать, что лыжи я люблю с детства. И вот в 1967 году я впервые попробовал, и с тех пор зимнему отдыху не изменял.

В том, 1967 году дом отдыха «Сосны» ничем особенным не отличался, по-современному отстроился значительно позже.

Рассказывают, что в тамошних местах как-то бывал Ленин. Место ему понравилось, и он посоветовал построить там дом отдыха.

Идею реализовали в 30-е годы, построили здание, чем-то напоминающее корабль. Венчало его сооружение, похожее на капитанскую рубку. Дом отдыха проектировался с таким расчетом, чтобы отдыхающие как можно больше общались. Словом, исходили из коллективистских начал. Основное внимание было уделено столовой, комнатам отдыха, фойе перед кинозалом, холлу у входа, большому залу для отдыха, увеселительных вечеров, игр в шахматы, шашки,

домино. Комнаты для отдыхающих были скромными, рассчитанными на двух-трех человек, санузлы общие.

Можно ругать за такой подход, смеяться над ним, но таково было время. Не дай Бог, если лет через 50 или 100 и о нас будут судить с этой временнóй вышки, а не исходя из реалий сегодняшнего дня. Надо полагать, что к тому времени люди все-таки поумнеют и станут объективнее.

Расположились «Сосны» на высоком берегу Москвы-реки — между селами Успенское и Уборы. Высота берега метров 40—45, внизу излучина реки. Левый берег, на котором стоит дом отдыха, покрыт чистым сосновым лесом. Правый берег — поле, за которым дорога и вдоль нее две деревни: Борки и Бузаево. По берегу реки — ивы и большие кустарники.

«Сосны» видны издалека, днем освещены солнцем, вечером лампами слегка оранжевого цвета, что придает корпусам особенное великолепие.

В 1967 году закончили ремонт всего дома, установили в каждой комнате умывальники и в том же году решили взамен этих старых построить два новых корпуса. За пять лет их возвели один за другим. Оба пятиэтажные, с современной отделкой, в номерах — необходимые удобства. Построили новый кинотеатр, спортивную базу, бассейн. Так «Сосны» стали благоустроенным местом отдыха, не самого высокого класса, но вполне приличного уровня.

Отдыхали в «Соснах» работники самых различных государственных и общественных организаций, деятели искусства, писатели, заезжали иностранные гости.

Любил отдыхать там Алексей Николаевич Косыгин, жил в трехкомнатном номере. Приезжал с женой, дочерью, зятем и внучкой. Питался в общей столовой, ходил на лыжах, был доступен для общения с отдыхающими. Много работал в отдельном здании, расположенном недалеко от дома отдыха. Охотно вступал в разговоры с москвичами и приезжими из разных районов страны. Пользовался уважением обслуживающегося персонала.

Кстати, сотрудники дома отдыха считали его эталоном руководителя высшего уровня, говорили о нем как о честном, скромном, заботливом человеке.

В «Соснах» мне часто доводилось встречаться с помощ-

ником Косыгина — Борисом Терентьевичем Бацановым. Он отзывался о своем шефе исключительно высоко, отмечал его работоспособность, готовность к реформам, тягу к новому. К сожалению, развернуться Косыгину не удалось — в верхних эшелонах власти не все его понимали.

Несколько раз приезжал в «Сосны» Николай Александрович Тихонов, сменивший Косыгина на посту премьера. Он обычно проводил время в номере, редко появлялся среди отдыхающих, и о нем как-то не вспоминали.

Во время прогулки можно было встретить Анастаса Ивановича Микояна, живого, общительного, которого все знали, и он тоже знал, по-моему, всех.

Быстрым шагом прогуливался Маленков, почему-то избегавший общения и разговоров с отдыхающими. В свои 82 года он без отдыха поднимался с берега реки по лестнице, а в ней — 138 ступеней!

Часто бывала в «Соснах» Екатерина Алексеевна Фурцева, жизнерадостная, общительная, внимательная к людям, страстная рыбачка. В бытность Хрущева она была членом Президиума ЦК КПСС, а затем длительное время министром культуры СССР. На этом поприще она оставила заметный след, пользовалась искренним уважением среди деятелей искусства, причем самых различных направлений.

Несколько раз в «Сосны» приезжал отдыхать Андропов. Значительную часть времени он проводил в библиотеке. Эта библиотека — одна из самых богатых, в каких мне приходилось бывать. Помимо большого количества книг, в ней хранились подшивки газет и журналов за многие годы, кроме того, она славилась уникальными, редкими экземплярами прижизненных изданий Пушкина, Достоевского, Карамзина, Льва Толстого, Блока, Бердяева и многих других.

В декабре 1991 года следствие подходило к завершению. Предстояло ознакомиться с делом. Материалов набралось много, 125 томов. Внимательное прочтение, выписки, советы с адвокатами, — по одному тому в день, и то четыре месяца! Так что перспективы финала были неблизкими. А к этому моменту истекало пять месяцев моего содержания

под стражей. Для меня это время было прежде всего наполнено общением со следователями и адвокатами.

Следователи изучали меня, я же изучал их, причем как бы машинально, поначалу не задумываясь над этим специально.

Очень скоро понял, что самое главное для следователя — доказать вину, все подчиняется этому. Шаг за шагом он собирает улики, увлекается именно этой стороной, а все, что оправдывает подследственного, как бы не замечается, а точнее, игнорируется. При этом игнорируются обстоятельства, поясняющие предмет расследования и снимающие или уменьшающие вину подследственного.

Лично убедился в том, что право на участие адвоката с самого начала расследования дела — одно из важнейших достижений уголовно-процессуального законодательства.

Неравенство сторон — следователя и подследственного — ощущается практически во всем. Во-первых, следователь хозяин времени: день, час, продолжительность допроса, перерывы в работе с подследственным — все в его власти и зависит только от него. Характер, направленность допроса также определяются следователем: он подбирает вопросы, очередность их постановки, вокруг одних может кружить часами, а по другим как бы скользить.

Внезапность темы допроса — излюбленный прием, хотя, мне кажется, он мало что дает.

Многократный допрос по одним и тем же эпизодам, дополнительные вопросы, уточнения сопровождаются, как правило, подчеркиванием, что он, следователь, только и думает, как мне, бедолаге, помочь. Иногда становится даже как-то неудобно оттого, что он усердствует, а ты не ценишь его стараний. Вдруг следователь выходит из себя, изображает обиженного, утверждает, что хотел бы помочь, а подследственный делает себе хуже.

Много и других приемов, довольно дешевых, примитивных, но они, как ни странно, иногда срабатывают, помогают следствию.

Причина, как мне думается, все в том же незавидном положении подследственного — он готов ухватиться за любую соломинку, связывая с ней надежды на спасение. И са-

мое, пожалуй, удивительное — подследственный может наговорить на себя лишнее!

Все эти уловки могут принести временный успех, но только в ходе предварительного расследования, о чем следователи забывают. В судебном заседании этот «успех», как правило, оборачивается брешью и компрометацией следствия.

Первый мой следователь начал работать со мной в Солнечногорске 22 августа. Он оказался сравнительно молодым сотрудником Российской прокуратуры. По складу характера был он человеком невеселым, я сказал бы, даже постоянно чем-то удрученным. Взгляд у него был задумчивый, угрюмый, в глаза почти не смотрел.

У меня появилось естественное желание составить о нем более полное представление, заглянуть в него поглубже, но все мои попытки разглядеть его глаза ни к чему не приводили — лишь на секунду наши взгляды встречались, а потом он тут же отводил глаза в сторону.

Он начал с личного обыска, составил протокол, выполнил некоторые другие формальности. Проделал все это молча, корректно, реагируя на мои вопросы односложными ответами. Объяснил, что я имею право на адвоката, но сделал это мимоходом, так, что я не придал этому значения, и следствие началось без адвоката.

Это была моя первая ошибка. Но одновременно совершило ошибку и следствие, потому что допрос подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных статьей 64 УК РСФСР, производится при обязательном присутствии защитника, а в случае его отсутствия теряет юридическую силу.

Следователь попросил меня рассказать об августовских событиях и приготовился писать протокол. Конечно, он не владел материалом, и все, что я говорил, было для него и ново и, более того — интересно. Спустя минут сорок, он взял перерыв и бросил фразу: «Прямо доклад, вот как у вас получается».

На мой уточняющий вопрос, что я, мол, что-то не так говорю, последовал ответ: «Все так и можно продолжать».

Никаких дополнительных вопросов у него не возникало. По окончании допроса он долго молчал, затем, не сказав ни слова, удалился. Через несколько дней он продолжил работу со мной уже в Москве.

Я понимал, что у следователя появится много вопросов и что, наверное, следственная группа будет готовить их за кулисами.

Мне показалось, что следователь без особого желания взялся за работу со мной, а точнее, принял дело к производству. Во всяком случае, он все время был скован, инициативы с его стороны не чувствовалось. Иногда беспричинно прорывалась раздражительность, но не в мой адрес, а по поводу всего происходящего. Будучи человеком неконтактным, он не использовал допрос для углубления отношения с подследственным, просто плыл по течению, а затем неожиданно прерывал допрос.

Я силился понять его личное отношение к ГКЧП, но он так его и не проявил. Это наводило меня на размышления. На мои вопросы, как правило, не реагировал, отводил в сторону взгляд и, немного помедлив, продолжал допрос, то есть выполнял свою программу. На контакты с моей семьей шел неохотно, но письма передавал, соблюдая при этом установленные формальности. Вскоре я понял, что он тяготится делом и поэтому постарается отойти.

И действительно, перерывы между допросами становились все больше, а в октябре со мной стал работать новый следователь. Кстати, потом я случайно узнал, что мой первый следователь вообще уволился из органов прокуратуры по собственному желанию.

Новый следователь был чуть старше 40 лет, активный, контактный, тонкий, понимающий ситуацию. У него была своя позиция, которую, правда, он полностью не раскрывал, любил и мог порассуждать о сложных проблемах, но делал это осторожно, границ дозволенного почти не переступал. Следствие с первых дней повел активно, главный метод — вопросы, ответы, уточняющие вопросы. Никакого понуждения. Внешне удовлетворялся любым ответом, но дополнительные, более детальные вопросы не заставляли себя ждать.

Широко использовал мимику, жесты, давая понять, доволен или нет ответом подследственного.

Очень скоро я заметил у него один существенный недостаток в тактике допроса: он любил задавать неожиданные, так называемые коронные вопросы, призванные захватить врасплох, и таким образом получить нужную следствию информацию. Но слабая сторона такого метода состояла в том, что некоторые из этих вопросов задавались, как говорится, на авось. В результате он сам нередко попадал в неловкую ситуацию или сбивал с толку подследственного.

Вот пример. Спрашивает: «Владимир Александрович! 5 августа 1991 года на объекте КГБ состоялась ваша встреча с Язовым и Пуго. Расскажите, о чем шел разговор на встрече?»

На мой уточняющий вопрос, уверен ли он, что встреча состоялась именно в тот день и в том составе, он ответил утвердительно. Я попросил его уточнить, был ли Пуго 5 августа в Москве.

На следующий день следователь снял вопрос, поскольку выяснилось, что Пуго улетел из Москвы накануне — 4 августа.

Зато им активно использовались вежливость, предупредительность, сочувствие и еще кое-что в этом духе. А еще он обожал затевать дискуссию и по ходу выводить подследственного на интересующие следствие вопросы. Ни разу не повысил голоса, не допустил грубости. По-моему, искренне сокрушался по поводу утечки в средства массовой информации материалов расследования. В отличие от первого следователя мгновенно наладил контакт с адвокатом, что к тому времени стало чуть ли не главной проблемой, вызывавшей раздражение у всех сторон — следователя, адвоката и подследственного, поскольку адвокат требовал строгого соблюдения уголовно-процессуальных норм, и неизменно оказывался прав.

Этот следователь был старшим группы, которая вела дело ГКЧП в части, касавшейся КГБ СССР, Тизякова и Стародубцева. Нагрузка была приличной, и вскоре он заболел — не выдержало сердце. Я сожалел по этому поводу, ибо мне казалось, что он склонен к объективному расследованию.

И все же он успел провести со мной две очные ставки —

с бывшим министром иностранных дел Бессмертных и бывшим первым секретарем Московского горкома КПСС Прокофьевым. Очные ставки объективно осветили ряд важных моментов, показали тому и другому мою порядочность и, самое главное, подкрепили уверенность следствия в правомерности нахождения на свободе Бессмертных и Прокофьева, как не совершивших какого-либо преступления.

Удивительное дело, несмотря на мои неоднократные просьбы, больше ни с кем очных ставок у меня не было. А ведь они были нужны не только мне, но и следствию.

Итак, второй следователь заболел и его заменил третий: 58-летний сотрудник прокуратуры одной из республик Российской Федерации.

С самого начала он стал играть роль рубахи-парня. Рассказал о себе, семье, внуках, как жил в прошлом, о своей принадлежности к КПСС. Сокрушался по поводу экономических реформ, из-за которых его семья попала в бедственное положение, лишившись сбережений, хотя и скромных. Жалел Союз, по-доброму вспоминал прошлую жизнь. Любил поговорить на отвлеченные темы, внимательно слушал меня, соглашался с моими рассуждениями, советовал кое-что из сказанного включить в показания. Проявлял заботу о моем здоровье, давал добрые советы и даже пытался угощать чаем, конфетами. Предсказывал мне перспективу, намекая, что все обойдется малыми издержками.

Как бы доверительно говорил мне, что, судя по показаниям моих подельщиков, я оказываюсь во главе всего дела, или, как принято говорить, «паровозом». Исправить это можно моими откровенными показаниями о деятельности других обвиняемых. В доказательство следователь иногда показывал мне, разумеется «доверительно», выдержки из показаний отдельных обвиняемых, компрометирующих меня.

В ответ я улыбался, а он корил меня, приговаривая, что напрасно я не придаю этому значения. Вообще подобный прием оказывает воздействие, выводит из равновесия, тем более когда речь идет о неправде. Навлекали на раздумья отказы в проведении очных ставок для выяснения разночте-

ний. Причем упорство, с которым следователь уходил от удовлетворения просьбы, еще больше настораживало, но вместе с тем говорило о том, что у следствия не все получается.

Третий следователь, надо признать, был большим мастаком по части психологического воздействия. Он мог с утра прийти весьма «удрученным» и доверительно шепнуть о недовольстве, которое проявляет его начальство по поводу моего поведения.

На мой недоуменный вопрос, чем я его прогневил, он пояснял, что якобы моей неоткровенностью. По его словам, мои ответы слишком обтекаемы, дипломатичны, мало названо фамилий. Только из желания сделать мне добро он настоятельно советовал привести побольше «фактуры» и подумать о себе, так как «другие поступают именно таким образом».

Особенно «тонкую» работу он проводил со мной накануне предъявления постановления о привлечении меня в качестве обвиняемого.

Руководство следствия заинтересовано в том, «доверительно» говорил он мне, чтобы обвиняемые по делу ГКЧП не признали себя виновными. В этом случае они покажут себя в невыгодном свете — совершили преступление и не признаются, чем вынудят ужесточить (?!) позицию обвинения.

Когда же я не признал себя виновным, он порекомендовал мне признать свою вину частично. «Выиграете в глазах людей», — заметил он.

Как-то я спросил у него, на чем основано предъявление мне обвинения по пункту, в котором утверждается, что я совершил противоправные действия из-за угрозы своему личному благополучию.

Он откровенно признал, что не может объяснить, так как пункт был вписан не им, а какой-то «аналитической» группой.

Было одно обстоятельство, которое, как мне кажется, отрицательно сказывалось на исполнении следователями своих служебных обязанностей.

В связи с кончиной Союза сворачивала свою деятельность союзная прокуратура. Остро встал вопрос о трудоуст-

ройстве ее сотрудников. Повисла в воздухе и судьба моего следователя. Он был весьма расстроен ситуацией, ведь до пенсии ему оставалось всего два года, и, когда ему поручили вести дело бывшего председателя КГБ СССР, он расценил это как хороший шанс. Очень боялся осложнений с адвокатом и, разумеется, с подследственным, так как отвод от работы со мной мог отразиться на прохождении им дальнейшей службы.

Как-то он пришел на допрос весь сияющий, со словами: «Владимир Александрович, можете меня поздравить. Я зачислен на работу в Российскую прокуратуру». Я, конечно, поздравил его, пожелал успехов, а конкретно — объективности по делу, не упустил также возможности немного съязвить, спросив у него, нет ли в этом событии моей заслуги.

После снятия с нас обвинения в измене Родине у следователя чувствовалась, как мне показалось, какая-то растерянность, неловкость, ведь именно на этом фокусировалось многое. Что касается заговора с целью захвата власти, к которой мы не стремились, то здесь следствие так и не смогло включить в обвинение конкретную аргументацию.

У меня сложилось впечатление, что в ноябре — декабре 1991 года следствие вдруг здорово заспешило. Торопливость чувствовалась во всем. Подгоняли с показаниями по предъявленному обвинению, в отличие от недавнего довольствовались краткими показаниями, работали почти каждый день.

И еще одно — в отношении подследственных проявлялось больше внимания и предупредительности. В частности, просьбы об очередных свиданиях удовлетворялись незамедлительно.

Думаю, причиной этого явилось то, что в печати появился ряд публикаций, в которых поднимался вопрос о судебной перспективе дела ГКЧП. Следователь с интересом и беспокойством следил за сообщениями на этот счет, как-то даже заметил, что, мол, некоторые в следственной группе поговаривают о статье 5 УПК РСФСР, предусматривающей прекращение уголовного дела вследствие изменившейся обстановки.

15 января 1992 года третий следователь объявил мне об окончании следствия и фактически со мной распрощался.

Он не скрывал радости по поводу прекращения работы по делу, сказал, что не испытывал желания в нем участвовать, в том числе и по соображениям морального плана. А в общем-то я был для него всего лишь субъектом в деле по исследуемому составу преступления; служба, профессия делают свое дело.

Он наверняка переживал, как пойдет дело в суде, то есть как будет оценена его работа. Вряд ли он верил в то, что перед ним изменник Родины.

Я же иногда думал о том, что он в КПСС состоял 31 год, я — 49 лет. Три месяца мы находились друг против друга: следователь и обвиняемый. Оба мы были за Союз, переживали его развал, знали, что история нам не простит, и тем не менее находились по разные стороны закона, потому что какая-то сила не позволяла нам быть вместе и спасать Отчизну.

В январе 1992 года началась изнуряющая процедура ознакомления с материалами дела. 125 томов! Каждый приблизительно по 300 страниц. Не все они равнозначны, не все материалы следовало скрупулезно читать. Однако бóльшую часть, даже, пожалуй, подавляющую, нужно было изучить внимательно.

Каких-то особых, принципиально новых открытий материалы не содержали, однако ярко высвечивали облик некоторых лиц, которые под влиянием конъюнктурных соображений или из-за трусости в августе 1991 года или вскоре после него давали показания, порочащие отдельных обвиняемых, представляя себя как борцов за демократию, решительно выступивших против «путчистов» и готовых в случае необходимости совершить геройские поступки в защиту дела демократии.

Однако таких было немного, можно сказать, единицы.

Показания обвиняемых подтверждались практически всеми допрошенными свидетелями и другими материалами, приобщенными к делу.

«Забойные» положения обвинения, несмотря на старания следствия подвести под них «фактическую» базу, придать им доказуемый вид, повисали в воздухе.

Обращало на себя внимание, что повторные и более поздние допросы свидетелей были куда благоприятнее для обвиняемых, чем те, что были сделаны в августе или начале сентября 1991 года. Люди пришли в себя, отбросили опасения и начали давать объективные показания. Они освободились от негативного влияния мрачной обстановки, необузданного разгула «демократии», от давления «демократических сил» в первое время после августовских событий.

Из материалов следствия было совершенно очевидно, что отпадают так называемые корыстные мотивы действий гэкачепистов.

Лопнули, как мыльный пузырь, утверждения о составлении списков на аресты и физическое уничтожение людей, конечно «демократов», якобы вынашиваемые намерения физического уничтожения Горбачева, Ельцина и некоторых других членов российского руководства.

Выглядели бездоказательными утверждения следствия о готовящемся штурме «Белого дома» и срыве его только потому, что исполнители отказались выполнить соответствующий приказ.

Явно ничего не клеилось у следствия с попытками доказать измену Родине, заговор с целью захвата власти.

Что касается разгона высших законодательных органов Союза и республик, в частности Российской Федерации, то все имеющиеся в деле материалы говорили совершенно об обратном: на 21 августа 1991 года было назначено заседание Верховного Совета РСФСР и без всяких помех проведено.

Генеральный прокурор России Степанков и другие лица, руководившие следствием по делу ГКЧП, хорошо отдавали себе отчет в том, что ни с фабулой обвинения, ни с доказательной базой у них не клеится, что концы не сходятся с концами.

Прекратив в декабре 1991 года уголовное дело по факту измены Родине и оставив только обвинение в заговоре с целью захвата власти, Генеральная прокуратура, по сути дела, привлекала членов ГКЧП к уголовной ответственности по не существующей в уголовном праве норме. Многие первоначальные пункты обвинения не нашли в ходе следствия не только сколько-нибудь приблизительного подтверждения, но были вовсе опровергнуты материалами следствия.

Далее, со стороны обвиняемых был поставлен вопрос о приобщении к делу ГКЧП другого уголовного дела по факту столкновения военнослужащих с гражданскими лицами в ночь на 21 августа в тоннеле под Калининским проспектом. Тоже деликатный вопрос, поскольку Московская городская прокуратура прекратила его за отсутствием состава преступления.

Явно не в пользу Генеральной прокуратуры складывались настроения среди общественности, широких групп населения России.

Мощно поднимала свой голос оппозиционная пресса, да и не только оппозиционная. В ряде даже проправительственных газет и журналов публиковались статьи, в которых выражались откровенные сомнения в правовой состоятельности дела ГКЧП и реальности перспективы судебного процесса.

Отдельные руководящие деятели Генеральной прокуратуры успели дать немало интервью, опубликовать серию статей, в которых были обнародованы данные следствия, что противоречило элементарным правовым нормам, уголовно-процессуальному законодательству прокуратура не дала также никаких сколько-нибудь заслуживающих внимания объяснений по факту утечки материалов допросов в сентябре 1991 года, в частности теледопросов Язова, Крючкова и Павлова и преданию их гласности в средствах массовой информации Запада.

Вокруг «Матросской тишины» все чаще проводились демонстрации, митинги протеста с требованием освободить узников, прекратить позорное дело ГКЧП. Опросы общественного мнения, проводимые социологическими службами проправительственной ориентации, со всей очевидностью показывали рост поддержки привлеченных по делу ГКЧП лиц со стороны широких слоев общественности, среди рабочих, крестьян, интеллигенции.

Все чаще раздавались требования о прекращении дела. Но у высшей власти, у режима были свои расчеты, что не могло не сказываться на позиции Генеральной прокуратуры России.

...В этом контексте следует рассматривать вышедшую в свет книгу генерального прокурора Степанкова и его заместителя Лисова под названием «Кремлевский заговор». Название книги сопровождалось небольшой припиской «Версия следствия».

До направления дела в суд, до предъявления последнего обвинения Генеральная прокуратура публикует материалы следствия, проверенные и непроверенные сведения, опровергнутые в ходе следствия первоначальные утверждения о виновности привлеченных к уголовной ответственности, домыслы генерального прокурора и его заместителя! Невесть откуда взяты «документы», якобы изобличающие обвиняемых, на самом же деле унижающие их человеческое достоинство, в таком же духе даются им характеристики.

И это делает прокуратура, призванная следить за неукоснительным соблюдением законности, пресекать всякого рода нарушения, быть на страже правопорядка, и если не подавать в этом доброго примера, то, по крайней мере, не призывать других нарушать законы!

Как можно узнать из выходных данных книги, она была сдана в набор 7 июля 1992 года. Подписана к печати 26 августа 1992 года, тираж внушительный — 100 тысяч экземпляров. Фотографии авторов с их жизнеописанием, с подчеркиванием, насколько они опытны в прокурорских делах, какими должностями облечен Степанков, каким большим профессиональным опытом обладает его заместитель Лисов, за что и был назначен руководителем бригады по расследованию обстоятельств захвата власти ГКЧП в августе 1991 года. В общем, цель ясна: убедить читателей в «солидности» авторов книги и их творения.

Один материал в книге по «сенсационности» перехлестывает другой. Так, в порядке предисловия журналист, помогавший авторам делать эту книгу, привел выдержки из одного, как написано в этом предисловии, сенсационного документа, оказавшегося якобы в распоряжении журнала «Огонек» в конце сентября 1991 года.

Документ составлен будто бы одним из «заговорщиков» — Тизяковым и представляет собой его советы обвиняемым относительно их поведения в ходе следствия и предстоящего судебного процесса. «...После ознакомления с со-

держанием данного письма, — пишет якобы Тизяков, — подследственные должны немедленно прекратить показания, в категорической форме заявить протест следствию против обвинения нас в преступлениях, которых мы не совершали, отказавшись от ранее данных показаний, и продолжать затягивать следственный процесс под предлогом ничего не значащих рассуждений...»

Далее Тизяков будто бы пишет: «Россия проявила неповиновение... Вот почему было принято решение утром 19 августа по предложению Крючкова, Язова и других, которое, очевидно, попало в руки следствия, о штурме «Белого дома», захвате Ельцина, Силаева, Хасбулатова, Яковлева, Шеварднадзе и других и их немедленном расстреле, хотя такой вариант развития событий был согласован с Горбачевым и им санкционирован». Далее Тизяков «советует»: «...Наши цели, мотивировки и действия... необходимо сохранить в глубокой тайне до начала судебного процесса...»

Автор этого предисловия Павел Никитин, собственный корреспондент журнала «Огонек», на основании «записки» Тизякова делает далеко идущие выводы. Итак, пишет он, «становится ясно, почему многие гэкачеписты затягивали следственный процесс под предлогом «ничего не значащих рассуждений», почему прокоммунистическая пресса поднимает на щит «дело ГКЧП», всячески готовя общественное мнение к судебным откровениям «героев августа», почему сами заговорщики в своих последних выступлениях в печати и по телевидению говорят прямо противоположное тому, что говорили на первых допросах».

Дальше Никитин клеймит «красно-коричневые силы», разоблачает их надежды подорвать доверие к «демократическому движению» и дает, разумеется, лестный отзыв книге «Кремлевский заговор». «Эта книга, — заключает он, — не обвинительное заключение, а версия следствия, построенная в отличие от измышлений заговорщиков только на фактах».

Видимо, Степанков и Лисов сочли включение «документа» Тизякова в основной текст книги уж слишком наглым шагом, а бросить еще один ком грязи в гэкачепистов им очень хотелось. Вот поэтому и была избрана такая форма — как бы от редакции «Огонька». Возникает другой воп-

рос: почему же в течение целого года предварительного следствия руководство Генеральной прокуратуры не обратило внимания на этот «документ»? Не проверило его, не допросило по этому поводу «автора» — Тизякова?

Вряд ли кто поверит в то, что этот «документ» пролежал мертвым грузом в редакции журнала «Огонек» и Генеральная прокуратура России ничего о нем не знала. С самого начала редакция и прокуратура прекрасно отдавали себе отчет в том, что этот документ — настоящая липа, но не отказались от возможности его реализовать. И вот такой повод нашли.

Книга изобилует выдержками из протоколов допросов обвиняемых, свидетелей, приобщенных к делу документов, а то и просто умозаключениями ее авторов. Каких только фантастических пассажей не содержится в этой книге! Не стоило бы занимать внимание читателей, но для иллюстрации хотелось бы привести некоторые из них.

Оказывается, в Форосе президентский пляж охраняла сверхчуткая система сигнализации, реагирующая даже на проплывающих дельфинов. А в том сезоне эту систему подстраховывали еще десять водолазов. Какая чепуха!

Далее идут цифровые сведения о количестве охраны Президента, ее глубокой эшелонированности, о многочисленных охранных постах за резиденцией, о том, что все охранники, включая миловидных горничных, получали зарплату в КГБ, благодаря чему самым большим начальником для них был Крючков, а вовсе не Президент.

Что взбрело в голову, то и писали «великие» блюстители права!

Драматически описана обстановка в резиденции, когда туда 18 августа прибыли Бакланов, Шенин, Варенников, Болдин и сопровождавший их Плеханов, «трагические» моменты переживаний Горбачева. Но авторы не поведали читателям о том, что он мило попрощался с упомянутыми лицами, после их отъезда попросил принести грузинского вина, заказал приключенческий фильм и вместе с семьей отправился его смотреть.

Они не сообщили, что он отказался поехать в Москву, предпочел остаться в Форосе и в последующие дни ждал развития событий.

Писать об этом невыгодно, потому что такая правда не укладывается в версию следствия, разработанную Степанковым, Лисовым и их помощниками для одурачивания общественности.

В книге обильно цитируются показания Язова, Павлова и некоторых других обвиняемых, которые в ходе судебного разбирательства были признаны не имеющими юридической силы, поскольку получены с нарушениями уголовно-процессуального права. Уже одно это дает очевидную характеристику профессиональной компетентности Степанкова и Лисова.

В книге содержатся оскорбительные эпитеты в адрес обвиняемых, унижающие их человеческое достоинство. Не хочу их воспроизводить для того, чтобы не тиражировать, хочу лишь пояснить одно: не случайно обвиняемые подали гражданские иски для привлечения Степанкова и Лисова к ответственности за клевету и нанесенный им моральный ущерб.

Авторы книги уделили особое внимание моей персоне. Касающуюся меня часть книги они озаглавили так: «Портрет председателя КГБ, который считал, что страна находится во власти «агентов влияния».

Действительно, я говорил об «агентах влияния» и ни от одного своего слова, сказанного по этому поводу, не отказываюсь и сегодня.

До августа 1991 года я считал, что страна в опасной мере находится во власти «агентов влияния». Они действовали, проводили политику, чуждую интересам нашего народа и государства. Я утверждаю это и сегодня. Впервые сказал об этом на закрытой сессии Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года. Мое выступление было подхвачено значительной частью средств массовой информации, во всяком случае, никто не остался равнодушным.

С тех пор было опубликовано немало материалов, конкретных фактов, которые подтверждали высказанное мною положение как горькую, трагическую действительность.

Чего только не написано авторами книги обо мне! Был социальный заказ, и они действовали. Вот одна из цитат: «Крючков, знавший Андропова лучше, чем Горбачев, был убежден, что Андропов никогда бы не позволил покушаться

на систему. Действия Горбачева он воспринимал с недоумением, они ставили его в тупик, порождая подозрения в искренности клятв Горбачева в «верности» социалистическому пути».

И далее: «Всю жизнь он боролся с оппортунизмом. Гордился, что отстоял социализм в Венгрии в 1956 году. Горбачев перед всем миром признал события в Венгрии преступлением. Крючков принимал участие в осуществлении ввода войск в Чехословакию в 1968 году. Горбачев принес свои извинения народу Чехословакии за «вмешательство во внутренние дела, допущенные КПСС в 1968 году». Крючков приветствовал возведение Берлинской стены и все делал, чтобы сохранить ее в целости. Горбачев разрушил ее. Крючков с ликованием встретил вторжение войск в Афганистан. В Кабуле его боевики штурмовали дворец Амина. Горбачев назвал афганскую войну «исторической ошибкой».

Думаю, что подобные пассажи делают мне честь.

Не в порядке оправдания, а лишь для того, чтобы уточнить некоторые фактические моменты и показать нечистоплотность авторов книги, я хотел бы сделать в связи с этим пару замечаний.

Андропов действительно никогда не позволил бы покуситься на систему — ее социально-общественный строй, государственность, результаты исторического развития за тысячу лет существования России.

Далее, я и в самом деле сомневался в искренности клятв Горбачева, данных им Съезду народных депутатов. Разве я оказался не прав?

В 1956 году в Венгрии действительно была борьба за социализм против контрреволюционных сил. История по этому поводу еще не сказала своего окончательного слова Правда, моя роль в борьбе за социализм в Венгрии была невелика, и страницей выше авторы говорят об этом, отметив, что в Венгрии я занимал скромный пост третьего секретаря советского посольства.

В осуществлении ввода войск в Чехословакию в 1968 году я не принимал никакого участия, но не потому, что не хотел, а потому, что не имел к этому отношения. Был также далек от возведения Берлинской стены, потому что тоже не имел к этому никакого отношения, хотя, насколько я по-

мню, возведения не осуждал, потому что в то время оно помогло сохранить Германскую Демократическую Республику.

В 1979 году в Кабуле я выполнял решения высшего советского руководства, которое считало, что в основе осуществляемых мер лежит стремление защитить интересы Советского государства и оказать помощь дружественному афганскому народу

Как хлестко господа Степанков и Лисов пишут об упомянутых выше событиях! Интересно посмотреть, какую позицию занимали эти господа всего два-три года назад. Что, они, будучи членами партии, поднимали голос протеста? В партию вступили несознательно, по глупости или недоразумению? Они что, боролись против социализма? За это страдали и препровождались в тюрьмы? Или, напротив, сами принимали участие в привлечении к уголовной и иной ответственности лиц, которые занимали антисоветские, антисоциалистические позиции?

Для таких людей есть емкие русские слова — перевертыши, перерожденцы, оборотни, приспособленцы!

Или чего стоят такие рассуждения Степанкова и Лисова: «Горбачев для Крючкова, конечно, был сумасшедшим. Горбачев разрушал систему, которая обеспечила ему все — и раболепие подчиненных, и уважение недругов, и спокойную, в довольстве и даже роскоши жизнь. Разве может человек, находящийся в здравом уме, рубить сук, на котором сидит?»

Да, далеко занесло авторов пасквиля. «Ради красного словца готовы продать родного отца» — гласит народная мудрость, и к ним она тоже подходит.

Никогда мои подчиненные не были рабами. Это были люди с достоинством и высоким пониманием долга и чести. Они имели право голоса и возможность проявлять себя, высказывать суждения по любым вопросам, не опасаясь подвергнуться за это преследованию. Они любили Отчизну и делали все для ее укрепления. И за это я их глубоко уважал и уважаю сегодня.

После августа 1991 года тысячи моих бывших сослуживцев покинули органы госбезопасности. Одних уволили, других вежливо попросили уйти, третьи ушли сами, потому

что не могли мириться с разрушением системы государственной безопасности.

Что касается недругов Советского Союза, они действительно уважали нашу державу. Кстати, они с признанием относились к советской разведке, к органам госбезопасности в целом. И если не уважали, то боялись. Я думаю, что для недругов — чувство нелишнее, и говорит оно о многом.

Никогда у меня не было спокойной жизни. Вся моя жизнь — в заботах, трудах, в борьбе за интересы Родины. Я был и остался патриотом своей страны, гордился этим и горжусь. А вот в довольстве и тем более в роскоши не жил Не хочу сказать, что я жил плохо, но никакого богатства не нажил. Не в пример нынешним правителям России.

Будучи членом Политбюро, я жил на той же самой даче, которой пользовался, будучи начальником Первого Главного управления КГБ СССР. У меня не было домработницы, другого обслуживающего персонала. Я платил за дачу столько, сколько она стоила. Единственное, чем пользовался, это льготными путевками и бесплатным медицинским обслуживанием. Последнее было доступно всем. А насчет того, чтобы «рубить сук», тут господа Степанков и Лисов правы Кое-кто за этот сук крепко держится и не слезет с него, даже если для того, чтобы удержаться на нем, потребуется пролить кровь, — не свою, разумеется.

Я же за свою должность председателя Комитета госбезопасности не держался. Следствию было хорошо известно, что я не раз обращался к Горбачеву с просьбой об отставке Ссылался при этом на здоровье, возраст, хотя истинная подоплека в том, что я был не согласен с проводимым им политическим курсом и практическими действиями.

В 1992 году, когда писалась книга «Кремлевский заговор», ее авторы, видимо, еще не предполагали столь низкого падения России, какое произошло спустя совсем короткое время. Поэтому они позволяли себе такие высказывания «Крючкову всюду мерещились «агенты влияния», он все время ссылался на какие-то только ему одному известные источники информации о том, что Запад вынашивает идею «сокращения» населения СССР» — и т. д. Для того чтобы это утверждение прозвучало более убедительно, Степанков и Лисов не побрезговали даже ссылками на предателей: «В

КГБ вообще большие параноики. Воображают порой нечто невероятное», — считает бывший советский разведчик Олег Гордиевский».

Так пошли в ход заявления человека, приговоренного к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР за предательство Родины и агентурную работу в пользу английской разведки!

В 1993 году в России умерло на 800 тысяч человек больше, чем в 1992 году, а в 1994 году уже более чем на один миллион. Когда такое наблюдалось в нашей стране? Даже в суровые годы Великой Отечественной войны такого не бывало.

Население России продолжает сокращаться вследствие повышенной смертности, а также выезда в другие страны. Прокурорам столь высокого ранга стоило бы над этим задуматься. А они нет — делают из этого насмешку.

Тут же авторы книги вспомнили мое выступление на сессии Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года и с издевкой упомянули: «Крючков сообщил депутатам, что стране грозит катастрофа». А что, разве катастрофы не произошло?

Интересно спросить Степанкова и Лисова, какие предсказания, сделанные Комитетом госбезопасности в его официальных записках высшему руководству страны, выступлениях председателя КГБ на сессиях Верховного Совета не нашли подтверждения? Что, разве сохранился, укрепляется, процветает Советский Союз? Наша экономика на подъеме? Наши внешнеполитические позиции укрепились, мы приобрели новых друзей и никого из прежних не потеряли?

Книга изобилует бесчисленным количеством выдумок, передергиваниями, лживыми утверждениями. Читаешь и думаешь, в каких страшных, нечистоплотных руках находилась Генеральная прокуратура России!

Ради того чтобы доказать недоказуемое, не остановились ни перед чем! От разговоров об убийстве Горбачева, Ельцина и других, которые якобы велись гэкачепистами, до совместного посещения Крючковым, Шениным, Баклановым, Язовым, Пуго и другими роскошных бань на специальных объектах Комитета госбезопасности.

Ведь никогда ничего подобного не было! Да и бань та-

ких не существует! Авторы пускаются на подобные инсинуации, будучи убежденными в том, что они всегда будут находиться за рамками ответственности.

«Старательность» авторов книги превзошла мыслимые и немыслимые границы. Вместо приобретения политического багажа, укрепления позиций режима и разоблачения «преступлений» членов ГКЧП они оказали режиму медвежью услугу. Вынудили даже проправительственную печать высказать серьезные нарекания в адрес книги и ее авторов.

Сошлюсь на статью Валерия Руднева в газете «Известия» за 21 августа 1992 года. Она называется «Дело ГКЧП: следствие еще не закончено, но книга уже написана». Ссылаюсь на эту статью, потому что ее автор никак не может быть заподозрен в каких-то симпатиях к лицам, проходящим по делу ГКЧП. Руднев пишет, что главный вопрос — имеет ли вообще генеральный прокурор право обнародовать следственные документы, которые составляют суть публицистического замысла авторов. Ссылаясь на мнение Степанкова о том, что обвиняемые точно следят за тем, как ухудшается социальное и экономическое положение в стране, и что их действия все меньше теперь осуждаются российской общественностью, Руднев пишет: «Вот так безо всяких затей сформулировал Степанков свой публицистический замысел — чтобы российская общественность больше осуждала (?!) обвиняемых по делу ГКЧП. Чем, видимо, по мысли Степанкова и будет поправлено социальное и экономическое положение в стране».

Воспроизвожу примечательный вывод Руднева: «И такое говорит Генеральный прокурор России, чья важнейшая должностная обязанность в сфере уголовного судопроизводства — блюсти принцип презумпции невиновности при любой политической ситуации. Прокурор, который, — цитирую кодекс, — «обязан обеспечить обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного ему обвинения и обеспечить охрану его личных и имущественных прав». Уж простите, но более пренебрежительно относиться к закону просто невозможно. А мы еще рассуждаем сегодня о правовом нигилизме рабочего или колхозника, служащего или бизнесмена...»

Лучше, как говорится, не скажешь. Для того чтобы поставить точку в рассуждениях по поводу публикации книги «Кремлевский заговор», стоит воспроизвести заключительные слова Руднева: «Одно меня беспокоит. Когда произошла утечка информации в «Шпигель» (помните знаменитые пленки с признанием главных «путчистов»?), генеральный прокурор справедливо возбудил уголовное дело. Кто нынче будет решать подобный вопрос, если следственные документы, изобличающие обвиняемых по делу ГКЧП, до решения суда будут разглашены самим генеральным прокурором?»

У Степанкова и его заместителя Лисова, видимо, вообще отсутствует всякое здравое понимание вопроса о секретах, тем более когда речь идет о секретах государственных. В этой связи нельзя читать без возмущения, переживаний за государство те несколько десятков страниц книги «Кремлевский заговор», где опубликованы сведения, представляющие государственную тайну и затрагивающие отношения Советского Союза со многими странами мира.

Предание гласности документов об оказании КПСС финансовой и иной помощи братским коммунистическим партиям, операциях КПСС и Комитета госбезопасности по переброске отдельных партийных деятелей из Советского Союза в другие страны, раскрытие при этом особых методов работы советской разведки — беспрецедентный случай в мировой практике. Такого ранее не было ни в одной стране мира.

В книге муссируются слухи, домыслы, предположения относительно судьбы «денег КПСС», нахождения их на счетах в зарубежных банках, в коммерческих структурах и совместных предприятиях.

Какое же государство после всего этого будет иметь контакты с нашей страной по вопросам, составляющим ту или иную степень тайны, без опасения, что это может быть предано гласности?

И это делается в то время, когда Соединенные Штаты Америки и другие западные страны не отрицают проведения ими тайных операций, признают оказание помощи организациям и движениям в других странах, занимающим проамериканские позиции. Эта помощь во много крат превышает ту, которую КПСС оказывала братским партиям.

Нет признаков, указывающих, что Соединенные Штаты Америки и другие западные страны отказались или намерены отказаться от этой практики.

Кстати, примечателен такой факт. Несмотря на все потуги российского руководства привлечь во многих странах мира внимание к помощи, оказывавшейся КПСС другим партиям, широкого резонанса это не получило. Оно и понятно. Тогда руководству этих стран пришлось бы говорить о том, какую помощь они оказывают определенным организациям, движениям и партиям в других государствах.

Те, кто разоблачают КПСС, хорошо знают, что наша страна на протяжении всего периода существования советской власти получала огромную помощь от наших друзей коммунистов. Эта помощь была особенно значимой в годы Великой Отечественной войны. Она помогла нам победить в борьбе с гитлеровской Германией, а после войны помогала в быстрейшем восстановлении народного хозяйства, в подъеме нашей экономики, науки, техники, не говоря уже о вкладе в укрепление безопасности Советского государства.

Вскоре после августовских событий в средствах массовой информации на территории бывшего Советского Союза и в зарубежных странах были опубликованы некоторые материалы Комитета госбезопасности и ряда других ведомств. Они касались вопросов внешней и внутренней политики и представляли собой документы, содержащие совершенно секретные сведения. По этим материалам можно было легко выйти на наши агентурные источники, доверительные связи в других странах и подставить под удар тех, кто помогал нашему государству, рисковал собой. Разумеется, это не может быть оправдано никакими политическими соображениями.

Мир узнал о наших сугубо внутренних оценках ситуаций в отдельных регионах, на международной арене в целом, об отношениях Советского Союза с другими странами, узнал, из каких источников мы получали информацию. Все это дало определенным кругам богатую пищу для размышлений и действий, в том числе в провокационных целях.

Судя даже по сообщениям печати, после этого мы лишились многих важных позиций. Какая другая уважающая себя страна поступила бы таким образом?

Мы поставили под удар не только связи КПСС с коммунистическими и иными партиями, раскрыли их содержание, каналы реализации, передачи информационных материалов. Мы поставили под угрозу жизнь и безопасность многих лиц, целых организаций, движений и даже стран.

В 1993 году, когда я уже был на свободе, один иностранный журналист обратился ко мне с просьбой дать ему интервью. Я согласился. В числе других вопросов он коснулся связей КПСС с другими партиями, и в частности, передачи денежных средств, приема в Советском Союзе групп функционеров и отдельных представителей коммунистической партии его страны.

Я, разумеется, давал дипломатичные ответы, стараясь не поставить под угрозу ни наших оперативных работников, ни разведку в целом и, разумеется, наши контакты и связи по ту сторону границы. В конце концов иностранный журналист разоткровенничался и, видимо, стремясь разговорить меня, рассказал о том, что ему известны достоверные факты передачи денежных средств КПСС конкретным коммунистическим партиям.

Я усомнился, хотя и допускал такую возможность, поскольку в нашей печати об этом писалось. Нашлись люди, решившие свести политические счеты с прошлым, в том числе со своим. В стремлении доказать лояльность новому режиму и очернить что было прежде шли на все.

Тогда журналист показал мне целую кипу копий документов, подписанных мною, как бывшим начальником Первого Главного управления, и адресованных в ЦК КПСС. В частности, некоторые из них представляли подробные отчеты о выполнении заданий по передаче финансовых средств. Назывались даты, суммы, лица, получившие их, короче говоря, все! На документах стоял гриф «особой важности», они составлялись в двух экземплярах, один из которых шел в соответствующий отдел ЦК КПСС, а другой оставался в Комитете госбезопасности.

На мой вопрос, каким путем были добыты эти документы, журналист спокойно ответил, что это стоило определенных денег. Судя по всему, этим сообщением он надеялся побудить меня к большей откровенности. Я сказал, что тайн

и секретов не выдаю, и пусть то, что он получил, будет на совести тех, кто пошел на передачу этих документов.

Со своей стороны хочу заметить, что преданием гласности оперативных секретов был нанесен огромный политический ущерб и нынешнему режиму, потому что в результате этого руководство страны потеряло доверие к себе. Вряд ли кто теперь пожелает откровенно обсуждать с нами конфиденциально вопросы, не опасаясь, что со временем они станут известны всему миру.

Для характеристики того времени и моего отношения к происходящему я хотел бы остановиться на одном эпизоде — о направлении мною письма Президенту Российской Федерации Ельцину. Письмо было написано 3 июля 1992 года и неделю спустя опубликовано в газете «Правда». Начиналось оно так:

«Г-н Президент, 11 июня с. г. по телевидению показали ваше интервью, в котором речь шла о том, что произошло в России и вокруг нее за истекший год после начала вашего президентства. Итоги могут оценить сами россияне, они их видят, ощущают на себе, своих родных. Впрочем, это касается не только жителей России, но и всех граждан бывшего Союза.

Во время телеинтервью вам было задано много вопросов. Еще больше тем вы затронули в своих ответах. В этой связи мне хотелось бы остановиться на одной, самой главной проблеме: что же случилось с великим Советским Союзом? Соотечественники должны знать не только то, как эту проблему понимаете вы, но и насколько соответствует действительности ваше утверждение, что виновны в распаде Союза те, кого в интервью вы называете «путчистами».

В своем телеинтервью Ельцин приписал «путчистам» главную вину за развал Союза. Я, разумеется, решительно не согласился с этим и видел главный смысл своего обращения к Ельцину в том, чтобы доказать обратное. «Очень многие уже подметили, — писал я, — главную черту, присущую всей вашей деятельности, — тягу не к созиданию, а к разрушению. Последние два года до августа 1991 года вы всю свою энергию направляли исключительно на разруше-

ние центра, «имперского союза», разносили в пух и прах буквально все, что было сделано до вас. Показывали, как плохо живут люди, щедро рассыпая при этом обещания».

Я также напомнил Ельцину, что подготовленный с его участием проект Союзного договора практически ничего не оставлял от федеративного характера СССР, он предусматривал в лучшем случае лишь некое конфедеративное образование под названием Союза Суверенных Республик.

Конечно, я был далек от мысли валить всю вину на Ельцина и потому в письме заметил, что все это очень хорошо понимал Горбачев. Тем не менее он шел на такой договор в жалкой надежде уцелеть, хотя бы на какое-то время покрасоваться в положении пусть даже бесправного, марионеточного, но все же Президента ССР. На мой вопрос, как он оценивает ситуацию и какая судьба ожидает предполагаемый Союз, Горбачев ответил: «Ну, года полтора продержимся».

«А вы, Борис Николаевич, — подчеркнул я в своем письме, — продолжали наносить удар за ударом по Советскому Союзу. Сейчас вы говорите, что били, дескать, не по Союзу, а по центру, борясь за права России. Странная логика. Во-первых, такие понятия, как «союз» и «центр», взаимосвязаны. Что же это за Союз без центра?»

Но кое-где Ельцин явно проговаривается, что видно, например, из следующего его заявления в упомянутом выше интервью: «Путч 19—20 августа перевернул все. Он разрушил все... Но зато открылась другая возможность — стать независимым Российским государством с независимой внутренней и внешней политикой».

Это заявление говорит о многом. Ведь стоит только вдуматься — «стать независимым»! Но от кого и от чего?!

В своем письме Ельцину я воспроизвел выводы главного редактора «Независимой газеты» Третьякова, касающиеся последней точки в судьбе Союза. Вот что пишет Третьяков: «Да, Ельцин был одним из трех участников формальной ликвидации СССР, участником государственного переворота, в результате которого Михаил Горбачев более удачно и куда более безболезненно, чем в августе 1991 года, был отстранен от власти...» И далее пишет Третьяков: «Нет никакого СНГ. И еще вопрос — возникнет ли оно (это содружество) в будущем. Есть некая аморфная структура с неким аморф-

ным названием, фиксирующая неподвластные ей процессы завершения распада СССР. Геннадий Бурбулис, если я не ошибаюсь, признавался, что концепция СНГ так и была задумана еще весной 1991 года».

В своем письме я привел также выдержку из показаний Силаева на допросе по делу ГКЧП в октябре 1991 года, из которой видно истинное отношение тогдашнего российского руководства к развалу Союза.

Вот что было сказано Силаевым: «Что касается последствий путча, то его провал привел к новому качественному состоянию в стране. Была приостановлена деятельность компартии, прекратили работу руководящие органы КПСС, и особенно реакционная Российская Коммунистическая партия. Поэтому можно сказать, что это сыграло свою положительную роль. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!»

Я писал также Ельцину: «Чем больше вы, господин Президент, будете искать причины не там, где они в действительности находятся, тем более тяжкими последствиями обернется это для народов бывшего Союза, в том числе и России. Неужели личные амбиции, безудержная жажда власти стоят крови стольких людей, страданий целых народов? Неужели вам, г-н Президент, ни о чем не говорит опыт других стран — наших недавних друзей и союзников, которые ввергнуты в пропасть жесточайших междоусобиц, и в этот тяжкий для них момент преданы Россией? Но Россией ли?!»

«Я достаточно хорошо знаю вас, — говорится в моем письме Ельцину, — и полагаю, что это письмо не пройдет мне даром, но мне уже 69-й год, так что жизнь в любом случае уже позади. Оглядываясь назад, могу сказать, что мне нечего стыдиться, сожалеть приходится не о содеянном, а о том, чего не успел или не сумел сделать».

Заканчивал я свое письмо следующими словами: «Во время богослужения 14 июня в Сергиевой Лавре вы призвали людей к «терпению, смирению и очищению». Да, действительно, народ пока терпит, но это только пока. А что касается смирения и очищения, то очень важно, чтобы этот призыв относился ко всем, в том числе и к вам. Особенно в части, касающейся очищения».

...Вскоре после моего письма к Ельцину «Матросскую тишину» посетил генеральный прокурор Степанков. У меня спросили, нет ли у меня вопросов к Степанкову. Я ответил, что нет. Тогда мне дали понять, что Степанков хотел бы встретиться со мной. Уходить от встречи не было, разумеется, никакого смысла, и на такую встречу я пошел.

По ходу разговора Степанков сказал, что читал мое письмо к Ельцину. Считает его резким и даже непозволительным по тональности и содержанию и полагает, что вряд ли оно будет полезным для меня, тем более в моем положении.

Я понял его намек и даже какую-то степень откровенности и сказал, что прекрасно это знал, когда выступил с таким обращением, но поскольку в данном случае речь идет не о моей личной судьбе, а о державе, я вполне сознательно пришел к выводу о необходимости именно такого письма к Президенту. Я сказал также, что хотя оно и адресовано Ельцину, но важно, чтобы о нем знало как можно больше людей, и потому оно было по моей просьбе направлено в газету «Правда».

На следующий день после опубликования письма к Ельцину представитель администрации тюрьмы сказал, что на мое имя поступило много телеграмм, в которых читатели одобряют мою позицию, дают положительную оценку обращению.

Спустя пару часов мне показали несколько телеграмм, которые прибавили мне настроения, однако в последующие дни ни одного письма, ни одной телеграммы я уже не увидел; мне было сказано, что больше их не поступало.

Конечно, это была неправда. Телеграммы и письма свидетельствовали о многом, говорили в мою пользу, и потому было решено больше мне их не показывать. Я же, пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить всех тех, кто в тот трудный для меня час поддержал мою позицию и открыто выразил свое к ней отношение. Эта поддержка много для меня значила.

Итак, 20 августа 1992 года мне было предъявлено еще одно постановление о привлечении в качестве обвиняемо-

го — третье по счету. Фабула обвинения и на сей раз была изменена.

Как видно из материалов дела, 12 августа 1992 года Степанков дал указание своему заместителю Лисову скорректировать обвинение. В своем указании он прямо писал, что «...действиям обвиняемых дана неверная уголовно-правовая оценка».

В соответствии с указаниями Степанкова в очередном постановлении о привлечении в качестве обвиняемых наша вина уже квалифицировалась как измена Родине в форме заговора с целью захвата власти. Таким образом, после мучительных поисков формулу обвинения наконец-то «приспособили» к действующему законодательству. Хотя натянутость была совершенно очевидна и наши действия никоим образом не подпадали под предъявленное обвинение, следствие формально соблюло видимость правового подхода и «нашло» законодательное обоснование привлечения нас к уголовной ответственности.

Обвиняемым было также сообщено, что в соответствии с нашим ходатайством к уголовному делу приобщено другое уголовное дело по факту столкновения военнослужащих и гражданских лиц в ночь на 21 августа 1991 года в тоннеле под Калининским проспектом, в результате чего погибли три человека и несколько человек из числа гражданских лиц и военнослужащих были ранены. К 125 томам основного уголовного дела добавилось еще 15 томов. Ознакомление с материалами было продолжено.

Естественно, мы стремились глубоко и всесторонне ознакомиться с ними для того, чтобы основательнее подготовиться к суду. Обвинение было многоплановым, содержало немалое количество эпизодов. Было много натяжек, противоречий, очевидных несовпадений между пунктами обвинения и материалами следствия — все это привносило свои трудности. Помимо прочего, мы чувствовали просто физическую усталость.

В декабре 1992 года Степанков вновь посетил «Матросскую тишину» и вызвал меня на беседу. Не нажимая, поинтересовался, как идет ознакомление, проявив при этом полнейшую осведомленность.

Я сказал, что потребуется еще какое-то время, но затя-

гивать не в моих интересах. Из его слов я уяснил, что он заинтересован в завершении ознакомления с материалами дела и быстрейшем направлении его в суд.

Я сказал также, что готов сделать это немедленно при условии, что будет изменена мера пресечения моим бывшим подчиненным — Плеханову и Генералову и они будут освобождены из-под стражи.

После некоторых раздумий Степанков дал на это согласие. Я обещал, не откладывая, завершить ознакомление с материалами дела.

Итак, сделка состоялась. Вскоре дело было направлено в Военную коллегию Верховного суда Российской Федерации.

Тут мне хотелось бы немного остановиться на отдельных моментах моего пребывания в «Матросской тишине», порядках в ней, небезынтересных во многих отношениях.

В тюрьме большую роль играет начальник этого заведения. Его власть над человеком, оказавшимся под арестом, порой, кажется, не знает границ. Ведь к каждому закону, к каждой норме можно подойти «творчески», в результате условия содержания под стражей можно сделать сносными или, напротив, невыносимыми. Участливым словом, послаблением в режиме, предоставлением возможности получать побольше газет и журналов почти удовлетворяются небольшие потребности лишенного свободы, и для поддержания его морального состояния этого оказывается достаточно.

Содержание в «Матросской тишине» арестованных по делу ГКЧП лиц вынудило Министерство внутренних дел России укрепить руководство следственного изолятора и заменить охрану. В общем-то оно и понятно: такого букета арестованных «Матросская тишина» прежде не знала: вице-президент, премьер-министр, Председатель Верховного Совета страны, первый заместитель председателя Совета Обороны, министры, другие высокопоставленные государственные и общественно-политические деятели.

Конечно, не заботой об узниках были продиктованы упомянутые меры. Заграждения из мешков с песком в коридорах и на лестничных клетках, гнезда с амбразурами для

автоматчиков и пулеметов, БТР во дворе тюрьмы говорили о характере озабоченности властей.

Но тем не менее я хотел бы сказать и другое. Назначение в августе 1991 года начальником «Матросской тишины» подполковника Панчука, в 1993 году ставшего генерал-майором, оказалось неплохим вариантом и для обитателей тюрьмы.

Панчук проявлял беспокойство по поводу здоровья арестованных и в том числе тех, кто проходил по делу ГКЧП. Достоверно известно, что он сыграл основную роль в освобождении из-под стражи Болдина и Грушко, состояние здоровья которых вызывало серьезные опасения и в условиях тюрьмы могло привести к летальному исходу.

К ноябрю 1991 года пресса стала уделять больше внимания делу ГКЧП, а патриотическая печать забила тревогу по поводу состояния здоровья гэкачепистов.

Панчук как начальник следственного изолятора, естественно, не мог не думать о своей ответственности, поскольку по заведенному правилу в случае каких-либо неприятностей отыгрались бы в первую очередь на нем.

О том, что общественное мнение со временем стало меняться в пользу арестованных по нашему делу, можно было судить и по отношению к нам сотрудников следственного изолятора. Подавляющая часть их с самого начала относилась к нам сочувственно, и мы ощущали это по многим признакам, не говоря уже об отдельных высказываниях, которые прямо подбадривали нас. Некоторые сотрудники охраны вступали со мной в разговоры, обменивались мнениями, иногда приносили газету с важной для меня статьей, что было особенно ценно, поскольку в информации я особенно нуждался.

В марте 1992 года мне сделали операцию по удалению опухоли на спине, которая появилась давно, но в тюрьме стала напоминать о себе. Операцию решили сделать в амбулаторных условиях, прямо в изоляторе, хотя между врачами были разговоры о необходимости сделать ее в условиях госпиталя, потому что ни характер, ни размеры опухоли врачи определить не смогли. Операция началась под местным наркозом. Однако, как только вскрыли опухоль, врачи при-

шли к выводу, что требуется общий наркоз, и ввели мне соответствующее лекарство.

После операции, которая продолжалась около часа, я, естественно, чувствовал себя неважно, и с помощью медперсонала и охраны меня повели в камеру. По пути меня перехватил Панчук, пригласил в свой кабинет, угостил чаем. Я полностью еще не пришел в себя, разговор вел несвязно. После того как я почувствовал себя лучше, меня доставили в камеру. На другой день я стал работать со следователем и адвокатом.

По настоянию Панчука, в тюремный госпиталь приглашались врачи-специалисты, не было недостатка в лекарствах, медперсонал был внимателен, проводил возможные в условиях следственного изолятора процедуры, что позволяло в течение всего следствия поддерживать здоровье на приемлемом уровне.

На личном опыте я убедился в том, что наше законодательство плохо распоряжается судьбой подсудимого и осужденного в тех случаях, когда они лишаются свободы. Это совершенно различные категории лиц, но на практике положение подследственного и подсудимого, мерой пресечения в отношении которых избрано содержание под стражей, несправедливо ущемлено по сравнению с уже осужденными к лишению свободы.

Положение первых двух категорий, еще не признанных судом виновными, куда тяжелее, чем положение осужденного к лишению свободы и отбывающего меру наказания в соответствующих местах. Не случайно люди, находящиеся под следствием, ждут суда и отправления в зону, где они чувствуют себя свободнее, физически и психологически легче.

Помимо этого, немало случаев, когда после предварительного содержания под стражей люди освобождаются, потому что их вина оказывается недоказанной или они признаются невиновными. В этом случае их честь и достоинство тем более ущемляются, комплекс страданий, несправедливости, ущемленности сопровождает человека порой всю оставшуюся жизнь, наносит обиду его родным и близким.

...Во время пребывания в «Матросской тишине» душевную боль причиняло отсутствие сведений о том, как себя чувствуют остальные содержащиеся под стражей товарищи. По отдельным признакам удавалось узнать, что кто-то заболел, кого-то увезли в госпиталь, однако сведения были отрывочными, не давали представления о действительном положении. Правда, позже, через адвокатов, родственников во время свиданий мы стали получать эту информацию.

Как-то дошел слух о болезни Шенина. Говорили разное, тревожное, в том числе и о сделанной ему операции. К сожалению, слухи подтвердились, но, несмотря на заключение врачей, Шенину не изменили меру пресечения, и лишь спустя несколько месяцев, уже в 1992 году, он оказался на свободе и смог пройти курс лечения в стационаре.

Среди нас Шенин был, пожалуй, самым молодым. Хотя ему было 54 года, но жизнь у него была весьма напряженной, полной забот и тревог. Родился на небольшой пристани в Сталинградской области, к которой причаливал далеко не каждый проплывающий мимо пароход. Бóльшую часть трудовой жизни отдал Сибири, любимому им краю. Окончил Томский инженерно-строительный институт, затем Академию общественных наук при ЦК КПСС.

Львиную долю лет работал на стройках в Красноярском крае. Начал с техника-десятника, затем был прорабом, начальником производственно-технического отдела в строительном управлении, начальником управления. Возглавил «Игарстрой», руководил строительством глиноземного комбината, был управляющим трестом Ачинского алюминиевого комбината, строил Ачинский нефтеперегонный завод.

Даже непосвященному человеку понятно, насколько трудное дело строительство, тем более когда речь идет о масштабной стройке. Коллективы большие, рабочих постоянно не хватает, дефицит строительных материалов и оборудования, сроки поджимают, да еще масса непредвиденных обстоятельств. Так что строителям мало кто завидует.

На протяжении всей трудовой деятельности Шенин принимал активное участие в партийной жизни. Его всегда принимали за вожака, и не случайно в конце концов он попал на выборную партийную работу. Возглавил Ачинский

городской комитет КПСС, был вторым, затем первым секретарем Красноярского крайкома КПСС.

В 1990 году в связи с избранием секретарем ЦК КПСС, членом Политбюро переехал в Москву.

В 1981 году работал в Афганистане, где пробыл более года, был партийным советником в провинциях, так что хлебнул и афганской эпопеи. С тех пор к этой стране неравнодушен, переживал, когда в 1991 году мы перестали поддерживать режим Наджибуллы и таким образом перечеркнули наши усилия и жертвы в борьбе за дружественный нам Афганистан.

Когда в августе 1991 года Шенин решительно выступил в защиту Союза, я подумал, что для него это вполне закономерно, поскольку всю жизнь он занимался созиданием, строительством и не мог быть равнодушным к разрушению создаваемого веками государства. Не случайно и то, что в 1993 году Шенин оказался во главе Союза Коммунистических партий — КПСС, партийной структуры, идущей в первых рядах борьбы за возрождение Союза.

Трудное это дело, но благородное, потому что иного пути к спасению Отечества нет. Коммунист Шенин очень хорошо это понимает.

Тюремные условия, напряженная работа с материалами дела, необходимость подачи ходатайств по вопросам, возникавшим в ходе следствия, отнимали много сил, сказывались на здоровье. Не обращать внимания на самочувствие не всегда удавалось: то сердце, то простудные заболевания, то просто недомогание давали о себе знать.

Впервые я почувствовал себя неважно в конце ноября — начале декабря 1991 года. Но врачам особенно не жаловался. Во время свиданий с родными уверял, что все в порядке, хотя внешний вид говорил об обратном.

В середине декабря 1991 года как-то ночью почувствовал себя совсем плохо, но и в этот раз решил к врачам не обращаться, хотя сокамерники заметили что-то неладное, корили меня за то, что я пренебрегаю здоровьем и ничего не говорю медперсоналу.

Именно в это время шла напряженная работа со следст-

вием — предъявление обвинения, допросы; а тут еще возникла необходимость в реакции с моей стороны на инсинуации и клеветнические заявления, в изобилии появлявшиеся в средствах массовой информации... Все это заставляло думать не о здоровье, а совсем о другом. Долго скрывать плохое самочувствие не удалось — где-то в марте 1992 года произошло первое кровоизлияние в глаз.

В июле 1992 года как-то ночью я почувствовал себя плохо, и мои сокамерники, о которых я неизменно вспоминаю с теплотой, решили рассказать врачу и медицинской сестре о моем состоянии.

После обследования невропатологом и окулистом было признано необходимым срочно госпитализировать меня с подозрением на микроинсульт. В Центральном госпитале МВД России диагноз подтвердился, однако через 15 дней меня вернули в «Матросскую тишину».

Никаких возражений с моей стороны не было, более того, я и не жаловался. Из разговоров с врачами было понятно, что я нуждался в длительном лечении, и мое преждевременное возвращение в следственный изолятор вызывало у них недоумение. Но в силу различных причин врачи возражать против этого не стали, хотя один из них заметил, что, наверное, скоро я вновь окажусь в госпитале. Он дал мне немало добрых советов, но в тюремных условиях соблюдать их было просто невозможно.

Какое-то время я чувствовал себя примерно так же, как до госпиталя. Затем все нормализовалось и вопрос о новой госпитализации отпал. Врачи осматривали меня почти каждый день и чего-либо тревожного не находили.

Но вот в декабре 1992 года, а точнее 17-го числа, ко мне пришли врач и медсестра для того, чтобы сделать очередную процедуру — закапать лекарство в глаза. В тот день капли вводились мне и утром, и в обед и все было как обычно. Настроение у всех было нормальное, я даже пошутил, что зрение не улучшается, но и не ухудшается, так что для судебного процесса хватит.

Буквально после введения одной-двух капель в правый глаз, который был поздоровее левого, я почувствовал необычно резкую боль в глазу, вокруг него и, как мне показалось, во всей правой части головы. Я только успел сказать:

«Что вы сделали, не ввели ли вы мне серную кислоту?» — а также бросить фразу, чтобы не выбрасывали ампулу, из которой было взято лекарство, и посмотрели, что же там находится.

Сразу же хотел бы заметить, что до этого у меня и у других арестованных об этой медсестре сложилось хорошее мнение. Она всегда оказывала нам помощь, мы ценили ее доброе отношение.

После этого я сполз со стула и потерял сознание. Очнулся уже на кровати. Сестра оказывала помощь, чувствовались сильные боли в области сердца, и мне попеременно делали массаж то медицинская сестра, то один из сокамерников.

Сколько я был без сознания, сказать не могу, но, придя в себя, ощутил потерю зрения в обоих глазах; сильно кружилась голова, меня прошиб холодный пот, ноги и руки свела судорога. Все, что можно было, набросили на меня, однако дрожь в теле устранить не удавалось.

Медсестра заявила, что она не уйдет из камеры до тех пор, пока в этом не отпадет надобность. Через час или полтора, не помню, вернулось зрение сначала в левом глазу, а где-то спустя час я стал ощущать свет и другим глазом. Но глаза открывались с трудом, от чего-то слиплись.

Принимал какие-то лекарства от сердца, что-то мне давали нюхать, и примерно к часу ночи боли несколько утихли, хотя острые ощущения периодически давали о себе знать, но уже только в области правого глаза. Была невероятная слабость, несколько раз проваливался в бессознательное состояние, пока, наконец, к середине ночи от усталости не уснул.

Мое состояние, как мне показалось, не вызывало особого беспокойства у тюремного начальства, хотя к середине ночи я заметил в камере представителей руководства СИЗО; был кто-то еще, но кто — сказать не могу, было не до этого.

В течение 18 декабря ко мне приехала сначала одна пара врачей — невропатолог и окулист, спустя два часа другая — тоже невропатолог и окулист.

К вечеру мне сделали электрокардиограмму, и тут я заметил беспокойство руководства СИЗО. Мне запретили подниматься с постели и вскоре объявили, что я буду госпи-

тализирован. Примерно в 19 часов приехала бригада врачей из госпиталя ГУВД, осмотрели меня и приняли решение о госпитализации. В госпитале я попал в палату реанимации: капельница, лекарства, процедуры. Спустя три дня меня переместили в обычную палату, и началось мое сорокадневное пребывание на госпитальной койке.

Вся эта история по времени совпала с передачей уголовного дела из Генеральной прокуратуры в Военную коллегию Верховного суда России. Короче, я оказался как бы ни за кем не числящимся. Ни адвокат, ни мои родные ко мне допущены не были, хотя они и я требовали свидания. Только 25 декабря 1992 года, то есть на девятый день, ко мне был допущен адвокат Иванов и узнал от меня о случившемся. Он-то и забил тревогу.

31 декабря 1992 года в печати было опубликовано его заявление на имя Генерального прокурора России, в котором кратко излагались суть происшедшего с его подзащитным и требование провести необходимое расследование.

Тем временем в госпитале, пожалуй впервые за последние полтора года, начали проводить всестороннюю проверку состояния моего здоровья. По результатам исследования поставили диагноз — микроинсульт, причем, по заключению врачей, это был третий микроинсульт на протяжении года с небольшим. Первый приходился на декабрь 1991 года, второй — на июль и третий — на декабрь 1992 года.

Врачи не делали никаких пояснений относительно возможной взаимосвязи между тем, что произошло со мной 17 декабря во время закапывания лекарства в глаза, и микроинсультом. Некоторые говорили, что, возможно, это совпадение, другие глубокомысленно давали понять, что со всем этим надо разобраться.

19 января 1993 года на имя адвоката Иванова поступило письмо начальника Отдела по надзору за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний российской прокуратуры Авдеева. До этого он регулярно посещал «Матросскую тишину», заходил в мою камеру, справлялся, нет ли жалоб, так что был мне известен.

Упомянутое письмо Авдеева было отпиской, причем малоубедительной, поскольку она совершенно не соответствовала тому, что произошло. Очевидно, у проверявших не

было желания или указания разобраться в том, что случилось 17 декабря.

В ответе отмечается, что я не терял сознания, жаловался только на острую резь в глазу, что у меня не было каких-либо следов химического ожога, телесных повреждений в области глаза, что в госпитализации я не нуждался, потому что речь шла только о конъюнктивите, который можно лечить амбулаторным путем.

Но далее в ответе содержится любопытная констатация. Я привожу ее полностью. «Комиссия врачей-специалистов установила, что госпитализация 18 декабря 1992 года была проведена по медицинским показаниям в силу возникновения у Крючкова В. А. острого повторного нарушения мозгового кровообращения на фоне атеросклероза сосудов головного мозга». И далее: «Специалисты исключили возможность развития или ухудшения неврологического или сердечно-сосудистого заболевания в результате применения «офтана» (глазные капли)». Вот и пойми! С одной стороны, 17 декабря, кроме конъюнктивита ничего не было, но тут же признают, что на следующий день врачи констатировали микроинсульт. Думаю, что для каждого мало-мальски разбирающегося в медицине ясно, что одно никак не вяжется с другим.

26 января 1993 года заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации Анатолий Тимофеевич Уколов принял постановление о назначении судебного заседания. К тому времени в печати уже появилось сообщение о том, что он назначен председательствующим на судебном процессе по делу ГКЧП.

Начало судебного разбирательства было назначено на 14 апреля 1993 года. Дело подлежало рассмотрению в открытом судебном заседании с участием государственных обвинителей и защитников. В суд предполагалось вызвать более 120 свидетелей из общего числа допрошенных — около двух тысяч человек.

Что касается меры пресечения, то в постановлении содержалось следующее положение: «Ходатайство обвиняемых, содержащихся под стражей, и их защитников об изме-

нении меры пресечения удовлетворить. При этом учитывается, что предварительное следствие по делу окончено, а также принимаются во внимание их возраст, длительное пребывание в изоляции, состояние здоровья и резкое обострение хронических заболеваний».

Таким образом, Янаев, Павлов, Крючков, Язов, Бакланов, Тизяков были освобождены из-под стражи.

Ходатайства обвиняемых и защитников о прекращении дела за отсутствием состава преступления Уколов счел нужным оставить без удовлетворения, «поскольку добытые по делу доказательства, — говорится в постановлении судьи, — требуют проверки, дополнительного исследования и коллегиальной оценки судом».

Председательствующий суда также удовлетворил ходатайства Павлова и Бакланова, поддержанные защитниками, о приобщении к делу материалов, связанных с утечкой информации в журнал «Шпигель», а также записки Тизякова, упомянутой в предисловии к книге Степанкова и Лисова «Кремлевский заговор». Уколов постановил истребовать из редакции журнала «Огонек» названную записку, а из Генеральной прокуратуры — сведения о видеоматериалах следствия, ставших достоянием прессы, и результаты разбирательства по этому факту.

Забегая вперед, следует сказать, что никаких материалов по утечке информации из Генеральной прокуратуры в суд так и не поступило. Когда-то, разумеется, вся история с утечкой станет ясной, но можно предполагать, что в ходе проверки материалов об утечке вышли на таких должностных лиц, во власти которых было остановить дальнейшее, более глубокое расследование.

После более чем 17-месячного пребывания в тюрьме я и мои товарищи оказались на свободе. В то время я находился в госпитале, еще не завершил курс лечения, поэтому несколько дней оставался на больничной койке и только позднее выписался из госпиталя и получил свободу.

Я сразу понял, что попал совсем в другую страну. Вроде и знакомую, но иную. Первые впечатления были тяжелыми. Увиденное, рассказы моих друзей, более широкий доступ к информации привели меня к однозначному выводу: страна в корне изменилась и продолжает меняется. О том, что про-

цесс идет в неблагоприятном направлении, говорили даже внешние признаки: грязь на улицах, торговля старьем, продовольственными товарами при бросающихся в глаза антисанитарных условиях, неулыбчивые, грустные лица людей, множество нищих, бомжей, людей вконец опустившихся, пьяных. А рядом немало роскошных, вызывающе богатых машин иностранных марок. В магазинах товары по большей части иностранного происхождения, их немало по ассортименту, но цены страшно высокие.

Все говорило о том, что народ расслаивается, идет поляризация. Вражда в социальном плане, масса проблем. Радость освобождения никак не увязывалась со всем этим, и вскоре сердце и душу заняли новые заботы и тревоги.

Глава 4

СУД

В феврале 1993 года обвиняемым было вручено обвинительное заключение. Довольно объемное — в пяти томах. В каждом томе до 250 страниц. Началась подготовка к очередному этапу юридической процедуры по делу ГКЧП. До начала судебного процесса — почти три месяца. Время достаточное для того, чтобы все его участники, особенно судьи, успели подготовиться.

Накануне процесса появилось много статей, выступлений о предстоящем процессе, прогнозов о его возможных перспективах, предположений о том, в каком направлении может пойти судебное разбирательство, какой позиции будут придерживаться обвиняемые, государственные обвинители, что интересного можно ожидать от защиты.

К проходящим по делу лицам проявлялся широкий интерес со стороны средств массовой информации, различных организаций, представителей общественности. Нас приглашали на собрания, митинги, пресс-конференции. Несколько раз поступили предложения выступить по Российскому телевиде-

нию, на радио, однако при этом ставились такие условия, которые исключали возможность доведения до общественности нашей позиции.

Нередко интервью в печати, по телевидению давались с произвольными сокращениями, искажениями, сопровождались необъективными комментариями. Поэтому чаще приходилось отказываться от таких предложений. Некоторые случаи нашего участия в телепередачах оканчивались просто скандальными историями. Так, Павлов, Шенин, Бакланов были вынуждены покинуть «Пресс-клуб» из-за недопустимых, оскорбительных выпадов против них со стороны отдельных «демократически» настроенных участников этой телепередачи.

Несмотря на трудности, в целом нам удалось довести до широкой отечественной и зарубежной аудитории свою позицию по делу ГКЧП, внести определенную ясность в августовские события и помочь значительной части людей составить объективное представление о том, что же случилось в те августовские дни. Да и сами люди к тому времени уже заметно прозрели, потому что окружавшая их действительность подчеркивала драматический характер развития обстановки в стране, а развал Союза окончательно прояснил для многих суть происшедшего.

В день начала суда около 9.00 утра на Калининском проспекте собралась многотысячная группа представителей «Трудовой России» и других организаций, чтобы выразить поддержку лицам, привлеченным к уголовной ответственности по делу ГКЧП. Там были люди из Москвы, Московской области, из других регионов России, были представители из бывших союзных республик. Они сопровождали нас от Калининского проспекта до здания Верховного суда Российской Федерации. Не помогли и мощные милицейские кордоны — на них просто не обращали внимания. Окруженные поддерживающими нас людьми, мы с трудом пробрались к зданию. Все это произвело на нас сильное впечатление, и, как нам показалось, обстановка повлияла и на сам суд.

Массовая поддержка имела для нас большое значение,

вдохнула новые силы, уверенность в правоту дела, в то, что мы не одиноки. Было много транспарантов, лозунгов: «Народ с вами!», «Держитесь. Мы окажем вам всяческую поддержку!», «Свободу ГКЧП!», «Истинных преступников — к ответу!», «Не допустим расправы!». Было много представителей отечественной и зарубежной прессы.

В давке пострадала находившаяся около меня испанская журналистка Пилар Бонет, о чем я до сих пор сожалею. Она — первая иностранная журналистка, которой в 1989 году во время одного мероприятия в Кремле я дал свое первое интервью как председатель Комитета госбезопасности. Основательных бесед у меня с ней не было, однако во время некоторых официальных мероприятий отвечал на ее вопросы, и эти интервью публиковались в испанской печати без каких-либо искажений.

Через адвоката я принес ей извинения, и она с пониманием отнеслась к происшедшему.

Следует с большой благодарностью и признательностью отметить усилия лидера «Трудовой России» Виктора Ивановича Анпилова в организации и проведении многочисленных мероприятий в поддержку обвиняемых по делу ГКЧП. Он не раз был у «Матросской тишины», у здания Военной коллегии Верховного суда, выступал на митингах, требовал прекращения незаконного преследования привлеченных к суду лиц. В этом он был последователен, принципиален, непримирим. Подобную позицию нельзя назвать иначе как гражданским поступком.

Во время судебных заседаний группа наших сторонников постоянно находилась у здания. В перерывах мы, подсудимые, наши адвокаты выходили к ним, информировали о ходе судебного процесса, отвечали на вопросы, выслушивали жалобы на положение дел в стране.

Манифестанты просили нас держаться, давать достойный ответ обвинению, разоблачать истинных разрушителей Союза и тем вносить вклад в борьбу за его возрождение.

Так было вплоть до сентября — октября 1993 года. После этих событий люди перестали собираться по совершенно понятным причинам: дело ГКЧП было вытеснено октябрьскими событиями, расстрелом «Белого дома», убийством мирных, ни в чем не повинных граждан. Да и в судебном

процессе из-за событий в конце сентября был объявлен перерыв, и слушание дела возобновилось лишь 7 октября.

Итак, 14 апреля 1993 года начался судебный процесс по делу ГКЧП. Председательствующий — Уколов и два народных заседателя — Зайцев и Соколов (все трое в генеральских званиях), девять государственных обвинителей во главе с заместителем Генерального прокурора России Денисовым. Подсудимых защищали 17 адвокатов. Интересы троих потерпевших, погибших во время столкновения в тоннеле под Калининским проспектом в ночь на 21 августа и представленных на суде родственниками, защищал адвокат Лившиц.

На скамье подсудимых находились Янаев, Лукьянов, Павлов, Крючков, Язов, Шенин, Бакланов, Варенников, Плеханов, Генералов, Тизяков и Стародубцев.

Судебное заседание проходило в лучшем зале Верховного суда Российской Федерации. До этого он был капитально отремонтирован, приведен в порядок, радиофицирован, снабжен принимающими и передающими телеустановками. Как же, ведь шел суд практически над всем бывшим союзным руководством!

Ельцинский режим разрушил Союз, страна попала в тиски глубокого, всестороннего кризиса; в этих условиях очень важно организовать образцово-показательный суд и осудить, по возможности строже, тех, кто вознамерился выступить в защиту Конституции СССР, против тех, кто нарушил Основной закон, развалил государство! Такова была желанная цель российского режима!

Перед началом первого судебного заседания произошел один небольшой казус. Устроители процесса задумали рассадить подсудимых по своему усмотрению. Но получилось так, что последние заняли места как бы произвольно, в зависимости от того, кто первым вошел в зал. Распорядители забеспокоились, предложили рассадить подсудимых в соответствии с планом.

Подсудимые возразили и остались на своих местах.

Когда в зал вошел председательствующий, он обратил внимание, что подсудимые сидят не так, как было задумано,

на мгновение заколебался, но решил оставить все как получилось.

Этот момент мне показался примечательным: значит судье не присуща мелочность. В дальнейшем его поведение подтвердило это.

В зале суда собрались представители общественных организаций, отечественные и зарубежные теле- и радиорепортеры, представители газет и журналов, родственники Количество пригласительных билетов было строго ограничено, поскольку зал не позволял вместить всех желающих присутствовать на процессе.

В рабочем порядке подсудимые подняли вопрос о том, чтобы для судебного процесса был предоставлен другой зал побольше, однако по техническим и иным соображениям эта просьба не была удовлетворена.

Итак, подается команда: «Суд идет. Прошу встать!» Зал встает, и входят судьи в мантиях. В зале воцаряется тишина.

Одни с интересом, другие с волнением ожидали начала суда, но все понимали, что он будет идти очень долго, что пройдут месяцы, а может быть, даже годы, пока суд дойдет до финиша, до приговора. И каким он будет, сказать трудно Многое будет зависеть от участвующих в судебном процессе сторон, а также от того, как будет складываться обстановка в стране, в каком направлении пойдет ее развитие. Это понимали все.

С самого начала суд принял строгую линию ведения процесса, но отнюдь не жесткую. Не проходил мимо отдельных нарушений представителями сторон порядка ведения судебного заседания, в то же время, когда надо, успокаивал участников процесса и даже воспринимал шутку, шумную реакцию зала останавливал достаточно корректно. Не давил на стороны, позволял им проявлять состязательность.

Было видно, что к своим мантиям судьи еще не привыкли и откровенно рассмеялись, когда адвокат Лившиц, кстати, человек не без юмора, обращаясь к ним, сказал: «Импозантные мужчины в великолепнейших мантиях» Вместе с судьями смеялись над этим комплиментом все присутствовавшие в зале, после чего мантии воспринимались как нечто легализованное, по меньшей мере в глазах зала.

После выяснения личностей подсудимых, доклада о явке участников сторон, разъяснений их прав и обязанностей в ходе судебного заседания и некоторых других процессуальных вопросов в зале суда зазвучала специфическая речь — выступления, реплики, заявления представителей сторон, участвующих в процессе.

На всех обрушился поток отводов и ходатайств, заявлений, отдельных реплик, возражений по поводу тех или иных неточностей, допущенных какой-либо стороной, выяснение процедурных вопросов, споры по поводу их значимости и очередности. Адвокаты внимательно следили за этим и, разумеется, не хотели упустить возможность блеснуть своим профессиональным искусством, эрудицией.

В зале постоянно находилось немало юристов, журналистов — специалистов по судебной тематике. Все это держало суд в напряжении, и его можно было понять. Он находился под пристальным вниманием не только тех, кто сидел в зале, но и тех, кто вечерами смотрел телевидение или на следующий день знакомился в газетах с отчетами о ходе процесса. Поэтому необходимость неукоснительного соблюдения уголовно-процессуальных норм заставляла суд в каждом случае обращаться к законодательству, к праворегулирующим нормам судебного процесса. При этом нередко выяснялись или отсутствие норм, соответствующих возникавшим вопросам, или их двусмысленность, что порождало споры и затрудняло разрешение даже небольших проблем.

Выступления, реплики, заявления практически всех адвокатов отличались хорошей аргументацией, завидной логикой, эрудицией. Не было представителей защиты, о которых можно было бы сказать, что это малоопытные адвокаты. Еще один, на мой взгляд, немаловажный момент: речь их была эмоциональной, что, как правило, придавало словам адвокатов большую убедительность и проникновенность.

Государственные обвинители выглядели менее выразительными. Их выступления, заявления были официальными, шаблонными. На аргументацию и логику они обращали меньше внимания. Высказывая какую-нибудь точку зрения,

всем свои видом как бы подчеркивали: хотите — принимайте, не хотите — не надо, но будет лучше, если вы согласитесь

По всему было видно, что они исходили из того, что в правовом отношении обвинение посильнее защиты. Ведь до этого вся наша юридическая, и в частности, судебная, практика формировала именно такой подход. Для его преодоления нужны, во-первых, учитывающее новейший опыт юриспруденции законодательство и, во-вторых, соответствующая школа воспитания государственных обвинителей, для коих состязательность, аргументация, логика, основанные на бесспорных доказательствах, должны стать нормой.

Образно говоря, хлеб насущный для государственных обвинителей должен быть таким же тяжелым, как и для других сторон в суде. В деле ГКЧП хлеб для прокуроров оказался очень тяжелым во всех отношениях, однако произошло это во многом по вине их руководства.

Первым ходатайством защиты было заявление об отводе всего состава суда. В обосновании указывалось на зависимость судей от Министерства обороны и, следовательно, от его министра, который проходит в качестве свидетеля по эпизодам, имеющим весьма существенное значение для дела. Являясь военнослужащими, судьи зависели от Министерства обороны в вопросах присвоения воинских званий, материального обеспечения и пр.

«Поскольку народные заседатели,— заявил адвокат Хамзаев, — по своему положению являются подчиненными нынешнего министра обороны России генерала армии Грачева, а тот, в свою очередь, проходит по делу как свидетель, то народные заседатели не могут объективно исследовать показания Грачева, роль которого в событиях 19 — 21 августа неоднозначна».

Разумеется, решая этот вопрос и учитывая изложенные аргументы, судьи оказались в довольно деликатном положении; суд отказал в удовлетворении ходатайства, сославшись на независимость судей, установленную законом. К вопросу об отводе состава суда полностью или отдельных его членов ни адвокаты, ни подсудимые, ни государственные обвинители в дальнейшем не возвращались.

...Следующим ходатайством было заявление об отводе всех государственных обвинителей. Главный аргумент — подчиненность обвинителей Генеральному прокурору России Степанкову, в частности зависимость от него в продвижении по службе, поскольку все кадровые вопросы решаются на его уровне. Нахождение же в штате прокуратуры ставило их в уязвимое положение, и отрицать этого никто не мог.

В то же время Степанков и его заместитель Лисов еще до судебного заседания подверглись резкой критике со стороны проходивших по делу ГКЧП лиц, а также юристов — за их некорректную, противоречащую закону позицию и, следовательно, явную заинтересованность в исходе дела. Это было очевидно для всех.

Первым заявил отвод государственным обвинителям Янаев. Он сказал: «Заявляю отвод всем прокурорам, поскольку они являются подчиненными Генерального прокурора России Степанкова, который до судебного заседания, выполняя социальный заказ Президента России, неоднократно выступал перед прессой, другими средствами массовой информации с явно обвинительным уклоном в отношении меня и других подсудимых». Янаев сослался также на утечку материалов следствия за границу, в прессу, издание Степанковым и Лисовым тенденциозной книги «Кремлевский заговор».

Как один из примеров аргументированности и логичности выступлений защиты, приведу высказывание моего адвоката Иванова в обоснование ходатайства об отводе государственных обвинителей.

«Наши процессуальные противники утверждают, — сказал он, — что никто не может предъявить им фактов их личной заинтересованности. На протяжении всего следствия ни один из 150 следователей не высказал ни единого возражения против генерального прокурора. Но сегодня перед нами другие люди, мы не сталкивались с ними на следствии. Но эти люди могли бы хоть одним словом сказать: защита правильно подчеркивает, что наш руководитель допустил публикацию книги. Это просто говорит об отношении к делу, о том, что они готовы выполнять новые указания. Только так я могу это понимать и трактовать это обстоятельство, кото-

рое, с моей точки зрения, свидетельствует о служебной зависимости...

Уважаемые судьи! Я не верю составу этой прокуратуры любому составу. Я поддерживаю это ходатайство, которое здесь было заявлено, и думаю, что вы должны решить этот вопрос положительно».

Государственные обвинители, возражая против подобного ходатайства адвокатов и подсудимых, ссылались на то, что они в ходе судебного разбирательства будут подчиняться только закону и исходить из него. В конце концов государственные обвинители вынуждены были высказать свое отношение к факту опубликования Степанковым и Лисовым книги «Кремлевский заговор», выразив по этому поводу сожаление, однако уверяли суд в том, что это не скажется на их позиции.

Ходатайство об отводе государственных обвинителей явилось одним из важнейших моментов в ходе судебных заседаний. Аргументация адвокатов, подзащитных была убедительной и трудно опровержимой. Объяснения государственных обвинителей — неубедительными.

Для рассмотрения этого ходатайства по существу суд удалился на совещание и после довольно продолжительной паузы вынес определение, которое есть смысл изложить подробно, поскольку в данном случае суд проявил принципиальность. Определение суда наверняка станет предметом особого рассмотрения юристов, ученых, тех, кто имеет отношение к вопросам права.

В связи с ним адвокат Лившиц бросил примечательную фразу: «Учились по одним учебникам, слушали одних профессоров, а говорим и понимаем все по-разному».

Определение Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации содержит объективные оценки грубейших нарушений предварительным следствием уголовно-процессуального права, неправомерности действий Генерального прокурора Российской Федерации Степанкова и его заместителя Лисова. Военная коллегия, как отмечается в определении, взвесила все обстоятельства по данному делу и приняла во внимание следующее.

«В июле 1992 года, — говорится в определении, — еще за пять месяцев до окончания расследования дела, Генеральным прокурором России Степанковым В. Г. и заместителем генерального прокурора Лисовым Е. К. была написана книга «Кремлевский заговор», которая вскоре вышла массовым тиражом в издательстве «Огонек». В этом произведении авторы, выборочно опубликовав материалы незавершенного предварительного следствия, обосновали свою оценку происшедших в августе 1991 года событий и участия в них обвиняемых. При этом обвиняемые неоднократно именуются «заговорщиками», а их действия называются «заговором» и «захватом власти», то есть практически квалифицируются как преступление, предусмотренное статьей 64 УК РСФСР...

Таким образом, — отмечается в определении, — посредством этой книги еще до суда действия обвиняемых публично объявлены преступными, а также дана оценка их возможным показаниям в предстоящем судебном заседании, достоверность которых вправе оценивать только суд».

В связи с этим суд счел, что подобные действия ущемляют права обвиняемых, охраняемые законом, нарушают ряд норм, содержащихся в уголовно-процессуальном кодексе. Суд также отметил, что, использовав материалы дела вне рамок процесса, Степанков и Лисов вышли за пределы судебных правоотношений с обвиняемыми и поэтому за достоверность приведенных в книге сведений и сделанные в ней выводы несут персональную ответственность в соответствии с нормами гражданского кодекса.

Исходя из изложенного, суд пришел к выводу, что авторы книги стали лично заинтересованными в подтверждении как предварительным следствием, так и судом выдвинутой ими версии, то есть лично заинтересованными в деле.

Далее в определении суда отмечается, что, вопреки соответствующим статьям уголовно-процессуального кодекса РСФСР, Степанков и Лисов не устранились от участия в деле и вплоть до окончания предварительного следствия продолжали руководить следственной бригадой, а Степанков, помимо этого, осуществлял над следствием прокурорский надзор.

В определении суда имеется весьма важная констатация: «В связи с этим обращает на себя внимание тот факт,

что содержащиеся в книге выводы были повторены затем в обвинениях, вновь предъявленных в августе 1992 года, а также в обвинительном заключении, составленном Лисовым Е. К. и утвержденном Степанковым В. Г.».

Суд выразил свое отношение также к опубликованным в журнале «Огонек» выдержкам из «документа», который, как утверждается, составлен обвиняемым Тизяковым и представляет собой инструкцию находившимся под стражей членам ГКЧП о поведении во время предварительного следствия.

«Несмотря на то что приведенные в этом документе «сведения», — отмечается в определении суда, — непосредственно относятся к событиям августа 1991 года и при их подтверждении могут иметь доказательное значение для установления истины по делу, данная «инструкция» вопреки требованиям статьи 20 УК РСФСР в рамках предварительного следствия процессуально не исследовалась, ее достоверность не проверялась, и имеет ли к ней отношение обвиняемый Тизяков, не выяснялось».

Суд также выразил отрицательное отношение к тому что Лисов отклонил ходатайство обвиняемых и защитников о приобщении этого «документа» к материалам дела.

Суд своим определением поддержал ходатайство обвиняемых и их защиты об отводе государственных обвинителей, констатировав следующее: «Допущенные Степанковым В. Г. и Лисовым Е. К. нарушения закона дали повод о постановке под сомнение беспристрастности подчиненных им прокуроров, которым поручено поддержание государственного обвинения по данному делу, и для заявления отвода этим прокурорам со стороны подсудимых и их защитников».

Тем самым суд вынес также очень важное заключение по поводу беспристрастности государственных обвинителей, отметив их служебную подчиненность генеральному прокурору, лично заинтересованному в исходе дела, а также отсутствие в законодательстве реальных гарантий независимости обвинителей как участников процесса, что не позволяет быть уверенным в том, что эти лица не подвергнутся воздействию со стороны генерального прокурора.

«В сложившейся ситуации суд считает невозможным

дальнейшее разбирательство дела и разрешение отвода, заявленного государственным обвинителям, до решения вопроса об обеспечении их действительной самостоятельности в настоящем судебном процессе и полагает необходимым войти с таким предложением в Верховный Совет Российской Федерации, которому подотчетен генеральный прокурор. Этот вопрос может быть решен, в частности, путем создания в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Закона о Прокуратуре Российской Федерации органа прокуратуры, не входящего в прокурорскую систему республики для поддержания обвинения по данному делу, в который могут быть включены уже участвующие в деле государственные обвинители».

В связи с изложенным Военная коллегия Верховного суда определила: «Обратить внимание Верховного Совета Российской Федерации на грубые нарушения закона, допущенные Генеральным прокурором Российской Федерации Степанковым В. Г. и заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Лисовым Е. К., и предложить рассмотреть вопрос о реальном обеспечении независимости государственных обвинителей по данному делу.

Судебное разбирательство следует продолжить после получения ответа на это определение».

Таким образом, суд не пошел на нарушение закона и вынес это определение в точном соответствии с ним. На данной стадии судебного разбирательства восторжествовало право, и это вселяло надежду в возможность справедливого торжества правосудия.

Могут сказать, что суд просто выполнил требования закона, поступил в соответствии с его духом. Да, это верно, но важно учитывать, что в сложившейся ситуации, когда в стране господствует правовой беспредел, когда вмешательство в правосудие, в эту третью власть, осуществляется на всех уровнях, суд вполне мог не устоять и занять совершенно иную позицию.

Зал встретил решение суда бурными аплодисментами. Корреспонденты ринулись к выходу для того, чтобы первыми сообщить об этом сенсационном определении суда.

Вечером по телевидению, на другой день в газетах это преподносилось как первая ощутимая победа обвиняемых

по делу ГКЧП. Особых нападок на суд не было, потому что с точки зрения юридической — на чем акцентировали внимание многие так называемые «демократические» корреспонденты, юристы, наблюдатели — суд поступил безукоризненно.

Итак, «мяч» был переброшен в Верховный Совет России, теперь слово было за ним. Но, к сожалению, Верховный Совет не использовал предоставленную судом возможность, начал тянуть дело и, в конце концов, спустил все на тормозах.

Думаю, что подобное отношение Верховного Совета к определению суда целиком и полностью лежит на совести его бывшего спикера Хасбулатова.

С самого начала работа суда протекала, разумеется, не в вакууме. Сказывалась ситуация в стране, не проходили бесследно наши выступления в печати, не раз возникал вопрос о необъективном освещении в прессе, по телевидению и радио хода судебного разбирательства, решений, принимаемых судом, а также заявлений сторон.

Надо отдать должное суду — он реагировал на них, публиковал свои заявления, сообщения для печати, опровергал неверную информацию, своими пояснениями содействовал утверждению истины.

Давление на суд оказывалось со всех сторон. Порой оно было открытым, порой скрытым, действовали как явные, так и тайные пружины.

1 мая 1993 года состоялась традиционная демонстрация трудящихся. Как известно, она сопровождалась серьезными беспорядками, кровью, стычками между демонстрантами и силами правопорядка. Все это было спровоцировано московскими властями, органами милиции, провокационным поведением властей предержащих, что не вызывалось никакой необходимостью, существовавшей на то время обстановкой.

В Москве по этому поводу была поднята страшная шумиха, возбуждено уголовное дело, стали искать виновных, и власти обратили внимание на членов ГКЧП, принявших участие в демонстрации.

Некоторые из них действительно там были, правда, к ее организации отношения не имели, но оказались невольными свидетелями беспорядков, а точнее — нападения нарядов милиции, ОМОНа на мирных демонстрантов. И тогда заместитель генерального прокурора Славгородский обратился в Военную коллегию Верховного суда РФ с предложением изменить меру пресечения Янаеву, Лукьянову и Крючкову с подписки о невыезде на заключение под стражу.

Естественно, возник вопрос, как на это отреагирует суд, и в частности, его председательствующий Уколов.

И вновь Уколов проявил принципиальный подход и заявил, что суд вообще не будет рассматривать подобное обращение, поскольку нет для этого оснований и, помимо всего прочего, обращение по вопросу об изменении меры пресечения в отношении тех или иных подсудимых может быть сделано только одной из участвующих в судебном процессе сторон.

Это решение, разумеется, укрепило нашу надежду на возможность судебного разбирательства в строгом соответствии с законодательством.

Лето 1993 года прошло в ожидании реакции Верховного Совета Российской Федерации на определение суда о назначении независимых государственных обвинителей. Верховный Совет и его спикер Хасбулатов явно тянули с рассмотрением этого вопроса, пытались вообще от него уйти. В конце концов, сославшись на отсутствие законодательной нормы, Верховный Совет определил, что этот вопрос не входит в его компетенцию.

Суду не оставалось ничего другого, как в рамках своих возможностей возобновить процесс по делу и самостоятельно искать выход.

7 июля суд собрался на свое заседание, объявил об отказе Верховного Совета назначить независимых государственных обвинителей и по просьбе сторон принял решение прервать работу на два месяца.

7 сентября 1993 года судебный процесс возобновился. Первым его шагом было приостановление производства по делу в отношении Тизякова из-за серьезного заболевания.

Затем была рассмотрена серия ходатайств, заявлений сторон, в частности о возвращении уголовного дела на доследование (в этом ходатайстве суд отказал) и о незаконном привлечении к уголовной ответственности военнослужащих из числа высшего офицерского состава без согласия соответствующих ведомств.

На данной стадии процесса суд отклонил это ходатайство. Частично были удовлетворены ходатайства о вызове в суд дополнительных свидетелей.

15 октября началось оглашение обвинительного заключения.

25 ноября 1993 года было приостановлено судебное разбирательство в отношении Бакланова из-за его болезни. В тот же день было выделено в отдельное производство дело в отношении Янаева из-за болезни адвоката. Данное решение было беспрецедентным. На это обращали внимание и государственные обвинители, и сторона защиты, и сами подсудимые.

Председательствующий Уколов исходил из одного — дать делу ход.

Представители сторон обращали внимание на правовую необоснованность этого акта и возможные юридические последствия его: вынесение любого приговора по делу только по одной этой причине может быть поставлено под сомнение.

Однако суд был непреклонен.

Решение суда о выделении дела в отношении Янаева в отдельное производство было неодобрительно встречено даже той частью прессы, которая обвиняла суд в затяжке процесса. Тогда возникло предложение вновь вернуться к вопросу об отводе суда. По этому ходатайству появились разночтения в позиции адвокатов и подсудимых.

Мой адвокат Иванов не поддержал предложение, мотивировав это тем, что трудно доказать личную заинтересованность суда.

Итак, в конце ноября 1993 года основные процессуальные вопросы были рассмотрены и началось официальное судебное следствие.

По предложению государственного обвинения суд решил начать допрос подсудимых с меня, то есть не в том порядке, какой был определен обвинительным заключением. По словам государственного обвинителя, предлагаемый им порядок исходил не из значимости подсудимого по делу, а из хронологии развития событий.

Впрочем, лично я не придавал этому значения.

30 ноября 1993 года я дал свои показания суду. Мое выступление — свободный рассказ — продолжалось около трех часов. Не считаю нужным воспроизводить показания полностью, но наиболее важные выдержки из них хотел бы изложить.

Начал я свои показания так:

«Уважаемый суд!

Я хотел бы дать показания Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации по существу основных пунктов обвинительного заключения Генеральной прокуратуры, в котором мне вменяются деяния, подпадающие под статью 64 пункт «а» и статью 260 пункт «б» УК РСФСР. (Статья 260 касается воинских преступлений и предусматривает ответственность за злоупотребление властью, превышение или бездействие власти.)

...Первая из указанных статей говорит об ответственности за измену Родине. Более нелепое обвинение трудно себе представить! Ведь брошено оно людям — я имею в виду не только себя, но и моих товарищей, — которые всю свою жизнь посвятили беззаветному служению именно своему Отечеству и которые в августе 1991 года предприняли попытку защитить и сохранить эту самую Родину, не дать развалить страну, уберечь наш народ от нищеты, унижения и кровопролития!

Не признаю и предъявленного мне обвинения в превышении власти — мой долг в качестве руководителя такого учреждения, как Комитет государственной безопасности СССР, состоял в том, чтобы охранять безопасность нашей страны, обеспечивать соблюдение законности, в том числе и Основного закона СССР — его Конституции.

...Действовал я строго в соответствии со своими обязанностями — на основе Конституции СССР, в условиях крайней необходимости. Упрекнуть себя могу лишь в том, что

нам так и не удалось выполнить свои обязанности и уберечь страну и народ от тех жестоких испытаний, в которые они ввергнуты политическими авантюристами.

...Много событий произошло за истекшие почти два с половиной года, но поистине переломных моментов было два: сговор за спиной нашего народа, вопреки ясно выраженной его воле, и его кульминация в Беловежской пуще, а затем и его логическое продолжение — недавние сентябрьско-октябрьские события 1993 года. Теперь уже сброшены все маски и каждый может увидеть то, чего мы опасались, о чем предупреждали, хотя, надо сказать прямо, и мы не представляли до конца масштабов надвигающейся катастрофы. Тяжело и больно сознавать это, но боюсь, что всю чашу мы и сегодня еще не испили до дна.

...В августе 1991-го созданный для спасения страны ГКЧП опирался на высший законодательный орган — Верховный Совет и Съезд народных депутатов СССР, обратился за поддержкой к местным советам — фундаменту существовавшего тогда конституционного строя. В сентябре и октябре 1993-го Ельцин не только разогнал Верховный Совет и Съезд народных депутатов России, но и ликвидировал саму основу народовластия — советы на местах.

...В октябре 1993 года в упор расстреляли не только парламент, но и элементарные права человека — последние ростки пусть даже показной демократии!

...Не трудно себе представить, что ждет Государственную Думу и Федеральное Собрание, окажись они вдруг такими же «непокорными», как и выдвинувший в свое время Ельцина бывший российский парламент!

А ведь все сказанное выше имеет самое непосредственное отношение к делу ГКЧП — именно в нынешней ситуации можно найти ключ к более глубокому пониманию истинных мотивов нашего августовского выступления. Можно было ошибаться в сроках, не знать имена всех действующих лиц, не предугадать отдельных деталей, но не понимать того, что развитие событий в стране пойдет именно по такому пути, мы — люди, имевшие доступ к обширной информации, конечно же не могли.

...Центральным положением обвинительного заключения считаю предъявление мне и моим товарищам обвине-

ния «...в измене Родине в форме заговора с целью захвата власти...».

...Для того чтобы ответить на это нелепое обвинение, я должен прежде всего изложить мотивы моих поступков и действий, объяснить, как оценивал я обстановку накануне августа 1991 года, какие цели преследовал.

На многие вопросы ответ уже дала сама наша действительность, что упрощает мою задачу, делает мои пояснения более наглядными. Например, в одном из положений предъявленного мне обвинения (в декабре 1991 года) подчеркивалось, что я вместе с другими привлеченными по делу усматривал «опасность распада СССР, дальнейшего ухудшения экономического и социально-политического положения...». Неужели сегодня найдется хоть один человек, кто скажет, что такая наша точка зрения была ошибочной?

...Итак, нет у нас больше той самой Родины, за «измену» которой нас судит сегодня Военная коллегия Верховного суда уже другого государства, во главе которого, что тоже символично, стоит как раз тот человек, который два года назад вынес приговор Советскому Союзу, и не только вынес, но и привел его в исполнение...

...Суду преданы не те, кто развалил Союз, покончил с великой державой, насчитывающей тысячелетнюю историю своего становления, развития и укрепления, а те, кто выступил за сохранение Союза, в защиту Конституции СССР, союзных законов в точном соответствии с итогами референдума. В этом суть происходящего...

Народ спросили, и он высказался за Союз. А затем решили покончить с Советским Союзом, уже не спрашивая народ. Именно так обстояло дело.

...После подписания Союзного договора, на следующий день, 21 августа, планировалось созвать заседание Совета Федерации. Однако за несколько дней до этого Ельцин заявил, что проводить Совет Федерации нет смысла, поскольку Союза уже не будет...

В деле имеется заключение специалистов Кабинета Министров СССР о проекте Союзного договора, и там прямо констатируется, что с подписанием договора Союз практически прекращает свое существование...

В случае распада Союза нетрудно было предвидеть не-

минуемое взрывное обострение межнациональных отношений с кровавыми конфликтами, а точнее говоря, гражданские войны, которые не обойдут стороной и территорию России... что начнется массированное давление извне на отдельные территории Союза для установления в них иностранного влияния с далеко идущими целями...

С развалом Союза, ослаблением России и других союзных республик, как считалось в определенных иностранных кругах, возникнет реальная возможность «решить» территориальный вопрос и «возвратить» соседним государствам те территории, которые в разное время перешли под юрисдикцию Российского и Советского государства...

Как председатель Комитета госбезопасности, я откровенно рассказал о положении страны в своем выступлении на сессии Верховного Совета СССР в июне 1991 года — 17-го и 18-го числа. Доложил... об иллюзорности расчетов на получение солидных иностранных кредитов, и тем более безвозмездной помощи...

Что касается опасений ГКЧП относительно дальнейшего ухудшения экономического и социально-политического положения страны, то по этому вопросу, пожалуй, нет смысла особенно распространяться — оно для всех очевидно...

Само августовское выступление было попыткой максимально возможными мягкими средствами остановить разрушение страны. Во всех документах ГКЧП сквозил призыв к согласию, примирению, спокойствию, недопущению экстремизма с любого направления...

Наше августовское выступление не руководствовалось путчевой идеологией. Мы стремились найти выход из создавшегося положения, причем наиболее мягкий, хотя обстановка требовала и более жестких мер. Эти меры неоднократно обсуждались с Горбачевым. И в конце концов просматривались четыре варианта возможных чрезвычайных мер: объявление чрезвычайного положения в Москве, чрезвычайного положения по Союзу, в отдельных регионах страны или введение президентского правления в целом по стране или в отдельных республиках.

Именно обсудить этот вопрос и направилась в Форос группа товарищей...

Кстати, важно учитывать одну особенность Горбачева,

сугубо личную, но значимую. По всем возникавшим сложным вопросам он никогда не говорит четко «да» или «нет», и поэтому очень трудно определить, какова же его истинная позиция. Так вышло и на сей раз. У меня сложилось впечатление, что товарищи, вернувшиеся из Фороса, были едины в одном: Горбачев, по сути, дал добро и каких-то шагов против введения чрезвычайного положения предпринимать не будет. Так оно в общем-то и обстояло в последующие дни...

Наше августовское выступление, возможно, было шагом отчаяния в попытке остановить катастрофическое развитие. В надвигавшемся распаде Союза виделась самая большая невосполнимая потеря для советских народов...

А ведь развал Союза не был фатально неизбежным. В основе прекращения его существования в большей части лежат не объективные, а субъективные факторы. Распад Советского Союза произошел не в русле закономерного мирового развития на современном этапе. Веление времени — это интеграция. Этот процесс естественен. Ему всячески содействуют, стремятся извлечь выгоды, сыграть на нем.

В Советском же Союзе, а сейчас в России, пошли вопреки этому. К этому следует добавить иррациональную политику шоковой терапии в экономике. Результаты налицо: разрушение вертикальных и горизонтальных связей, крах народного хозяйства, резкое падение жизненного уровня народа. Ни одна часть бывшего Советского Союза не выиграла, но в проигрыше оказались все. Что это, следствие ошибок или сознательной, целеустремленной деятельности?

Сегодня для каждого очевидно — и у нас дома, и за рубежом, что беловежский сговор в декабре 1991 года — это похороны Советского Союза...

Для тех, кто развалил Союз, а сейчас разваливает Россию, кто довел экономику страны до глубокого кризиса, а бóльшую часть населения до нищенского или полунищенского состояния, слова о долге перед Родиной, видимо, кажутся смешными, наивными, уму непостижимыми. Но тем, кому был дорог Советский Союз, кто видел в нем связь времен, бесценный результат труда и борьбы, неисчислимых жертв и лишений, смысл жизни многих поколений, для кого верность гражданскому, патриотическому долгу значат все, тем наш поступок понятен...

...О захвате власти можно говорить в случае ликвидации неконституционным актом Съездов и Советов народных депутатов всех уровней. Но ГКЧП не имел таких намерений и, им не предпринимались какие-либо действия, направленные на ограничение полномочий, либо роспуск и ликвидацию Советов страны и республик, Съездов народных депутатов».

В заключение своих показаний я сказал:

«Идет третий год после августовских событий. На глазах все страшнее становится народная трагедия, горю людскому не видно конца. Повсюду нищета, разруха, рост преступности. Выходит, сидящие здесь на скамье подсудимых оказались правы в своих опасениях за судьбу Родины. И не их вина, а беда в том, что их усилия не увенчались успехом. И все-таки я глубоко верю, что наша борьба была не напрасной.

Хочется верить, что суд по закону и справедливости разберется в этом деле, и истории не придется пересматривать ваше решение».

Затем в течение более чем трех рабочих дней я отвечал на вопросы суда, обвинения, адвокатов и подсудимых.

Вопросов от судей было сравнительно мало. Суд придерживался тактики — дать простор для состязательности сторон как важнейшему способу выяснения истины.

В условиях, когда позиции государственного обвинения и защиты по многим вопросам, а главное, по существу обвинения были диаметрально противоположными, такой подход был оправданным и в правовом отношении корректным.

Однако суд не был безучастным — он непременно вмешивался, как только в вопросах, заявлениях сторон, в показаниях подсудимых проявлялись неправомерные моменты или возникало нечто мешающее установлению истины.

Показания, ответы на вопросы, тем более что мне пришлось давать их первому, потребовали от меня большого морально-психологического напряжения. Должен сказать, что я постоянно чувствовал корректность суда и не заметил какой-то агрессивности со стороны государственного обви-

нения. Замечания председательствующего, возражения и реплики адвокатов, мои недоуменные высказывания в связи с некоторыми вопросами государственных обвинителей встречались, как мне показалось, с пониманием и должным учетом.

Хотелось бы воспроизвести один момент, который, на мой взгляд, заслуживает внимания. Государственные обвинители долго и детально допрашивали меня по поводу моего указания о выключении связи у Горбачева. Видимо, не удовлетворившись моими ответами, один из обвинителей поставил вопрос так: «Скажите, это указание о выключении связи у Горбачева было законным или незаконным? Скажите только: «да» или «нет».

Я заявил, что считаю подобный вопрос некорректным, напоминающим мне не лучшие времена из истории советской юриспруденции, что государственный обвинитель в данном случае вольно или невольно исходит из постулата Вышинского, сформулированного им в книге «Теория судебных доказательств» в пору репрессий в Советском Союзе, когда подчеркивалось чрезмерное, всеопределяющее значение признания подсудимым своей вины. Вышинский руководствовался известным принципом: «признание — царица доказательств». Во времена сталинских репрессий достаточно было кому-либо ответить на подобный вопрос «да», как он этим самым открывал себе прямую дорогу к эшафоту.

Примечательно, что задавший этот вопрос государственный обвинитель в перерыве подошел ко мне и принес извинения.

Кстати, во время невольного общения в перерывах обвинители, адвокаты и подсудимые в допустимой форме затрагивали отдельные вопросы, деликатные моменты, возникавшие на процессе. Со временем установились вполне корректные отношения, ни в коей мере не нарушавшие рамок служебного долга.

Уверен, что обвинители испытывали на судебном процессе определенную неловкость. Все они совсем недавно были членами партии, гражданами Советского Союза, о развале которого не могли не сожалеть. Что касается подсудимых, то они тоже не только были, но и остались членами

КПСС, по-своему решив в критический момент выполнить свой гражданский долг и спасти Союз.

Помимо моих, суд заслушал показания Язова, Шенина и Варенникова, а по Язову и Шенину успел пройти стадию вопросов и ответов. До Варенникова очередь с вопросами не дошла. Их показания, как и мои, были опубликованы в некоторых центральных, краевых и областных газетах.

Мне хотелось бы воспроизвести лишь некоторые выдержки из показаний Язова и Шенина. Что касается Варенникова, то, когда писались эти строки, над ним уже шел другой процесс, поскольку он отказался от амнистии, и судебное разбирательство было в полном разгаре.

Язов категорически отверг предъявленное ему обвинение. Ярко, доходчиво изложил причины, вызвавшие кризис в стране, развал Союза, показал в этом роль отдельных лидеров союзного руководства. Подробно остановился на состоянии вооруженных сил, показал, как падала наша обороноспособность. Страна скатилась с позиций великой державы на роль третьестепенного государства.

Язов рассказал, как Горбачев и те, кто его поддерживал, сдавали одну позицию за другой во время переговоров по разоружению с Соединенными Штатами Америки и некоторыми другими западными странами.

«После моего назначения на должность министра обороны, — сказал Язов, — Горбачев как Президент и Верховный главнокомандующий поставил одной из главных задач реализацию соглашения с США в области сокращения стратегических ядерных вооружений, по которому мы должны были уничтожать больше ракет и боеголовок, чем США. Я понимал, что упрочение безопасности государства нельзя решить только путем дальнейшего наращивания расходов на оборону, нужны и политические решения. Но нельзя было и бездумно сокращать вооружения, ослаблять нашу обороноспособность. Тезис, который часто употреблял Президент, что на нас никто не собирается нападать, в то время был верен. Но верно и то, что до настоящего времени США имеют свои военные базы в Японии, Турции, Италии

и т. д., по всему периметру границ СССР. Конечно, было бы хорошо с позиций экономики не иметь армии вообще, но мы хорошо знаем, сколько еще есть желающих предъявить нам территориальные притязания».

С болью в сердце Язов говорил о сдаче наших позиций в Европе: «Достигнутые в войне военно-политические позиции мы теряли. Мы потеряли своих военных союзников. Рассыпался Варшавский Договор в том виде, в каком он существовал 35 лет. Потеряны стратегические позиции в Европе. Наше влияние в Европе уменьшилось».

В своих показаниях Язов воспроизвел историю с передачей Соединенным Штатам Америки участка морского шельфа: «1 июня 1990 года Шеварднадзе и государственный секретарь США Бейкер подписали соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств. Это произошло в Вашингтоне во время встречи президентов Горбачева и Буша. Это было совершено втайне от народа, и даже Министерство обороны не было поставлено в известность. Я же узнал об этом от летчиков дальней авиации, которые совершали учебный полет в этот район и встретили американские истребители.

В результате этой сделки наша страна потеряла 51 тысячу квадратных километров морской акватории, где ежегодно вылавливалось до 150 тысяч тонн рыбы ценных пород».

Вот так раздавали куски державы, так поступали с самым ценным, что есть у любого государства — территорией!

Следует также воспроизвести объяснение маршала Язова о том, почему он принял участие в попытке предупредить гибель нашей державы. «Я, как мог, стремился не допустить распада государства и развала армии. Этим было вызвано мое участие в совещании на объекте КГБ 17 августа 1991 года, где обстановка в стране была оценена как критическая и была признана необходимость ехать к Президенту в Крым и просить принять срочные меры по недопущению распада единого государства. 16—17 августа уже было известно, что Украина, Прибалтийские республики Союзный договор подписывать не будут, а значит — не будет Союза. Это Горбачев понимал, и мы решили предложить ввести чрезвычайное положение».

Касаясь обвинений в неконституционности действий ГКЧП, Язов показал: «Метод не предусмотрен Конституцией? А что, разве Конституция, на которой давал клятву Президент, предусматривала развал государства, армии и подрыв обороноспособности, невыполнение волеизъявления народа на референдуме?»

В выступлении Язова дается резкая, заслуженная оценка Президенту Горбачеву: «21 августа — попытка информирования Президента не осуществлена из-за его амбиций, и вдруг — «измена Родине». Президент на три дня сам себя изолировал.

Еще в 1942 году известный кинорежиссер Довженко сказал: «Трусы забудут обо всем на свете и предъявят еще обвинения, почему так плохо велась война».

Да, Горбачев уже забыл обо всем. Он стал «лучшим немцем». Не отказался от звания почетного гражданина Берлина, хотя из списка почетных граждан этого города были вычеркнуты имена прославленных советских полководцев, освободивших Берлин весной 45-го года. Он зачеркнул нашу Победу».

Эти слова тем более сильно звучат в устах человека, который прошел всю Великую Отечественную войну, освобождал Европу от фашистского ига, был не раз ранен, контужен, для победы над врагом не жалел ни крови, ни самой жизни.

В заключение Язов сказал: «Обвинение меня в «измене Родине» — это правотворчество угодливых людей, которые, как известно, сами оказались не у дел. На самом деле — какую власть захватил я? Действительно, парадокс. Пожалуй, это единственный в истории случай, когда люди, движимые мотивами сохранения государства, привлекаются к уголовной ответственности по закону, который государство создало для своей защиты».

Выступление Язова прозвучало сильно, впечатляюще. Было видно, как его внимательно, с затаенным дыханием слушали присутствовавшие в зале, а также государственные обвинители, да и сам суд. Я лично испытывал удовлетворение и гордость оттого, что являлся его товарищем.

...В феврале 1994 года начал давать показания Шенин.

«Я категорически отрицаю свою вину в предъявленном мне обвинении в измене Родине, — начал показания он. — У меня нет потребности и необходимости оправдываться. Но я вынужден выступать в суде, чтобы люди, которым дороги интересы родного Отечества, которые по-прежнему помнят, что они граждане совсем еще недавно великого Советского Союза, знали, как было сфабриковано настоящее дело, чей политический заказ выполнялся для борьбы с инакомыслием...

Произвольное, а порой и безграничное использование в обвинительном заключении понятий «захват власти», «заговор» и других привело к тому, что я, будучи в период августовских событий, как говорится в обвинительном заключении, «фактически первым лицом в КПСС», обвиняюсь, оказывается, в том, что не разделял «оценок Президента СССР ситуации в стране», а также «тактику дальнейшего осуществления процесса реформ». А раз я не разделял эти оценки и тактику, то, следуя логике обвинения, и поставил перед собой цель «ввести в стране чрезвычайное положение», сорвать подписание нового Союзного договора, добиться изменения государственной политики. А раз так — то налицо измена Родине...

Я действительно, — продолжал Шенин, — несу ответственность, но отнюдь не по тому обвинению, которое предъявила прокуратура. Я, как гражданин СССР, как член КПСС, несу политическую и моральную ответственность перед народом и партией: не все сделал для того, чтобы предотвратить разрушение великой державы — Союза Советских Социалистических Республик».

Как член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, Шенин дал оценку Горбачеву и его действиям: «Президент СССР преступно относился к выполнению возложенных на него обязанностей, нарушил клятву по защите Конституции СССР, данную Съезду народных депутатов СССР».

«Ликвидация на основе Ново-Огаревского договора единого государства, раздробление его на части не только без согласия народа, но и вопреки его воле, выраженной на референдуме, разрушение основ Конституции и были, без всякого сомнения, государственным переворотом, за что ор-

ганизовавшие его лица подлежали уголовной ответственности по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР в точном ее смысле — «за измену Родине».

Шенин привел любопытный эпизод, свидетельствующий об осведомленности Горбачева относительно предстоящего развала Советского Союза. «Знал ли Горбачев о том, что Ельцин готовился к заключительной стадии антиконституционного переворота — ликвидации союзных структур власти и управления? И что Ельцин в такой ситуации не подпишет 20 августа 1991 года Союзный договор, а наоборот, будет стремиться сорвать его подписание и ликвидировать центр? Знал. 29 июля 1991 года он мне лично сказал, что если обстановка и дальше будет ухудшаться, то он пойдет и на крайние меры».

Свою позицию, позицию патриота, Шенин выразил следующими словами: «Я родился, вырос, жил и работал на своей Родине, являлся и являюсь сейчас гражданином Союза Советских Социалистических Республик и РСФСР.

Ни Союзу ССР, ни его Конституции, ни РСФСР, ни ее Конституции, ни другим советским социалистическим республикам, ни их конституциям я хотя и не присягал, как Горбачев, Ельцин и другие президенты, но никогда им не изменял. Был всегда верен своей Родине, СССР и остаюсь таким».

Стоит также воспроизвести слова Шенина, касающиеся вопроса создания ГКЧП. «Создание ГКЧП я не считаю противозаконным действием, поскольку такой комитет как не был предусмотрен Конституцией СССР, так и не был ею запрещен. Его создание — и этого нельзя не видеть — связано с целым рядом нарушений Конституции СССР и союзных республик высшими должностными лицами, создавшими реальную угрозу конституционному строю и целостности страны. К тому же само образование подобного органа не влечет уголовной ответственности. Ведь создавал Президент Российской Федерации Ельцин неконституционные органы, однако за это не понес никакой ответственности». Сильно прозвучали слова Шенина с обвинением в адрес тех, кто развалил Союз: «То, что не смог сделать Гитлер в 1941—1945 годах, сделали Ельцин, Кравчук и Шушкевич в Беловежской пуще.

Сдал и предал Союз его Президент, его Верховный главнокомандующий. И не случайно в отношении Горбачева начальником управления по надзору за исполнением законов по государственной безопасности Союза ССР 4 ноября 1991 года было возбуждено уголовное дело за измену Родине по статье 64 УК РСФСР».

Удачными были ответы Шенина на вопросы государственных обвинителей и суда.

Государственные обвинители своими вопросами пытались перевести показания Шенина на мелочи, не имеющие отношения к тому, что произошло. Цель ясна — увести от главного, показа того, что члены ГКЧП и те, кто их поддерживал, действовали в интересах Союза, в защиту Конституции против тех, кто посягал на основы государственного и общественного строя. И эти попытки вызывали порой смех не только у присутствовавших в зале, но и у суда.

Так, обвинители допытывались, что делал в Москве Шенин 18 августа после возвращения из Крыма. Заезжал ли он в ЦК партии или прямо поехал в Кремль.

Шенин ответил, что он в ЦК партии не заезжал, а проследовал в Кремль для того, чтобы доложить товарищам о результатах своей поездки. Ответ не удовлетворил обвинителей, и один из них все пытался выяснить, почему все же он не заехал в ЦК партии?

Для того чтобы раз и навсегда покончить с этим вопросом, Шенин ответил, что в следующий раз он, перед тем как ехать в Кремль, обязательно заедет в ЦК КПСС. В зале раздался смех, и председательствующий вынужден был попросить обвинителей прекратить дальнейшее выяснение этого вопроса.

Судебный процесс проходил на фоне все более ухудшавшегося социально-политического положения в стране. Экономический кризис разрастался, ряды безработных пополнялись все новыми и новыми людьми, жизненный уровень падал, в горячих точках — а их было немало — лилась кровь. Жертвы, разрушения, потоки вынужденных переселенцев — все это не смущало лишь режим. Он демонстрировал «спокойствие» и даже «равнодушие», то ли из желания

сделать хорошую мину при плохой игре, то ли пряча свое бессилие.

21 сентября 1993 года — указ Президента Ельцина о приостановлении деятельности высших законодательных органов, об их роспуске, объявлении новых выборов, о так называемой нормализации обстановки в стране. Затем 3 — 4 октября — расстрел «Белого дома», кровь, жертвы.

На этом фоне результаты выборов 12 декабря 1993 года показали, что не все так уж прочно у режима, он продолжал держаться на правовом беспределе, разгуле так называемой демократии, потоке лживой информации, манипуляции общественным мнением.

Для меня никакой неожиданности в сентябрьско-октябрьских событиях не было. Кризис наступал в течение длительного времени, и власти к нему готовились. Целенаправленно не готовилась к этому только оппозиция, достаточно широкая, но из рук вон плохо организованная и, главное, разобщенная — идейно, политически и территориально.

Надо сказать, что в то время впервые у оппозиции определился, пожалуй, единый лидер — вице-президент Руцкой. Значительная часть населения готова была его принять, и это вовремя разглядели Ельцин и его команда.

Выборы Президента, на чем настаивала оппозиция, были бы губительны для ельцинского режима. Оставался силовой вариант решения противоречий в борьбе за власть.

В конце сентября 1993 года представители оппозиции обратились ко мне с просьбой высказать мнение относительно возможных вариантов развития событий. Мне не составляло труда сформулировать свое мнение, поскольку ситуация представлялась довольно прогнозируемой.

Я ответил, что следует исходить из самого худшего варианта: Ельцин и его ближайшее окружение пойдут на решительное применение силы, на подавление сопротивления Верховного Совета России, не остановятся перед физическим устранением своих противников, перед репрессиями и во всем этом будут поддержаны официальным Западом. Поэтому, подчеркнул я, надо исходить из этого и поступать, сообразуясь с этим, к сожалению, единственным вариантом развития событий.

Ельцин оправдывает расстрел «Белого дома» и превра-

щение его орудийными залпами в черный стремлением избежать гражданской войны. Подобный аргумент, на мой взгляд, не только не может служить ни правовым, ни моральным оправданием военной акции против Верховного Совета, но и не имеет под собой фактической основы.

Из широко известных миру сведений о событиях того времени явствует, что никто в оппозиции не помышлял начинать гражданскую войну ни в общероссийском масштабе, ни локально. У Верховного Совета не было никакого намерения устраивать мятеж, прибегать к силе.

В то же время узкая группа в команде Ельцина, напротив, искала предлог пойти на применение силы и кровь, будучи политически и интеллектуально бессильной справиться с вышедшим из-под контроля всесторонним кризисом. Призыв Гайдара к оружию в ночь на 4 октября отражает экстремистские настроения самого Ельцина и его окружения. Заодно Гайдар хотел продемонстрировать неискушенному люду, какой он храбрый, хотя для всех очевидно, что он не является таковым.

К сожалению, октябрьская трагедия в Москве — не последнее слово ельцинского режима. Обстоятельства помешали ему физически расправиться со своими политическими противниками, но в будущем такая возможность не исключена. Путь для силовых решений политических проблем «отлажен», главное — нет обратного хода для отступления. Может быть, в этом драматизм обстановки в России, да и не только в России...

Вся мировая общественность следила за круглосуточной передачей американской телекомпании о расстреле «Белого дома» 3 — 4 октября. Насколько тяжелыми, терзающими душу и сердца людей были слова иностранных телерепортеров: «Танки заняли позицию для стрельбы», «Ведется прицельный огонь», «Горят один за другим этажи», «Русские убивают русских», «Из здания выносят убитых и раненых», «Некоторая часть зрителей криками приветствует каждый выстрел» — и т. д.

Уверен, к этим съемкам вернутся еще не раз как к свидетельству преступлений, позора и морально-нравственного падения ельцинского режима!

...Выборы в декабре 1993 года не дали властям желаемых результатов. Более того, они преподнесли сюрпризы, на которые режим никак не рассчитывал.

Еще в ходе предвыборной кампании кандидаты в члены Государственной Думы и Совет Федерации давали обещания своим избирателям решить вопрос об амнистии политическим заключенным, и в частности, тем, кто был предан суду за участие в августовских событиях 1991 года и в событиях сентября — октября 1993 года.

23 февраля 1994 года Государственная Дума приняла закон об амнистии, на который она имела право по новой Конституции.

Сбылись многочисленные прогнозы о том, что процесс не дойдет до своего завершения, что дело приговором не закончится, что судебное разбирательство умрет. То, от чего ГКЧП пытался уберечь державу, свершилось в наихудшем варианте, историческая правота выступивших в августе 1991 года в защиту Конституции становилась все более и более очевидной.

Суд решил выяснить отношение подсудимых к акту об амнистии и в зависимости от этого решить вопрос о дальнейшем продолжении судебного разбирательства или прекращении дела.

Накануне этого заседания мы собрались, тщательно и всесторонне изучили создавшуюся ситуацию, основательно поспорили, взвесили все «за» и «против» и, несмотря на внутреннюю готовность продолжать процесс, чтобы доказать свою правоту и необоснованность привлечения к уголовной ответственности, решили все-таки согласиться с актом амнистии.

На наше решение повлиял ряд обстоятельств. Во-первых, мы не могли не считаться с постановлением Государственной Думы, которая неизменно проявляла заботу о нас, хотела облегчить нашу участь. Мы узнали, что постановление об амнистии нелегко досталось членам Государственной Думы. Значительная часть проправительственной прессы, телевидение и радио занимали далеко не лояльную позицию по отношению к ГКЧП, а некоторые откровенно требовали кары. Во-вторых, судебный процесс отнимал у нас немало сил, остатки здоровья, поглощал все наше время.

В-третьих, хотелось облегчить страдания родных, друзей и, по возможности, принять более активное участие в общественно-политической жизни страны.

Учитывая согласие подсудимых с актом амнистии, 1 марта 1994 года Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации в составе председательствующего Уколова, народных заседателей Зайцева и Соколова приняла постановление о прекращении уголовного дела. Мера пресечения — подписка о невыезде, а также арест, наложенный на имущество подсудимых, были отменены. Гражданские иски, заявленные к подсудимым в связи с данным делом, оставлены без рассмотрения.

С самого начала суд и все стороны отдавали себе отчет в том, что по действующему уголовно-процессуальному законодательству амнистия применяется до судебного разбирательства, а не в ходе его. Если идет судебный процесс, то акт амнистии вступает в силу тотчас после вынесения приговора.

Суд же исходил из того, что постановление Государственной Думы об объявлении политической и экономической амнистии предписывает немедленное исполнение пункта 1 этого акта, то есть предусматривает прекращение уголовного преследования привлекаемых к ответственности лиц непосредственно на той стадии, на которой находится процесс, то есть реализуется немедленно.

Но поскольку постановление Государственной Думы является подзаконным актом и, следовательно, уголовно-процессуальный кодекс, как закон, является по рангу определяющим, то Прокуратура Российской Федерации, воспользовавшись этим обстоятельством, внесла на рассмотрение Верховного суда протест, и 11 марта 1994 года президиумом Верховного суда Российской Федерации он был удовлетворен.

Постановление Военной коллегии Верховного суда от 1 марта 1994 года о прекращении дела было отменено, и уголовное дело было направлено на новое судебное рассмотрение в ином составе судей.

Итак, в деле ГКЧП начался новый этап. Был назначен новый председательствующий суда, член Верховного суда Российской Федерации Виктор Александрович Яськин.

Поскольку дело началось как бы с нуля, оно стало проходить все этапы судебной процедуры, при этом новый председательствующий имел полное право прекратить уголовное дело, поскольку судебное разбирательство еще не началось. Повторилась та же самая процедура, нас спросили об отношении к акту амнистии. Мы подтвердили, что не возражаем против применения акта, хотя виновными себя по предъявленному обвинению не признаем.

Но на сей раз изменил свою позицию Варенников. Разумеется, это было его право. Варенников решил бороться за правоту, за правду до конца. Он с пониманием относился к нашей позиции, а мы, остальные подсудимые, с пониманием отнеслись к его решению: так повелело сердце старого солдата, участника Парада Победы в Москве на Красной площади в 1945 году.

В то время, когда решался вопрос об амнистии, Варенников принимал участие в кампании по выборам в Совет Федерации от Челябинской области. В ходе избирательной кампании ему задавали немало вопросов по ГКЧП, почему в августе 1991 года дело не было доведено до успешного завершения, почему не предотвратили развал Советского Союза? Чтобы дать на них ответ, Варенников решил принять участие в дальнейшем судебном разбирательстве и поэтому отказался от амнистии.

Если о ком и можно сказать высокие слова: «Вся его жизнь — служение Родине», так это о Варенникове. Весь его жизненный путь служит этому подтверждением. И призвание, и соответствующее образование — все при нем.

Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР им. К. Е. Ворошилова. Всю Отечественную войну — на фронте. Ранения, в том числе тяжелое, контузии, и опять фронт. Брал Берлин.

Внешние данные у Варенникова гусарские, он и в 70 лет отличается хорошей выправкой, на что когда-то обратил внимание маршал Г. К. Жуков и поручил возглавить знаменитый взвод на Параде Победы. Фотоснимок, запечатлевший это событие, обошел весь мир.

Варенников награжден четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, орденом Кутузова I степени, орденом Октябрьской Революции, другими советскими и иностранными наградами. И вот такой человек в августе 1991 года был заключен в «Матросскую тишину», обвинен в измене Родине! Той самой, для которой он сделал больше, чем те, кто сегодня пытается его судить!

Вместе с Варенниковым войну прошла его жена, боевая подруга — Ольга Тихоновна — инвалид первой группы, которая столько раз ждала возвращения мужа из военно-полевых госпиталей, из Афганистана, а после августа 1991 года, выплакав слезы и, пожалуй, впервые почти лишившись надежды, ждала израненного солдата — на сей раз из тюремного плена...

В Афганистане мне доводилось неоднократно встречаться с Варенниковым. Помню его беседы с советскими воинами, с афганскими солдатами и офицерами, встречи с представителями местных властей, с населением. Будучи военным и зная, что такое война, он хорошо понимал, что выхода из создавшегося положения, стабилизации обстановки в Афганистане можно добиться прежде всего политическими путями. Он олицетворял армию, которая пришла не воевать, а установить мир в Афганистане и предупредить превращение его во враждебное Советскому Союзу государство.

Как-то мы с Варенниковым были в г. Гардезе, на востоке Афганистана. Посетили афганскую, а затем советскую воинские части. У афганцев увидели неустроенность солдат, плохие условия, хотя кое-что можно было поправить на месте, своими силами.

В тактичной форме Варенников разъяснил афганским офицерам, что, находясь в таких тяжелых условиях, солдат не будет воевать по-настоящему, перенесет свое недовольство на власть, а может быть, вообще перейдет к противнику. Он заметил, что народная власть должна обязательно отличаться от прежней в первую очередь чуткостью, человеческим отношением к воину.

В советской воинской части он расспрашивал солдат, как им служится, как живется, что пишут из дома, интересовался, что думают об Афганистане. Варенников видел, что

рядовые стесняются высокого начальства и потому воздерживаются от откровенных высказываний. Но искренняя забота, неподдельный отеческий тон генерала быстро растопили ледок настороженности, и разговор вылился в живую беседу. Варенников все брал на заметку и на совещании дал командирам конкретные указания, исполнение которых строго контролировал.

Варенников принимал непосредственное участие в подготовке и проведении целого ряда боевых операций. За проявленное при этом мужество, воинскую доблесть и умение Варенников был удостоен звания Героя Советского Союза.

В 1989—1991 годах Варенников был главнокомандующим сухопутными войсками — заместителем министра обороны СССР. Как военный специалист, он хорошо понимал, что означает для нашего народа развал Союза, стремился всеми силами предотвратить эту беду, бил тревогу по поводу состояния советских вооруженных сил, опасался развала армии, предупреждал о том, что при необдуманной политике в области разоружения она будет не в состоянии выполнять задачи по защите государства. Причем Варенников не просто критиковал — им была разработана стройная концепция строительства вооруженных сил в современных условиях. Но добиться ее рассмотрения Варенников, к сожалению, так и не успел.

Уверен, что независимо от того, как сложится его дальнейшая судьба, к этим предложениям еще непременно вернутся. Последнее слово рано или поздно останется за профессионалами, а не за теми «выдвиженцами», способностей которых хватает лишь на лозунги вроде того, что «у российских ракет больше нет целей, а есть только направления»!

В критический момент Варенников не мог безучастно смотреть на надвигавшуюся трагедию. В 1991 году вместе с группой общественных деятелей он ставит свою подпись под обращением «Слово к русскому народу».

Это был серьезный сигнал о грядущей катастрофе. Но, к сожалению, этому предупреждению власти не вняли.

В «Матросской тишине» мы думали, что Варенникова, Язова, Тизякова как участников Великой Отечественной войны освободят к 9 мая 1992 года. Однако этого не случилось.

У стен тюрьмы в тот день проходил митинг с участием многих десятков тысяч человек. Это было внушительное событие, голоса участников митинга, скандировавших слова позора в адрес режима, сливались в один мощный клич. После освобождения из тюрьмы мне довелось увидеть это в записи на видеопленке. Митинг солидарности с узниками тюрьмы был еще одним политическим поражением режима. Он произвел на моих сокамерников большое впечатление. И до этого у меня не было повода обижаться на их отношение, но после митинга оно стало еще более уважительным.

Арест Варенникова и суд над ним я воспринимал как вопиющую, преступную несправедливость. Думалось, что режим, способный так обращаться с героями, заведомо обречен...

Убежден, что Варенников не останется в стороне от политической жизни и впредь будет там, где его участие в ней принесет Отечеству пользу, на таких, как он, Русь всегда держалась и будет держаться.

В мае 1994 года на судебном процессе по делу ГКЧП, теперь уже по делу одного Варенникова, он произнес примечательные слова: «Мое душевное и нравственное состояние угнетено, как у любого гражданина Советского Союза, кому дорого Отечество. Угнетено тем, что я не сделал все необходимое для сохранения единства нашей державы, не предотвратил катастрофу, не пресек гнусные действия предателей — «архитекторов» и «прорабов» перестройки».

Это слова патриота, для которого главное — Родина, ее интересы. Валентин Иванович Варенников выиграл судебный процесс — он был оправдан. Протест Генеральной прокуратуры на приговор суда президиумом Верховного Суда Российской Федерации был оставлен без удовлетворения. В жизни Варенникова это наверняка была победа — одна из наиболее ярких и особо значимых.

Так завершился судебный процесс по делу ГКЧП.

На основании определения суда нам были возвращены награды, воинские знаки отличия, изъятые в ходе предварительного следствия. В связи с окончанием процесса каждого

из нас одолевали разные думы. Еще и еще раз мы прокручивали, анализировали все, что произошло не столько с нами, сколько с нашей страной.

Но, прежде чем сделать краткий анализ дальнейших событий, хотел бы сказать несколько слов о судьях, прежде всего о председателе суда, с которым мы имели дело более года.

У меня сложилось мнение, думаю, его разделяют и другие подсудимые, что суд под председательством Уколова подошел к делу непредвзято, насколько это позволяли обстоятельства и условия, в которых вершилось правосудие. Председательствующий предоставил сторонам возможность для широкой и активной состязательности, выяснения необходимых деталей и на этой основе установления истины.

Но суд, разумеется, не был безразличным к тому, что происходило в зале, проявлял заинтересованность, старался восполнить пробелы, если они вдруг появлялись, не оставлял без исследования любые моменты, которые имели отношение к делу и могли повлиять на окончательный приговор. Суд проявлял принципиальность там, где она была необходимой. Стремился неукоснительно соблюдать уголовно-процессуальные нормы, часто исправлял промахи и шероховатости, допускавшиеся сторонами, ссылаясь при этом на ту или иную юридическую норму. Ни к одной из сторон суд не проявлял пристрастия или бестактности. Председательствующий был сдержан, терпелив и проявлял разумную снисходительность там, где у него были поводы занять более жесткую позицию.

Следует с благодарностью отметить чуткость, проявленную судом и его председательствующим к здоровью подсудимых.

По медицинским справкам, да и сам судья это хорошо видел, большинство подсудимых, в основном из-за почтенного возраста, не отличалось отменным здоровьем, тем более после почти полуторагодового содержания в тюрьме. Дело, пожалуй, не в том, что Уколов боялся неприятностей, если с кем-либо что-то случится. Нет, у меня не сложилось такого мнения. Он видел перед собой довольно известных в

прошлом людей, ценил их убежденность в своей правоте, готовность пожертвовать собой при исполнении долга. Если он даже разделял некоторые положения обвинительного заключения, то считал невозможным пренебречь человечностью по отношению к этим людям.

Внимание к здоровью подсудимых, перерывы, приглашения врачей, постоянно имели место при исполнении им судейских обязанностей.

Процесс, безусловно, был необычным по содержанию, по составу подсудимых, по времени, в котором он проходил, по обстановке, которая складывалась вокруг зала суда. Все это вылилось в экзамен для правосудия, для данного состава суда, и судьи, по-моему, его выдержали. Ходатайства, заявления государственных обвинителей, адвокатов, подсудимых, содержание вопросов, выносимых на рассмотрение суда, были необычны, беспрецедентны и требовали максимальной точности в применении правовых норм, их верного толкования, не ущемляющего ни одну из сторон.

Думаю, что юристы еще не раз будут возвращаться к материалам судебного разбирательства по делу ГКЧП, ибо они дают богатую пищу для размышлений и выводов.

Разумеется, никто не возьмется точно предсказать, каким был бы приговор, если бы судебное разбирательство дошло до финала.

Как мне представляется, суд не мог не понимать одного: вынести обвинительный приговор — значит осудить тех, кто по своему служебному положению выступил в защиту основного закона — Конституции СССР.

Представим себе на мгновение, если бы посягнувшие на Конституцию СССР — Горбачев и его сообщники, были привлечены к ответственности и понесли бы заслуженное наказание! Определенно не было бы прежде всего большой крови, которая и ныне рекой льется на просторах бывшего Союза. Всеми последствиями развития обстановки в стране за последующие годы, всей логикой для членов ГКЧП напрашивался оправдательный приговор.

Но тут возникает один вопрос: каковы степень принципиальности судей, пределы их законопослушания, стойкость к давлению сверху? Ведь судьи живут в реальном мире. По закону они независимы и подчиняются только ему,

закону. Это так, однако, хотим мы этого или нет, зависимость от властей всегда присутствует, и она оказывает свое воздействие. Тут определяющими являются гражданская ответственность, личное мужество перед давлением представителей режима, кажущихся в данный момент всемогущими.

Теперь о причинах провала августовского выступления, его неудачи.

Во время многочисленных встреч с общественностью, с отдельными людьми, в разговорах с друзьями, мне неизменно задают один и тот же вопрос: почему, в чем дело, как могли допустить провал, имея в своем распоряжении буквально все? Что помешало? В вопросах — сопереживание, горечь, недоумение и даже чувство обиды.

На эти вопросы я не обижался, но нередко спрашивал: а где были вы в те три августовских дня? Проявили ли вы свою гражданственность, сказали ли слова одобрения и поддержки в адрес ГКЧП?

Ответ, как правило, был отрицательный, хотя многие из них говорили: «А кто нас призвал к тому, чтобы мы активно и открыто выступили в поддержку ГКЧП?»

Причин провала выступления ГКЧП было немало. Это вопросы, над которыми еще следует основательно думать, но на некоторых из них мне хотелось бы остановиться, разумеется, не претендуя ни в коей мере на непререкаемость моих суждений.

Первое. Выступление ГКЧП носило верхушечный характер. Это была буря в общем-то наверху, в верхнем эшелоне власти, хотя с самого начала выступление могло бы носить более широкий и глубокий характер. Программа действий, предложенная ГКЧП, его обращение к советскому народу были привлекательными, понятными для людей и вполне могли бы послужить основой его деятельности на ближайшее время.

Не случайно «демократические» средства массовой информации всячески избегали оценок Обращения ГКЧП к советскому народу, по существу его не критиковали: дальше общих обвинений в популизме не шли.

Второе. ГКЧП недооценил потенциальной поддержки своей программы и своего выступления в массах, хотя поддержка, безусловно, была, как я уже говорил. По всей стране с 300-миллионным населением в течение 19 — 21 августа, несмотря на активные призывы российского руководства, приняло участие в митингах протеста, забастовках, разного рода собраниях, пикетах не более 160 тысяч человек. На всю страну! Рабочий класс, крестьянство работали, государственные учреждения функционировали. Московский стачком принял решение не идти на забастовку, о чем 20 августа 1991 года была соответствующая публикация в газете «Известия».

Третье. Были переоценены возможности так называемого демократического движения. К тому времени оно уже начало терять свое влияние в массах. Несмотря на сохранявшиеся позиции в некоторых слоях общества, прежним запалом для действий оно уже не располагало. Пик своего влияния и своих возможностей «демократическое движение» прошло.

Четвертое. ГКЧП не проявил должной решительности, последовательности и организованности. Этому есть объяснение: для подготовки выступления, его обоснования и разъяснения было слишком мало времени, в связи с чем мы вполне резонно полагали, что более жесткие меры могут дать обратный эффект. К тому моменту значительные массы людей еще не осознали, не убедились в том, какая страшная беда надвигается на государство и, следовательно, на них. Вместе с тем спустя сутки после подписания Союзного договора нашего государства уже бы не стало, поэтому фактор времени подгонял и не позволял подготовить и осуществить все необходимые меры.

Пятое. Для успеха дела следовало пойти на решительный разрыв с Горбачевым. К тому времени его влияние и авторитет у людей были близки к нулевой отметке. Вера в него у советских людей была утеряна, пустословие раздражало, народ разочаровался в своем руководителе. Двойственная позиция ГКЧП по отношению к Горбачеву сбивала с толку общественность, советских людей и порождала сомнения в искренности намерений ГКЧП.

Как теперь представляется, отмежевание от Горбачева

не сузило бы, а значительно расширило массовую базу ГКЧП. Двойственная позиция по отношению к Горбачеву дезориентировала и руководство бывших союзных республик, чем не замедлило воспользоваться российское руководство.

Шестое. Пагубной оказалась затяжка с созывом Верховного Совета и Съезда народных депутатов СССР. Более того, надо было одновременно созывать и Верховный Совет, и Съезд. Если поддержка Верховного Совета была в какой-то степени под вопросом, то поддержка со стороны Съезда народных депутатов сомнений не вызывала.

После августа 1991 года Горбачев в одном из своих выступлений прямо сказал, что Съезд народных депутатов мог бы поддержать «путчистов». Но время было потеряно, и ГКЧП сам лишил себя широкой поддержки.

Седьмое. Благодаря усилиям Горбачева и его сподвижников Коммунистическая партия Советского Союза к тому времени почти потеряла свою боеспособность. Она была парализована, слабо сопротивлялась развалу государства и своему разложению. Бесплодные дискуссии, фракционность, предательство руководителя партии разъедали ее вконец. Но и в этих условиях откровенный призыв к рядовым коммунистам, к первичным партийным организациям выступить в защиту Союза мог бы сработать. Однако и этого не было сделано. Некоторые движения патриотической ориентации еще не набрали силу, организационно и политически не окрепли, поэтому они были обречены на роль пассивных наблюдателей за развитием событий.

Восьмое. Слабо использовались средства массовой информации, хотя у ГКЧП были возможности получить поддержку значительной их части для выступления в нужном направлении. Для этого надо было заблаговременно привлечь к выступлениям в средствах массовой информации — в газетах, журналах, на телевидении и по радио — политологов, экономистов, журналистов, деятелей искусства, представителей рабочего класса, крестьянства для показа бедственного положения в стране и предательской политики ее руководителей.

Девятое. Союзные республики были оставлены без должного внимания. С их стороны не было отмечено сколько-

нибудь серьезной оппозиции по отношению к ГКЧП, но они не были соответствующим образом сориентированы, их потенциал не был задействован, хотя возможности к этому имелись. К тому времени во всех союзных республиках негативное отношение к политике и деятельности Горбачева достигло высокой точки.

Десятое. Ввод войск и особенно боевой техники в Москву был ошибочным решением. Не стоило вводить и комендантский час. Как показали события, и первое, и второе было лишним. Эти меры давали повод думать, что те, кто ввел чрезвычайное положение, опасаются народа. Было бы вполне достаточно использовать подразделения Министерства внутренних дел и Комитета госбезопасности СССР, а также рабочие дружины, которые к тому времени уже были на некоторых предприятиях.

И все-таки в историческом плане создание ГКЧП и его выступление несли в себе больше положительного, чем негативного.

Августовское выступление позволило обнажить проблемы, вскрыть язвы и показать каждому, даже незрячему, куда идет наша держава. ГКЧП встряхнул общество, обнажил расстановку сил, события показали, кто есть кто. Если бы не 19 августа 1991 года, то Союз был бы задушен уже запланированным коварным и изощренным способом, и бороться с этим было бы значительно труднее. Разрушители из союзного и российского руководства наверняка сомкнулись бы в своих действиях и реализовали бы свои планы совершенно открыто и без промедления.

Происшедшее в последующем — убедительное доказательство этому. ГКЧП, те, кто выступил вместе с ним, со временем все больше будут ощущать свою положительную роль. События августа 1991 года стали водоразделом между разложением, с одной стороны, и действиями, обнажающими тяжелую реальность, но ведущими к благородным целям, с другой.

Как ни силились те, кто бросил за решетку членов ГКЧП, доказать их корыстолюбие, из этого ничего не вышло. Пренебрегая личным благополучием, рискуя положе-

нием своих близких, мы выступили за идею — как государственники, сознающие свой долг.

Опыт исторического развития державы многогранен и неоднозначен, и мы хотели донести до общественности, до народа, до тех, кому небезразлична судьба Советского Союза, пусть трагическую, но правду, с уверенностью, что не все потеряно и прежнее Отечество будет восстановлено или возрождено.

История развивается по своим законам, сюрпризы, зигзаги ее только на первый взгляд могут показаться случайными, вызвать удивление; они закономерны, значит, объяснимы. Борьба продолжается, и участвующие в ней фигуры по мере развития событий высвечивают себя яснее и рельефнее. Настоящие патриоты, государственники, коммунисты, социалисты, в силу каких-то обстоятельств попавшие в так называемый демократический лагерь, порывают с ним, а те, кто оказался там осознанно, проходят извилистую дорожку ренегатства и предательства до конца.

26 апреля 1994 года экс-президент СССР Горбачев во время пребывания в Санкт-Петербурге дал интервью местному телевидению. Он утверждал, что впервые за два с половиной года ему была предоставлена возможность выступить в прямом эфире.

Это, конечно, не совсем так. Выступал он не так уж редко, пользуясь любой возможностью, но дело не в этом. Судя по интервью, а также по содержанию ответов на вопросы, можно прийти к выводу, что его выступление было заявкой на начало предвыборной борьбы за пост Президента России.

Горбачев горько сетовал по поводу развала Советского Союза. Разумеется, говорил о своей непричастности к этому, не жалел красок для критики нынешнего экономического положения в России, обнищания народа, тяжелейшего кризиса, к которому он якобы не имеет никакого отношения.

Но стоит остановиться на другом. Наиболее примечательное в интервью, по-моему, заключается в том, что Горбачев, отвечая на вопрос о его отношении к компартии, о

том, вступил бы он сегодня в ряды Коммунистической партии Российской Федерации, ответил отрицательно.

Не покраснев, он сказал, что является социал-демократом, и поведал телезрителям историю о том, как он хотел реформировать КПСС, а точнее разрушить, заметив, что в ее рядах осталось бы не более 5 — 6 миллионов из тех 19 миллионов членов, которые насчитывались по состоянию на начало 1991 года.

Невольно возникает вопрос: если Горбачев всегда был убежденным социал-демократом, как же он в течение длительного времени состоял в рядах КПСС, возглавлял ее местные партийные организации, а затем и партию в целом, пользовался своим руководящим положением? Это что — лицемерие? Предательство? Коварный расчет, заключавшийся в том, чтобы занять высший пост в партии, добиться карьеристских целей, а затем ее развалить?

Более того, в последнее время в своих телеинтервью Горбачев беззастенчиво похваляется своей заслугой в разрушении КПСС и устранении ее с арены политической жизни.

Ни то, ни другое, ни третье не украшает человека, но говорит о нем многое.

Его тайное стремление разрушить КПСС увенчалось успехом по той причине, что во главе партии стоял предатель и вместе с ним был ряд его сообщников, которые занимались тем же предательским делом. Такого ни мировая практика, ни отечественный опыт не знают.

Сетуя по поводу развала Советского Союза, Горбачев скороговоркой сослался на референдум. Надо полагать, он имел в виду референдум 17 марта 1991 года, когда 76 процентов граждан высказались за Советский Союз и за социалистическую идею. Так вот, по Горбачеву, Ельцин и другие пошли вопреки референдуму, нарушили высказанную на нем волю народа. Но зачем же кривить душой, если в первую очередь на референдум наплевал сам Горбачев, подготовив такой Союзный договор, который в случае его подписания 20 августа 1991 года привел бы к развалу Союза.

Выступление Горбачева по телевидению — сплошное фарисейство, обман. Он ни в чем не изменился! Его коварное нутро проявилось еще раз, а ведь на удочку горбачевского словоблудия, постоянно высказываемого сожаления по

поводу бедственного положения народа, заклинаний о том, как он хочет для него счастья, вновь могут попасться доверчивые люди.

Всегда было, есть и будет стремление определенных лиц паразитировать на чаяниях народа, на настроениях общества, спекулировать на его тяготах и лишениях ради достижения своих корыстных, амбициозных, карьеристских устремлений. Горбачев вновь продемонстрировал это своим выступлением 26 апреля 1994 года, и не только этим.

Задумываешься над мучительным, хотя и бесполезным вопросом: неужели Горбачев до сих пор не осознал своей вины перед народом? Произошла катастрофа. Мир не знает примера, чтобы такое высокоразвитое индустриальное государство, каким был Советский Союз, так бесславно, драматически закончило свое существование, в столь короткое время развалилось под ударами деструктивных сил, не оказав достойного сопротивления.

Лишь совокупность внутренних и внешних факторов, вместе взятых, может объяснить катастрофу, над разгадкой которой историки, политологи, экономисты, социологи будут еще длительное время думать. И на сей раз сбылись горькие предсказания Чаадаева, который сказал, что Россия, видимо, создана для того, чтобы на своем примере преподносить урок для других, как не надо поступать, как надо избегать трагедий.

Свидетельства беды очевидны, они повсюду.

Глядя на полуголодных, плохо одетых, изможденных людей, забитых нуждой и заботами, которых становится все больше и больше, я невольно вспоминаю индийские картинки — Дели и другие города Индии. Там нищета, причем массовая, повальная, бьет, что называется, по глазам на каждом углу. В 1990 году в Индии насчитывалось примерно 860 — 880 миллионов человек, из них, по официальным данным, 300 миллионов жили в ужасной нищете, лишениях и страданиях. Их называли «лишними людьми».

Такая судьба ждет и Россию! Нет, не ждет — она уже пришла, наступила, мы видим ее, но пытаемся отгонять от себя самые мрачные, тяжелые мысли.

Мне довелось побывать во многих капиталистических странах, в том числе и в Соединенных Штатах Америки. Са-

мым тягостным образом меня поражало отношение к людям опустившимся, бедным, обездоленным, находящимся за чертой сносной жизни. В основе этого отношения бессердечное, откровенное пренебрежение, жестокость, безжалостность. Общество как бы перешагивает через этих людей, их присутствие никак не сказывается на настроениях сытых и довольных. Реакция последних холодна и цинична: «Сами виноваты».

Капиталистическое общество — это мир иных ценностей, они не сравнимы с нашими, а точнее с теми, что были у нас до последнего времени, и я уверен, пока еще не вытравлены из нашей души.

Однако уходить от правды не следует. Обычаи, нравы, особенности капиталистического общества уже незримо внедряются в сознание советских людей. Разве не заметно, как растет пренебрежительное, отталкивающее отношение к так называемым бомжам? К людям, просящим милостыню в переходах метро, на улицах и в других общественных местах? К людям, которые роются в мусорных ящиках в поисках пищи или чего-то, что можно было бы продать, сдать на тряпье, обменять на продукты питания? В зимнюю стужу от подъездов домов отгоняют полураздетых людей, у которых нет очага и которые хотели бы зайти в подъезд и хотя бы немножко согреться.

Расслоение общества идет стремительными темпами. Поляризация стала очевидной настолько, что даже представители западного мира поражаются этому явлению и утверждают, что у них, на Западе, неравенство между бедными и богатыми куда меньше, чем в России. Это после двух-трех лет капитализации общества! А что будет дальше?

Как сделать так, чтобы люди поняли ту трагедию, во власти которой они оказались, и ту еще более тяжелую, которая их ожидает в недалеком будущем? Еще важнее разобраться в причинах этой трагедии.

И это происходит в стране, где было реализовано всеобщее среднее образование, где каждый год миллионы юношей и девушек оканчивали высшие и средние учебные заведения и их ждала работа по специальности, в стране, самой читающей в мире. С нашим интеллектуальным потенциалом не могло сравниться ни одно государство!

Беда случилась в стране, за два-три десятка лет ставшей второй сверхдержавой в мире и являвшей чудо человеческого разума, организованности, развития, высокого взлета общественно-политической мысли, устремленной в будущее.

Лидеры и элитные группы, возглавившие в бывших союзных республиках борьбу за выход из Союза, за независимость и полный суверенитет, обещали народам много. Иногда они пытаются сделать что-то во исполнение взятых обязательств и тогда до неприличия гоняются за иностранными кредитами на любых условиях.

Богатые государства активно используют ситуацию для углубления раскола бывших советских территорий и массированного внедрения в образовавшиеся новые государства. И вот эти только что родившиеся государственные образования, не оглядевшись, не приобретя опыта и международного веса, заглатывают все, что к ним плывет, не думая ни об условиях, ни о том, что их ожидает впоследствии.

Советский человек, к сожалению, неискушен, доверчив в политике и простодушен в чувствах. Его легко обмануть, обвести вокруг пальца, сбить с толку.

Без особых усилий западная и прежде всего американская дипломатия на глазах у изумленного мира активно участвовала в довершении развала вчера еще могущественного Советского Союза. Инерция набрала силу, процесс будет дробить Россию, ее национальные и территориальные образования. Исправить положение можно только в условиях новой политики, а новую политику должны делать новые люди.

До начала развала Союза западная пропагандистская машина подогревала центробежные силы. Когда развал активно начался, та же пропагандистская машина стала выражать свои истинные замыслы не так подчеркнуто, даже выражая сожаление по поводу происходящего.

Исключение составляют Франция и в какой-то степени Англия, общественность и правящие круги которых хорошо понимают появление предпосылок для опасного изменения в расстановке политических сил в Европейско-Азиатском регионе и в мире в целом.

2 декабря 1991 года Вашингтон с нескрываемым удовлетворением приветствовал выбор Украиной своей независимости. «Семерка» в Брюсселе заявила, что в связи с итогами украинского референдума в ноябре 1991 года вопрос о признании западными странами независимости Украины — дело техники. Чем слабее становился Союз и, следовательно, Россия, тем смелее действовали США.

Мне много раз доводилось говорить с нашими специалистами-американистами да и с самими американцами об особенностях политики США, о характерных чертах американцев, в частности об их отношении к другим государствам.

Американское воспитание, американский менталитет построены на признании силы. Американцы уважают и признают силу. Этот фактор нельзя сбрасывать со счетов, если мы не хотим впасть в ошибку.

Я далек от мысли считать из-за этого американскую нацию порочной. Такова реальность, основанная на действительном положении дел. У американцев много добрых качеств. В своей массе они честны, умеют держать слово, весьма практичны. Именно они сделали свою страну мощной, достигли высокого уровня развития. Не стесняются говорить об этом и соответственно имеющейся мощи поступать.

Советский Союз в принципе не ошибался в своем стремлении к развитию отношений со Штатами, но американцы не хотели усиления Советов и даже не Советов, как строя, дело глубже — страны как таковой, и потому наши попытки оказывались безрезультатными. Если в обозримом будущем США и пойдут на смягчение своей позиции в отношении России и других бывших союзных государств, то сделают это по сугубо тактическим соображениям, для того чтобы получить паузу, еще больше втянуть Москву в болото и подготовиться к новому прыжку.

Как-то Горбачев, узнав об отказе администрации США пойти нам навстречу по ряду торгово-экономических сделок, бросил реплику: «За развитие советско-американских отношений надо бороться!» Это было сказано летом 1990 года. Какую цену надо положить на алтарь борьбы, он не сказал.

Во что нам обошлась эта борьба, для всех очевидно...

Наша страна в ее бывших границах переживает трагедию. Не исключение — Россия.

Россия напоминает корабль-великан в огромном безбрежном океане человеческих и международных отношений. Корабль терпит крушение, но он пока на плаву. В случае его гибели образовалась бы воронка, которая увлечет в пучину и корабль, и все, что находится рядом. В такой ситуации рядом плавающие корабли и суденышки поменьше размером в стремлении спастись пытаются удалиться как можно дальше от места гибнущего корабля-гиганта. В этом они усматривают единственное спасение, хотя и сами оказались в еще более тяжелом положении.

Россия выживет, она не может погибнуть. Однако никто не знает цену, которую при этом придется заплатить. Не даром это обойдется и бывшим союзным республикам. Через потрясения народы придут к новому Союзу, но вопрос в том, когда, какой ценой и позволят ли это сделать силы, выступающие против возрождения нашего единого государства.

Здесь считаю нужным сделать одну весьма существенную, на мой взгляд, оговорку.

Ни одна страна, даже малая, не может жить в автономном от внешних факторов и обстоятельств режиме. Мир взаимосвязан и взаимозависим. Подобное состояние общечеловеческих отношений закономерно. Несмотря на очевидную важность международных факторов, определяющими были, есть и в обозримом будущем останутся внутренние. Какими бы ни были массированные политические кампании против нашего Отечества, как бы ни действовали в этом направлении зарубежные спецслужбы и другие центры, в конечном счете не за ними решающее слово.

Самые развитые государства капиталистического мира могут оказать нам помощь или притормозить наше экономическое развитие на отдельных участках, содействовать разжиганию националистических и иных негативных настроений, но не внешние обстоятельства в определяющей мере делают погоду.

Лишь от нас самих, от нашего внутреннего положения в

конечном счете зависит судьба государства, тем более такого большого, как наше.

Однако надо признать, что западные страны проявили удивительную способность верно определять наши трудности и паразитировать на них, выявлять назревающие негативные тенденции и содействовать перерастанию их в деструктивные процессы.

Основные начала разрушения общества и государства породили мы сами. Никто за нас не разрабатывал и не утверждал негодные народнохозяйственные экономические программы, никто за нас не рвал, не пускал под откос вертикальные и горизонтальные связи, не подбрасывал топливо в разгоравшиеся то там, то здесь межнациональные конфликты.

Представители трезвомыслящих, дружественно настроенных кругов на Западе не раз предостерегали нас от поспешных, опрометчивых шагов, они менее критически, чем мы сами, относились к нашей системе, социально-экономическим результатам развития страны. Наши внешнеполитические позиции оценивались на Западе куда выше, чем в СССР. Наконец, перспективы развития Советского Союза виделись за рубежом более значительными, чем представлялось это многим у нас в стране. Несмотря на всю значимость общечеловеческих ценностей, национальные интересы сегодня являются решающими, своими корнями они уходят во внутреннюю ткань своей страны.

Итак, часть трагического пути страна прошла. Но соотношение внутренних и внешних факторов изменилось. К внешним факторам применительно к России добавились, по меньшей мере, 14 новых независимых государств. Приплюсовать к этому надо усиливающееся влияние на них капиталистических государств. Не проще будет и России: внутренние противоречия, экономические трудности, разлад в отношениях с бывшими союзными республиками и многое другое. Россия была опорой Союза, но Союз тоже был опорой России.

Выход Украины из Союза — больше чем разъединение двух территорий, российской и украинской. Это основательная потеря качества пространственного поля.

Произошел развод двух родственных славянских наро-

дов, а это этнографическая катастрофа. Сегодня даже трудно определить масштабы и пределы изменений межнациональных и межэтнических отношений на территории бывшего Союза.

Неизбежным станет длительный процесс перемещения отдельных этнических групп из одного региона в другой. Некоторые из них надолго превратятся в беженцев, изгоев. Помимо социально-политических издержек, это будет еще более разорять нас экономически.

Россию ожидает еще одно опасное явление.

Речь идет об усилении ставших очевидными внешних факторов экспансионистского, разрушительного характера. Ряд западных стран, Япония и некоторые другие не ограничатся воздействием только на государства, появившиеся на базе бывших союзных республик. Начинается (оно уже идет) интенсивное проникновение иностранного влияния, утверждение зарубежных интересов в ряде российских территорий.

Подогреваются сепаратистские настроения. Следовательно, сохраняются и возможно усилятся действия центробежных сил в самой России — главной и последней надежды и базы возрождения Союза. Центробежные силы помимо России дадут о себе знать и в других государствах.

Уже в декабре 1991 года права свободной экономической зоны получили территории, на которых проживают в Закарпатье венгры, в направлении автономизации началось движение в Крыму, Абхазии, Южной Осетии и других районах. Стало очевидным обострение сепаратизма, пожалуй, во всех бывших союзных республиках. Разыгравшиеся сепаратистские, националистические настроения вылились в многочисленные кровавые конфликты.

Пламя войны заполыхало в самой России. В ноябре 1994 года ельцинский режим начал боевые действия в Чечне. Они приняли широкий размах, антинародный характер, превратив этот цветущий край в кровавое поле. Полностью разрушена 400-тысячная чеченская столица Грозный.

Главным врагом России объявлен генерал Джохар Ду-

даев. В конце 1990 — 1991 году он возглавлял националистическое оппозиционное движение в Чечне. Будучи с июня 1991 года председателем исполкома негосударственного Общенационального Съезда чеченского народа, Дудаев в августе 1991 года активно выступил против ГКЧП и тем завоевал расположение Ельцина. Он вел борьбу также против Союза, «ненавистного» центра, что, учитывая тогдашние устремления демократов, делало его их политическим союзником.

В сентябре того же года Верховный Совет Чеченской республики вынужден был под давлением заявить о самороспуске, а месяцем позже — в октябре Дудаев стал Президентом республики.

Поскольку он был избран Президентом не народным голосованием, а провозглашен упомянутой общественной организацией, не имеющей по закону права на проведение выборов, то V Съезд народных депутатов Российской Федерации 2 ноября 1991 года признал выборы Президента Чечни, состоявшиеся 27 октября, недействительными.

По инициативе Руцкого и Хасбулатова 7 ноября того же года Президент России Ельцин подписывает Указ о введении в Чечне чрезвычайного положения. Однако всего через три дня — 11 ноября — Верховный Совет РФ отменяет Указ Президента о чрезвычайном положении. В это же время Г. Старовойтова интенсивно ведет переговоры с Дудаевым, дает интервью, в которых подчеркивает «галантность и демократичность генерала».

Тем временем Дудаев укрепляет свои позиции, продолжая использовать «нерешительность» российского руководства и получая помощь из Москвы в виде миллиардных денежных вливаний, причем наличными.

Итог всей этой грязной игры известен — разрушенные города и села, десятки тысяч убитых, еще больше раненых, сотни тысяч беженцев, дестабилизация в северных районах Кавказа, трагедии в Буденновске и Первомайском. И это, как говорилось, в одной телевизионной рекламе, только начало!

Вот одно из последствий антинародной политики режима!

Положение в новых государствах будет определяться в существенной мере состоянием продовольственной проблемы.

В ближайшие годы именно уровень обеспечения продуктами питания станет одним из определяющих факторов стабильности или нестабильности. Нет другого выхода, кроме как бросить все силы на удовлетворение хотя бы минимального спроса населения на продукты питания. Ситуация такова, что ни одно государство, включая Украину и Россию, в одиночку, тем более в сжатые сроки, продовольственной проблемы не решит; а вот сколько времени народ отпустит на ожидание, вряд ли кто осмелится предсказать.

Промышленное же производство из-за нарушения вертикальных и горизонтальных связей не только не получит сколько-либо заметного развития, а, наоборот, снизит свои показатели. Государства, лишившись основных рычагов управления экономикой, оказались бессильными влиять на ситуацию.

Можно обоснованно предположить, что рано или поздно новая генерация людей поймет трагизм ситуации и под воздействием реалий заявят о себе интеграционные процессы. Время, которое до этого истечет, история объективно посчитает как потерянное, глубоко ущербное.

Серьезной проблемой на пути неизбежного объединения станут отношения новых суверенных государств с другими странами мира.

Раздел сфер влияния и интересов уже идет на наших глазах. Япония, Китай, Индия, Пакистан, Иран, Турция налаживают контакты, готовятся к развитию политических, торгово-экономических отношений с бывшими союзными республиками, подспудно проявляются экспансионистские поползновения, от последствий которых скоро не освободишься, да и не так-то легко будет от этих вновь возникших связей избавиться, если они станут хотя и скудным, но повседневным источником существования людей.

Все это будет неизбежно сказываться на внутренней политике бывших союзных республик, ныне самостоятельных государств, их общественном строе, государственном устройстве, на состоянии их будущих связей с Россией.

...Огромная опасность таится и начала уже проявляться в проблеме границ между бывшими союзными республиками, ныне суверенными государствами и даже внутри них самих. Многочисленные участки границ, в разное время устанавливались волюнтаристски, на глазок, без четкого документального, исторически и всеми другими обстоятельствами обусловленного закрепления.

В последние годы в результате обострения межнациональных и межэтнических отношений на ряде участков границы произошли открытые конфликты, на других — назревает обострение, которое в любой момент может принять неконтролируемый характер.

Нынешние границы между республиками, другими территориальными образованиями в рамках единого Союза практически не оспаривались, не вызывала особой реакции передача из одних республик в другие значительных территорий (Крым), не говоря уже о небольших участках территории.

Ныне определение границ, тем более если возникнет необходимость их существенной корректировки, наверняка превратится в мучительный, болезненный процесс с возможными осложнениями, в том числе острого характера. В сравнении с ними Нагорный Карабах может показаться небольшим локальным конфликтом.

К внешним пограничным проблемам, о которых все громче и смелее заявляют едва ли не все соседние государства, добавятся внутренние, и оба эти направления сольются в один поток противоречий, нестабильности и разрушения. Не без труда можно предсказать возникновение споров и конфликтов в пределах краев и областей.

Словом, все регионы бывшего Советского государства столкнутся с проблемой границ, а значит, могут вползти в полосу еще одного, возможно, самого длительного и непредсказуемого по последствиям конфликта, не исключающего любой формы противоборства.

На территории бывшего Союза возникает множество и других больших и малых проблем.

До сих пор трудностей с передвижением, общением

между людьми и обменом информацией не было, они появились в 1993 — 1994 годах и больно заявили о себе. Поездки к родственникам, знакомым, желание провести отпуск, совершить туристические поездки, отправиться на заработки и т. д. — все это совсем недавно, как и в течение многих веков не составляло проблем.

Сейчас совершенно иная ситуация. Как это скажется на настроениях людей, представить нетрудно, поскольку вопрос затрагивает жизненно важные интересы каждого человека и, следовательно, социально весьма весом.

Восстановление существовавшего порядка передвижения людей — важнейший фактор с точки зрения сохранения союзных начал. По отношению к этой проблеме можно судить о позиции руководства того или иного государства по союзному вопросу.

Если взять за отправную точку нынешний европейский уровень интеграции, то станет очевидным, что в сотрудничестве наших новых государств произошел откат до минимальной отметки, подходящей для сообщества или какой-нибудь формы многосторонней организации с весьма низкой степенью объединения. Опыт европейского сообщества важен, но в наших условиях может быть использован лишь в преломлении.

Европейское сообщество начало свой путь более 40 лет назад. Начнется ли наш путь с этой точки отсчета или с более высокого уровня — разговор не праздный. Именно здесь лежит ответ на вопрос, какова допустимая степень дезинтеграции отдельных частей Союза, удастся ли предупредить политическое и государственное размежевание, то есть историческое отступление.

Реальная возможность скрепить отношения между составными бывшего Союза заключается в сохранении хозяйственных связей, системы прежних расчетов на базе экономических соглашений. Переход на расчеты в мировых ценах и конвертируемой валюте — это эксперимент, который подавляющая часть государств или не выдержит, или он обойдется им невероятно дорого.

События на территории Советского Союза, и в том числе в России, в своем катастрофическом развитии и последствиях еще не достигли пика, поэтому об окончательных ре-

зультатах говорить преждевременно. Но некоторые итоги «демократических» преобразований, «демократического» движения, политических устремлений и действий отдельных его представителей и элитарных групп подвести не только можно, но и нужно.

Они — эти итоги — печальны, трагичны, разрушительны, имеют долговременный характер, а по масштабам не знают себе равных.

Не думаю, что большинство тех, кто стоял у истоков разрушения державы, хотели или в полной мере предвидели отрицательные последствия реализации своих замыслов. Тем не менее их историческая ответственность очевидна, не говоря уже о тех, кто сознательно вел дело к гибели Советского государства и творил для этого все возможное и невозможное. Последние просто совершали преступление.

Если определенные силы на Западе использовали первую категорию лиц втемную, то со второй категорией у них была полная смычка по мировоззренческим убеждениям, практическим действиям и политическим целям. На этот счет выше приведено достаточно фактического материала и выводов, логика и доказательность которых, на мой взгляд, неопровержимы.

К 1985 году мощь Советского Союза не вызывала сомнений. С ним считались — одни из уважения, другие — изза боязни. По всем основным показателям своего развития мы уверенно удерживали второе после Соединенных Штатов Америки место в мире. Страна располагала мощной индустриальной базой, основные отрасли ее промышленности находились на вполне приличном уровне, сельское хозяйство в основном обеспечивало потребности в продовольственной и технической продукции, наука числилась передовой в мире, ее фундаментальные исследования вполне соответствовали мировым стандартам. По массовому охвату образованием, медицинским обслуживанием, культурой, по размаху жилищного строительства мы не знали себе равных. Народ был сыт, обут, одет, хотя по ассортименту, качеству и отдельным видам товаров, безусловно, ощущался большой дефицит.

Советский Союз занимал прочные позиции в мире. Политическое, военное сотрудничество с социалистическими

государствами дополнялось взаимовыгодными торгово-экономическими отношениями. СССР имел тесные связи со многими странами так называемого третьего мира в Латинской Америке, Африке, Азии.

Наше государство было вполне кредитоспособным. Его безопасность была надежной на западе, востоке, юге и севере. Ни одна соседняя страна не предъявляла каких-либо территориальных претензий, за исключением Японии, периодически обозначавшей вопрос о Южно-Курильской гряде и сделавшей его перманентным, дежурным.

На огромных просторах Советского Союза в добром соседстве проживали более 150 наций и национальностей, народов и народностей. В общей атмосфере равноправия различных этнических групп националистические силы не решались поднимать голос, призывать к распрям, хорошо сознавая обреченность подобных попыток. Человек любой национальности, любого вероисповедания мог свободно передвигаться, проживать в любой части страны, везде и всегда пользоваться одинаковыми правами.

Уровень преступности занимал одну из последних строчек в мировых показателях. Страна считалась в этом отношении безопасной. Люди жили в едином пространстве, в условиях одного правового поля. Они как бы опередили среднеземное время и вышли в будущее человечества.

Конечно, жизнь в Советском Союзе была не без недостатков и трудностей. Его общественно-политическая система оказалась в какой-то мере зажатой в жесткие рамки, огромные потенциальные возможности были лишены способности самовыражаться, самоизменяться, саморазвиваться Социализм, как общество по своей природе нуждающееся в просторе для проявления свободы и вместе с тем в правопорядке, так и не приобрел гармоничного сочетания, органичного единения этих двух сторон.

Но все было поправимо, не было никакой фатальной неизбежности, тем более необходимости в разрушении государства.

И вот через десять лет после 1985 года, когда пишутся эти строки, катастрофические последствия крушения бывшего Советского Союза, а ныне отдельных его территорий, являют собой общенациональную трагедию с потрясениями

глобальной значимости. Даже после второй мировой войны, в ходе которой погибло более 50 миллионов человек, политическая карта мира не была так перекроена, как был изменен облик огромного геополитического региона в результате так называемой перестройки «а-ля Горбачев» и ельцинской политики разрушения.

Что ж, одни содрогаются от содеянного или без умысла сотворенного, другие (их большинство) — ужасаются происшедшему, третьи — испытывают удовлетворение или радуются кончине «империи», гордятся своим вкладом в это и идут дальше.

Итак, в порядке подведения предварительных итогов остановимся лишь на некоторых «достижениях» демократических преобразований.

Нет больше Союза Советских Социалистических Республик, произошел его развал, он распался на 15 государственных образований, объявивших о своем полном суверенитете, независимости, начале новой страницы в их истории.

Сепаратизм сравнительно небольших элитарных групп, состоящих из воинствующих политиканов, националистически, экстремистки настроенных лиц, в том числе и в России, восторжествовал и стал государственной политикой суверенных стран. Ничего, кроме разрушения, этот процесс не нес и не мог принести в силу отсутствия в нем конструктивных начал. Разговор о созидании — сплошь демагогия, потому что, кроме волны опустошения, ничего иного на территории Союза не происходило и не происходит.

По форме и по существу в значительной мере осуществлена смена социально-политического строя во всех бывших союзных республиках, правда, в различной степени. Смена строя произведена сравнительно узкой группой входящих в высшее руководство лиц вопреки воле большинства народа, убедительно выраженной на общесоюзном референдуме.

Радикализм перемен в обществе нашел выражение в новом соотношении форм собственности путем разграбления государственного и коллективного достояния. Благодаря

этому появился новоиспеченный, в основном криминальный, класс частных собственников, ибо их первоначальный капитал имеет криминальные источники накопления.

В ряде регионов бывшего Советского Союза полыхают гражданские войны. Их причины — межнациональные межэтнические, территориальные споры, борьба за суверенитет территорий внутри административно-территориальных образований, стремление к переделу границ, схватка за власть.

Национальный эгоизм, доселе дремавший, не выходивший в основном за рамки бытовых отношений и полностью контролируемый, обрел условия для проявления и использования его в политических целях. Неисчислимые жертвы, кровь, страдания людей и целых народов, разрушения, беженцы, переселенцы окрасили мрачными тонами многие регионы, где еще совсем недавно царила мирная жизнь в рамках многонационального государства, в котором люди с детства воспитывались в духе дружбы и братства разных национальностей. Особенности, обычаи, нравы некоторых народов потребуют немало времени и усилий для преодоления вражды и восстановления добрососедских отношений, не говоря уже о совместном проживании.

Состояние экономики на всех без исключения союзных территориях можно охарактеризовать одним словом — катастрофическое. В 1994 году объем промышленного производства по сравнению с 1990 годом уменьшился вдвое. Такого не было даже в годы Великой Отечественной войны.

Все отрасли промышленности как бы рухнули. Обвальные процессы идут в сельском хозяйстве. Поскольку производственная сфера перестала быть безраздельным источником существования населения, то началось разворовывание, разграбление народного достояния в масштабах, немыслимых для здравого понимания. Процесс разрушения разрушил отлаженные за многие годы вертикальные и горизонтальные связи.

Преступная приватизация лишила народ общего достояния в форме государственной и общественной собственности, большая часть которой оказалась в руках небольшой группы лиц, а также у иностранцев. Отечественное производство оказалось беззащитным перед безудержным напль-

вом на наши рынки зарубежных товаров ширпотреба в обмен на ценное сырье.

Таким образом, отношения с бывшими союзными республиками, включая Россию, строятся как с колониями. Такого не допускала ни одна страна в мире за исключением случаев, когда она была силой поставлена на колени.

Социальное положение во всех 15 государственных образованиях драматично и имеет тенденцию к дальнейшему ухудшению. Поляризация в обществе, не сравнимая ни с одной капиталистической страной, обнищание, голодное существование большей части населения, растущая безработица, появление целого слоя бездомных, детская беспризорность, размах преступности, коррупция во всех эшелонах власти, в том числе в высших, криминализация общества — создали почву для социальных потрясений, не предсказуемых по глубине и масштабам.

Всего за несколько лет общество духовно и нравственно деградировало и само стало обеспечивать расширенное воспроизводство аномальных черт в своем развитии. Порочность социальной сферы, пожалуй, важнейший «успех» «демократического» движения.

Советский Союз имел надежно обеспеченную государственную безопасность. К настоящему времени на всей его территории ее не стало. Ни одно из 15 государств, с точки зрения безопасности, нежизнеспособно, не в состоянии обеспечить независимость, территориальную целостность, неприкосновенность границ.

Даже наиболее мощная по своим потенциальным возможностям Россия не может при сокращающейся численности населения и огромном пространстве отстоять целостность государства и в недалеком будущем столкнется с угрозой потери части территорий, причем подобное развитие событий может приобрести необратимый характер. Картину следует дополнить все ухудшающимся состоянием вооруженных сил России, ослаблением их по количественным и качественным параметрам.

Резко ослабли международные позиции территорий бывшего Союза, они утеряны или просто рухнули под напором обстоятельств.

Прекратил существование военный союз — Организа-

ция Варшавского Договора, исчез из международной жизни Совет Экономической Взаимопомощи социалистических стран, прерваны союзнические отношения с Вьетнамом, Кубой, Монголией, Корейской Народно-Демократической Республикой, Югославия брошена на произвол судьбы, на растерзание. Прерваны дружественные, взаимовыгодные политические, экономические и иные связи со многими странами Латинской Америки, Африки, Азии, а новые друзья не приобретены.

Бывшие наши союзники потянулись в НАТО. В центре Европы внушительно заявила о себе объединенная Германия. Бывшие союзные республики, как независимые государства, стали пограничными соседями России и устремились к окружавшим Союз капиталистическим странам, оставив заложниками российские пограничные войска, кое-где еще несущие охрану прежних рубежей.

В пространственном поле бывшего Советского Союза тлеет и все сильнее дает о себе знать одна губительная проблема, которая по вполне прогнозируемым показателям несет в своем развитии смертельную опасность для народа в целом и отдельных национальностей в частности.

Речь идет о политике геноцида в России и в некоторых других странах СНГ в отношении собственного населения. Итоги политики и дел «демократов», перечисленные выше, несмотря на их тяжелый характер, в общем-то поправимы, хотя, разумеется, с огромными издержками для государства.

Однако обозначившийся процесс вымирания народа, невосполнимое исчезновение этноса, уже ставшее очевидным в его значительной части, несет приметы необратимости.

В 30-е, 40-е, начале 50-х годов, то есть за 23 года, в ходе репрессий было расстреляно около 800 тысяч человек. Эти данные до сих пор ужасают.

Теперь обратимся к нынешней действительности и к нашему недалекому будущему. В 1993 году смертность превысила рождаемость на 806 тысяч, а в 1994 году уже на 1,2 миллиона человек. Этот показатель угрожающе рос в те-

чение всех четырех лет — 1991 — 1994 годов. А ведь при желании власти могли бы исправить положение.

Вспомним хотя бы времена Великой Отечественной войны. 8 июля 1944 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о мерах по стимулированию рождаемости. Уже к концу 40-х годов положение с рождаемостью стабилизировалось, а 50-е годы по праву стали «золотым периодом» в приросте народонаселения. Причем многократно сократилась детская смертность. Были превзойдены позитивные показатели за всю историю России, наш опыт заимствовали многие страны мира.

Естественное и механическое сокращение населения на территориях бывшего Советского Союза активно наблюдается с конца 1991 года. Гибель людей в военных конфликтах от действий преступников, в результате самоубийств, травм на производстве, дорожных происшествий, пьянства исчисляется сотнями тысяч человек.

Изгоняют русских с земель, на которых они веками проживали и которые стали для них родными. Армяне расправляются с азербайджанцами, азербайджанцы — с армянами, грузины — с абхазцами, абхазцы — с грузинами, этот трагический список можно было бы продолжить.

В Таджикистане, на Кавказе и других районах исламские фундаменталисты не на словах проявляют нетерпимость к иноверцам, не останавливаясь перед их физическим уничтожением.

Католики в западной части Украины преследуют православных, силой забирая у них церковные здания, храмы, другое имущество.

Во многих регионах бывшего Союза люди одной национальности сбиваются в одно место поселения, ближе друг к другу, силой обеспечивая свою безопасность.

Становятся трагической реальностью самые мрачные прогнозы. Такое развитие является не результатом трудностей роста (никакого позитивного роста нет!), не временными издержками формирования нового прогрессивного строя (напротив, вместо строя справедливого, социалистического насаждается дикий капитализм!) или претворения в жизнь общечеловеческих идеалов (они грубо попираются в отношении подавляющего большинства!). Россия, страны

СНГ низведены до положения третьесортных государств, так называемые цивилизованные страны унижают их, помыкают ими, грубо, бесцеремонно одергивают, когда кто-либо из них вдруг вздумает проявить самостоятельность. Дело доходит до откровенного окрика при попытке сменить, к примеру, несостоявшегося деятеля в высшем российском руководстве.

Сознательно принижается историческое значение России, ее народа, ставятся под сомнение ее государственность, способность управлять территорией, природными богатствами. И тут надо понять одну истину: вершится все это руками преступного руководства антинародного режима. Именно политика нынешних российских правителей убивает народ и тем самым совершает чистейшей воды уголовное преступление.

В конце прошлого столетия Фридрих Энгельс написал книгу «Положение рабочего класса в Англии». Этот труд явился результатом многолетних исследований и личных наблюдений его автора и не потерял своего значения и актуальности сегодня. Вот выдержка из книги:

«Если один человек наносит другому физический вред, и такой вред, который влечет за собой смерть потерпевшего, мы называем это убийством; если убийца заранее знал, что вред этот будет смертельным, то мы называем его действия предумышленным убийством. Но если общество ставит сотни пролетариев в такое положение, что они неизбежно обречены на преждевременную, неестественную смерть, на смерть насильственную в такой же мере, как смерть от меча или пули; если общество лишает тысячи своих членов необходимых условий жизни, ставит их в условия, в которых они жить не могут; если оно сильной рукой закона удерживает их в этих условиях, пока не наступит смерть, как неизбежное следствие; если оно знает, великолепно знает, что тысячи должны пасть жертвой таких условий, и все же этих условий не устраняет, — это тоже убийство, в такой же мере как убийство, совершенное отдельным лицом, но только убийство скрытое, коварное, от которого никто не может себя оградить, которое не похоже на убийство, потому что убийца — это все и никто...»

Читатель, вдумайся в слова и выводы классика, сравни

с тем, что происходит на твоих глазах, и задумайся. Осуществляется геноцид целого народа.

В толковом словаре Ожегова читаем: «Геноцид — порожденная империализмом и фашизмом политика истребления отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам. Геноцид — тягчайшее преступление против человечества».

По прогнозам отдельных социологов, в случае продолжения нынешней политики в России на ее территории к концу следующего, XXI столетия останется 26 миллионов русских.

Невероятно тяжело заканчивать книгу на пессимистической ноте, не хочется быть мрачным пророком. Однако боль за Отчизну, за народ, не заслуживший столь тяжелой и унизительной участи, заставляет говорить правду, хотя и очень горькую. Болью и кровью вопиет о себе мрачная судьба советских людей, наших детей, внуков. Вместе с тем дух, силы, стремление к сопротивлению не утрачены, они есть в чистых и честных душах людей.

Мне кажется, что очень скоро заставят заговорить о себе борцы за народную власть с мест. Там особая близость к жизни, там проблемы, заботы совсем рядом, с людьми, и они не дают витать в облаках, ими надо заниматься, их надо решать. По возрасту — это еще молодые люди, именно они придут на помощь москвичам, а может быть, возьмут на себя лидерство.

Центр политической, духовной жизни в Москве уже не является всеохватывающим и всемогущим. Он будет перемещаться на периферию и сверкать целой гаммой политических красок. Таких центров будет все больше, но пройдет время — и начнут неизбежно выделяться отдельные из них, сменяя по очереди друг друга.

Видимо, географически сначала проявят себя восточные регионы страны, но дойдет черед и до центральных областей европейской части России, богатых талантами, пока не разбуженными. Далеко не все из них стремятся переместиться в Москву или Санкт-Петербург. Но и в Москву поедут таланты с мест и помогут обновиться, возродиться сто-

лице России, а затем и новому союзному объединению. Вопрос во времени и в том, как дорого за все, прежде совершенное с нами, да и нами самими, придется заплатить?

Но всякая надежда будет потеряна, если русский и казах, украинец и киргиз, белорус и армянин, молдаванин и узбек, грузин и туркмен, азербайджанец и таджик — все другие народы не воспрянут и в борьбе не отстоят свое право на жизнь и счастье.

Моя вера основана на факторе прозрения сбитого с толку народа. Выборы в Государственную Думу в декабре 1995 года показали это. Летом 1996 года на президентских выборах, если они состоятся, избиратели скажут свое слово. Определится многое. Выбор будет сделан наверняка в пользу коммунистов и их кандидата, потому что программа Коммунистической партии является спасительной, отвечает чаяниям людей. В нынешних условиях это наиболее безболезненный путь к победе здравого смысла, исторический шанс, который нельзя не использовать.

Верю, что так и будет!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

И все-таки невозможно избавиться от вопроса, который каждодневно встает перед тобой и ответ на который приходит через мучительные думы, через осознание твоей гражданской ответственности, гражданского долга. Как не повторить ошибок прошлого? Как спасти страну и ее исстрадавшийся народ от мук и бедствий? Каким путем двигаться дальше?

При невероятной сумятице в умонастроениях людей, удивляющем мир плюрализме политических течений и взглядов в России, бесчисленном количестве рецептов и подходов к определению путей выхода из кризиса очень важно верное понимание позиций по крайней мере ведущих политических партий, движений, блоков. От того, каких концепций будет придерживаться, к примеру, Коммунистическая партия Российской Федерации, зависит успех или неуспех ее в борьбе за массы, а на данном историческом отрезке времени возможность победы на предстоящих выборах Президента России.

Извлечь уроки, сделать выводы из прошлого, понять настоящее, верно уловить суть событий и чаяния людей — значит, завоевать симпатии избирателей, привлечь подавляющее большинство их на свою сторону и победить.

Один из основополагающих моментов состоит в том, чтобы четко представлять, победа какой части общества желательна с точки зрения интересов народа и государства в целом. Если стремиться к безраздельной победе на выборах коммунистов, то вряд ли можно признать этот вариант оптимальным. Во-первых, он нереален. Во-вторых, интересы самых различных слоев населения, его социальных групп, территорий по меньшей мере не найдут своего отражения и учета во властных структурах, что неминуемо отрицательно скажется на стабильности и социальном положении общества. При этом нет гарантий от перегибов, ущемлений интересов отдельных слоев и групп граждан и, следовательно, прав человека. Будем мужественны и признаем это! Значит, оптимальный вариант участия коммунистов в избирательной кампании — в блоке партий и движений.

К чему приводит иной подход, можно пояснить на свежем историческом примере.

В 1991 году к власти пришли так называемые демократы, их власть все это время была безраздельной, обеспечила им полное господство. И что из этого вышло, к чему привело? Развалилось союзное государство, кризис охватил все стороны жизни страны, вдвое сократилось промышленное и сельскохозяйственное производство, возникла огромная социальная напряженность, смертность одолела рождаемость, войны, взаимное истребление людей стали приметой времени, произошла и продолжает усиливаться опасная поляризация в обществе, никогда прежде Россия не имела в мире столь слабых позиций — она разом превратилась в обрубленное, одинокое, изолированное государство.

Не случайно, что КПРФ идет на выборы в блоке с прогрессивными силами, в максимальной мере считаясь с интересами иных политических партий и движений. Ставка на приход к власти только какой-то одной, пусть даже значительной части общества — это потенциальная опасность появления волюнтаризма и даже чего похлеще. Следовательно, подобное развитие событий должно быть исключено!

Современное общество не может избежать многоукладности в экономике и многопартийности, т. е. политического плюрализма. Многоукладность в экономике — это значит частная собственность, свободное предпринимательство с использованием отечественного и иностранного капитала при государственном контроле, определяемом законодательными актами. Что касается частной собственности на землю, ее недра, полезные ископаемые, то эту проблему может решить только народ. Автор этих строк решительный противник введения института частной собственности на землю — нельзя отдавать в безраздельное господство частных лиц то, что дано человеку самой природой. Подавляющее число стран в мире руководствуются именно таким подходом к вопросу о земле. Частная собственность на землю — потенциальный заряд огромной мощности, который со временем неизбежно приведет к социальному взрыву.

Еще до развала СССР Коммунистическая партия Советского Союза отказалась от своей руководящей роли в обществе. Тем самым был открыт качественно новый этап — время многопартийности, время открытой состязательности политических, экономических взглядов, позиций, концепций по основополагающим вопросам развития общества и государственности. Такая система предполагает смену власти одной партии или одного блока другой партией или другим блоком. Но это должно являться результатом политического состязания, правовой смены власти, короче, нормальным, обычным событием без чрезвычайного положения и насилия.

Сто́ит представителю коммунистов заговорить о частной собственности и многопартийности, как некоторые горячие головы обвиняют его в приверженности идеям социал-демократии и он начинает оправдываться и, чтобы доказать, что не является «социал-демократом», делает умопомрачительный крен влево. Положения о многоукладности в экономике, многопартийности содержатся в любой социал-демократической программе как важнейшие составные этого политического течения. Однако не это самое «страшное». Главное в том, что социал-демократические режимы в силу других своих канонов и практической деятельности не обеспечивают глубокой и широкой социально-ориентированной

политики. Такую политику можно в наибольшей мере реализовать только в условиях социалистического режима. Вот почему Коммунистическая партия в блоке с другими, прогрессивными, патриотическими движениями идет под флагом социализма.

Часто можно услышать призывы взять за образец какую-либо зарубежную социально-политическую модель и перенести ее на российскую почву. Нередко называют шведскую. Мне представляется такой подход наивным, несостоятельным. В России, а тем более в образовании типа Советского Союза, может успешно действовать только своя собственная модель. Слишком много кардинальных, специфических различий: история, народонаселение, национальные особенности, уклад жизни, геополитическое положение, соотношение внутренних и внешних факторов, проблемы национальной безопасности, культурные традиции, даже размеры территории и многое-многое другое делают наше государство уникальным и таким же делают подход к решению стоящих перед ним задач. Другое дело — заимствование зарубежного опыта, всего положительного, конструктивного, в том числе и в политической и социальной сферах.

Россия относится к числу стран, для которых проблемы безопасности являются вопросом жизни и смерти в полном смысле этого слова. На внешние границы соседа смотрят с вожделением, с тайными или явными устремлениями не упустить возможности решить свои проблемы за наш счет, удовлетворить свои территориальные притязания к нам. Огромные российские просторы, их богатые и еще не освоенные недра подогревают замыслы, цель которых — расчленение России. Отсюда значимость и цена нашей национальной безопасности. Защита жизни государства, ее граждан требует затрат ровно столько, сколько это необходимо. В противном случае платить придется больше.

Внешняя политика России не может быть односторонней, ориентированной на одно направление. В таком случае страна лишается свободы маневра, волей-неволей попадает в зависимость, в конечном счете с нею меньше считаются, а ее интересы просто игнорируются. Освобождаться от такого состояния значительно труднее, чем оказаться в нем. При-

оритеты во внешней политике — да, но полная независимость — непременное условие прочности, уверенности, достойного положения и веса в международных делах.

И еще одно соображение. Невозможно обеспечить России благополучия, мирных условий, надежной безопасности, если не возродится Союз большей части народов, населяющих территории бывшего Советского государства. Наше спасение и будущее только в этом. Все остальное носит подчиненный характер. Первое и главное условие такого Союза — добровольность. Процесс единения закономерен и, следовательно, неизбежен, потому что он органически укладывается в рамки все более расширяющейся региональной и глобальной интеграции на планете, свидетелями чего все мы являемся.

Какими бы мучительными ни были корректировка и пересмотр взглядов и позиций, концепций и в конечном счете политического курса коммунистов, нам этого не избежать, если мы хотим идти в ногу со временем, быть понятыми и поддержанными максимально большей частью народа. На принципиальных позициях стоять надо до конца, борьбу за основополагающие интересы общества и государства следует вести последовательно, адекватно обстановке и, разумеется, действиям другой стороны. Но как важно быть терпимыми к иной точке зрения, к иному мнению, сколь бы противоположными они ни казались.

1991—1996

Приложения

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ СССР В. А. КРЮЧКОВА НА ЗАКРЫТОМ ЗАСЕДАНИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР 17 июня 1991 года В КРЕМЛЕ

(Печатается с небольшими сокращениями)

Уважаемые товарищи депутаты!

Пользуясь тем, что заседание закрытое, позвольте мне, может быть, несколько обостренней, откровенней изложить, как Комитет госбезопасности видит ситуацию в нашей стране и вокруг нее.

Сегодня трудно давать оценку нынешней обстановке в стране, но реальность такова, что наше Отечество находится на грани катастрофы. То, что я буду говорить вам, мы пишем в наших документах Президенту и не скрываем существа проблем, которые мы изучаем. Общество охвачено острым кризисом, угрожающим жизненно важным интересам народа, неотъемлемым правам всех граждан СССР, самим основам Советского государства. Если в самое ближайшее время не удастся остановить крайне опасные разрушительные процессы, то самые худшие опасения наши станут реальностью. Не только изъяны прошлого и просчеты последних лет привели к

такому положению дел. Главная причина нынешней критической ситуации кроется в целенаправленных, последовательных действиях антигосударственных, сепаратистских и других экстремистских сил, развернувших непримиримую борьбу за власть в стране.

Откровенно игнорируя общенациональные интересы, попирая Конституцию и законы Союза ССР, эти силы открыто взяли курс на захват власти в стране. Для реализации своих амбициозных планов они не остановятся перед попытками ввергнуть страну в пучину крайнего обострения обстановки.

В некоторых регионах гибнут сотни ни в чем не повинных людей, в том числе женщины, старики, дети. Тщетно взывают к проявлению политического разума, к справедливости сотни тысяч беженцев.

Пока мы рассуждаем об общечеловеческих ценностях, демократических процессах, гуманизме, страну захлестнула волна кровавых межнациональных конфликтов. Миллионы наших сограждан подвергаются моральному и физическому террору. И ведь находятся люди, внушающие обществу мысли, что все это — нормальное явление, а процессы развала государства — это благо, это созидание.

Резко усилились процессы дезинтеграции экономики, нарушены складывающиеся десятилетиями хозяйственные связи, тяжелейший ущерб нанесли народному хозяйству забастовки. Крайне напряженная обстановка сложилась в сельском хозяйстве.

Все более угрожающие масштабы приобретает преступность, в том числе организованная. Она буквально на глазах политизируется и уже непосредственно подрывает безопасность граждан и общества. Недовольство народных масс ситуацией в стране находится на критическом уровне, за которым возможен небывалый по своим разрушительным последствиям социальный взрыв. О стремительном скатывании общества к этой опасной черте свидетельствует настроение простых тружеников. Они первыми испытывают на себе последствия кризиса и в политике, и в экономике. Все отчетливее проявляются апатия, ощущение безысходности, неверие в завтрашний день и даже какое-то чувство обреченности. А это очень тревожный симптом. Ясно, что такая пассивность на руку политиканам, теневикам, коррумпированным элементам, рвущимся к власти. При таком положении любой лозунг может обрести в нашей стране свою почву.

В период, когда исполнительные органы власти должны действовать особенно энергично и эффективно, не допуская возникновения всеобщего хаоса и анархии, их работу пытаются блокировать, мешают поддерживать конституционный порядок и стабильность в стране. Проявление терпимости, гибкости, стремление решать возникающие

проблемы политическими методами понятны и оправданы. Однако есть пределы, за которыми просто необходимо и власть употребить. Нужны настойчивость и решительность в главном — в защите Конституции СССР, кстати, никем не отмененной, в выполнении воли народа, ясно выраженной во всесоюзном референдуме о сохранении Союза ССР, обеспечении прав и законных интересов граждан.

Общественно-политический строй, основы государственного уклада — это те вопросы, которые не могут решаться ни руководителями любого уровня, ни какой-либо партией, ни даже парламентом. Это исключительно прерогатива народа. Главное наше достояние — это складывающийся веками великий союз народов. Его сохранение — священный долг перед поколениями, которые жили до нас, и теми, кто придет нам на смену. Тут в полную силу пора говорить о нашей исторической ответственности.

Конечно, причина нынешнего бедственного положения имеет прежде всего внутренний характер. Но нельзя не сказать и о том, что в этом направлении активно действуют и определенные внешние силы. Хотел бы в этой связи сделать небольшое отступление и привлечь ваше внимание к одному весьма примечательному документу, подготовленному в 1977 году внешней разведкой Комитета государственной безопасности... Адресован он ЦК КПСС и называется «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан». Я зачитаю этот документ, он небольшой...

«По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающей приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры — преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способ-

ных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов.

КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки».

Подпись — председатель КГБ Ю. Андропов.

От такого рода тайной деятельности, уже принесшей определенные плоды, на Западе не собираются отказываться и сегодня, в эпоху нового политического мышления...

Через несколько дней будет ровно полвека, как началась война против Советского Союза, самая тяжелая война в истории наших народов. И вы, наверное, сейчас читаете в газетах, как разведчики информировали тогда руководство страны о том, что делает противник, какая идет подготовка и что нашей стране грозит война.

Как вы знаете, тогда к этому не прислушались. Очень боюсь, что пройдет какое-то время, и историки, изучая сообщения не только Комитета госбезопасности, но и других наших ведомств, будут поражаться тому, что мы многим вещам, очень серьезным, не придавали должного значения. Я думаю, что над этим есть смысл подумать всем нам.

Стремительное ухудшение ситуации в стране, небывалое ослаб-

ление Советского государства крайне отрицательно сказываются на международном положении Советского Союза. С нами фактически уже пытаются разговаривать как со второразрядной державой, лишь слегка прикрывая политику диктата благообразной дипломатической фразой.

Не надо питать иллюзий, на происходящее в Советском Союзе ведущие западные страны, и прежде всего Соединенные Штаты Америки, смотрят прагматично — исключительно через призму собственных интересов. Отсюда настойчивое, если не сказать — ультимативное выдвижение вполне конкретных условий, которые СССР должен выполнить уже сегодня в ответ на туманные обещания и благосклонность в экономической помощи со стороны Запада завтра.

В числе этих условий — проведение фундаментальных реформ в стране не так, как видится это нам, а так, как задумано за океаном, сокращение Советским Союзом ниже допустимых пределов расходов на оборону, свертывание отношений с дружественными нам государствами, уступки Западу в так называемом прибалтийском вопросе и другие.

Кстати, у нас есть достоверная информация относительно кредитов. Разговоры о том, что нам могут выделить кредиты в размере 250 миллиардов, 150, 100 миллиардов — это сказки, это иллюзии. Это или самообман, или обман других. Но представим себе, что можно получить 15 — 20 миллиардов долларов. Дорогие товарищи, это же не спасет, потому что здесь важнее другое — чтобы работала наша страна, работала наша экономика, потому что такая страна, как наша, может спастись и обеспечить себя только сама.

Западные страны используют наши внутренние трудности для достижения своих стратегических целей в ущерб территориальной целостности СССР. Не случайно было, например, заявление официального представителя США о признании Советского Союза лишь в границах 1933 года. Правда, это официальное заявление не получило подтверждения, однако вы знаете, иногда большая беда начинается с малой. Мне кажется, что стоит нам тронуть территориально-пограничный вопрос в одном месте, как это породит цепную реакцию.

Кстати говоря, по сообщениям, которые мы получаем, — это и в открытой печати проходит — в Соединенных Штатах Америки и в некоторых других западных странах считают, что развал Советского Союза предрешен. И уже раздаются не только за рубежом, но и у нас голоса о том, что нормализовать положение нашей страны можно якобы лишь с применением сил Организации Объединенных Наций. Скажу больше. Есть данные о разработке планов умиротворения и

даже оккупации Советского Союза в определенных условиях под предлогом установления международного контроля над его ядерным арсеналом. Кстати говоря, нам все труднее приходится на наших границах...

Должен вам сообщить, что нет такого принципиального вопроса, по которому мы не представляли бы объективную, острую, упреждающую, часто нелицеприятную информацию руководству страны и не вносили бы совершенно конкретное предложение. Однако, разумеется, нужна адекватная реакция.

Совершенно очевидно, что одобренный 4-м Съездом народных депутатов и Верховным Советом СССР комплекс мер по выходу страны из кризиса и мероприятия, намеченные на встрече Президента с руководителями девяти республик, фактически не выполняются.

В то же время во всех слоях общества нарастают требования навести порядок именно сегодня, пока дело не дошло до самого худшего. Обстоятельства таковы, что без действий чрезвычайного характера уже просто невозможно обойтись. Не видеть этого — равносильно самообману, бездействовать — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия.

Уважаемые товарищи депутаты! В ваших руках находится судьба народов нашей огромной страны, Советского государства, от вашей мудрости и решительности зависит — быть или не быть великой державе, сумеем ли мы сегодня остановиться на краю пропасти. Обстановка, видимо, сегодня такова, что требует от всех нас отрешиться от личного, придать должное общегосударственному и, прежде всего — борьбе за сохранение Союза. Все остальное, мне думается, должно быть подчинено этому.

Мы за рыночные отношения, но почему-то совсем забыли о том, что даже в цивилизованных, как часто говорим, странах рынок регулируется, что там не отказываются от плановых начал, а более того — все более и более широко внедряют это. И я уверен, что подавляющее большинство советских людей поддерживает усилия Верховного Совета СССР в этом направлении. Что касается Комитета госбезопасности, то мы есть и будем верны нашей Конституции, интересам нашего советского народа.

ОБРАЩЕНИЕ К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

(Опубликовано в газете «Советская Россия» 20 августа 1991 года)

Соотечественники! Граждане Советского Союза!

В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна, по существу, стала неуправляемой.

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества. Циничная спекуляция на националь-

ных чувствах — лишь ширма для удовлетворения амбиций. Ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом народного доверия, они забывают, что осуждаемые и разрываемые ими связи устанавливались на основе куда более широкой народной поддержки, прошедшей к тому же многовековую проверку историей. Сегодня те, кто, по существу, ведет дело к свержению конституционного строя, должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев. Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, еще вчера живших в единой семье, а сегодня оказавшихся в собственном доме изгоями. Каким быть общественному строю, должен решать народ, а его пытаются лишить этого права.

Вместо того чтобы заботиться о безопасности и благополучии каждого гражданина и всего общества, нередко люди, в чьих руках оказалась власть, используют ее в чуждых народу интересах, как средство беспринципного самоутверждения. Потоки слов, горы заявлений и обещаний только подчеркивают скудость и убогость практических дел. Инфляция власти страшнее, чем всякая иная, разрушает наше государство, общество. Каждый гражданин чувствует растущую неуверенность в завтрашнем дне, глубокую тревогу за будущее своих детей.

Кризис власти катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма — регионального, ведомственного, группового и личного. Война законов и поощрение центробежных тенденций обернулись разрушением единого народнохозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями. Результатом стали резкое падение уровня жизни подавляющего большинства советских людей, расцвет спекуляции и теневой экономики. Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных и решительных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени неизбежен голод и новый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений стихийного недовольства с разрушительными последствиями. Только безответственные люди могут уповать на некую помощь из-за границы. Никакие подачки не решат наших проблем, спасение — в наших собственных руках. Настало время измерять авторитет каждого человека или организации реальным вкладом в восстановление и развитие народного хозяйства.

Долгие годы со всех сторон мы слышим заклинания о привер-

женности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния. На глазах теряют вес и эффективность все демократические институты, созданные народным волеизъявлением. Это результат целенаправленных действий тех, кто, грубо попирая Основной закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянется к необузданной личной диктатуре. Префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры все больше явочным путем подменяют собой избранные народом Советы.

Идет наступление на права трудящихся. Права на труд, образование, здравоохранение, жилье, отдых поставлены под вопрос.

Даже элементарная личная безопасность людей все больше и больше оказывается под угрозой. Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония. Никогда в истории страны не получали такого размаха пропаганда секса и насилия, ставящие под угрозу здоровье и жизнь будущих поколений. Миллионы людей требуют принятия мер против спрута преступности и вопиющей безнравственности.

Углубляющая дестабилизация политической и экономической обстановки в Советском Союзе подрывает наши позиции в мире. Кое-где послышались реваншистские нотки, выдвигаются требования о пересмотре наших границ. Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны. Такова горькая реальность. Еще вчера советский человек, оказавшийся за границей, чувствовал себя достойным гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он — зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несет печать пренебрежения либо сочувствия.

Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего нашу страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса.

Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора. Каждый будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт и определиться по нему, ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины.

Мы намерены незамедлительно восстановить законность и правопорядок, положить конец кровопролитию, объявить беспощадную войну уголовному миру, искоренять позорные явления, дискредитирующие наше общество и унижающие советских граждан. Мы очистим улицы наших городов от преступных элементов, положим конец произволу расхитителей народного добра.

Мы выступаем за истинно демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущую к обновлению нашей Родины, к ее экономическому и социальному процветанию, которое позволит ей занять достойное место в мировом сообществе наций.

Развитие страны не должно строиться на падении жизненного уровня населения. В здоровом обществе станет нормой постоянное повышение благосостояния всех граждан.

Не ослабляя заботы об укреплении и защите прав личности, мы сосредоточим внимание на защите интересов самых широких слоев населения, тех, по кому больнее всего ударили инфляция, дезорганизация производства, коррупция и преступность.

Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем поддерживать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг.

Нашей первоочередной заботой станет решение продовольственной и жилищной проблем. Все имеющиеся силы будут мобилизованы на удовлетворение этих самых насущных потребностей народа.

Мы призываем рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, всех советских людей в кратчайший срок восстановить трудовую дисциплину и порядок, поднять уровень производства, чтобы затем решительно двинуться вперед. От этого зависит наша жизнь и будущее наших детей и внуков, судьба Отечества.

Мы являемся миролюбивой страной и будем неукоснительно соблюдать все взятые на себя обязательства. У нас нет ни к кому никаких притязаний. Мы хотим жить со всеми в мире и дружбе. Но мы твердо заявляем, что никогда и никому не будет позволено покушаться на наш суверенитет, независимость и территориальную целостность. Всякие попытки говорить с нашей страной языком диктата, от кого бы они ни исходили, будут решительно пресекаться.

Наш многонациональный народ веками жил исполненным гордости за свою Родину, мы не стыдились своих патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущее поколения граждан нашей великой державы в этом духе.

Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, по-

истине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственно правильный выбор. Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени.

Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса.

Конструктивные предложения общественно-политических организаций, трудовых коллективов и граждан будут с благодарностью приняты как проявление их патриотической готовности деятельно участвовать в восстановлении вековой дружбы в единой семье братских народов и возрождении Отечества.

Государственный комитет
по чрезвычайному положению в СССР,
18 августа 1991 года

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В. А. КРЮЧКОВА ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНУ

(Опубликовано в газете «Правда» 11 июля 1992 года)

Г-н Президент,

11 июня с. г. по телевидению показали Ваше интервью, в котором речь шла о том, что произошло в России и вокруг нее за истекший год после начала Вашего президентства. Итоги года могут оценить сами россияне, они их видят, ощущают на себе, своих родных. Впрочем, это касается не только жителей России, но и всех граждан бывшего Союза.

Во время телеинтервью Вам было задано много вопросов. Еще больше тем Вы затронули в своих ответах. Мне в этой связи хотелось бы остановиться на одной, самой главной проблеме: что же случилось с Великим Советским Союзом? Соотечественники должны знать не только то, как эту проблему понимаете Вы, но и насколько соответствует действительности Ваше утверждение, что виновны в распаде Союза те, кого в интервью Вы называете «путчистами».

Свое интервью Вы начали с августовского «путча» и закончили им, с удовлетворением и даже нескрываемым злорадством отметив, что его участники находятся в «Матросской

тишине». Главная вина «путчистов», как подчеркивается Вами в телеинтервью, состоит в развале Союза, именно они являются его могильщиками, а вот Вы, мол, и не помышляли кончать с Союзом. Подобное утверждение, не имеющее ничего общего с истиной, делается перед людьми нашей, да и не только нашей, страны, которые сами были свидетелями не столь уж давних событий и из памяти которых еще не стерлось все, что произошло за последние несколько лет. Они не могут не помнить в том числе и Вашу деятельность, высказывания, поступки. Люди, особенно в такой пока еще высокообразованной стране, как наша, научились самостоятельно анализировать, приходить к собственным выводам. Вы не могли не заметить, что в последнее время их оценки все чаще и чаще не совпадают с Вашими.

Очень многие уже подметили главную черту, присущую всей Вашей деятельности, — тягу не к созиданию, а к разрушению. Последние два года (до августа 1991-го) Вы всю свою энергию направляли исключительно на разрушение Центра, «имперского Союза», разносили в пух и прах буквально все, что было сделано до Вас, показывали, как плохо живут люди, щедро рассыпая при этом обещания. Люди действительно во многом нуждались, жили неважно, так что и критика, и Ваши обещания падали на благодатную почву.

После принятия летом 1990 года Съездом народных депутатов РСФСР декларации о провозглашении суверенитета России и приоритете российских законов над союзными в разрушении Союза наступил решающий этап. Не остановил этот губительный процесс и состоявшийся 17 марта 1991 года всенародный референдум. Более того, референдум в чем-то даже сыграл Вам на руку — он внес успокоение в народ, люди потеряли бдительность, посчитав, что Союз получил необходимое подкрепление в виде народной воли, поддержки подавляющего большинства советских граждан. Референдум отнюдь не остановил Вас и всех тех, кто выступал вместе с Вами против сохранения Союза. Складывалось впечатление, что именно после референдума противники Союза стали действовать еще напористее, хотя и хитрее.

На поверку вышло, что референдум провели как бы для отвода глаз, а для руководителей его результаты вовсе и не имели никакого значения. Подумаешь — воля народа! Когда с ней особо считались те, для кого главным всегда была лишь патологическая жажда власти?

Подготовленный проект Союзного договора практически ничего не оставлял от федеративного характера СССР, он предусматривал в лучшем случае лишь некое конфедеративное образование под названием Союза суверенных государств. Впрочем, в проекте Союзного

договора было заложено столько возможностей, лазеек для его дальнейшего размывания, что достаточно было лишь малой их толики, чтобы расшатать еще больше это хрупкое устройство и превратить его в фикцию. Кстати, это очень хорошо понимал М. Горбачев. Тем не менее он шел на такой договор в жалкой надежде уцелеть хоть на какое-то время, покрасоваться в положении пусть даже бесправного, марионеточного, но все же Президента ССГ. Как-то на мой вопрос Горбачеву, как он оценивает ситуацию и какая судьба ожидает предполагаемый Союз суверенных государств, последовал любопытный ответ: «Ну, года полтора продержимся».

А Вы, Борис Николаевич, продолжали наносить удар за ударом по Советскому Союзу. Сейчас Вы говорите, что били, дескать, не по Союзу, а по центру, борясь за права России. Странная логика! Во-первых, такие понятия, как «Союз» и «центр», взаимосвязаны. Что же это за Союз без центра? Во-вторых, само объявление приоритетности республиканских законов над союзными уже превращало Союз в бесправное образование, по сути дела, ставило на нем точку. Представьте себе подобную ситуацию в Российской Федерации. Что станет тогда с Россией? Кстати, такой процесс уже начался. Вы один из тех, кто активно подавал этому пример, прокладывая дорогу для того, что произошло и происходит сейчас. Вы очень старались! Когда Вам не хватало слов, Вы с помощью рук выразительно показывали, сколь мало полномочий будет предоставлено ненавистному центру и как много отойдет их России.

Почему Вы стремились во что бы то ни стало поскорее завершить разрушение Союза? Ответ и на этот вопрос есть, но эта тема для другого разговора — всему свое время...

Итак, стоит подробнее остановиться на том, кто же все-таки разрушил Союз? Понятно, что сейчас у меня под руками нет документальных материалов. Поэтому кое-что я буду воспроизводить по памяти, но основной упор сделаю на общедоступную информацию, которую можно почерпнуть из печати.

В упомянутом интервью Вы сказали, цитирую по газете «Известия» за 11 июня 1992 года: «События с 12 июня (имеется в виду 1991 год) до 19 августа шли таким образом, что основным был Союзный договор. Мы рассчитывали на то, что будет Союз. Мы только боролись за свою большую самостоятельность, старались меньше отдать функций руководству Союза — это была наша главная задача.

Путч 19—20 августа перевернул все. Он разрушил все... Но зато открылась другая возможность — стать независимым Российским государством с независимой внутренней и внешней политикой».

Интересно, Борис Николаевич, стать независимым от кого и от чего? В последнее время Вы периодически возвращаетесь к событиям августа прошлого года и к печальной судьбе Союза. Что скрывается за Вашим беспокойством — ясно и понятно. Ведь уже сейчас судить о том или ином деятеле начинают по его вкладу в развал Союза. Понятно почему? Распад Союза — это самая тяжелая трагедия, последствия которой все мы будем долго еще ощущать, вплоть до начала реального процесса его возрождения, во что я глубоко верю. Этой же надеждой, убежден, живет подавляющее большинство советских людей. Россия всегда была оплотом Союза, но сейчас мы, россияне, наконец поняли, что, оказывается, и Союз в равной мере был оплотом России. До возрождения Союза всякие слова о величии России, сколь бы красивыми и громкими они ни были, останутся лишь пустым звуком. Вряд ли у кого возникнет желание отвечать перед народом, перед историей за сломанную судьбу Советского Союза. Отсюда ясно, почему Вы в том же телеинтервью сочли нужным сказать следующее: «Когда меня обвиняют в том, что я — виновник распада Союза, не могу согласиться и взять вину на себя. Это надо предъявить путчистам. Да и, наверное, руководству бывшего Союза».

Давно уже обращает на себя внимание, что Вы не вспоминаете референдум 17 марта 1991 года. Вы не касаетесь содержания проекта Союзного договора, а ведь именно он был бы первым комом земли в могилу Советского Союза. С Союзом Вы намеревались кончать решительно, не откладывая это дело в долгий ящик. Еще не успели подписать Союзный договор, а Вы уже заявили, что никаких созывов Совета Федерации СССР, как союзной структуры, не будет. Да и сам проект Союзного договора — я имею в виду его последний, разрушительный для страны вариант — готовился, по сути дела, втайне не только от народа, но и от руководства парламента и государства. Это, кстати, хорошо видно из материалов следствия. Окончательный текст Союзного договора не обсуждался в комитетах и комиссиях Верховных Советов Союза и республик, а абсолютное большинство руководителей страны увидели его в первый раз 16 августа 1991 года в газете «Известия». 17 и 18 августа были выходными днями, а на 20-е число уже было назначено подписание этого документа. Необходимость предотвратить развал Союза для меня, например, была основным мотивом участия в ГКЧП. Времени действовать иначе нам отпущено не было.

Собственно говоря, вопрос о роли «путча» в судьбе Союза для

многих уже перестал быть загадкой. Прийти к выводу на этот счет, прямо противоположному Вашему, не так уж и трудно. Стоит лишь немного поразмыслить, проанализировать ход событий, объективно оценить их существо, задуматься над целями каждого из действующих лиц. В стратегическом плане две фигуры сыграли определяющую роль в развале Союза — М. Горбачев и Б. Ельцин. Примечательны в этой связи выводы главного редактора «Независимой газеты» В. Третьякова (которого никак не причислишь к Вашим противникам), касающиеся последней точки в судьбе Союза. «Да, — пишет он, — Ельцин был одним из трех участников формальной ликвидации СССР, участником государственного переворота, в результате которого Михаил Горбачев более удачно и куда более безболезненно, чем в августе 1991-го, был отстранен от власти (которой, впрочем, тогда уже почти не имел — кроме ядерной кнопки, разумеется).

Однако даже в конце прошлого года еще была возможность сохранить, по меньшей мере внешне, союзное образование. Но и этот шанс был упущен, когда по Союзу был нанесен смертельный удар с созданием в декабре 1991 года Содружества Независимых Государств».

В этой связи характерно еще одно высказывание В. Третьякова: «Нет никакого СНГ, и еще вопрос, возникнет ли оно (это Содружество) в будущем. Есть некая аморфная структура с неким аморфным названием, фиксирующая неподвластные ей процессы завершения распада СССР. Геннадий Бурбулис, если я не ошибаюсь, признавался, что концепция СНГ так и была задумана еще весной 1991 года».

Весьма примечательные слова! Читатель подумает над ними и наверняка найдет в них даже больше, чем сам автор этих слов.

Мы подошли к завершению небольшого экскурса в историю с Союзом, но стоит вновь вернуться к Вашему телеинтервью. Закончили Вы его следующим высказыванием: «И прошу Вас, как это ни трудно, вспомнить 12 июня прошлого года и улыбнуться. Вспомнить и 19—20 августа прошлого года, когда в, казалось бы, совершенно невероятных условиях удалось отстоять мир, демократию, не допустить, чтобы пришли те силы, которые бы превратили государство в страну рабов. И то, что удалось перехитрить тех, кто сегодня сидит в «Матросской тишине», что удалось отстоять «Белый дом» благодаря москвичам и поддержке всех россиян, остается залогом того, что наш народ целеустремлен — и в этом его истинный патриотизм».

Насчет превращения государства в страну рабов, уверен, что Вы

и сами не верите в то, что сказали. Правда, если посмотреть на нынешнее исключительно тяжелое, беспомощное положение широких слоев населения, вконец обнищавших, живущих впроголодь, униженных, уставших от кровопролития, доведенных до отчаяния, то использованное Вами слово «рабы» для них, может быть, и подходит, как уготованная участь. Тем более что с другой стороны появился и набирает силу целый слой патрициев. У них недвижимость, усиливается их политическая власть, а в это время подавляющая часть людей, призываемая Вами к «терпению, смирению и очищению», нищает относительно и абсолютно. «Удалось отстоять «Белый дом», — говорите Вы. От кого? Уж Вам-то известны все обстоятельства. Никакой угрозы нападения на «Белый» дом не было, и Вы, в частности, отлично знали об этом, получив на этот счет все необходимые заверения. Так к чему эти спекуляции? Утверждения о «штурме» «Белого дома» нужны, видимо, только для того, чтобы поддерживать миф о Вашем собственном героизме и мужестве других его главных «защитников». Вы с гордостью говорите, что «удалось перехитрить тех, кто сегодня сидит в «Матросской тишине». Тут с Вами, пожалуй, можно согласиться, только с одним уточнением: Вам удалось перехитрить не только «тех», но и кое-кого еще, а самое главное — народ.

Узники «Матросской тишины» не хитрили, они действовали открыто, своих целей не скрывали, никаких для себя лично выгод не искали. Ими двигало одно — стремление отвести угрозу от Союза, предотвратить наступление еще более опасных, кризисных явлений, свидетелями которых мы сейчас являемся, причем куда в больших масштабах, чем можно было предположить.

Именно Вы последовательно вели дело к развалу Союза, все Ваши действия лишь подтверждают это. А в «Матросской тишине» оказались как раз те, кто всегда выступал за сохранение Союза в соответствии с волей народа, выраженной на референдуме 17 марта, и никем тогда еще не отмененными Конституцией СССР и Союзным договором от 1922 года. Выступление 19—21 августа 1991 года, создание ГКЧП были криком души, отчаянной попыткой спасти Союз, тот самый, по которому Вы сегодня льете крокодиловы слезы и для которого Вы сами же с таким завидным упорством рыли могилу, а затем справили похоронный ритуал в виде создания СНГ.

Осуждений в адрес ГКЧП раздается в избытке, но мало кто обращает внимание на существо документов, принятых им и, кстати, преданных гласности. А ведь все эти документы проникнуты заботой

о сохранении Союза, Конституции СССР, в них есть уважение изменений, происшедших в республиках, в том числе и в России, осуждение тоталитаризма, решительная поддержка демократических преобразований, отстаивание суверенитета, независимости и территориальной целостности нашего государства. Разве в документах ГКЧП не подчеркивалась необходимость защиты прав человека, не высказывалось положительное отношение к предпринимательству, ко всем формам собственности? В них с особой силой говорилось о дружбе народов, о необходимости положить конец межнациональным распрям, вылившимся сегодня в реки крови и человеческих страданий. Причем речь шла не о пустых призывах — ГКЧП обращался к народу с открытой программой первоочередных мер, решительно выступил за наведение порядка, подчеркивая при этом верховенство Закона и Права. Те, кто поднял тогда голос за спасение Союза, Отечества, никакого СНГ за пазухой не держали. Все изложенное выше говорит только об одном — выступление 19—20 августа за Союз не могло быть причиной его развала. Оно было использовано Вами как повод, а точнее предлог для того, чтобы разом покончить с Союзом, Центром, со всеми союзными структурами.

В подтверждение этому небезынтересно будет привести выдержку из показаний И. Силаева на допросе по делу ГКЧП в октябре 1991 года: «Что касается последствий путча, то его провал привел к новому качественному состоянию в стране... Была приостановлена деятельность компартии, прекратили работу руководящие органы КПСС и особенно реакционная РКП. Поэтому можно сказать, что это сыграло свою положительную роль — как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!»

По-моему, выразительнее и не скажешь!

Ответ перед историей за Союз будут держать не те, кто предпринял попытку спасти его, а другие, разрушившие наше могучее и единое Отечество. Среди ответчиков будете и Вы, господин Президент. Я думаю, что Вы очень хорошо понимаете это, поэтому так подчеркнуто и стали вдруг выражать свои сожаления по поводу прекращения существования Союза.

Видимо, и Вы отдаете себе отчет в том, что еще не все беды свалились на нашу Отчизну. Сейчас Россия, образно говоря, оказалась без панциря в виде дружбы народов, былого могущества державы, дееспособного промышленного производства, задействованного огромного научного потенциала. В этих условиях Россия и другие быв-

шие советские республики легко могут стать (и заметьте, уже становятся) добычей определенных внешних и внутренних сил. Россия совсем не та ни по качественному, ни по количественному показателям Вместо 300 миллионов человек — пока ровно половина. Сегодняшняя Россия — истерзанное, больное государство, раздираемое противоречиями, оказавшееся в пропасти кризиса промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, стремительно падающего жизненного уровня. Еще совсем немного — и Россия уже не в состоянии будет защитить себя. В так называемом «ближайшем зарубежье», которое люди моего поколения больше привыкли называть дальним пограничьем, формируется целый пояс государств с недружественными России режимами. А ведь совсем недавно многое выглядело совсем иначе. Более того, со всей ответственностью смею сказать, что в случае реализации мер, объявленных ГКЧП, в стране не было бы новых тысяч убитых, десятков тысяч раненых, сотен тысяч беженцев, которых мы получили после августа прошлого года. Один пример. 16 августа 1991 года в Нагорном Карабахе армянскими боевиками был захвачен 41 советский военнослужащий. Угроза расправы над ними была более чем реальной. Но уже 19 августа в советскую воинскую часть раздался звонок с просьбой не предпринимать каких-либо действий, а в середине дня все они были освобождены. Комментарии, думаю, здесь излишни.

Чем больше Вы, господин Президент, будете искать причины не там, где они в действительности находятся, тем более тяжкими последствиями обернется это для народов бывшего Союза, в том числе и России. Неужели личные амбиции, безудержная жажда власти стоят крови стольких людей, страданий целых народов?! Неужели Вам г-н Президент, ни о чем не говорит опыт других стран — наших недавних друзей и союзников, — которые ввергнуты в пропасть жесточайших междоусобиц и в этот тяжкий для них момент преданы Россией? Но Россией ли?!

Я достаточно хорошо знаю Вас и полагаю, что это письмо не пройдет мне даром. Но мне уже 69-й год, так что жизнь в любом случае уже позади. Оглядываясь назад, могу сказать, что мне нечего стыдиться, сожалеть приходится не о содеянном, а о том, чего не успел или не сумел сделать. К предстоящему суду в личном плане отношусь скорее безразлично: с одной стороны, уверен, что объективное рассмотрение дела ГКЧП все поставит на свои места, а с другой — я не настолько наивен, чтобы рассчитывать сейчас на непредвзятый под-

ход к себе и моим товарищам, знаю истинную цену провозглашенной Вами законности и демократии. Вот и Ваши последние обвинения по адресу узников «Матросской тишины» представляют собой не только глумление над истиной, но и неприкрытое давление в преддверии суда. Вместе с тем меня не может не заботить то, как предстоящий суд отразится на политическом климате в стране. От решения суда по этому делу будет во многом зависеть, победит ли правда или ее постигнет еще одно поражение.

И последнее. Во время богослужения 14 июня в Сергиевой лавре Вы призвали людей к «терпению, смирению и очищению». Народ действительно пока терпит, но это только пока. А что касается смирения и очищения, очень важно, чтобы этот призыв относился ко всем, в том числе и к Вам, особенно в части, касающейся очищения.

Прошу настоящее обращение считать открытым письмом к Вам.

В. Крючков
«Матросская тишина»,
3 июля 1992 г.

ПОКАЗАНИЯ В. А. КРЮЧКОВА В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 30 ноября 1993 года

(Печатается с небольшими сокращениями)

Уважаемый суд!

Я хотел бы дать показания Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации по существу основных пунктов обвинительного заключения Генеральной прокуратуры, в котором мне вменяются деяния, подпадающие под статью 64 пункт «а» и статью 260 пункт «б» УК РСФСР.

Первая из указанных статей говорит об ответственности за измену Родине. Более нелепое обвинение трудно себе даже представить! Ведь вынесено оно людям — я имею в виду не только себя, но и моих товарищей, — которые всю свою жизнь посвятили именно беззаветному служению своему Отечеству и которые в августе 1991 года предприняли попытку защитить и сохранить эту самую Родину, не дать развалить страну, уберечь наш народ от нищеты, унижения и кровопролития!

Не признаю и предъявленного мне обвинения в превышении власти — мой долг в качестве руководителя такого учреждения, как Комитет государственной безопасности

СССР, состоял в том, чтобы охранять безопасность нашей страны, обеспечивать соблюдение законности, в том числе и Основного закона СССР — его Конституции.

Неуклонно проводившаяся определенными силами линия на незаконное, насильственное изменение существовавшего тогда конституционного строя и вынудила меня вместе с товарищами по работе предпринять необходимые меры по пресечению этих противоправных действий.

Действовал я строго в соответствии со своими обязанностями — на основе Конституции СССР в условиях крайней необходимости. Упрекнуть себя могу лишь в том, что нам так и не удалось выполнить свои обязанности и уберечь страну и народ от тех жестоких испытаний, в которые они ввергнуты политическими авантюристами. Осознание этого факта тяжким бременем лежит на душе, заставляет раз за разом мысленно возвращаться в те далекие августовские дни, к тем событиям, которые им предшествовали.

Многое произошло за истекшие почти два с половиной года, но поистине переломных моментов было два: сговор за спиной нашего народа, вопреки ясно выраженной его воле с последующей кульминацией в Беловежской пуще, а затем и его логическое продолжение — недавние сентябрьско-октябрьские события 1993 года. Теперь уже сброшены все маски и каждый может увидеть то, чего мы опасались, о чем предупреждали, хотя и мы не представляли до конца масштабов надвигающейся катастрофы. Тяжело и больно сознавать это, но боюсь, что всю чашу мы еще не испили до дна...

К сожалению, история повторяется, и вот уже на смену процессу ГКЧП-1 подходит (по расхожей ныне терминологии) новый процесс ГКЧП-2. Это отнюдь не ирония судьбы, а логическое продолжение трагических событий, начавшихся задолго до августа 1991 года. Не случаен и тот факт, что на скамье подсудимых оказались и мы, потерпевшие неудачу два с лишним года назад, и те, кто праздновал тогда над нами «победу». Говорю без тени злорадства, напротив, с чувством глубокого сочувствия к тем, кто прозрел, но, к сожалению, слишком поздно, и теперь также обречен испытать на себе не только горечь тюремных лишений, но и глумливую кампанию опьяненных успехом «победителей».

В августе 1991 года группа товарищей в рамках Государственного комитета по чрезвычайному положению выступила на защиту Конституции СССР, против воцарившегося в стране правового беспредела. Спустя немногим более двух лет, а именно 21 сентября с. г., Президент России Ельцин вопреки элементарным нормам права грубо

попрал очередную, теперь уже Российскую конституцию (на которой он, кстати, давал торжественную клятву своему народу) и самолично присвоил себе, по сути дела, всю полноту власти.

В августе 1991 года созданный для спасения страны ГКЧП опирался на высший законодательный орган — Верховный Совет и Съезд народных депутатов СССР, обратился за поддержкой к местным советам — фундаменту существовавшего тогда конституционного строя. В сентябре — октябре 1993-го Ельцин не только разогнал Верховный Совет и Съезд народных депутатов России, но и ликвидировал саму основу народовластия — Советы на местах. Соответствующий опыт уже имелся — вряд ли кто забыл, как в сентябре 1991 года прекратил свое существование Съезд народных депутатов СССР, а спустя три месяца — и Верховный Совет СССР вместе с самим Советским Союзом.

В октябре 1993 года в упор расстреляли не только парламент, но и элементарные права человека, последние ростки пусть даже показной демократии!

Уже разрушено или запрещено все, что стояло на пути к авторитарной власти — нет больше непослушных газет, телерадиопрограмм, неугодных партий, упразднен даже Конституционный суд. Поистине что только не сделаешь ради «торжества демократии»! Не трудно себе представить, что ждет Государственную Думу и Федеральное Собрание, окажись они вдруг такими же непокорными, как и выдвинувший в свое время Ельцина бывший российский парламент!

А ведь все сказанное имеет самое непосредственное отношение к делу ГКЧП — именно в нынешней ситуации можно найти ключ к более глубокому пониманию истинных мотивов нашего августовского выступления. Можно было ошибаться в сроках, не знать имена всех действующих лиц, не предугадать отдельных деталей, но не понимать того, что развитие событий в стране пойдет именно по такому пути, мы — люди, имевшие доступ к обширной информации, — конечно же не могли. Равно как не могли, будучи облеченными доверием и обязанностями перед народом, безучастно смотреть на происходящее, даже не попытавшись исполнить свой долг. Если бы мы сидели сложа руки, тогда это бездействие было бы преступным!

Центральным положением обвинительного заключения считаю предъявление мне и моим товарищам обвинения «...в измене Родине в форме заговора с целью захвата власти и превышении власти...». Тут же утверждается, что привлеченные по делу лица, «не разделявшие позиции Президента СССР в вопросах оценки складывавшейся ситуации в стране, путях и формах дальнейшего осуществления про-

цесса реформ, стремясь сорвать подписание нового Союзного договора, ввести в стране чрезвычайное положение и добиться тем самым изменения государственной политики, встали на путь организации заговора с целью захвата власти».

Для того чтобы ответить на это нелепое обвинение, я должен изложить прежде всего мотивы моих поступков и действий, объяснить, как оценивал я обстановку накануне августа 1991 года, какие цели преследовал.

На многие вопросы ответ уже дала сама действительность, что упрощает мою задачу, а мои пояснения делает более наглядными. Например, в одном из положений предъявленного мне обвинения (в декабре 1991 года) подчеркивалось, что я вместе с другими привлеченными по делу усматривал «опасность распада СССР, дальнейшего ухудшения экономического и социально-политического положения...». Неужели сегодня найдется человек, кто скажет, что такая наша точка зрения была ошибочной? Видимо, поэтому упоминание об этих наших опасениях в последующем варианте обвинительного заключения было уже опущено?

Нет уже Союза Советских Социалистических Республик, и в этом я усматриваю главную нашу трагедию. Причем произошел не распад Союза, а его развал — сознательный, планомерный, преднамеренный и преступный! И истинные виновники тоже известны — их подписи стоят под Беловежскими соглашениями. Впрочем, есть и другие сообщники, их имена ни для кого не составляют тайны.

Итак, нет больше у нас той самой Родины, за «измену» которой нас судит сегодня Военная коллегия Верховного суда совсем уже иного государства, во главе которого весьма символично стоит как раз тот человек, который два года назад вынес приговор Советскому Союзу, и не только вынес, но и привел в исполнение.

Улучшилась ли жизнь наших людей, их социально-политическое положение? И на этот вопрос никто, кроме разве уж самого прожженного и циничного политикана, не сможет сейчас ответить положительно.

Не стало той моей Великой Родины, которую в мире одни уважали, другие боялись, но считались все!

Суду преданы не те, кто развалил Союз, покончил с великой державой, с тысячелетней историей своего становления, развития и укрепления, а те, кто выступил за сохранение Союза, в защиту Конституции СССР, союзных законов в точном соответствии с итогами референдума. В этом суть рассматриваемого.

Августовским событиям 1991 года предшествовал целый период

широкомасштабной политической, пропагандистской, психологической подготовки трагического развала Союза, осуществляемой сознательно и целенаправленно одними, в силу заблуждений и неведения последствий — другими. Уже в 1988—1989 годах в стране воцарилась атмосфера вседозволенности, нарушений законности, которые приобрели опасные, крайние формы экстремизма. Они поразили тяжелым недугом социально-политическую жизнь общества и саму государственность. Разрушительное воздействие определенных сил не только не встречало отпора, но, напротив, находило благодатную почву, и прежде всего у Президента Горбачева и известной части его окружения. Действия экстремистских сил и Горбачева по развалу Союза сошлись, слились в один поток, нашли свое очевидное выражение в проекте Союзного договора, который, несомненно, заключал в себе конец существования Союза. В случае его подписания советские люди получали вместо Союза бумажную фикцию, сплошь состоящую из словоблудия. Не случайно Н. Назарбаев, выступая в сентябре 1991 года на Съезде народных депутатов СССР, сказал, что не стоит обманывать себя — предполагавшийся к подписанию проект Союзного договора был не федеративным, а в лучшем случае конфедеративным.

Стоит посмотреть на Союзный договор под таким углом. Народ спросили, и он высказался за Союз, а затем решили покончить с Советским Союзом, уже не спрашивая народ. Именно так обстояло дело. Вот фактологическая справка. Официально проект договора был опубликован в печати лишь 16 августа. И до подписания не увидел бы света, если бы не произошла утечка, в результате которой он был опубликован 15 августа 1991 года в «Московских новостях». После этого скрыть содержание проекта договора было уже невозможно, да и в политическом и юридическом плане рискованно — речь шла о судьбе целого государства.

Помню буквально шквал вопросов по поводу опубликованного проекта договора. Люди недоумевали, возмущались, говорили, что это конец Союзу. Не слышал ни одной положительной реакции на договор, и было из-за чего. Вместо Союза Советских Социалистических Республик — непонятное образование: Союз Советских Суверенных Государств. Упоминание в тексте слов «федеративные начала» напрочь размывалось всем содержанием и направленностью договора. Союзные законы лишались своего приоритета, федеральные налоги целиком зависели от воли местных органов, союзные республики во внешней политике получали права, которыми раньше обладал центр. Соотношение между центром и союзными республиками в законодательной деятельности настолько было неопределенным, что

лишало центр реальной возможности оказывать сколько-нибудь существенное влияние.

После подписания Союзного договора, на следующий день, 21 августа, планировалось созвать заседание Совета Федерации. Однако за несколько дней до этого Ельцин заявил, что проводить Совет Федерации нет смысла, поскольку Союза уже не будет. И это после подписания договора представителями, как предполагалось, только шести республик.

И еще один важный момент из истории развала Советского Союза. Центр в стремлении сохранить федеральную основу Советского Союза отстаивал систему двухканальных налогов — местные и союзные. Россия выступала за одноканальный налог — республиканский. Горбачев последовательно сдавал позиции и в конце концов в июле 1991 года «сдал» и этот рубеж, не определив даже процентной доли отчисления налогов в центральный бюджет. Это был один из решающих ударов по центру, по федерации. Несмотря на это, Горбачев готов был подписать такой Союзный договор.

В деле имеется заключение специалистов о проекте Союзного договора, в частности по линии Кабинета Министров СССР, и там прямо констатируется, что с заключением Договора Союз практически прекращает свое существование.

И вот в столь тяжелое для страны время у товарищей по работе созрело решение предпринять меры к изменению положения дел, остановить неблагоприятное, кризисное, трагическое развитие обстановки. Среди этих лиц был и я, руководитель Комитета госбезопасности СССР. Дело здесь не в том, что председатель КГБ пошел на это только из-за того, что разделял их взгляды и озабоченность или был в близких личных отношениях с ними. Со всеми у меня были обычные служебные отношения. Некоторых я знал очень мало, например Александра Ивановича Тизякова. С Василием Александровичем Стародубцевым, к сожалению, вообще не был тогда даже знаком — впервые встретился с ним на заседании ГКЧП 19 августа 1991 года. Главное в другом, что мне особенно хотелось бы отметить.

Благодаря своему служебному положению я располагал достаточно широкой информацией о ситуации в стране, анализом перспектив ее развития. Информация поступала от отечественных источников, было немало важных, достаточно глубоких аналитических материалов, которые направлялись в КГБ советскими научно-исследовательскими институтами. Поступали представляющие большой интерес зарубежные материалы. Ценность последних в том, что они готовились не для нас, а для внутреннего использования в тех или иных

странах. Да многое было на виду, люди стали ощущать неблагоприятные перемены на себе.

Из всего этого потока информации, как внутренней, так и внешней, следовало, что Советский Союз на пороге трагических событий, тяжелейших потрясений: развал Союза, обвальное падение промышленного и сельскохозяйственного производства, резкое снижение жизненного уровня, острая нехватка продуктов питания, а в иных регионах страны просто полуголодное существование значительных масс населения. Кризис грозил охватить практически все сферы экономики. При этом страна располагала ресурсами, позволяющими прожить и даже обеспечить развитие, однако при условии политической и экономической стабильности, гражданской ответственности и дисциплине и главное — при политическом курсе, отвечающем интересам и особенностям Советского Союза.

В случае распада Союза нетрудно было предвидеть неминуемое взрывное обострение межнациональных отношений с кровавыми конфликтами, а точнее говоря, гражданские войны, которые не обойдут стороной и территорию России. И никто не может исключить того, что региональные и гражданские войны послужат прологом к общей междоусобице в масштабах всего Советского государства.

Поступала также информация о том, что после распада Союза начнется массированное давление извне на отдельные территории Советского Союза для установления в них иностранного влияния с далеко идущими целями.

Потоком шли сведения о глубоко настораживающих замыслах в некоторых странах, и прежде всего в США, в отношении нашего государства. Так, по некоторым из них, население Советского Союза якобы чрезмерно велико и его следовало бы разными путями сократить. Производились даже соответствующие расчеты. По этим расчетам население Советского Союза целесообразно было бы сократить до 150—160 миллионов человек. Определялся срок — в течение 25—30 лет. Территория нашей страны, ее недра и другие богатства в рамках «общечеловеческих ценностей» должны стать общим достоянием определенных стран мира. То есть мы должны как бы поделиться этими «общечеловеческими ценностями».

Обратите внимание на срок — он говорит о продуманной, рассчитанной на длительную перспективу политике, стержень которой — геноцид.

С развалом Союза, ослаблением России и других союзных республик, как считалось в определенных иностранных кругах, возникнет реальная возможность «решить» территориальный вопрос и «воз-

вратить» соседним государствам территории, перешедшие в разное время под юрисдикцию Российского и Советского государства.

В связи с усиливающейся нестабильностью в Советском Союзе в Соединенных Штатах Америки в рамках НАТО была начала разработка плана вооруженного контроля над советскими ядерными запасами. По мысли авторов этого плана, наличие в Советском Союзе большого количества ядерного оружия в случае серьезной нестабильности в стране может представлять опасность для мира, и поэтому следует установить прямой контроль над ядерным потенциалом с помощью и под флагом вооруженных сил Организации Объединенных Наций.

По тем же замыслам после распада Союза на отдельные государства и получения советскими республиками значительной самостоятельности НАТО приступает к налаживанию с ними отношений по всем направлениям и всемерно стимулирует процессы обретения ими полной независимости. Между натовскими странами определяются сферы влияния с учетом географического, национального, регионального и экономического факторов.

Вспомните начало 1992 года. С какой поспешностью государственный секретарь США Бейкер объезжал столицы бывших союзных республик, ставших независимыми государствами. С какой быстротой признавались они, устанавливались с ними дипломатические и иные отношения. Для США и некоторых других стран важно было закрепить новую ситуацию на территории Советского Союза и сделать его развал необратимым.

Докладывалось ли все это высшему руководству страны? Регулярно, объективно, в полном объеме! К сожалению, несмотря на жизненно важное значение этих проблем, адекватных ответов и реакции, соответствующих выводов со стороны Президента Союза не следовало. Все шло, катилось, словно рок судьбы, вниз, в пропасть. А на каких-то рубежах надо и можно было остановить этот роковой процесс, сказать людям всю правду и начать выправлять ситуацию. Важно было опираться на Конституцию, но она демонстративно игнорировалась и Президентом Союза, и в ряде союзных республик.

Информация докладывалась руководству и письменно, и устно. Один из примеров. В июне 1991 года от зарубежного источника была получена информация о том, что на Украине идет подготовка к введению строгого режима на границе с Россией, в том числе усиленного таможенного контроля. Называлось даже точное число пунктов таможенной проверки. Были получены достоверные данные о размещении украинским руководством в одной из западных стран заказа на печа-

тание собственной национальной валюты — о количестве денежных знаков, сроках выполнения, стоимости изготовления. Информация была перепроверена здесь, в Союзе, и нашла подтверждение. Было очевидно — к Союзному договору Украина шла своеобразно. В то время она была органической частью Союза, и у КГБ имелись все основания не проходить мимо полученных сведений.

Я доложил эту информацию Горбачеву. В ответ — раздумья, сомнения, неужели Киев пойдет на это? Горбачев предлагает мне поставить об этом в известность Президента России Б. Ельцина. Возможно, по словам Горбачева, Ельцин предпримет меры по противодействию этому, поскольку, мол, затрагиваются интересы России. В то время контакты между Россией и Украиной, а точнее между руководством этих республик, были действительно активными. Мне показалось по разговору с Ельциным, что он подошел к информации серьезно. Условились даже подумать над дополнительной проверкой, использованием полученной информации и возможными шагами.

Однако спустя всего пару часов мне позвонил тогдашний премьер-министр РСФСР Силаев и с укоризной сообщил, что по поручению Ельцина он переговорил с премьером Украины В. Фокиным по существу переданной мною информации о таможенном контроле на границе с Россией и печатании за рубежом украинских денег, и что последний не подтвердил ее, более того, мол, заявил: ни у кого из украинского руководства и в мыслях таких намерений нет. Мне стало ясно, что в Москве и Киеве решили спустить на тормозах столь деликатный вопрос, замять его.

Последующие события подтвердили достоверность информации: план по созданию таможенных постов на украинско-российской границе разрабатывался вовсю, переговоры по размещению заказа на печатание украинских денег проходили с двумя западными странами. Россия и Украина шли к независимости вне Союза. Лицемерие Горбачева и российского руководства в этом вопросе было очевидно.

В 1992 году в российской печати появилось примечательное сообщение о том, что еще в 1990 году украинское руководство доверительно проинформировало Будапешт о намерении Украины выйти из состава Советского Союза. Произошло это во время посещения Киева венгерской делегацией во главе с Президентом Генцем. Новость была настолько ошеломляющей, что венгры отнеслись к ней с недоверием и поэтому воздержались от мысли поставить об этом в известность Горбачева. Но последующее развитие событий подтвердило достоверность полученных сведений, о чем заместитель министра иностранных дел Венгрии рассказал спустя два года.

Ситуация давила на меня тяжелым грузом, угнетала. Многие мои товарищи по работе также понимали, куда мы идем, какая трагедия ждет наше государство.

Как председатель Комитета госбезопасности, я откровенно рассказал о положении страны в своем выступлении на сессии Верховного Совета СССР в июне 1991 года — 17 и 18 числа. Доложил Верховному Совету об иллюзорности расчетов на получение солидных иностранных кредитов и тем более безвозмездной помощи. Дело в том, что Горбачев часто упирал на возможность и даже готовность Запада предоставить нам на выгодных условиях кредиты на внушительные суммы — до 100, 200 и даже 300 миллиардов долларов. По линии же разведки поступали совершенно иные сведения: США и другие страны не собирались предоставлять нам кредиты даже на значительно меньшие суммы. Во-первых, у них не было и нет желания делать это, во-вторых, они не располагают столь огромными свободными средствами, в-третьих, они вовсе не считают себя обязанными нести такие расходы, тратить такие деньги ни по моральным, ни тем более политическим соображениям.

Мне казалось, что выступления на упомянутой сессии Верховного Совета СССР Язова, Пуго и мое, а несколькими днями раньше Павлова, оказали свое воздействие на депутатов. Во всяком случае, судя по вопросам, по реакции зала, депутаты задумались. После моего выступления ко мне подходили многие из них, выражали свое согласие с информацией, разделяли тревожные оценки и сетовали на то, что с такой политикой Президента трудно будет выйти из кризиса. Однако надо заметить, что это было всего лишь роптание, а не громкий голос тревоги и готовности принять необходимые меры.

Уже после августовских событий для меня стала очевидной ошибка в проведении сессии Верховного Совета СССР в июне 1991 года закрытого характера с выступлением Язова, Пуго и моим. Мы напрасно согласились с тем, чтобы провести закрытое заседание в интересах более откровенного изложения нашей оценки обстановки в стране. В итоге это позволило Горбачеву не обратить должного внимания на острейшую критику положения в Советском Союзе и на упреждающие трагические прогнозы. Не могу сказать, что кто-то вынуждал нас пойти на закрытый характер обсуждения. Во всяком случае, у А. И. Лукьянова как председателя Верховного Совета также были на этот счет раздумья и сомнения.

Что касается опасений ГКЧП относительно дальнейшего ухуд-

шения экономического и социально-политического положения страны, то по этому вопросу, пожалуй, нет смысла особо распространяться — оно для всех очевидно.

В заявлении глав государств Белоруссии, РСФСР и Украины в декабре 1991 года содержится заслуживающая внимания оценка положения в стране: «...национальная политика центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев общества».

Эта оценка куда острее, чем соответствующая констатация в документах ГКЧП.

Но, на мой взгляд, примечательнее другое. С августа 1991 года положение в Советском Союзе, в том числе в России, постоянно ухудшалось. После Беловежских соглашений и развала Союза оно стало обвальным по всем параметрам, кризис охватил все общество и государство. Именно это тяжелейшее положение хотелось исправить, предупредить еще более трагическое развитие событий, удержать государство от скатывания в пропасть.

Итак, чего я опасался больше всего, о чем как председатель Комитета госбезопасности информировал, предупреждал Горбачева, говорил на закрытом заседании Верховного Совета СССР, случилось. Не стало Союза, Россия и другие бывшие союзные республики охвачены глубоким социально-политическим и экономическим кризисом, разгорелись кровавые межнациональные конфликты, они обрели характер гражданских войн, спокойные границы дружбы и сотрудничества между национально-территориальными образованиями на ряде участков превратились в огнедышащую фронтовую линию, районы боевых столкновений. О какой демократии может идти речь, если жизнь человека превратили в ничто? На многих территориях бывшего Союза, ныне ставших самостоятельными государствами, беспрепятственно расширяют свое влияние и позиции западные и иные страны, а руководство России из-за слабости государства или скорее по другим зловещим причинам не только допускает, но даже поощряет это.

Само августовское выступление было попыткой максимально возможными мягкими средствами остановить разрушение страны. Во всех документах ГКЧП сквозил призыв к согласию, примирению, спокойствию, недопущению экстремизма с любого направления. Подтверждалось действие никем не отмененной Конституции Союза ССР, итогов мартовского 1991 года всенародного референдума, ста-

вилась цель восстановить законность в интересах стабильности в стране.

Парадоксально, что выступления в защиту Конституции, законности, территориальной целостности, общественно-политического строя расценивается как преступление, и более того, как измена Родине. У наших и зарубежных юристов будет повод поражаться правовой несостоятельности такой квалификации.

Действия ГКЧП не были направлены против интересов республик, населявших их народов. Их национальные чувства ничем не были задеты, ущемлены. Объявлялось о готовности решительно защитить достоинство человека любой национальности, где бы он ни находился. Во всех документах ГКЧП подчеркивалась недопустимость тоталитаризма в любых формах его проявления. Мы знали, насколько это явление опасно, и сейчас граждане России испытывают всю его тяжесть на себе.

Прежде чем приступить к пояснениям по другим пунктам обвинительного заключения, хотел бы особо подчеркнуть полную необоснованность и незаконность привлечения к уголовной ответственности бывших моих подчиненных: Юрия Сергеевича Плеханова, Вячеслава Владимировича Генералова. Считаю нужным, как и на предварительном следствии, еще раз со всей решительностью заявить, что они не имели отношения к так называемому заговору. Если я не признаю себя виновным по предъявленному мне обвинению, то говорить об их ответственности вообще нет никаких оснований. Ни в какие мероприятия, разрабатывавшиеся по линии ГКЧП, они не были посвящены. Положение подчиненного в системе вооруженных сил накладывает свой отпечаток, они выполняли мои указания как старшего должностного лица. Даже просьба руководителя равнозначна указанию и именно так воспринимается. Всю полноту ответственности за действия Комитета госбезопасности и его сотрудников должен нести один я, как его руководитель.

Теперь по существу отдельных пунктов обвинения.

По поводу прослушивания телефонов отдельных руководителей России 19—20 августа 1991 года.

В середине августа 1991 года я дал указание установить телефонный контроль в отношении следующих лиц: Ельцина, Бурбулиса, Хасбулатова, Силаева. Я пояснил, что контроль за этими лицами нужен для получения информации об их передвижениях, месте нахождения. Время начала контроля должно быть определено дополнительно. Были взяты также на контроль 19—20 августа телефоны Янаева и

Лукьянова. Цель — фиксировать возможные угрозы, шантаж, провокации в их адрес.

Считаю нужным сделать некоторые пояснения к вопросу о телефонном контроле. Вопрос о праве КГБ СССР на прослушивание — один из самых сложных. Когда в октябре 1988 года я возглавил Комитет госбезопасности, то стал более углубленно интересоваться правовой базой телефонного контроля. Нормативную основу составляли тогда документы, относящиеся к 1979 году. Это был приказ председателя КГБ, который регламентировал порядок осуществления этой работы. Я стал предпринимать все возможные усилия к тому, чтобы был принят общий законодательный акт об органах безопасности — «Закон о КГБ». И как известно, этот закон был принят Верховным Советом СССР 16 мая 1991 года. Он назывался: «Закон об органах государственной безопасности в СССР». К нему мы шли более двух лет. Впервые в истории КГБ получил законодательным образом принятый правовой документ для своей деятельности.

Решения о «прослушивании» принимались на уровне руководителей органов. Что же касается лиц, занимавших определенные должности, к примеру депутаты СССР, РСФСР, то в подобных случаях руководитель КГБ не позволял себе отдавать команду «на прослушивание», не получив прямого указания или согласия от руководителя государства. Лично я такие указания получал от Президента СССР. Конечно, они вызывались определенными обстоятельствами: сигналами о подготовке всякого рода экстремистских акций, призывами к неповиновению и тому подобное. Такие указания я обязан был выполнять.

Полученная таким путем информация направлялась мною лично М. Горбачеву непосредственно или же через руководителя аппарата Президента.

В печати приводится немало небылиц из области слухового контроля, что стоит пояснить хотя бы одним примером.

Так, в средствах массовой информации появилось сообщение о том, что КГБ прослушивал встречу Горбачева, Ельцина и Назарбаева 29 июля 1991 года в Ново-Огареве, что под Москвой. В связи с этим я обратился к Генеральному прокурору России с опровержением и требованием проверить эту информацию, возбудить уголовное дело. Генеральная прокуратура осуществила проверку и официально сообщила мне, что информация о прослушивании не получила подтверждения, о чем было даже помещено сообщение в печати. А тем временем эта ложь обыгрывалась в средствах массовой информации в негативном для меня и моих товарищей плане.

Более того, в показаниях Горбачева и Ельцина следствию заявляется о том, что во время упомянутой встречи в Ново-Огареве обсуждался вопрос о возможной отставке Павлова, Язова, Крючкова и других после подписания нового Союзного договора. Содержится намек, что, узнав об этом путем прослушивания КГБ, указанные лица и решились на августовское выступление. Это клеветническое утверждение порождало другое.

В обвинении, предъявленном мне в декабре 1991 года, утверждалось, что в подписании Союзного договора я усматривал «угрозу личному благополучию». Правда, из последнего варианта постановления о привлечении меня в качестве обвиняемого этот пункт уже выпал. Тем не менее для суда я хотел бы сделать некоторые пояснения.

За «место» председателя КГБ в «обывательском» смысле слова я не держался. В процессе изнурительной ежедневной многочасовой работы на протяжении долгих лет организм быстро изнашивался. С момента назначения председателем КГБ СССР (октябрь 1988 года) я ни разу не использовал полностью ежегодный отпуск. В 1990—1991 годах дважды обращался к Президенту СССР с просьбой об освобождении от должности и уходе на пенсию, но каждый раз мне предлагали поработать еще.

Подписание Союзного договора 20 августа 1991 года лично для меня, как председателя КГБ СССР, ничего в материальном отношении не меняло. В соответствии с проектом Договора Комитет госбезопасности СССР продолжал бы свое существование, а моя кандидатура, насколько мне было известно, никем не оспаривалась.

Так что угрозы для моего «личного благополучия», если это можно вообще назвать благополучием, подписание договора не представляло. Моим участием в августовском выступлении двигало другое — верность государственному долгу, тревога за судьбу государства и народа.

Что касается моего указания сотрудникам КГБ в августе 1991 года подготовить аналитические материалы на случай введения чрезвычайного положения, то, на мой взгляд, заслуживает внимания следующее обстоятельство.

В связи с постоянно обострявшейся обстановкой в стране Президент Горбачев неоднократно давал указания о подготовке соответствующих документов на случай, если придется принимать меры. Такие документы, анализы, прогнозы, предложения готовились сотрудниками КГБ, МО, МВД, согласовывались в аппаратах Совета Министров, Верховного Совета СССР. В 1990—1991 годах это стало обычной практикой. Поэтому для сотрудников КГБ в этом поручении ни-

чего необычного не было. Наработанные ранее материалы были действительно использованы при подготовке документов ГКЧП. Проекты обращения к народу, к другим странам и международным организациям, конкретные мероприятия политического и социально-экономического характера на случай введения чрезвычайного положения или каких-либо иных мер были предметом неоднократных докладов бывшему Президенту и обсуждений у него. Так что документация была практически готова, и поэтому не случайно во время обыска она была изъята в аппарате Президента СССР.

Вопрос о так называемой изоляции Горбачева в Форосе требует пояснений. Это, пожалуй, тот момент, о котором по прошествии более двух лет думаешь со смешанными чувствами. Не было изоляции Горбачева. Хотя в то время нужно было бы ставить вопрос не только об изоляции, но и об отрешении его от должности и привлечении к ответственности.

К августу 1991 года межнациональные конфликты окрасились кровью и неисчислимыми бедами, союзные республики перессорились с центром и между собой, экономику поразили резкое падение производства и другие кризисные явления, все сильнее наносились удары по Союзу, исчезли с международной арены Организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи. Советский Союз остался без друзей. Великая держава лишилась своего огромного золотого запаса, выклянчивала помощь, подачки, кредиты, в то время как шел грабеж ее сырьевых ресурсов, промышленной продукции. Нависла угроза территориальной целостности страны. Волей Горбачева и Шеварднадзе Соединенным Штатам были подарены 51 тысяча квадратных километров морского шельфа в Беринговом проливе.

Разве все это и кое-что другое не основание для соответствующей постановки вопроса об отставке Президента? Но в то время, например у меня, были еще какие-то иллюзии, сомнения, думали об имидже М. Горбачева, хотя к тому времени он уже был дутым.

Тогда, в августе 1991 года, ограничились отключением телефонной связи, чтобы без Горбачева попытаться спасти Союз, сохранить державу. Команду на отключение связи дал я.

Наше августовское выступление не руководствовалось путчевой идеологией. Мы стремились найти выход из создавшегося положения, причем наиболее мягкий, хотя обстановка требовала и более жестких мер. Эти меры неоднократно обсуждались с Горбачевым. В конце концов просматривались четыре варианта возможных чрезвычайных мер: объявление чрезвычайного положения в Москве, чрезвы-

чайного положения по Союзу, в отдельных регионах страны или введение президентского правления в целом по стране или в отдельных республиках.

Именно обсудить этот вопрос и направилась в Форос группа товарищей. Из всех указанных выше четырех вариантов был выбран наиболее ограниченный — введение чрезвычайного положения в Москве.

Горбачев отлично знал, что решение о введении чрезвычайного положения в Москве должно быть рассмотрено на Верховном Совете. В случае одобрения Горбачев через несколько дней возвращается в Москву и возглавляет работу по реализации мер, связанных с режимом чрезвычайного положения. Так называемая болезнь Горбачева позволяла ему как бы остаться в стороне и сохранить свой имидж, прежде всего в международном плане. В случае отклонения Верховным Советом решения о чрезвычайном положении Горбачев также не оставался бы в накладе. К сожалению, дело до обсуждения в Верховном Совете не дошло.

Отключение связи позволяло остаться в стороне, что он использовал для самоизоляции.

Предательство интересов государства было совершено бывшим Президентом СССР Горбачевым, расплачивается же за его антиконституционные деяния подавляющее большинство народа.

Сейчас, когда наша страна переживает тяжелейшую трагедию в своей истории, перед памятью погибших, перед горем и страданиями покалеченных, беженцев, изгоев я очень сожалению о том, что не были приняты меры по строгой изоляции тогдашнего Президента СССР и постановке перед бывшим законодательным органом страны вопроса об отрешении Горбачева от поста Президента и привлечении его к ответственности. В этом я чувствую свою вину перед народом и не думаю, что мои товарищи по делу настроены по-иному.

Тогда была уверенность в том, что Верховный Совет, а затем Съезд народных депутатов СССР одобрят чрезвычайные меры как единственную и последнюю возможность спасти Союз от гибели.

Кстати, важно учитывать одну особенность Горбачева, сугубо личную, но значимую. По всем возникающим сложным вопросам он никогда не говорит четко «да» или «нет», и поэтому очень трудно определить, какова же его истинная позиция. Так вышло и на сей раз. У меня сложилось впечатление, что товарищи, вернувшиеся из Фороса, были едины в одном: Горбачев, по сути, дал добро и каких-то шагов против введения чрезвычайного положения предпринимать не будет. Так оно в общем-то и обстояло в последующие дни.

Теперь по так называемой операции по Дому Советов РСФСР.

В обвинении утверждается: «Расценивая ситуацию вокруг здания Верховного Совета РСФСР как прямую угрозу заговору, Крючков поручил своему заместителю Агееву Г. Е. совместно с Министерством обороны СССР и МВД СССР разработать боевую операцию по захвату здания и задержанию руководства России... 20 августа на очередном заседании ГКЧП Крючков внес предложение о применении силы для захвата здания Дома Советов РСФСР».

Тут все не соответствует действительности! Что же было на самом деле?

К 20 августа 1991 года поступила информация о том, что у Дома Советов наблюдается скопление людей. В самом Доме Советов и около него собралось большое число (несколько сотен) вооруженных лиц. Кто они — было не совсем ясно. Это могли быть и охранники различных политических структур, собственная охрана Дома Советов, различные лица, имеющие оружие, но находившиеся не при исполнении служебных обязанностей. Нельзя было исключать, что в числе этих лиц находились и такие, которые незаконно имели при себе оружие. Слишком много оружия в последнее время стало появляться по различным причинам просто у уголовников. Здесь же у Дома Советов бронетехника и солдаты, возле них большое число людей. Хотел бы заметить, что со стороны военных никаких помех для входа в Дом Советов и выхода из него не чинилось. Так что и людей было много, и движение было активным в обоих направлениях.

Беспрепятственный режим передвижения вокруг Дома Советов сохранялся все время, то есть на протяжении двух дней. Пуго мне рассказывал, что милиция никаких ограничений не вводила.

Сейчас, по прошествии времени, легко говорить о том, что у Дома Советов РСФСР проходило «братание» солдат и населения. Действительно, вражды не было. Солдаты проявляли выдержку, никакого повода для обострения не давали. И очень хорошо, что ничего не произошло.

Но 20 августа ситуация выглядела по поступающей информации иначе. У Дома Советов все время выступали ораторы, призывали к «разгрому ГКЧП», к насилию по отношению к тем, кто поддерживает его, и т. п. Не обвиняю этих ораторов. Многие из них исходили наверняка из собственных ложных представлений о гэкачепистах, из того, что они вот-вот пустят в ход оружие, «пойдут убивать людей». В такой обстановке могли произойти беспорядки, события выйти из-под контроля, а по опыту известно, во что это может вылиться. К тому же ко мне поступала информация о выстрелах в районе «Белого

дома». Поэтому при таких обстоятельствах, думается, вполне логично, что руководители трех ведомств, прежде всего отвечающих за безопасность, — МО, МВД, КГБ — решили проработать вопрос о том, что при тяжелом развитии событий может возникнуть необходимость как минимум принять меры к разоружению лиц, находившихся в Доме Советов и около него. Поэтому Язов, Пуго и я поручили своим подчиненным подумать над тем, как можно было бы в случае необходимости с наименьшими издержками произвести это разоружение. От КГБ я поручил заниматься этим вопросом первому заместителю председателя Комитета Агееву Г. Е. При этом было оговорено, более того, подчеркнуто, что это лишь проработка возможного вынужденного шага и его реализация может начаться исключительно по соответствующей команде, которой, как известно, отдано не было.

От самой идеи возможной операции по Дому Советов отказались уже вечером 20 августа, и, следовательно, о разоружении и возможном задержании находившихся там лиц не могло быть и речи. Технически операцию можно было бы провести, причем отнюдь не таким варварским способом, как это сделали в октябре 1993 года.

О каком-либо отказе исполнителей от проведения операции я не слышал и не мог слышать, потому что не было команды на ее осуществление. Для того чтобы отказаться от выполнения команды, нужно как минимум получить ее. В подтверждение этого еще один довод. Подразделения МВД, МО и КГБ, которые могли быть задействованы в возможной операции, оставались в местах дислокации и команды к каким-либо действиям не получали.

Хочу подчеркнуть также, что к изучению варианта разоружения не имели отношения другие привлеченные по делу лица, в том числе Лукьянов, Янаев, Стародубцев, Тизяков, Шенин, Бакланов, Болдин, Плеханов и, разумеется, Генералов. Эта возможность в самых общих чертах обсуждалась между руководителями трех ведомств: Язовым, Пуго и мною. Конечно, на такую акцию, если бы вопрос о ее проведении встал реально, мы одни не пошли бы. Это ясно! Она была бы предметом обсуждения на ГКЧП.

20 августа вечером, часов в 18 — 19, в связи с появившимися слухами о «штурме «Белого дома» у меня состоялся разговор с Янаевым, а также с Пуго, Язовым и в ходе него еще раз было подтверждено, что никакой операции не будет.

Об этом я сказал в разговоре по телефону с Силаевым вечером 20 августа, где-то часов в 18. Позже, уже в час-два в ночь на 21 августа, у меня были разговоры с Бурбулисом, Ельциным, в ходе которых я говорил, что никакой операции по «Белому дому» не будет. Этой же

ночью ко мне в КГБ прибыли Варенников, Ачалов, Громов. Со всей определенностью было еще раз подтверждено, что никакой операции по Дому Советов не будет. Не помню, чтобы кто-либо настаивал на ее проведении. «Операция» по Дому Советов РСФСР была, таким образом, не более чем изучаемым вариантом действий в связи с возникшими опасениями по поводу возможных непредсказуемых действий со стороны находившихся там вооруженных лиц, и таковым вариантом осталась.

Каких только небылиц не появилось вокруг истории о так называемом штурме «Белого дома». Президент России, например, недавно утверждал, что в августе 1991 года было предпринято восемь попыток «штурма». Неужели Генеральная прокуратура была столь неточна в информировании Президента?

В обвинении сказано (правда, как-то вскользь), что осуществлялась разработка мер по изоляции ряда лиц, «в том числе Президента России Б. Н. Ельцина». Плана, намерения по проведению операции с целью задержания Ельцина не существовало. Считаю это утверждение ложным.

Что же касается «продолжения борьбы» за удержание власти с использованием воинских подразделений, на котором я (и еще кто-то) якобы настаивал 21 августа в Министерстве обороны СССР, то это просто абсурд. В Министерстве обороны я и другие товарищи были примерно с 10.30 до 11.30 21 августа, то есть после заседания коллегии МО СССР, которая приняла решение о выводе воинских подразделений из Москвы. Об этом нам, прибывшим в Министерство обороны, сразу же сказал Язов. Надо сказать, что Язов человек самостоятельный и воздействовать на него было бы просто невозможно. Никто из приехавших в Министерство обороны против вывода войск не возражал. К тому часу ГКЧП прекратил свою деятельность. Речь шла о том, чтобы вопросы решать исключительно политическим путем. По ночным событиям было видно, что есть силы, готовые пойти на кровопролитие, мы же с самого начала решили не допустить этого и остановиться на любой стадии, если такая опасность появится. Тут же договорились вылететь в Форос к Горбачеву, там обсудить ситуацию и попытаться убедить его в том, что страна на краю гибели.

Хочу также отметить, что через день-два после объявления чрезвычайного положения стало очевидно, что такая мера, как введение в Москву воинских подразделений МО СССР, была излишней. Хорошо известно, что, несмотря на все призывы, Москва продолжала работать, забастовки и тем более всеобщая политическая стачка не нача-

лись. Работали предприятия, транспорт, магазины. Необходимости в присутствии войск на улицах Москвы не было. Но в те дни в ГКЧП не возникало возражений против того, чтобы воинские части разместились в некоторых районах столицы.

Свежи были в памяти события 28 марта 1991 года, когда присутствие частей Министерства обороны СССР стабилизировало обстановку и многочисленные демонстрации граждан закончились без кровопролития.

Да, мы понимали, отдавали себе отчет в том, что без принятия чрезвычайных мер страна пойдет по кровавому пути, по пути межнациональных, этнических, пограничных конфликтов, экономических блокад, разрушения территориальной целостности, унижения достоинства и прав человека. Но, видимо, такова логика — дорога к прозрению народа лежит через лишения и страдания.

Считаю, что не выдерживает никакой критики такая квалификация моих действий, как измена Родине, в какую бы форму это обвинение ни облекалось. На мой взгляд, между понятием «измена Родине» по действующему законодательству и толкованием этого состава преступления Генеральной прокуратурой, Степанковым и Лисовым, ничего общего нет.

Прежде всего у меня и, я знаю, у моих товарищей, не было и тени умысла, намерения изменить Родине, то есть напрочь отсутствует субъективная сторона такого преступления. Мною двигало вытекавшее из должностного положения и гражданских позиций стремление остановить разрушительные процессы, сохранить государство. Это стремление в полной мере соответствовало законно выраженной воле народа, которая обязательна для всех. В этой связи нелишне еще раз напомнить содержание вопроса, вынесенного на референдум:

«Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной Федерации равноправных суверенных республик, в котором будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

Большинство населения страны проголосовало «за». Разве документы ГКЧП противоречили по своей сути и направленности итогам референдума?

ГКЧП в своих помыслах и действиях не покушался на общественный и государственный строй, напротив, защищал его. Вопрос о строе — компетенция высших законодательных органов.

Ни одно положение в документах ГКЧП не нарушало основ советской государственности, административного устройства, вертикальных и горизонтальных структур государства, системы правоохра-

нительных органов. Я уже не говорю о том, что по официальным комментариям, разъяснениям диспозиции статьи 64 УК, непременным элементом предусмотренного ею состава преступления является связь с иностранным государством, чего в действии ГКЧП нет. Напротив, цели ГКЧП пронизаны стремлением уберечь страну от разрушительного воздействия и посягательств извне. Даже в чисто человеческом аспекте невозможно понять, как бескорыстные, благие намерения, стремление защитить страну от разрушения могут расцениваться как измена Родине. Вряд ли кто может заподозрить такую газету, как «Известия», в симпатиях гэкачепистам, и тем не менее на ее страницах отмечалось, что обвинить привлеченных по делу ГКЧП лиц в измене Родине — это пытаться доказать недоказуемое.

Наше августовское выступление, возможно, было шагом отчаяния в попытке остановить катастрофическое развитие. В надвигавшемся распаде Союза виделась самая большая невосполнимая потеря для советских народов. Разве все последующие события и сегодняшнее положение не доказательство этому? Но в августе 1991 года одни четко видели, куда катится страна, другие не представляли или не хотели верить этому. Были и силы, которые сознательно вели государство по пути развала. В частных обсуждениях и открыто они настойчиво проводили мысль о неизбежности распада Союза на самостоятельные государственные образования, называлось даже их число, до пятидесяти.

А ведь развал Союза не был фатально неизбежным. В основе прекращения его существования в большей части лежат не объективные, а субъективные факторы. Распад Советского Союза произошел не в русле закономерного мирового развития на современном этапе. Веление времени — это интеграция. Этот процесс естественен. Ему всячески содействуют, стремятся извлечь выгоду, сыграть на нем. В Советском же Союзе, а сейчас в России пошли вопреки этому. Сюда следует добавить иррациональную политику шоковой терапии в экономике. Результаты налицо: разрушение вертикальных и горизонтальных связей, крах народного хозяйства, резкое падение жизненного уровня народа. Ни одна часть бывшего Советского Союза не выиграла, но в проигрыше оказались все. Что это, следствие ошибок или сознательной, целеустремленной деятельности?

Сегодня для каждого очевидно — и у нас дома, и за рубежом, — что беловежский сговор в декабре 1991 года — это похороны Советского Союза. А для того чтобы самортизировать впечатление от него, вдохновители пошли еще на один обман народа, включив в Беловежские соглашения о создании Содружества Независимых Государств

до восьми федеративных начал — общая граница и таможня, единое экономическое пространство, единая финансовая система и т. п.

Развалив Союз, взялись за развал России. Все подчиняется одной цели — смене одного общественного строя другим. Вместо социализма — капитализм. При этом режим не считается с ценой, а она немалая — права, достоинство, благополучие, жизнь и безопасность целого народа.

Хотел бы остановиться на субъективной стороне обвинения «в захвате власти». Считаю, что это обвинение ни на чем не основано, оно надуманное, лишенное смысла, логики. Ни я лично, ни другие лица, связанные с ГКЧП, к власти, тем более к захвату ее не стремились. Все были свидетелями, когда Янаев 19 августа вечером в Кремле говорил, что идет на исполнение обязанностей Президента СССР ради спасения Родины. Он даже обозначил срок «на 3 — 4 дня до Верховного Совета». Власти достаточно было у всех. Назначение Янаева и. о. Президента носило временный характер — до сессии Верховного Совета СССР. Всеми двигали не карьеристские, а совсем иные мотивы, проникнутые интересами государства.

Проект Союзного договора, процедура его подписания и вступления в силу были актами откровенно антиконституционными, противоречили действовавшим тогда союзным законам. Союз разваливался действиями узкой группы лиц, не имевших на то полномочий, более того, вопреки законно выраженной воле народов. Как же можно обвинять в антиконституционных действиях тех, кто выступил против подобных нарушений?

Для тех, кто развалил Союз, а сейчас разваливает Россию, кто довел экономику страны до глубокого кризиса, а бóльшую часть населения до нищенского или полунищенского состояния, слова о долге перед Родиной, видимо, кажутся смешными, наивными, уму непостижимыми. Но тем, кому был дорог Советский Союз, кто видел в нем связь времен, бесценный результат труда и борьбы, неисчислимых жертв и лишений, смысл жизни многих поколений, для кого верность гражданскому патриотическому долгу значат все, тем наш поступок понятен.

В отношении предъявленного обвинения в «заговоре с целью захвата власти» важен еще один аспект. В соответствии с действовавшей Конституцией СССР и Конституцией РСФСР власть осуществляется народом посредством Советов народных депутатов либо непосредственно путем проведения референдумов. Высшим органом власти являются съезды народных депутатов страны или республики соответственно. Таким образом, о захвате власти можно говорить в

случае ликвидации неконституционным актом съездов и советов народных депутатов всех уровней. Но ГКЧП не имел таких намерений и им не предпринимались какие-либо действия, направленные на ограничение полномочий, либо роспуск и ликвидацию Советов страны и республик, съездов народных депутатов.

Сохранялись Кабинет Министров СССР, Совет Обороны СССР, все государственные структуры управления.

Документы ГКЧП должны были быть подтверждены (или отклонены) решениями Верховного Совета СССР и Съездом народных депутатов СССР. Открытие сессии Верховного Совета СССР было намечено на 26 августа 1991 года, и именно он должен был определить дату созыва съезда.

19 августа 1991 года Верховный Совет РСФСР назначил созыв своей сессии на 21 августа 1991 года, и никаких препятствий со стороны ГКЧП народным депутатам не чинилось. Власть как таковая в любой ее форме не была целью и объектом наших действий.

Идет третий год после августовских событий. На глазах все страшнее становится народная трагедия, горю людскому не видно конца. За неполных два года на территории Советского Союза в ходе военных конфликтов, в гражданских войнах погибло более 200 тысяч человек, до 700 тысяч раненых, изувеченных, несколько миллионов стали беженцами и изгоями. Повсюду нищета, разруха, рост преступности. Выходит, сидящие здесь на скамье подсудимых оказались правы в своих опасениях за судьбу Родины. И не их вина, а беда в том, что их усилия не увенчались успехом. И все-таки я глубоко верю, что наша борьба была не напрасной.

Хочется верить, что суд по закону и справедливости разберется в этом деле, и истории не придется пересматривать ваше решение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Массово-политическое издание

Крючков Владимир Александрович

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

В 2 частях
Часть 2

Редактор *А. С. Карлин*
Технический редактор *Н. В. Сидорова*
Корректор *О. В. Васильева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.07.96. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс». Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 26,42. Доп. тираж 11 000 экз. Заказ № 558.

Издательство «Олимп». Лицензия ЛР № 07190. 105318, Москва, а/я 103.

ТКО АСТ. Лицензия ЛР № 060519. 103006, Москва, ул. Каретный ряд, 5/10.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034, Минск, ул. В. Хоружей, 21-102.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛВ № 82. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.

Крючков В. А.
К85 Личное дело: В 2 ч. Ч. 2/Худож. В. Крючков.— М.: Олимп; ТКО АСТ, 1996.— 432 с.— (XX век глазами очевидцев).
ISBN 5-7390-0322-9.

Опираясь на тот огромный объем информации, которым автор располагал как председатель КГБ СССР, во второй части своих воспоминаний он рассказывает о горбачевской перестройке, о нелегкой работе органов госбезопасности в этот период, о деятельности спецслужб иностранных держав в нашей стране, анализирует процессы, приведшие к распаду СССР. Несомненный интерес читателя вызовут страницы, посвященные «архитекторам» и «прорабам» перестройки, рассказ о событиях августа 1991 года, о том, что происходило в форосской резиденции Президента СССР, о создании и деятельности ГКЧП и судебном процессе над его членами.

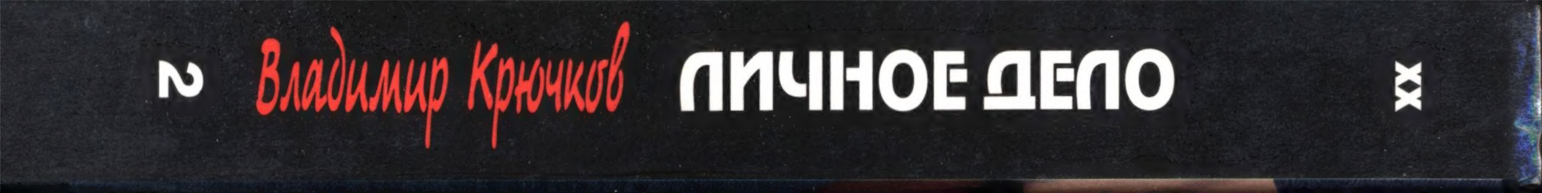
К 3230000000 ББК 66.3(2Рос)

Замысел этой книги и многие ее страницы родились в камере печально известной московской тюрьмы «Матросская тишина», куда бывший председатель Комитета госбезопасности СССР, член Политбюро ЦК КПСС генерал армии В. А. Крючков угодил после августовских событий 1991 года на долгих 17 месяцев — столько времени шло следствие по делу ГКЧП, еще дольше готовился суд над группой высших должностных лиц, попытавшихся предотвратить развал СССР и разрушение государственного строя.

По веской манере изложения, по некоторым недоговоренностям чувствуется порой: автор знает намного больше того, о чем рассказывает. Да и как может быть иначе, если Владимир Александрович Крючков причастен к государственным секретам начиная с середины 50-х годов, с событий в Венгрии, где он впервые попал под начало Ю. В. Андропова.

Можно соглашаться или не соглашаться с трактовкой отдельных событий и характеристиками лиц, с анализом и прогнозами постсоветского развития государственных образований на территории бывшего СССР, с политическими взглядами автора, но не уважать человека, не приемлющего предательство и двурушничество, доказавшего свое бесстрашие и готовность защищать убеждения до самого конца, — не уважать такого человека нельзя.

2
Владимир Крючков
ЛИЧНОЕ ДЕЛО
XX